

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

ТОМ II

2018, Москва

ТОМ II
2018

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ • CONVERSATIONS ABOUT ECONOMY • 经济访谈录

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2018, Москва

Под редакцией С.Д. Бодрунова

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ II

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2018

БЛАГОДАРНОСТИ

редакционный совет,
редакционная коллегия,
научный совет выпуска,
группа выпуска

ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРЯТ

за активное содействие реализации идеи серии «Беседы об экономике»

- Контрольное управление Администрации Президента Российской Федерации,
- Уполномоченного при Президенте России по правам предпринимателей,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовому рынку,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по образованию и науке,
- Министерство промышленности Российской Федерации,
- Комитет по промышленной политике и инновациям Санкт-Петербурга,
- Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
- Отделение общественных наук Российской академии наук,
- Отделение глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук,
- Академию общественных наук Китайской Народной Республики,
- «Российскую газету»,
- телеканал «Общественное телевидение России»,
- телеканал «Санкт-Петербург»,
- радио «Спутник» (РИА Новости),
- телепередачу «Дом "Э"» на телеканале ОТР,
- телепередачу «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург»,
- Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),
- Общероссийскую общественную организацию «Деловая Россия»,
- Международный комитет Вольного экономического общества России,
- Фонд центрально-азиатских исследований Кембриджского университета,
- Государственный Пекинский университет,

а также

за организационное содействие и поддержку в проведении мероприятий Вольного экономического общества России, в рамках которых состоялись беседы Серии,

- Государственный Кремлевский дворец,
- Дом ученых Санкт-Петербурга,
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
- Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
- Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
- Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте.

В форме живого диалога крупнейшие экономисты России обсуждают самые актуальные проблемы. В «Беседах об экономике» собраны наиболее интересные и актуальные дискуссии, прошедшие в ВЭО России. Идеи, анализ и оценки, изложенные в книге, нередко становятся частью различных государственных программ развития. В книге дан глубокий экскурс в историю работы Императорского Вольного экономического общества, приведены мнения видных зарубежных ученых, рекомендованы издания по темам бесед. «Беседы об экономике» — научно-популярное издание для широкого круга эрудированных читателей.

(С) ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С.Ю. ВИТТЕ, 2018

(С) С.Д. БОДРУНОВ, 2018

ISBN 978-5-00020-049-0

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С.Д. БОДРУНОВ

Главный редактор, президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, первый вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

В.С. АВТОНОМОВ

Заведующий кафедрой Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор кафедры экономической методологии и истории, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия).

А.Г. АГАНБЕГЯН

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А.Г. АКСАКОВ

Член Правления ВЭО России, председатель Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков России, к. э. н., доцент (г. Москва, Россия).

А.В. БУЗГАЛИН

Член Правления ВЭО России, директор Института социэкономии Московского финансово-юридического университета, руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д. э. н (г. Москва, Россия).

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, академик РАН, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

М.К. ГОРШКОВ

Член Президиума ВЭО России, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д. ф. н.

(г. Москва, Россия).

Р.С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

В.И. ГРИШИН

Член Президиума ВЭО России, ректор РЭУ им. Г.В. Плеханова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А.А. ГРОМЫКО

Член Президиума ВЭО России, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, д. полит. н. (г. Москва, Россия).

А.А. ДЫНКИН

Вице-президент ВЭО России, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», член

Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Президиума РАН, академик-секретарь отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

В.В. ИВАНТЕР

Действительный член Сената ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

С.В. КАЛАШНИКОВ

Член Президиума ВЭО России, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике, председатель временной комиссии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по мониторингу экономического развития, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А.Н. КЛЕПАЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель председателя правления Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ, к. э. н. (г. Москва, Россия).

И.А. МАКСИМЦЕВ

Ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

А.В. МУРЫЧЕВ

Член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д. э. н., к. ист. н. (г. Москва, Россия).

А.Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Р.И. НИГМАТУЛИН

Директор Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН, вице-президент РАН, академик РАН, д. ф.-м. н., профессор (г. Москва, Россия).

Г.Х. ПОПОВ

Председатель Сената (Совета старейшин) ВЭО России, почетный президент ВЭО России, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

С.Н. РЯБУХИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, д. э. н. (г. Москва, Россия).

Я.П. СИЛИН

Ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д. э. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия).

Д.Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

М.А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

В.М. ЮРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, президент Тамбовской региональной организации ВЭО России, депутат, первый заместитель председателя Тамбовской областной Думы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия).

Ю.В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Совета директоров, научный руководитель ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Е.Г. ЯСИН

Научный руководитель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», директор Экспертного института при Российском союзе промышленников и предпринимателей, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской газеты» (г. Москва, Россия).

А.Н. ПРОКОФЬЕВ

Шеф-редактор журнала «Вольная экономика» (г. Москва, Россия).

А.В. БОБИНА

Руководитель отдела развития и информации ВЭО России, к. техн. н.

С.Д. ВАЛЕНТЕЙ

Начальник Научно-исследовательского объединения, научный руководитель РЭУ им. Г.В. Плеханова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Р.С. ГОЛОВ

Член Президиума ВЭО России, директор Института менеджмента, экономики и социальных технологий Национального исследовательского университета «МАИ», член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Д.Б. ДЖАББОРОВ

Старший научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

А.А. ЗЛОТАРЕВ

Президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, исполнительный директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к. э. н. (г. Санкт-Петербург, Россия).

Н.Б. ЛЕГКАЯ

Генеральный директор компании «Креатив Порт» (г. Москва, Россия).

А.Ю. МАНЮШИС

Член Правления ВЭО России, первый проректор Международного университета в Москве, председатель Экспертного совета ВЭО России, заслуженный работник Высшей школы РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

М.А. РАТНИКОВА

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России (г. Москва, Россия).

В.В. СМАГИНА

Член Президиума ВЭО России, заместитель председателя Тамбовского регионального отделения общественной организации ВЭО России, проректор по корпоративной политике и воспитательной работе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия).

А.Г. ЧИКИРИС

Продюсер телепроекта «Дом "Э"», Общественное телевидение России (ОТР) (г. Москва, Россия).

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ

С.Д. БОДРУНОВ

Главный редактор

Д.Е. СОРОКИН

Главный научный редактор серии «Беседы об экономике»

А.О. АЛЕХНОВИЧ, А.В. БУЗГАЛИН, С.Д. ВАЛЕНТЕЙ, М.В. ЕРШОВ, С.В. КАЛАШНИКОВ, А.Ю. МАНЮШИС, О.Н. СМОЛИН, С.Н. РЯБУХИН, В.Г. РЯЗАНОВ, А.А. ШИРОВ Ю.В. ЯКУТИН

ГРУППА ВЫПУСКА:

Главный редактор — **Сергей Бодрунов**

Арт-директор серии — **Егор Морозов**

Редакционный директор — **Маргарита Ратникова**

Шеф-редактор — **Андрей Прокофьев**

Редактор — **Марианна Маркелова**

Редактор-супервайзер — **Алексей Савин**

Концепт-редакторы — **Галина Никитина, Алексей Орлов**

Переводчик — **Василий Краснопёров**

Дизайнер — **Артём Чистяков**

Препресс — **Тимофей Ковтун**

Фоторедактор — **Вячеслав Кочураев**

Контрольный редактор — **Наталья Медведенко**

Фото — **Сергей Куксин, Михаил Сеницын, Александр Корольков, Аркадий Колыбалов (все — «Российская газета»), фотобанк Shutterstock**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

БЕСЕДА 1 СТР. 21

Капитал для развития человека

Возможно ли в России достичь европейских стандартов в социальной политике?

БЕСЕДА 2 СТР. 45

Как победить бедность

И при каких условиях это возможно в России

БЕСЕДА 3 СТР. 60

Экономика с человеческим лицом

Социальная часть «Стратегии роста»

БЕСЕДА 4 СТР. 84

Инвестиционно-предпринимательский климат РФ

Как вызвать экономическое потепление

БЕСЕДА 5 СТР. 104

Возможно ли победить коррупцию

И что мы для этого не сделали

БЕСЕДА 6 СТР. 120

Доступное и комфортное жильё

Рыночные механизмы решения главного социального вопроса

БЕСЕДА 7 СТР. 140

Культура и экономика

Зачем они нужны друг другу

ЧАСТЬ II

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

БЕСЕДА 1 СТР. 162

«Доживём до понедельника?»

Стоит ли паниковать при проблемах на финансовом рынке

БЕСЕДА 2 СТР. 178

Устойчивый рост и рубль

Полезно ли нашей валюте свободное плавание?

БЕСЕДА 3 СТР. 194

Просто о непредсказуемости налогов

Почему не стоит часто менять правила игры

БЕСЕДА 4 СТР. 210

Золото «крипты»

Криптовалюта и блокчейн в России

БЕСЕДА 5 СТР. 226

Бюджетная и налоговая политика

Как инструмент создания высокопроизводительных рабочих мест в регионах

БЕСЕДА 6 СТР. 258

Развитие страхового рынка в России

Чем страхование поможет экономике

БЕСЕДА 7 СТР. 278

Миф о таргетировании инфляции

Как проценты влияют на жизнь человека?

БЕСЕДА 8 СТР. 300

Умная налоговая система

Проект налоговых изменений, представленный в Координационном клубе ВЭО России

Часть III

РОССИЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

БЕСЕДА 1 СТР. 332

Будущая архитектура мирового порядка

«Многополярность: институты и механизмы согласования национальных интересов»

БЕСЕДА 2 СТР. 352

Разворот на Восток

Поможет ли смена ориентации подтолкнуть экономический рост

БЕСЕДА 3 СТР. 372

Россия и Китай

Партнёры или конкуренты?

БЕСЕДА 4 СТР. 390

Что противопоставить санкциям?

Внутренний ответ на внешние вызовы

БЕСЕДА 5 СТР. 408

Сделано в России

Как российским брендам завоевать рынок

БЕСЕДА 6 СТР. 424

Экономическое неравенство в мире

Роль России в распределении мирового богатства

БЕСЕДА 7 СТР. 442

Выход с периферии капитализма

Взгляд с точки зрения мир-системного подхода

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ СТР. 462

Что ждёт российскую экономику в 2018 году?

TABLE OF CONTENTS

PART I

SOCIAL ECONOMIC POLICY

CONVERSATION 1 P. 21

Capital for human development

Is it possible for Russia to attain European standards in social policy?

CONVERSATION 2 P. 45

Defeating poverty

How to make it possible in Russia

CONVERSATION 3 P. 60

Economy with a human face

Growth strategy: social aspect

CONVERSATION 4 P. 84

Investment and business climate in Russia

How to cause economic warming

CONVERSATION 5 P. 104

Defeating corruption

What we did not do

CONVERSATION 6 P. 120

Affordable and comfortable housing

Market mechanisms for solving the biggest social problem

CONVERSATION 7 P. 140

Culture and economy

Why they need each other

PART II

FINANCIAL SYSTEM

CONVERSATION 1 P. 162

«Will we live until Monday?»

Financial market problems: should we panic?

CONVERSATION 2 P. 178

Sustainable growth and the ruble

Is floating exchange rate good for our currency?

CONVERSATION 3 P. 194

Tax unpredictability explained

Why it is bad to change the rules of the game too often

CONVERSATION 4 P. 210

Crypto gold

Cryptocurrencies and blockchain in Russia

CONVERSATION 5 P. 226

Budget and tax policy

Creating high performance jobs in regions

CONVERSATION 6 P. 258

Insurance market development in Russia

How insurance can help economy

CONVERSATION 7 P. 278

Inflation targeting myth

How interest rates affect people's lives

CONVERSATION 8 P. 300

Smart tax system

Draft tax code changes presented at the Free Economic Society of Russia Coordination club

PART III

DIGITALIZATION

CONVERSATION 1 P. 332

Future world order architecture

Multipolarity: institutions and mechanisms for balancing national interests

CONVERSATION 2 P. 352

Turning East

Will a change in orientation prompt economic growth?

CONVERSATION 3 P. 372

Russia and China

Partners or competitors?

CONVERSATION 4 P. 390

Countering sanctions

Internal answer to external challenges

CONVERSATION 5 P. 408

Made in Russia

Russian brands conquering the marketplace

CONVERSATION 6 P. 424

Global economic inequality

Russia's role in the distribution of global wealth

CONVERSATION 7 P. 442

Exiting capitalist periphery

A world-system approach

IN LIEU OF AFTERWORD P. 462

What's in store for the Russian economy in 2018?

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Разрешите поблагодарить вас за благосклонный приём первого пилотного тома новой серии изданий Вольного экономического общества России «Беседы об экономике». Мы запустили его, чтобы идеи, предложения, размышления, прозвучавшие на разных наших площадках, были собраны в одном издании, менее официальном, чем издаваемые уже более 250 лет «Труды Вольного экономического общества России», куда эти материалы, в силу их «разговорного» жанра, не всегда попадают. А на наш взгляд, поиск истины в споре, дискуссии — не менее, а иногда и более увлекательное дело, чем чтение уже изречённых научных истин, и цикл изданий «Беседы об экономике» позволит не кануть в Лету серьёзной работе, которую мы проводим в этом жанре: это и дискуссии в Координационном клубе, и интервью, и беседы в телевизионных программах и радиоэфирах — собственных проектах

ВЭО России.

Основываясь на опыте нашего партнёра — Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, публикующего стенограммы коллоквиумов, научных дискуссий и «посиделок», получающих большой поток откликов коллег, мы полагаем, что такие живые беседы высококвалифицированных экспертов на актуальные темы могут быть важной формой научного поиска и, что не менее ценно, более доступными для широкого круга читателей.

На наш взгляд, эти «Беседы», которые сейчас — весьма важный (как с точки зрения просветительской, так и с точки зрения практической полезности при оценке различных аспектов нашей экономической реальности и принятии решений) экономический материал, в будущем смогут быть крайне любопытным историческим документом, отражающим эволюцию экономических взглядов и дискуссий в стране и их соотношение с реалиями

развития. Кстати, первый том «Бесед» уже оказался с этой точки зрения знаменательным, поскольку многие мысли, высказанные в беседах, которые в него вошли, отозвались эхом в заявлениях и программах госструктур различных уровней, вплоть до их верхних «этажей». Это свидетельствует как минимум о том, что мы движемся в одном направлении, а единство в ключевых моментах столь многих высококвалифицированных экспертов позволяет надеяться, что это направление — верное.

В новом томе мы учли некоторые замечания (наверняка — не все, поэтому просим читателей делиться своими соображениями, в т. ч. критическими), в первую очередь — расширили исторические приложения, перекликающиеся с темами дискуссий, избранные из дореволюционных «Трудов Императорского Вольного экономического общества». Таким образом мы даем новую жизнь интереснейшим историческим доку-

ментам, которые не публиковались с той поры. Мы также по мере возможности расширяем круг участников наших дебатов, а для успеха в этом направлении — призываем к более активному сотрудничеству с ВЭО России экономическую общественность страны.

Искренне благодарим всех участников бесед — то есть соавторов этой книги.

С надеждой на дальнейшее плодотворное сотрудничество,

**Главный редактор серии
Сергей Бодрунов
и весь редакционный коллектив.**

DEAR READERS!

Allow me to thank you for the flattering reception of the first pilot volume of the new series of publications of the Free Economic Society of Russia Conversations about Economy. We launched it to collect the ideas, proposals, reflections expressed at our different venues under a single cover of an edition that is less formal than the Proceedings of the Free Economic Society of Russia, a publication that has been around for more than 250 years and hasn't always included such materials due to their "conversational" genre. We believe the search for truth in a dispute or discussion is no less, and sometimes even more, fascinating than reading established scientific truths. The Conversations about Economy series will not let the serious work that we have been doing in this genre disappear: from discussions at the Coordination Club to interviews and conversations in television and radio programs to the FES of Russia's own projects.

Based on the experience of our partner organization, the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, that publishes transcripts of colloquia, scientific discussions and "bull sessions" receiving a large stream of responses from our colleagues, we believe that lively conversations among highly qualified experts on relevant topics can be an important form of scientific research and, what's equally valuable, a more accessible format for a wide range of readers.

We believe these Conversations, which currently include economic material that is highly important (in terms of both enlightenment and practical utility in evaluating various aspects of our economic reality and decision-making), can in the future turn into an extremely remarkable historical document reflecting the evolution of the country's economic views and discussions and their correlation with the realities of development. By the way, the first volume of Conversations proved to be significant in this respect because many of the thoughts expressed in the published conversations were echoed in the statements and programs of government agencies at various levels, including the uppermost ones. At the very least, it is evident that we all are moving in one direction, and the unanimity of so many highly qualified experts on key points allows us to hope the direction we are moving in is the right one.

In this new volume we addressed some of the comments (certainly not all of them, so we ask readers to share their thoughts, including critical ones). Firstly, we expanded the historical supplements borrowed from the pre-revolutionary Proceedings of the Imperial Free Economic Society that echoed the topics of the discussions. Thus, we are giving a new life to some interesting historical documents that have not been published since then. We also seek to expand the circle of participants of our debates as much as possible, and in order to succeed in this, we call on the country's economic community for an active cooperation with the Free Economic Society of Russia.

We wish to sincerely thank all the participants of the conversations – the co-authors of this book.

With the hope of further fruitful cooperation,

Sergei Bodrunov
Editor-in-Chief of the series
and the editorial team.

尊敬的读者!

俄罗斯自由经济协会成立至今已有250年的历史,期间出版的《自由经济协会会刊》广受学术界认可。然而时移势易,技术和讨论形式的更新迫在眉睫。

本书将开启《经济访谈录》系列篇章,这是与我们展开的新形式对话,我们希望能在未来的250年中广泛采用这一方式。当然,本书的顺利出版与您的全力支持密不可分,唯有具备资深望重的受访专家、切合时事的热点话题以及深刻现代的事实揭露这三大条件,此类刊物方能问世。

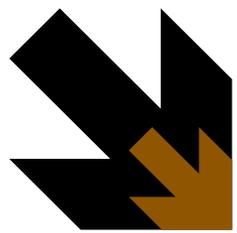
为什么采用访谈形式?在我们看来,一个争议、一场辩论、一次对真理的探求要比阅读既已道出的真相更加扣人心弦。因此我们认为,这些围绕鲜活的时事热点进行的现场访谈或将成为学术探索的重要形式,并被广大读者所欢迎和接受。

此外,访谈形式便于我们集中描述本协会领导下经济团体活动的基本方针。最后,诸如协会内协调俱乐部辩论会、专家建议、媒体采访及对话节目中的内容精髓可通过这一形式得以保留。许多后来被政府、行政和立法机关采纳的提议正是在此类谈话中产生的。

访谈话题多为时事热点,然而许多新话题不过是被人深深遗忘了的旧问题,因此我们尽力在俄罗斯自由经济协会的大量文献遗珍中找到关于100年甚至200年前如何解决同类问题的信息。

为增加访谈录的逻辑性,我们选取了俄罗斯自由经济协会图书馆的相关刊物,收录了国际专家观点以增添海外视角,此外还附有协会专家在访谈之外的众多评论。

在此,谨代表本编辑部向所有参与本书编著的作者表达最衷心的感谢,期待进一步合作,
主编谢尔盖·博德鲁诺夫及编辑部全体同仁

ЧАСТЬ 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

КАПИТАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА
КАК ПОБЕДИТЬ БЕДНОСТЬ?
ЭКОНОМИКА С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ
ИНВЕСТИЦИОННО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ КЛИМАТ
ВОЗМОЖНО ЛИ ПОБЕДИТЬ КОРРУПЦИЮ?
ДОСТУПНОЕ И КОМФОРТНОЕ ЖИЛЬЁ
КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА

КАПИТАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

ВОЗМОЖНО ЛИ В РОССИИ ДОСТИЧЬ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ?

Термин «человеческий капитал» многими российскими учёными воспринимается как нечто чуждое с Запада, слишком людоедски капиталистическое. Нашей стране с большой историей передовой социально-экономической политики ближе — «забота о человеке». Тем не менее для должной заботы о главном ресурсе экономики — человеке — нужны весомые капиталы.

СОБЕСЕДНИКИ

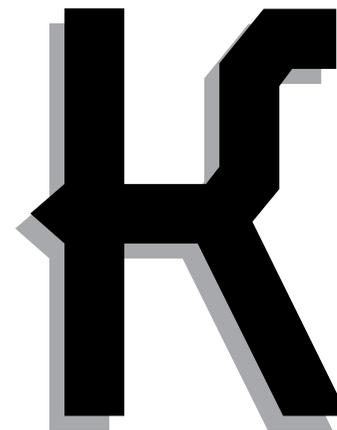
*Роберт Искандерович Нигматулин,
научный руководитель Института океанологии
им. П.П. Ширшова РАН, академик РАН*

*Сергей Юрьевич Малков,
научный руководитель Центра долгосрочного
прогнозирования и стратегического планирования МГУ
им. М.В. Ломоносова, д. т. н., профессор*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Катастрофа 1990-х

Бодрунов: Уважаемые коллеги, сейчас много говорится о необходимости вложения в человека? Даже такой термин применяют — «человеческий капитал», правда, для меня он как-то немножко отдает душком коммерции, да и работорговли, тем не менее термин такой с Запада к нам пришел. Я, конечно, предпочитаю говорить о вложении в человека, и это очень важный фактор экономики. Тем более что экономически активного населения становится меньше. У нас за девять месяцев 2017 года, по имеющейся статистике, оно сократилось значительно. На сотни тысяч человек. Какие решения можно предложить для повышения продолжительности и качества жизни населения?

Нигматулин: Действительно, есть такой термин — «человеческий капитал», но «расходы на развитие человека» мне больше нравится. Это образование, здравоохранение, наука, культура. У нас их доля в ВВП — 10%, в Европе — 25%.

Бодрунов: Достаточно простейшего сравнения.

Нигматулин: Мы говорим, что мы — социальное государство. Я говорю, что мы — далеко не полное социальное государство. И это беда. И, конечно, в ближайшие годы нужно эту цифру подправлять. На здравоохранение мы 3,5% тратим, а Европа — 7%. Образование — 4,5, Европа — минимум 8%. Наука — 1–1,2%, а европейские страны — 3%. Мы сейчас ругаем ученых за то, что нобелевских лауреатов нет. Но подождите, нужно же науку снабжать приборами, привлекать молодежь — это все требует материальных затрат. То же самое и с культурой. А куда эти 15% разницы между нашими вложениями в человека и европейскими деваются?

У нас в 1990 году смертность — это число смертей на тысячу человек в год — была примерно одинаковой с Европой, несмотря на то что у нас и природные условия сложнее, и уровень жизни пониже, тем не менее она была такая. Потом начались реформы, и она подскочила сразу, составила 16,7 — это сверхсмертностью называется.

И вот в 2003 году по инициативе Владимира Владимировича Путина увеличили затраты на здравоохранение в три раза примерно. И сразу смертность упала у нас до 13 человек на тысячу. А в последние годы, несмотря на отсутствие роста затрат на здравоохранение, она составляет 12,5 — это у нас граждане стали меньше потреблять алкоголя и меньше курить.

Бодрунов: Самые простые меры, казалось бы.

Нигматулин: Это серьезное улучшение, конечно, хотя и ноль пять всего. А вообще, если бы у нас сохранилась смертность на уровне 11 человек на тысячу, то мы бы не потеряли 14 миллионов. Российская Федерация за слом социализма заплатила тем, что 14 миллионов человек умерли раньше своего срока. А по Советскому Союзу — эта цифра под 30 миллионов.

Бодрунов: Сравним с потерями во время войны.

Нигматулин: Да, тогда мы 26 потеряли, правда, за четыре года, а тут получилось за 15 лет. Так вот, цифры смертности зависят напрямую от затрат на здравоохранение. Увеличиваются затраты, тут же в течение года реагирует процент смертности: это удивительный, безынерционный такой процесс. Нам нужно довести расходы до пяти с половиной процентов ВВП. А для того чтобы дойти до расходов, как в Европе... Сейчас на каждого человека приходится 25 тысяч рублей в год, если разделить все затраты на здравоохранение. Чтобы довести до 1990 года, нужно поднять эту цифру примерно до 40 тысяч с 25 тысяч. А до европейского уровня — до 50 тысяч. Не так много. За счет чего? Откуда найти эти деньги? Об этом мы, наверное, продолжим.

ДОЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ,
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ,
НАУКИ, КУЛЬТУРЫ В ВВП:
РОССИЯ —
10%,
ЕВРОПА —
25%

Демографическая яма

Бодрунов: Итак, где найти эти деньги? Какие меры можно применить для того, чтобы факторы негативные снять, увеличить продолжительность, качество жизни населения?

Малков: Человеческий капитал — это действительно капитал, и относиться к нему нужно как к капиталу. Есть инвестиции в капитал, и постоянно экономисты говорят, что нужно увеличивать эти инвестиции, для того чтобы экономика работала. То же самое и здесь. У нас, к сожалению, социальные затраты — образование, здравоохранение и другие виды затрат — воспринимаются именно как затраты. На самом деле — это инвестиции, и нужно относиться к ним как к инвестициям, причем инвестициям не просто в развитие, а и в безопасность. Потому что человеческий капитал — это обеспечение безопасности России, тем более в условиях, когда в 90-е годы был демографический провал, демографическая яма так называемая.

Бодрунов: Это естественная послевоенная травма.

Малков: Как раз в результате того, что смертность резко повысилась, а рождаемость резко упала.

Нигматулин: Но в смертности Великая Отечественная война не виновата, в смертности 90-х годов.

Малков: Получилось так, что этот провал 90-х годов совпал и с демографическим эхом Отечественной войны. Поэтому, действительно, поколение 90-х примерно в два раза малочисленнее, чем поколение предыдущего десятилетия.

Бодрунов: У меня есть даже некоторое подозрение, что многие беды с ВВП связаны были в том числе и с тем, что произошла резкая убыль экономически активного населения.

Малков: Безусловно. Поэтому сейчас мы вступаем в очень тяжелый период, потому что в работоспособный возраст входит как раз то поколение, очень малочисленное, и начинает выбывать из детородящего возраста поколение многочисленное, поэтому мы видим такой тревожный звоночек. У нас начинает падать рождаемость, несмотря на то что вроде бы предпринимаются очень серьезные меры экономические — ну, просто матерей становится меньше. И это будет на протяжении по крайней мере 10 лет.

Бодрунов: Да, не заставишь всех рожать двойни.

Малков: Но можно это поколение стимулировать, агитировать, надо создавать им условия для этого. И здесь самое глав-

ное — мотивация. У нас, к сожалению, не создается мотивация для этого.

Так вот, я начал с инвестиций в человека. Это, действительно, должны быть инвестиции в демографию и человеческий капитал, и относиться к ним нужно именно как к инвестициям в безопасность страны. Откуда взять деньги? Сразу отвечаю вам, исходя из этого.

Где взять деньги?

Бодрунов: Это важно.

Малков: Ну мы же находим деньги, чтобы оснащать армию и флот и так далее? Находим, потому что понимаем значимость этого. Неужели мы не поймем, что для нас...

Бодрунов: То есть где-то поджаться и где-то перераспределиться.

Малков: Конечно. Это вопрос к экономическим властям. Можно идти на дефицитный бюджет. Почему нет? Исходя из необходимости вкладывать в людей...

Бодрунов: Я могу поддержать эту мысль, потому что у нас сейчас такая ситуация: с одной стороны, есть необходимость инвестировать в некоторые отрасли промышленности, в новую экономику так называемую, потому что иначе опоздаем. А второе — это налагается на тяжелую демографическую, впереди стоящую перед нами проблему. И если сейчас «стимульнуть», извините за сленг, хотя бы за счет, возможно, целевой какой-то эмиссии, разовой, пусть это вернется через некоторое время некоторой, может быть, инфляцией, но зато мы поддержим те отрасли и решим те экономические задачи, в том числе демографию или новые технологии, которые необходимо именно сейчас поддерживать и решать, потому что потом вливаниями никакими уже можно будет не помочь.

Малков: Совершенно верно.

Нигматулин: Я все-таки считаю, что главный ресурс сейчас — не в эмиссии. Конечно, я согласен, что есть эмиссионные механизмы...

Бодрунов: Я не говорю о широкой эмиссии.

Нигматулин: Вот, в экономической программе Кудрин что говорит? Он говорит: «Давайте на образование и здравоохранение увеличим, соответственно, на 0,9 и 0,7% ВВП за счет сокращения оборонных расходов и на безопасность. Ну что там оборона? Было четыре и два, сейчас стало 3,5% затрат на оборону.

И безопасность там — около четырех: внутренние войска и так далее. В общей сложности — 6–7%. А где 15 разницы? Главный источник не здесь нужно искать, главный источник — хватит веселиться, хватит сверхбогатства. У нас же колоссальные средства уходят на сверхбогатства. Давайте начнем с полпроцента богатых. Ты получаешь больше 25 миллионов рублей в год. Все, что выше, облагается повышенным налогом. Давайте начнем, допустим, с 25%. Это в два раза меньше, чем на Западе. И потом, в экономике вообще никогда нельзя делать резких движений. Нужно двигаться, как мы говорим, квазистатически. Поэтому надо нам источник средств искать не в обороне. Да и на оборону особенно не сократишь расходы, когда такая геополитическая ситуация. Страна вынуждена тратить на это деньги. Можно говорить о мирных инициативах, это все правильно. Но все-таки весь мир, Америка — около 3%...

Бодрунов: Тратит на вооружение?

Нигматулин: Больше даже тратит, да, на вооружение. И на внутреннюю безопасность. Тут куда не денешься. И так, куда деваются эти 15%, которые мы не тратим на людей? Куда? Я лично считаю, что на избыточные накопления и на содержание сверхбогатых людей. И еще раз повторяю, для 99,5% населения плоскую шкалу налога надо сохранить, не надо ее трогать, чтобы мы не заполняли эти декларации, и это правильно. Только на сверхбогатых. В этом, кстати, Европа переусердствовала — там сильная нагрузка на upper middle класс. Не нужно, они тоже покупатели.

Перераспределить сверхбогатства

Бодрунов: Наш небольшой опрос показал негативное отношение к ситуации и в здравоохранении, и в образовании, и причем люди вспоминают, что даже советская система образования была прекрасной, но мы взяли некую другую, чуждую нам. Может быть, в этом одна из проблем — что мы взяли какие-то чуждые технологии, так сказать, в управлении? Может быть, взяли в экономике какие-то модели не те?

Нигматулин: Да, потому что мы хотим все оптимизировать, то есть уменьшить. Вот мы детей учили, студентов учили пять, пять с половиной лет, сейчас норovem большинство за четыре года обучить. Ну, и потом, нет таких стран, чтобы профессор получал в 10 раз меньше, чем депутат парламента.

Бодрунов: Обычно как-то наоборот.

Нигматулин: Я не говорю, что депутатам парламента надо уменьшить зарплату. Нет, не в этом дело. Нужно подумать о про-

**«РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ ЗА СЛОМ
СОЦИАЛИЗМА ЗАПЛАТИЛА
ТЕМ, ЧТО 14 МИЛЛИОНОВ
ЧЕЛОВЕК УМЕРЛИ
РАНЬШЕ СВОЕГО СРОКА»**

«ЕСЛИ С СУММЫ,
ПРЕВЫШАЮЩЕЙ
25 МЛН
РУБЛЕЙ В ГОД, БРАТЬ
НАЛОГ НЕ
13,
А 25%, ВЫХОДИТ
ПРИМЕРНО 1,5 ТРИЛЛИОНА
РУБЛЕЙ
ДОПОЛНИТЕЛЬНО»

фессорах, учителях, врачах. Я абсолютно согласен с тем, что уровень здравоохранения... На своем опыте — вроде бы я уже академик и пользуюсь какими-то привилегиями, но я чувствую, что по сравнению с тем временем, когда я был молодым профессором, здравоохранение, конечно, сильно сдало, хотя среди наших врачей, специалистов выдающиеся люди есть. Но нельзя врачей держать на такой низкой заработной плате, нельзя. 15%, которых нам не хватает на социальную сферу, уходит в сверхбогатство — на увеселения и т. д. Это надо выравнивать, без этого мы не достигнем роста экономики, потому что, укрепляя средний класс, мы повышаем покупательную способность. А это движущая сила экономики. Вот пока власти и народ наш не поймет главную проблему — что должен быть передел доходов, так же, как народ и власть не в XIX веке не поняли необходимость передела земли, мы будем все время жаловаться.

Бодрунов: Сергей Юрьевич, нельзя сказать, что Роберт Искандерович предлагает отобрать и поделить — он предлагает более справедливо распределять через налоговую систему.

Нигматулин: Прежде чем увеличивать рост экономики, нужно правильно распределять уже имеющееся. Вот был такой призыв от либеральной части общества: «Нужно сначала произвести, потом перераспределять». Нет, пока не перераспределим, не будет роста экономики.

Бодрунов: Пока не установим, каким образом распределять... Сергей Юрьевич, а каково ваше мнение?

Малков: Мне очень понравилась мысль Роберта Искандеровича. Я представляю, как ее можно реализовать. У нас, действительно, сейчас плоская шкала налогообложения. Я, откровенно говоря, не понимаю почему. Я не очень понимаю, почему так упорно наши власти держатся за это, но примем это как факт.

Нигматулин: Подождите. Это делается потому, что власть на стороне богатейшего слоя. Вот и все, классовый интерес.

Малков: Я предлагаю сделать следующее: если уж есть такое табу на введение прогрессивной шкалы, не вводить ее, но ввести специальный налог на богатых для того, чтобы деньги, которые будут с них собираться, целевым образом шли на повышение человеческого капитала — на рождаемость, образование и здравоохранение. Именно таким образом. Не просто в общую копилку, а именно на это. И пусть они попробуют от этого дела отказаться.

Бодрунов: То есть такой целевой взнос на развитие человека.

Малков: Совершенно верно.

Бодрунов: Я слышал другой аргумент: хорошо, обложим богатых налогами, это составит ноль целых ноль десятых от всей налоговой массы. Ну и что нам это даст?

Нигматулин: Я подсчитал.

Бодрунов: Вы подсчитали? Так, и...

Нигматулин: Я могу сказать эту цифру. Если с суммы более чем 25 миллионов рублей в год брать 25%, а с того, что до, — 13, то выходит примерно полтора триллиона рублей, по самым скромным подсчетам.

Бодрунов: Ну, это внушительная цифра.

Нигматулин: У нас весь государственный бюджет собирает 13 триллионов рублей, так что вот вам, пожалуйста, первый шаг в увеличение человеческого капитала.

Бодрунов: Те самые несколько процентов.

Малков: Именно в человеческий капитал, целевым образом в человеческий капитал. Это справедливо.

Нигматулин: Причем плоская шкала сохраняется на 99,5%.

Бодрунов: Я думаю, что у нас такая история уже когда-то была в свое время, когда очень большие были налоги...

Нигматулин: Ну да, была у нас так называемая прогрессивная шкала, но то, что я предлагаю, я даже не могу назвать прогрессивной шкалой, потому что она почти для всех — плоская.

Бодрунов: А когда была у нас такая шкала, как вы говорите, прогрессивная — я не могу сказать, что она очень была прогрессивная, она была, скорее, регрессивная для нашей экономики в тот момент, потому что дыр было много, и те, кто имеет деньги, имеет возможность заплатить и за то, чтобы свои налоги, так сказать, упрятать.

Нигматулин: Совершенно верно.

Бодрунов: Соответственно, именно поэтому было принято решение о плоской шкале, дабы поменьше уводили, потому что когда стоимость увода равна примерно стоимости налога, то какой смысл уводить? Тогда пусть лучше деньги работают в экономике и приносят доход, потому что рубль, вложенный

в экономику, он всегда в нормальной экономике приносит некоторое количество копеек дополнительных. А в нашей экономике бывало, что рубль вложишь — остаются копейки. Вы считаете, что такой момент уже наступил? Мы введем такую вот жесткую шкалу и все проблемы решим? А как в нашей жизни это получится? Получится ли?

Нигматулин: Здесь очень важно следующее. Всегда в ответ на подобные предложения говорят, что дополнительные деньги не будут обеспечены товарами.

Бодрунов: Точно так же не обеспечены действиями, мероприятиями, чем-то еще.

Нигматулин: Ну, я могу взять, раздать, а товаров-то мы не произвели больше. Поэтому параллельно нужно делать второй шаг — изменять соотношение цен. Не в приказном порядке. Но государство обладает возможностями стимулировать. А это что значит? Нужно сокращать цены на топливно-энергетические ресурсы — они у нас завышены. У нас по паритету покупательной способности самый дорогой бензин, самое

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«АНАЛИЗ И МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРОВОЙ И СТРАНОВОЙ ДИНАМИКИ»
В.А. Садовничий,
А.А. Акаев и др.

В книге анализируются, кроме прочего, и проблемы миграции, движения населения, его динамики. Прогноз, который дается, очень важен для экономистов, которые работают над моделями экономического роста и экономического развития.

дорогое электричество, хотя Правительство говорит: «У нас оно самое дешевое». По обменному банковскому курсу — да, но мы-то платим по паритету покупательной способности. Мы же рублями это платим. Это нужно снижать, шаг за шагом, рыночными методами. И второе: увеличивать цены на народные товары. То есть вот эти деньги, которые я отдаю народу простому, должны идти на финансирование народных товаров: хлеб, молоко, транспорт... Во всем мире килограмм хлеба по цене равен примерно пяти литрам бензина. А у нас килограмм — это цена литра, двух литров. Получается, тот, кто топливо, энергию производит, он перефинансирован, а производитель товаров — недофинансирован. Действительно, если мы раздадим деньги — это бесполезно, товаров-то нет, поэтому должно происходить балансирование экономики. Вот это никак не поймет ни научная общественность, которая этим занимается, ни Правительство и управляющие кадры.

Проблема управления

Бодрунов: Есть еще же и третья проблема, о которой иногда говорит Сергей Юрьевич Глазьев. По его словам, у нас столько каналов оттока денег... Мы дали, допустим, какую-то сумму в социальную сферу, но мы не можем каждому человеку дать по рублю, верно? Значит, существуют некие структуры, которые этими рублями начинают заведовать. Через некоторое время появляются посредники, появляются компании, которые что-то обеспечивают. Львиная доля денег попадает в руки этих компаний, а вовсе не тому человеку, который этот рубль должен

получить. То есть этот механизм тоже надо совершенствовать, наверное?

Нигматулин: Конечно-конечно.

Бодрунов: Потому что иначе у нас растечется опять все.

Нигматулин: В частности, вот Глазьева все время тоже упрекают в том, что он говорит: «Нужно выпускать целевые деньги». Для финансирования соответствующих специальных целей — для строительства предприятий, заводов и так далее. Звучит вроде бы справедливый упрек: хорошо, люди, которые создают эти предприятия, получают зарплату, но товаров нет. Да, конечно, балансирование экономики, оно сложное, но без этого мы не поднимем экономику. Ведь это же тоже нужно понимать.

Бодрунов: Возникает естественная проблема: нужно регулировать и нужно управлять. Чтобы регулировать и управлять, должны быть квалифицированные управленцы и хорошая регуляторная база.

Нигматулин: А для этого управленцы должны быть сменяемы. Нельзя держать 20 лет одних и тех же управленцев!

Бодрунов: На кого? На кого?

Нигматулин: Ну, есть соответствующий демократический процесс.

Бодрунов: Вот это вопрос, да. Я думаю, что это один из факторов, почему не поднимается шкала налогообложения. Я, конечно, за то, чтобы увеличивать вложения в человека. Я, безусловно, за то, чтобы решать социальные вопросы. Но мы спорим, в общем-то, о чем? О методах. Не так давно я участвовал в съезде РСПП. Выступал президент, сказал, что мы должны социальные программы дофинансировать, мы должны их продолжать, сколько возможно. В то же время, по словам президента, надо решать и вопросы бизнеса, дать ему возможность комфортно себя чувствовать в России. И тут начинаются вопросы: санкции, списки разные, люди некомфортно себя чувствуют за рубежом. В тех местах укрытия капиталов, в которые уходили из России, потому что здесь плохое законодательство, там тоже сталкиваются с проблемами отъема собственности, и так далее и тому подобное. Теперь надо эти кубышки заставить работать на Россию. Создадим здесь условия: вот вам амнистия капитала, а вот вам западные санкции, и вы уже здесь. Мне кажется, в речи президента была заложена очень важная мысль: если сейчас начинать людям, которые привозят капитал в Россию, резко поднимать ставки, скорее всего, они столкнутся с дилеммой — оставаться там или вернуться сюда. Второй вопрос: вер-

нулись сюда, а здесь бесконечные судебные процессы, там украли, это увезли, не так решили. В результате мы можем не достичь той самой цели.

А вот если создать нормальные условия для бизнеса здесь, чтобы здесь было интересно, чтобы работала защита капитала, чтобы эти средства могли работать на Россию и невыгодно было работать за рубежом. Чтобы было у нас выгоднее — значит, налоги не должны быть высокие слишком. Да, я согласен, что можно в чем-то и поднимать налоги: может быть, корпоративные налоги пересмотреть, на личное богатство, может быть, еще какие-то так, чтобы люди использовали корпоративные механизмы. Я знаю такие страны, где личное богатство — небольшое, а компании работают на владельца так, что будь здоров!

Мне кажется, увеличение денег в экономике позволит решать многие вопросы даже без большого принципиального увеличения налогов. А если мы начнем сейчас с этих мер, то я, при всем уважении, Роберт Искандерович, к вашему мнению, считаю, что все-таки очень важно соблюсти вот эту тонкую грань между тем, что мы хотим улучшить жизнь населения, а это очень важно, потому что у нас, действительно, демографическая яма, и тем, что нам нужны деньги. Это может быть либо эмиссия целевая, либо налоговые изменения, либо привлечение своего же капитала из-за рубежа в Россию. Я сторонник комплексного подхода. Но комплекс, он и предполагает, что нужно учесть интересы каждой стороны.

Нигматулин: Да, на бизнес налоги сокращать, если он вкладывает деньги, открывает производства, а на личные сверхдоходы — повышать. И второе, конечно, мы дали деньги и провели приватизации не для того, чтобы эти люди свободно вывозили деньги и содержали футбольные команды за границей. Это вообще безобразие полное. А вот на бизнес нужно, на открытие рабочих мест нужно давать всяческие преференции.

Малков: Я хотел бы обратить внимание на следующий вопрос. Сейчас говорится о деньгах, о привлечении капиталов и так далее, но я считаю, что в наших условиях — не это главное. В наших условиях главное — мотивация. Наша страна, к сожалению, находится в сырьевой ловушке, и преференции, действительно, даны сырьевым отраслям, а не производственным. Нужно резко менять мотивацию бизнеса в сторону перехода от сырьевых доходов к производственным.

Бодрунов: Ну, это структурная проблема, которую надо решать.

Малков: Совершенно верно. Сами они это сделать не смогут.

«Укрепляя средний класс, мы повышаем покупательную способность, а это — движущая сила экономики»

Бодрунов: Безусловно.

Малков: Поэтому здесь решающая роль — у государства. Нужны мегапроекты, то есть государство должно поддерживать мегапроекты...

Бодрунов: Мегапроекты и мегаакценты, я бы сказал.

Малков: И преференции — для того чтобы бизнес был заинтересован во вложении своих средств именно в производственные задачи...

Бодрунов: И в России, в России, в России.

Малков: В России, конечно. Безусловно, в России. У нас единственная, пожалуй, страна, которая обладает потрясающим совершенно преимуществом по отношению к другим развитым странам. У нас очень много неосвоенных пространств. Это Сибирь, Дальний Восток, Урал...

Бодрунов: Есть над чем работать, да.

Малков: И под мегапроекты по освоению богатств и освоению вот этих вот огромных пространств потянутся и зарубежные технологии, и специалисты.

Бодрунов: Вот вопрос здесь сразу возникает: где специалисты? Население в этих районах может увеличиться за счет притока рабочей силы.

Малков: Тогда сразу появится и спрос на человеческий капитал, появится и спрос на образование. Сейчас у нас проблемы с образованием не потому, что преподаватели нехорошие, а потому что спроса на образованных нет. У нас те, кто получает хорошее образование и чего-то достигает, уезжают на Запад, потому что здесь нет задач, которые было бы интересно решать и за которые платили бы серьезные деньги. Поэтому вопрос с человеческим капиталом — это вопрос государственной политики, как будет организовано видение будущего. У нас сейчас нет видения будущего, оно не сформулировано.

Бодрунов: Это очень важная проблема, она поднималась и на упоминавшемся мною съезде РСПП, и у нас в Вольном экономическом обществе неоднократно обсуждалась. У нас было Всероссийское экономическое собрание, где мы как раз говорили о том, что начнется новый цикл, условно скажем, электро-ральный, и с ним начнется новый, может быть, экономический цикл. Но мы должны подумать о том, какие цели, главные цели, должны быть поставлены. И под эти цели сформировать, переформировать, переформатировать институты, если необходимо

это. Может быть, на это уйдет год, полтора, два, но — переформатировать. Эти цели не должны быть на один электоральный цикл, цели должны быть долгосрочные.

Малков: Стратегического планирования у нас сейчас фактически нет. Мы решаем краткосрочные задачи по принципу тришкиного кафтана. К сожалению, это так.

Бодрунов: Допустим, начнем мы какой-то мегапроект, в Сибири, например. Необходимы будут десятки тысяч людей. Где их взять? Нужен приток рабочей силы из-за рубежа. Откуда?

Малков: Ну, во-первых, у нас есть определенные резервы — Средняя Азия, которая периодически нас снабжает.

Нигматулин: Вообще это беда, если мы начинаем уже рассчитывать на китайцев и на Среднюю Азию. Опираемся на свой народ нужно. А для этого народ нужно уважать. Вот мы сейчас ругаем Европу, а обеспеченность новыми лекарствами, новыми операциями шунтирования, КРТ, замены суставов у нас в пять раз меньше, чем у новых стран Европы — Польши, Чехии, Прибалтики. Вот в каком состоянии у нас народ находится. А мы все рассчитываем на низкоквалифицированную рабочую силу. У нас есть квалифицированная сила, хотя она, конечно, сильно ослабла. Давайте рассчитывать на народ, давайте не будем на китайцев и...

Малков: Я имею в виду как раз ту работу, которая действительно не требует высокой квалификации, а специалистов высокой квалификации мы должны готовить у себя. И ориентировать нашу систему образования именно на подготовку высококвалифицированных специалистов, которые на основе технологий шестого экономического уклада осваивали бы вот эти бескрайние просторы, которые с помощью пятого уклада не могут быть освоены. Почему у нас до сих пор не освоены они? Потому что у нас нет умных домов, у нас нет соответствующей инфраструктуры.

Нигматулин: Самая главная теорема экономики, Леонид Иванович Абалкин говорил: единственный двигатель экономики — покупательский спрос. Зачем нам рост экономики, если вы ничего не купите?

Малков: Ну, если будут высокие зарплаты, будет спрос.

Где взять кадры?

Нигматулин: Половина трудящихся получает зарплату менее 20 тысяч рублей. Им не нужен рост экономики — они все равно ничего не купят. Вот это главное, что нужно иметь в виду. Двигатель надо запустить. А Вы все какие-то мечты, проекты... Будут и проекты.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«ДЕМОГРАФИЯ
И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ
В РОССИИ И ЗА РУБЕ-
ЖОМ»
А.Г. Аганбегян

Академик Аганбегян не раз писал и говорил, в том числе на собраниях ВЭО России, о том, что социальная политика, решение демографических проблем должны встать во главу угла экономического развития России. По мнению Аганбегяна, именно в этом — конечная цель и роста ВВП, и других показателей.

Малков: Если будут проекты, под них будут рабочие, которые будут их реализовывать, им будут платить большие зарплаты, они будут обеспечивать спрос.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, у меня есть третье мнение. Мы говорим о том, что должны быть рабочие, что надо взять откуда-то рабочую силу. Значит, надо не допускать эмиграции за рубеж. Роберт Искандерович, я два-три года назад вел одну из передач телевизионных, где речь шла о том, что Россия отстала во внедрении промышленных

роботов. Тогда было в стране около двух тысяч роботов. Говорилось, что это маленькая цифра. Сейчас уже говорят о десяти тысячах роботов. В Японии их уже сотни тысяч. Мне кажется, мы забываем о том, что демографический фактор — это, конечно, рождаемость и убыль населения. Но в этот процесс вмешиваются со страшной силой роботы, которые заменят человека: на самых трудоемких операциях; на требующих особого внимания, сосредоточенности работах; на вредных производствах, производствах с экстремальными условиями труда — жизнь одного шахтера дороже в тысячи раз, чем десяток роботов.

Малков: Да, конечно, я об этом и говорю — те пространства, которые у нас фактически сейчас не освоены, на основе пятого технологического уклада и не могли быть освоены. А на основе шестого, с помощью робототехники, могут быть. И это должно быть знаменем экономическим, которое нужно поднять.

Бодрунов: Мне кажется, это будет еще и очень серьезный вклад в разрешение нашей демографической проблемы. Почему я начал свой разговор с того, что мы не должны забывать, что у нас одна есть проблема — научно-технический прогресс, который нам необходимо резко профинансировать сейчас, усилить, и, я бы сказал, не только деньгами профинансировать, но всю экономику, все наше сознание направить на то, что это — важнейшая задача, которая, в свою очередь, разрешает многие проблемы, в том числе и ту, о которой мы сегодня говорим, — проблему нехватки населения и особенно трудовых ресурсов в самых сложных областях, а далее — проблему как раз повышения уровня жизни населения, качества его жизни. Потому что для этого надо вкладываться в образование, надо, чтобы работники были интеллектуально на хорошем уровне. Значит, они должны быть здоровы как минимум, они должны иметь хорошие, нормальные, ясные цели в жизни. А они по-другому говорят: «Счастье, говорят, не в деньгах, а в их количестве». Я не согласен. Счастье, оно отдельно, само по себе, правда? И надо людей пытаться делать счастливыми.

Малков: Счастье — это когда тебя понимают.

Алексей Андреевич Савин,
заместитель главного редактора «Российской газеты»

Андрей Николаевич Клепач,
заместитель председателя Внешэкономбанка, член правления ВЭО России

Виктор Викторович Ивантер,
директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, действительный член сената ВЭО России, академик РАН

В развитие темы

Деньги на вырост

Экономисты предложили вернуться к опережающей индексации пенсий и зарплат бюджетников

Что будет источником роста для нашей экономики? Как не допустить технологического отставания России? Неизбежно ли повышение пенсионного возраста? За круглым столом в «Российской газете» собрались ведущие экономисты, эксперты Вольного экономического общества России, чтобы ответить на эти вопросы.

Хватит с нас реформ

Савин: В последние два года остановлен экономический спад, стабилизирована инфляция, нормализован валютный рынок. А чего еще не хватает экономике для роста?

Клепач: Стагнация поселилась в головах. Надо, чтобы там поселилась уверенность и готовность рисковать, создавать новый бизнес, наращивать объемы производства, внедрять новую продукцию. Тогда предприятия станут инвестировать, население начнет тратить деньги, это было бы важным импульсом для роста экономики.

Несмотря на очень большое падение доходов населения — почти на 13% за два года в реальном выражении, норма сбережения выросла. Сейчас люди видят свет в конце тоннеля, но неизвестно, когда из этого тоннеля можно выйти, поэтому они сберегают, а не тратят.

У предприятий тоже деньги есть. Девальвация привела к существенному повышению прибыли, это проявляется и в том, что остатки на счетах компаний превысили депозиты населения, чего не было давным-давно. Тем не менее они не инвестируют эти средства, рост инвестиций в основном идет только в нефтегазовом комплексе. То есть на самом деле пока спад не преодолен.

Ивантер: Реформировать на самом деле ничего не надо, при слове «реформа» народ вздрагивает — сейчас что-нибудь отберут.

Надо тиражировать достигнутые успехи. Они есть в сельском хозяйстве, металлургии, химии, фармацевтике, IT-технологиях, ОПК. Там государство внятно действовало, методы применялись известные и понятные. Почему нельзя их использовать

в других секторах?! Мы можем начать экономический рост, нет оснований посыпать голову пеплом.

Надо отказаться от наивного представления, что если мы начнем выпускать какую-то продукцию, которая будет дешевле и по качеству не хуже, чем у конкурентов, то нам освободят нишу на мировом рынке. Фантазии дурацкие. За это надо бороться.

Савин: Какие возможности открывает переход инфляции к рекордным 4%?

Скиндаров: Одной устойчиво низкой инфляции мало, без смягчения денежно-кредитной политики у нас ничего не получится. Сегодня доступность кредита (отношение выданных кредитов к ВВП) в России составляет 44%, в Китае — 173, в Южной Корее — 103, в Индии — 77%. Это говорит о том, что предприятиям тяжело получить дешевые кредиты. А без них развиваться невозможно. Вторая причина — низкий уровень монетизации (обеспеченности деньгами) экономики.

Еще важный фактор, который мог бы поддержать экономику, — ускоренная амортизация. Ее сегодня нет, нет фонда соответствующего, нет программы. А в той ситуации, в которой оказалась Россия, нам надо делать в два раза больше, чем тем странам, которые нас окружают. Это важно еще и потому, что китайцы, индусы, иные страны не могут понять, куда собирается Россия идти, какими темпами, серьезные мы партнеры или нет.

Мухадин Абдурахманович Эскиндаров,
ректор Финансового университета при Правительстве РФ, вице-президент ВЭО России

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор

Не отставай!

Савин: В последнее время много говорится об опасности технологического отставания России. Что делать, чтобы его не допустить?

Бодрунов: Мы живем в эпоху новой индустриальной революции, перехода к новому технологическому укладу, когда знания становятся основной компонентой продукта. И технологическая граница, которая определяет передовые достижения, экономику следующего этапа, движется дальше все быстрее и быстрее.

Большой шаг вперед, что с этим уже никто не спорит. Всем уже понятно, что надо скорее наверстывать то, что было упущено. Осталось выбрать приоритеты и найти источники финансирования. Мы должны понимать, что быстрое развитие на всех направлениях просто невозможно, нельзя хвататься за все сразу.

Многие предприниматели вкладываются в те сектора, где через 10–15 лет можно ожидать очень серьезных прорывов. На мой взгляд, при участии РАН государству надо четко выделить эти сектора в качестве приоритетов, поддержать работу частных инвесторов там. Ведь они будут базой новой экономики. Среди них, конечно, должен быть транспорт, потому что нам надо «стягивать», связывать наши огромные пространства.

Савин: Каковы основные источники роста новой экономики?

Клепач: У нас есть существенный потенциал роста в базовых отраслях. Нефтегазовый комплекс подавляющую часть оборудования, программного обеспечения импортирует из-за рубежа, от остальной структуры экономики он сильно оторван. Это первое, что надо изменить.

То же самое в сельском хозяйстве: показатели обеспеченности отечественными продуктами у нас рекордные, но по племенному скоту, семенам, средствам защиты растений зависимость от импорта крайне высокая. Очень много таких цепочек, которые у нас обрываются в самом начале. И их надо создать, это, может быть, самый серьезный вызов.

По добыче нефти у нас 10–11% мирового производства, а по химии около двух. У этой отрасли потенциал в четыре-пять раз больше, возможности для рывка огромны и для внутреннего рынка, и для экспорта.

Очень важно не только ориентироваться на технологии, которые дадут эффект через 15–20 лет, а все-таки кардинально переломить ситуацию с технологическим развитием в ближайшие 3–5 лет. Здесь есть заделы в медицине, биотехнологиях, фарминдустрии, начался рост в станкостроении.

Ивантер: Спрос на инновации возникает только тогда, когда есть инвестиции. Но в стоячую экономику психически здоровые люди не вкладываются. И здесь на помощь должно прийти государство, разделить с инвесторами риски. Давайте меньше государства, нам говорят. Я не против, но чем его заменить?

Клепач: На самом деле нормально работающей системы поддержки технологических отраслей мы так и не создали. Есть много стартапов на начальной стадии, но как только нужно масштабировать их, то оказывается, что венчурные фонды мизерные.

Более того, практика показывает, что половину должны вложить сами инженеры и ученые, которые стартапы запускают. Это практически невозможно. Банки это не кредитуют, потому что стартапу заложить нечего.

Государство обязало крупные госкомпании реализовывать программы инновационного развития, но это не привело к серьезному перелому с финансированием НИОКР. А это серьезный рычаг. Если бы удалось скоординировать усилия этих компаний, бизнеса, докапитализировать институты развития, перестать экономить на Академии наук, финансирование которой только в этом году сокращено на 30%, вот тогда бы у нас получился рывок.

Свои сандалии не жмут

Бодрунов: В прорывных направлениях может работать ограниченное число людей, у которых есть талант, знания, способность все время двигаться вперед. Но основная часть населения должна добывать хлеб насущный в «экономике простых вещей», которую мы практически потеряли. Ее тоже нельзя терять из виду. Почему мы обязательно должны детские сандалии покупать в Китае?

Савин: Покажите только, где на все это взять денег?

Эскиндаров: Вместо того чтобы покупать ценные бумаги США, надо сверхдоходы от продажи нефти направлять на инвестиции в основной капитал.

Когда рассуждают, где взять денег, часто говорят про оборонно-промышленный комплекс. Но сегодня ОПК — это одна из отраслей, которая способна на инновации, внедрение новых разработок, в том числе имеющих гражданские приложения.

Савин: Нефтегазовый сектор останется базой для экономического роста?

Ивантер: Есть такая версия, что новая жизнь заключается в том, что мы прекращаем заниматься дурацким делом — вывозить нефть и газ. Будем поголовно писать и продавать компьютерные программы и этим жить. Но вообще-то только сумасшедший может отказаться от использования сырьевого преимущества. Не надо путать сырьевую модель с теми возможностями, которые этот ресурс представляет для того, чтобы развивать нашу экономику дальше.

Наша страна единственная из высокоразвитых, кто полностью обеспечен топливно-энергетическими ресурсами. ТЭК обеспечит страну энергией при любом темпе экономического роста.

Безусловно, что на ближайшее время именно ТЭК, а не зерновые хозяйства или автопром, будет основным добытчиком денег для бюджета. Я не вижу в этом ничего плохого. Да, цены на нефть и газ волатильны, но это, по крайней мере, то, что покупают всегда. вспомните, в 2009 году или недавно, когда резко упали нефтяные цены, у нас безработица практически не увеличилась. А если бы мы специализировались на экспорте не сырья, а автомобилей, полстраны бы не работало. ТЭК предъявляет колоссальный спрос на высокие технологии. Такой же спрос предъявляет только оборонка, но ОПК — это спрос бюджетный, а ТЭК — коммерческий.

Дефицит пенсионной системы будет снижаться

Савин: Нужна ли ускоренная индексация пенсий и зарплат бюджетников, чтобы оживить спрос и скорее преодолеть тот провал в доходах, который случился в кризис? Или это только раскрутит инфляцию и обернется против самих же бюджетников?

Клепач: Реальные доходы бюджетников «провалились» гораздо глубже, чем по экономике в целом. Бюджетный сектор — это 14 миллионов человек из 72 миллионов занятых, это очень большая часть. Индексация только по инфляции, что сейчас будет заложено, по-видимому, в бюджет, означает стагнацию в реальном выражении. Индексация должна быть опережающей, каких-то инфляционных рисков я в связи с этим не вижу.

Это вопрос не только спроса, но и инвестиций в человеческий капитал, во врачей, учителей, ученых, военнослужащих. Если ничего не делать, то мы почти полностью перечеркнем реформу денежного довольствия 2012 года, не выполним майские указы Президента по целой шкале приоритетов по зарплатам ученых, врачей, преподавателей. Если мы хотим, чтобы люди оставались в России, вкладывали здесь свои мозги, они должны здесь зарабатывать. В институтах РАН 80% доходов — внебюджетные, гарантированные государством оклады мизерные. Оклад доцента в Москве — 20 тысяч, это при средней зарплате в 50.

И надо, по-видимому, отказаться от жесткой привязки зарплат по майским указам к средней по региону, потому что иначе мы получаем в Ивановской или Кировской области зарплату учителя или врача 20 тысяч рублей, а тут же рядом Татарстан, где зарплаты в полтора раза выше.

Савин: Сможет ли система индивидуального пенсионного капитала полноценно заменить нынешнюю накопительную компоненту, которая с 2013 года остается замороженной? Пенсионные накопления превратятся в «длинные деньги»?

Ивантер: Сейчас это выглядит как фантазия, ритуальные заклинания. Чтобы пенсионные накопления стали значимым ресурсом для экономики, пенсии должны вырасти в три-четыре раза. А для этого должны быть высокие зарплаты. То есть на успешную пенсионную реформу сначала надо заработать деньги, деньги же может дать только экономический рост, других вариантов нет.

Эскиндаров: Сильно сомневаюсь, что в ближайшее время у нас будет сформирован рынок «длинных денег». На Западе его источниками являются средства пенсионных фондов и страховых компаний, но у нас пенсионные фонды не развиваются по понятным причинам, а страховой рынок абсолютно не развит.

Клепач: Люди отложили больше трех триллионов рублей в накопительную систему, и она может развиваться, если создать механизмы софинансирования со стороны компаний, подумать, какие налоговые стимулы можно дать для развития корпоративных пенсий.

Все это есть, но оно очень дорогое сейчас, потому что риски вложения в нашу экономику достаточно большие. Чтобы кардинально изменить ситуацию, государство должно гарантировать не только сохранность накоплений, но и некоторый доход с них.

Даже при таких низких пенсиях, как мы имеем, на социальные выплаты, главным образом на трансферт Пенсионному фонду из бюджета, идет больше 10% ВВП. Если мы хотим сманеврировать в пользу образования и здравоохранения, то здесь главный ресурс не силовой блок (расходы на него тоже на пике, но точно будут снижаться), а уменьшение дефицита пенсионной системы. Иначе мы будем иметь стабильный дефицит бюджета в два-три процента ВВП даже при растущих ценах на нефть.

Савин: Значит, повышение пенсионного возраста все-таки неизбежно?

Клепач: Я считаю, что неизбежно. По разным оценкам от 70 до 80% людей продолжают работать после выхода на пенсию. Во-первых, на пенсию не проживешь, во-вторых, люди хотят и могут еще работать, и это еще и вопрос социализации — психологически трудно остаться сразу без работы.

И еще. Поскольку мы не сможем сразу всем пенсионерам обеспечить высокий уровень жизни, я бы поднял вопрос о дифференциации пенсий. У нас беда в том, что полицейские, офицеры, выходя на пенсию, становятся социально незащищенными.

Чиновник, у которого средняя зарплата выше, чем по стране, выходя на пенсию, не должен получать крайне небольшие деньги, при том что это человек с большими знаниями, опытом, чья служба государству была связана с очень серьезными ограничениями.

SPENDING ON HUMAN DEVELOPMENT

The term “human capital” is perceived by many a Russian scholar as something alien, borrowed from the West, too cannibalistic and capitalist-sounding. Our country, with its long history of advanced socio-economic programs, it is more customary to “care for the little man.” Yet to ensure a proper care for the people who are the main resource of the economy you need a lot of money. The topic is discussed by:

Panelists:

Robert Iskanderovich Nigmatulin,
Chief of Research at the P.P.Shirshov Institute of Oceanology,
the Russian Academy of Sciences, Academician of the
Russian Academy of Sciences

Sergey Yurievich Malkov,
Chief of Research at the Center for Long-Range Forecasting
and Strategic Planning of the M.V. Lomonosov Moscow State
University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
President of the FES of Russia,
Director of S.Yu. Witte INID

According to Academician Nigmatulin, Russia, contrary to what the Constitution says, is not a fully social state by far. We spend three and a half percent on health care, while Europe spends seven. We spend four and a half percent on education, while Europe spends at least eight percent. One, one point two percent on science, with European countries spending three percent. And where does this fifteen percent difference between our and European investments in people go?

If you divide all the money we spend on health care by the number of the population every person will get twenty-five thousand rubles a year. To achieve the 1990 level you need to bring this figure up from twenty-five thousand to about forty thousand. And to raise it to the European level you'll need to bring it up to fifty thousand.

Professor Malkov believes that social spending - education, health, etc. - should be treated not as expense but as investment – investment in development and security.

Professor Bodrunov notes that on the one hand, Russia needs investments in certain industries, in new economy, and the problems associated with underdevelopment combine with the poor

demographic situation. It is important to stimulate demographic growth, because soon no amount of investment will help.

Academician Nigmatulin believes that taxing the super-rich can provide a major source of extra funds for social spending. If a 25% tax is imposed on incomes sized over 25 million rubles a year, 1.5 trillion rubles will be added to social spending.

At the same time, according to the panelists, it is important not to raise taxes on the real sector of economy, high tech businesses, etc., so as not to achieve the opposite result - tax evasion. Bodrunov says stimulation of technological growth with a simultaneous increase in social spending will solve the problem of Russia's backwardness.

КАК ПОБЕДИТЬ БЕДНОСТЬ

И ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ ЭТО РЕАЛЬНО СДЕЛАТЬ В РОССИИ

Проблема бедности, неравенства населения, причем не только материального, но и в образовании, доступе к социальным институтам, качестве жизни в разных городах, — одна из ключевых для российской экономики. Какие есть инструменты для ее решения?

СОБЕСЕДНИКИ

*Вячеслав Вениаминович Локосов,
директор Института социально-экономических
проблем народонаселения РАН*

*Владимир Станиславович Назаров,
директор Научно-исследовательского финансового
института*

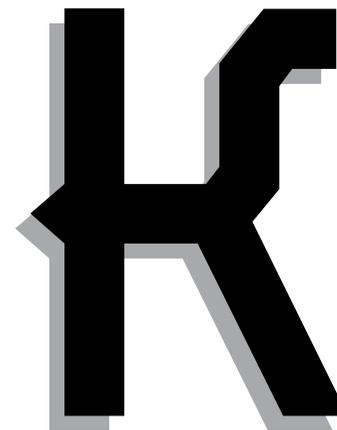

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент Вольного экономического общества России,
директор Института нового индустриального
развития им. С.Ю. Витте. д. э. н.*

*Елена Гришина,
заведующая лабораторией
Института социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС*

Программа «Дом “Э”», ОТР, Дом экономиста, 1.04.2017

Кто бедный, а кто — нет?

Бодрунов: Коллеги, вопрос возникает следующий: одни эксперты считают, что 20 миллионов бедных в России, вице-премьер — что гораздо больше, а кто-то, может быть, думает, что гораздо меньше. Как оценить, кто бедный, а кто — нет?

Локосов: Действительно, много различных подходов к определению уровня бедности и черты бедности, поэтому мы давно уже в Институте социально-экономических проблем народонаселения говорим о том, что необходимо пересмотреть саму методику исчисления прожиточного минимума. Я хотел бы напомнить, что в 1992 году методика была изменена и фактически прожиточный минимум был уменьшен в два раза. По сути, этот прожиточный минимум дает нам только биологическое выживание. Поэтому по социологическим данным — я беру Институт социологии РАН — 35–40% населения за чертой бедности у нас, а Всероссийский центр уровня жизни еще выше называет цифры — уже под 50%. Я думаю, что, конечно, бедных — не 19%, как говорит Росстат, а речь идет на самом деле примерно о 45–50%.

Назаров: Есть разные подходы к оценке бедности. Есть так называемая абсолютная бедность, когда люди получают доход ниже определенного уровня, который исчислен в деньгах, то есть в абсолютном выражении. Например, вы получаете меньше 10 тысяч рублей в сегодняшних ценах. Этот уровень абсолютной бедности задается так называемым прожиточным минимумом. Как он рассчитывается, хорошо или плохо — отдельный вопрос, а есть еще относительная бедность.

Бодрунов: Действительно, люди считаются бедными, например, если они получают меньше минимальной заработной платы. Или — методика другая — меньше прожиточного минимума. Или — если люди сами себя считают бедными. Это уже психологическая некая оценка, но она тоже фигурирует в статистических данных, в опросах общественного мнения и т. д. Так вот, о какой бедности можно сегодня говорить? Ведь от этого зависит и наша государственная программа, и все остальное. На что ориентироваться?

Назаров: Все развитые страны ориентируются, как правило, на два показателя. Мы и Соединенные Штаты — на абсолютную бедность, то есть мы рассчитываем прожиточный минимум и смотрим, кто до него не дотягивает по доходам. Предполагается, что это именно тот самый уровень бедности. Большинство же стран, в частности, практически все страны Европы, ориентируются на относительную бедность. Это значит, что вы живете значительно хуже, чем большинство населения, то есть это 50% медианы, — и если у вас доход ниже...

Бодрунов: Есть методики расчета этой медианы, когда самая богатая часть, условно, 10% отбрасывается, так же как и самая бедная, потом берется «среднее по больнице» всех остальных — это и есть средний уровень.

Назаров: Здесь, на мой взгляд, нет больших противоречий. У нас в стране, кстати, эти уровни достаточно близки. У нас 50% медианы — это тысяч 12 на сегодняшний момент, прожиточный минимум тоже близок к этому уровню. Если мы подсчитаем по медиане, то число бедных у нас будет примерно 18%, а если мы будем на прожиточный минимум опираться, то примерно 13–15% населения. Мне кажется, что это, в принципе, разумный способ оценки. То есть у нас бедных где-то от 20 до 28 миллионов человек.

Бодрунов: Вячеслав Вениаминович, вы называли цифру 40%.

Локосов: Да. Я называл эту цифру, исходя из иного подхода, основываясь на том, кто себя считает бедным. А по поводу сказанных слов, по-моему, важнейший вопрос — как исчисляется прожиточный минимум. Мы можем его оставить таким, как

**БЕДНОСТЬ В РОССИИ ПО
РАЗНЫМ ПОДСЧЕТАМ:
РОССТАТ —
19%
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН —
35-40%
ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТР
УРОВНЯ ЖИЗНИ — 50%**

сегодня у нас, — 10 тысяч с чем-то, а можем в прожиточный минимум включить пользование интернетом, оплату ЖКХ — огромное количество услуг, вещей и товаров, которые туда просто не закладываются. Я уже не говорю о том, что там доля продовольственных товаров достигает 50%. Там все подстроено под существующую ситуацию, а не наоборот.

Бодрунов: Но все-таки, если госпожа Голодец говорила о том, что мы должны работать над государственными программами, которые снижают порог бедности, мероприятия Правительства направлены будут на то, чтобы в любом случае снижать количество бедных людей, несмотря на разность в статистических методиках.

Социальная опасность бедности

Назаров: По статистике, к сожалению, молодые люди сталкиваются с проблемой бедности, когда заводят детей. У нас основная проблема — это бедность молодых семей с детьми. Если мама не работает первое время, а так чаще всего и бывает, поскольку это логично: она и не должна сразу выходить на работу, полезно кормить грудью и быть с ребенком, — в этом нет ничего плохого. Тем не менее семья может свалиться за черту бедности. Когда семью кормит один отец в семьях с одним ребенком или двумя детьми, бедность даже по нашему прожиточному минимуму, очень низкому, — 30%.

Бодрунов: Это очень высокий уровень. Кроме того, молодые, как правило, не имея никаких накоплений, имеют и уже стареющих родителей. Раньше чаще старшее поколение помогало младшему, но сейчас у пенсионеров нет таких возможностей.

Назаров: Между прочим, у бедных как раз наоборот: пенсионер является главным источником дохода, потому что он получает пенсию, зачастую работает, имея двойной доход. Все-таки 30% пенсионеров работают.

Бодрунов: Мы сейчас рассмотрели в цифрах, что такое у нас быть бедным. Но есть люди и психологически бедные, которые не хотят ничего делать. «Вот дайте нам, положите, мы хотим сегодня, мы хотим сейчас. А если нет, значит, виноваты все, кроме нас самих». Это довольно распространенная вещь.

Локосов: Все меньше и меньше.

Бодрунов: Да, к счастью, все меньше и меньше, потому что,

как говорится, до светлого будущего далеко и кормить по пути никто не обещал. В чем все-таки социальная опасность бедности?

«ЕСЛИ МЫ ПОДСЧИТАЕМ ПО МЕДИАННОЙ ЗАРПЛАТЕ, ТО ЧИСЛО БЕДНЫХ У НАС БУДЕТ ПРИМЕРНО 18%, А ЕСЛИ МЫ БУДЕМ НА ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ ОПИРАТЬСЯ, ТО ПРИМЕРНО 13–15% НАСЕЛЕНИЯ. ТО ЕСТЬ У НАС БЕДНЫХ ГДЕ-ТО ОТ 20 ДО 28 МЛН ЧЕЛОВЕК»

Опасность бедности для экономики

Локосов: Первое, о чем хочется сказать, — это наша трагическая российская история. Меня, например, больше всего беспокоит, что бедность у нас явно избыточная и неравенство явно избыточное: с моей точки зрения и с точки зрения тех исследований, которые мы проводим, нужно принять меры, чтобы она не вылилась в какое-то отчетливое недовольство населения. Надо с благодарностью принять мудрое терпение, долготерпение наших людей и умение приспосабливаться. Тем не менее надо понимать, что ситуация в том виде, в котором она сейчас, ненормальная. Нельзя ее длить и постоянно говорить: «Давайте затягивать пояса. Денег нет, но...» и т. д. Я думаю, что это рано или поздно может, к сожалению, вылиться во что-то социально рискованное.

Назаров: Мне кажется, основа бедности в том, что мы недоинвестируем в человеческий капитал. Так как у нас значительное число детей живет в бедных семьях, они зачастую не получают того образования, заботы, поддержки, которые получают дети из более обеспеченных семей. Поэтому в будущем мы не можем ожидать от них такого же вклада в экономический рост, во-первых. Во-вторых, мы закладываем семена будущей поляризации. Ситуационная бедность не страшна. Если я сегодня бедный, завтра богатый — ничего страшного. А если из года в год эта стена непреодолима, нет социального лифта, это действительно чревато.

Бодрунов: У нас в Вольном экономическом обществе вице-президент — научный руководитель Института экономики РАН Руслан Семенович Гринберг очень часто в своих выступлениях поднимает проблему неравенства, говорит о том, как эта проблема влияет на экономический рост. И оказывается, судя по его и его коллег исследованиям, влияние на экономический рост — прямое. Если мы хотим, чтобы у нас был хороший экономический рост, чтобы у нас экономика была не слишком «экономной», то мы должны добиваться снижения этого социального неравенства. А когда у нас большое количество бедных людей, по какой методике ни считай, эта проблема обостряется и обостряется. Здесь есть прямая корреляция между тем нашим желанием выстроить новую экономическую политику, которая была бы более адекватной нашим представлениям о нормальной жизни, и тем, что нужно бороться с бедностью в рамках этой самой экономической политики.

Гришина: На Западе сейчас активно решают проблему социального иждивенчества, когда высокий уровень и доступность пособий начинают подавлять стимулы к трудоустройству. В связи с этим там широко распространены активные программы занятости. Наш аналог — социальный контракт, когда помощь обычно обусловлена обязанностью получить определенную работу, что стимулирует получателя таких государственных услуг к активным действиям по выходу из трудной жизненной ситуации.

Есть другой аспект проблемы — это ловушка бедности. Если семья бедная, дети росли в состоянии бедности, то очень велика вероятность, что выросшие дети тоже попадут в состояние бедности. Это связано с тем, что у них нет равного доступа к услугам здравоохранения, образования. Это препятствует полноценному развитию их человеческого капитала и не дает им потом реализовать себя и получать высокие доходы.

Бодрунов: С одной стороны, бедность порождает неравенство, дальше это мультиплицируется в связи с тем, что бедные категории населения не в состоянии наращивать человеческий капитал — дать образование нормальное, здоровье детям сохранить и т. д. Следовательно, отдача в будущем экономическая тоже будет ниже у таких людей. Возникает некая негативная синергия бедности, и она может наращиваться в обществе. Мы это понимаем, но что нам делать для того, чтобы эту проблему решить?

Локосов: Первое, с чего бы я начал, — это пересмотрел, конечно, отношение к социальной сфере и к социальным расходам как к каким-то иждивенческим и второстепенным. Хотя все говорят, что вложения в человеческий капитал необходимы, на самом деле к этой сфере относятся пренебрежительно и даже называют «социалка». А раз у нас «социалка», то у нас будет не экономика, а какая-нибудь «экономка». Этот подход надо пересматривать, потому что из года в год идут разговоры о том, что это, мол, дыра, идут споры о том, что сначала — промышленность и т. д. или социальные расходы. Нельзя разделять эти вопросы: или — или. Так не бывает.

Второе. Много раз говорилось, и наш институт продолжает отстаивать эту точку зрения, о том, что надо рассматривать вопрос о введении прогрессивной шкалы налога. Нельзя плоскую шкалу столько лет держать в нашей стране при такой существенной дифференциации уровня доходов.

Третье — эта тема тоже постоянно поднимается — повышение минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума. Это, кстати, прямой путь к тому, чтобы трудоспособное и трудящееся население было материально обеспечено и его нельзя было отнести к бедному населению. Главное, все эти изменения просчитаны, их можно реализовывать, но ничего многие годы в этом направлении не двигается, к сожалению.

Молодые люди сталкиваются с проблемой бедности, когда заводят детей, и большая проблема — это бедность молодых семей с детьми

Назаров: У меня немножко другие рецепты. Прежде всего, важен экономический рост. Все, что хорошо для экономического роста, направлено на борьбу в том числе с бедностью. Если срав-

нить, то мы сейчас живем гораздо богаче, чем самые богатые жители нашей планеты 500 лет назад. Поэтому только экономический рост дает достаточно хороший вклад в борьбу с бедностью и даже с неравенством. Например, в Соединенных Штатах в XIX веке было такое же неравенство по доходам, как и сейчас. Ничего не поменялось. А вот неравенство по продолжительности жизни тогда было примерно таким же, как по доходам, то есть колоссальным, а сейчас все живут примерно одинаково, несмотря на различие в доходах и даже в доступе к медицинским услугам.

Бодрунов: Вообще-то, я бы добавил, от «качественного» экономического роста, такого, структура которого как раз позволяла бы решать такие задачи.

Назаров: Второй важнейший элемент — это адресная социальная помощь. Мы тратим на социальную политику нормальные деньги — 13% ВВП. Дефицит доходов домашних хозяйств, чтобы дотянуть до этого несчастного прожиточного минимума, составляет 0,8% ВВП, то есть почти нечего. Если перераспределить хотя бы небольшую часть из этих 13% в пользу беднейших домохозяйств, мы решим проблему абсолютной бедности моментально. Для этого нужны только политическая воля и пара-тройка лет кропотливой работы — и у нас не будет абсолютной бедности в стране, вообще. Не надо забирать больше из экономики, не надо повышать налоговую нагрузку ни на богатых, ни на бедных. У нас есть гораздо более простые способы наполнить казну. Меньше воровать надо, например.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«ЭКОНОМИЧЕСКИ КРИЗИС — СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»

Сборник трудов Академии народного хозяйства и госслужбы, посвященный социальным проблемам России.

«ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ. ООН И РОССИЯ. ДОКЛАД О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗВИТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Издание Аналитического центра при Правительстве РФ. Вся брошюра посвящена проблеме ликвидации бедности.

«НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ», ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ РАН

Многие статьи так или иначе касаются проблемы ликвидации неравенства, бедности, распределения доходов и т. п.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, 1881 г., том 1

Великолукцкий уезд в экономическом отношении

Причины бедности крестьян и средства к устранению их

Как известно, величина урожая находится в тесной зависимости от удобрения почвы навозом и, следовательно, от количества скота. О качестве его крестьяне мало заботятся, так как им не столько нужны продукты скотоводства, сколько навоз. К сожалению, нельзя сказать, чтобы количество скота у крестьян было достаточно. Причины этого: недостаток капитала, казенные и частные долги, которые уплачиваются продажей скота, и, наконец, скотские падежи от чумы, сибирской язвы, кровавой мочи и других болезней. Если и встречаются крестьяне, имеющие довольно значительное количество скота, то это — крестьяне-собственники; но зато немало и таких, у которых нет ни одной коровы...

Главнейшие бедствия, от которых страдает земледельческая производительность, следующие: повторяющиеся в среднем через шесть лет неурожай, падежи скота от чумы и сибирской язвы, градобития и червь. Неурожай в общем не столько зависит от качества почвы, сколько от климата... Засуха наиболее ощутительна в нагорной части уезда и в пригородных селах Спасоникольской волости, где лесов совсем нет. Дожди не вовремя приносят также немалый вред. Иногда бывают беспрепятственные дожди в течение целых месяцев — июня, июля и августа: выставка сена и уборка озимого хлеба дурные, да и яровой хлеб не успеет созреть, как начнутся заморозки. А то град опустошит значительные пространства озимых полей и повредит яровым хлебом. Град наносит нашему уезду ежегодно довольно значительный вред. По данным земской управы и волостных правлений, в 1874 году в 65 селениях повреждено градом хлеба на сумму 13 567 р., а в 1875 г. убыток от градобития определялся в 8525 р. Что же касается убытков, наносимых червями посевам крестьян, то тут невозможно определить их и приблизительно. Например, в 1879 году червь истребил местами почти весь лен и горох.

Несмотря на неблагоприятные для хлебопашества условия в нашей местности, сбор продуктов земледелия все-таки бывает настолько значителен, что в состоянии удовлетворить скромным потребностям населения. Некоторые из продуктов обращаются даже в продажу. Только корма для скота не хватает у крестьян за недостаточностью покосов, которых в большей части случаев приходится лишь по одной десятой на 5–6 десятин пахоты...

Хотя сельскохозяйственных продуктов в общем и собирается достаточно для удовлетворения потребностей населения, тем не менее многие крестьяне весной сильно нуждаются в хлебе. Обстоятельство это объясняется тем, что осенью, когда преимущественно производится взывание повинностей, крестьяне принуждены бывают продавать свой хлеб за бесценок. Только более сильные семьи не прибегают к продаже хлеба осенью, выжидая хороших цен; есть также семьи, у которых хлеб сохраняется в течение 2–3 лет, если не встречается выгодного сбыта...

Из 530 крестьянских семей Липецкой волости 83 семьи сильных — это по большей части торговцы мясом, скотом и личные собственники, 132 семьи средней состоятельности, по-мужичьи «своим хлебом живут», остальные 315 семей, т. е. почти 3/5 всего населения волости, живут кое-как, перебиваясь «из кулика в рогожку». Громадность накопившихся за этими семьями недоимок не позволяет им поправиться; лишней лошади и коровы завести нельзя, потому что они будут проданы с молотка за недоимки. Необходимость продавать хлеб осенью и покупать весной еще более разоряет их.

Итак, соображая все сказанное выше, мы видим, что земледелие вовсе не составляет для наших крестьян выгодной промышленности, а служит только для удовлетворения их домашних нужд. В тех местностях, где на долю жителя приходится мало земли или где довольно высоко стоит уровень предприимчивости и технических знаний, обыкновенно возникает та или другая промышленность, является фабричная или заводская обработка сырых продуктов, доставляемых местной природой; ничего подобного в нашем уезде не существует, хотя у нас и очень мало земли. Правда, между жителями местами встречаются некоторые промыслы, обработка сырых материа-

лов, но эти занятия являются разрозненными, одиночными, представляют лишь частную попытку отдельных лиц и семей выйти из гнетущего материального положения.

К сожалению, при определении средней нормы экономического благосостояния сельского населения, за неимением более новых статистических данных о количестве земли, принадлежащей крестьянам, по родам, т. е. пахоты, леса, лугов, усадебной и неудобной земли, приходится воспользоваться данными из «Военно-статистического обозрения Российской Империи», где лугов в нашем уезде значится почти 20 000 десятин и отношение их к пахотной земле равно 1:8,6. При этом необходимо иметь в виду, что в течение 26 лет многое изменилось: сенокосы должны были увеличиться вследствие новых расчисток, а пахота уменьшиться в помещичьих имениях за недостатком рабочих рук. За увеличение числа десятин сенокосной земли говорят официальные данные земской управы о сборе сена, например, за 1874 год, который до урожая можно считать средним. В этом году сена собрано 2 639 983 пуда, с каждой десяти-

ны средним числом 80 пудов, получим почти 33 000 десятин всей сенокосной земли в уезде.

Следовательно, в 22-летний период (с 1852 по 1874 г.) площадь лугов увеличилась на треть. За тот же период количество пахоты уменьшилось почти на 1/4, так что в данное время мы имеем уже другое отношение между количеством лугов и пахотной земли, именно 1:3,9. Но такое среднее для уезда отношение не существует на крестьянских наделах: здесь обыкновенно луга относятся к пахоте как 1:5 или 1:6. Леса в уезде — избыток, но он почти весь принадлежит владельцам,

у крестьян его немного и обыкновенно дровяник, строевого же леса совсем нет.

Чтобы не принимать в расчет при определении бюджета крестьянской семьи расхода на дрова, который хотя и существует, но по своей неопределенности почти неуловим, приходится наделить всех крестьян дровяным лесом в таком размере, как это существует, например, в соседнем Опочечком уезде, где крестьянин в дровах не нуждается, то есть не покупает их на стороне. Приступим теперь к определению итога доходов и расходов крестьянской семьи, средней для нашего уезда. К 1877 г. средняя семья в уезде определялась в 6,6 человек, на которых приходилось земли, если принимать в расчет крестьян-землевладельцев, 13,34 десятины, а без них — только 11,3 десятины. Так как крестьян-собственников в уезде мало (около 3000 из 84 442 жителей), то, говоря о благосостоянии населения, я не буду иметь их

в виду, равно как и землевладельцев других сословий...

Бюджет средней крестьянской семьи указывает на новые причины бедности мужика — недостаток земли и большие платежи. Не распространяясь о недостатках наделов, перейдем прямо к платежам. Что платежи велики, это очевидно, так как налог с крестьянина прямо пропорционален его убыткам от владения землей и, следовательно, обратно пропорционален его состоятельности. Факт этот подтверждается правительственными изысканиями.

Официальная сельскохозяйственная комиссия признала, что в Псковской губернии выкупные платежи превышают земельную ренту на 30–50%. Очевидно, при таких условиях владение землей приносит крестьянину не доход, а убыток, который равняется почти половине выкупного платежа, и убыток этот будет тем больше, чем большим количеством десятин владеет крестьянин; другими словами, чем больше убытка несет крестьянин, тем больше должен платить налога, и чем меньше его состоятельность, тем выше налог с него. Затем, если бы денежные повинности не были велики, сообразно с наличными платежными средствами крестьянина, то разве возможно было бы такое громадное накопление недоимок за нашим уездом, какое мы видим теперь?

Если мы возьмем только одни выкупные платежи, составляющие 65,7% всех платежей Великолуцкого уезда, то найдем, что

колебание менее заметно и недоимки по этим платежам возрастают прогрессивно, так что к 1876 году их приходилось на каждую ревизскую душу 15 р. 10 к. В этом отношении наш уезд уступает только одному уезду Псковской губернии — Торопецкому, где на душу приходится 16 р. 43 к., но общая сумма недоимок превосходит и этот последний. Да и вообще по размеру недоимок наш уезд занимает первое место в губернии. Так, выкупных платежей к 1876 году во всей губернии числилось в недоимке 667 142 р. 88 к., а в нашем уезде к тому же году — 275 772 р. 28 к.

Понятно, недоимки не могли бы дойти до таких размеров, если бы платежные средства крестьян позволяли им вносить исправ-

но денежные повинности, тем более что, как всем известно, относительно взыскания недоимок существует целый ряд суровых постановлений и практикуются самые разнообразные приемы. Так, например, в Серебринитской волости мне случилось ныне узнать о следующем оригинальном способе выбивания недоимок. К одному из здешних помещиков волостное правление прислало формальное отношение, в котором выражалось желание, чтобы означенный помещик, когда будет выдавать деньги крестьянам за работу, дал знать о том волостному начальству, дабы оно могло немедленно отобрать эти деньги от крестьян и зачислить их в уплату недоимки. Несмотря однако на все усилия и принуждения, крестьянские общества оказываются не в состоянии собрать со своих членов требуемую с них сумму, и таким образом долг правительству растет ежегодно.

Это обстоятельство в связи с тем, что правительство само освобождало крестьянские общества от платежа недоимок, показывает, что недоимки действительно очень велики и кре-

стьяне не в силах их уплачивать. Итак, мы видим, что денежные повинности, лежащие на крестьянских землях, действительно тяжелы и не только не соответствуют доходности земли, но даже превышают ее. Приняв во внимание еще и то, что на наших крестьянах лежат две натуральные повинности — сотских и десятских, и квартирная, мы можем сказать, что наш крестьянин вовсе не собственник, а арендатор, поставленный в весьма дурные условия аренды и не имеющий даже права отказаться от нее. Выход из такого положения можно указать следующий: понижение выкупных и оброчных платежей, дабы они не поглощали более, чем дает сама земля, организация кредита для покупки земель крестьянскими обществами и уступка им под новые поселения государственных земель.

Все «Труды Императорского Вольного экономического общества» размещены на сайте ВЭО России — veorus.ru

DEFEATING POVERTY

The problem of poverty, of inequality, not only in wealth but also in education, access to social institutions, the quality of life in different cities, is one of the key issues of the Russian economy. The instruments available for solving the inequality problem were discussed by:

Panelists:

Vyacheslav Veniaminovich Lokosov
*Director of the Institute of Social and Economic Problems
of the Population of the Russian Academy of Sciences*

Vladimir Stanislavovich Nazarov
Director of the Research Institute of Finance, NIFI

Sergey Dmitrievich Bodrunov
*President of the Free Economic Society of Russia,
Director of the S.Yu. Witte Institute for New Industrial
Development, Doctor of Economics.*

Elena Grishina
*Head of Laboratory at the Institute of Social Analysis and
Forecasting of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration*

There are many different approaches to determining the level of poverty and the poverty threshold, and experts from the Institute of Social and Economic

Problems of the Population have long been saying it is necessary to revise the very methodology of calculating the subsistence minimum. In 1992, the methodology was changed, and the subsistence level was effectively reduced by half. In fact, this subsistence level is sufficient for biological survival only. Therefore, according to the sociological data of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 35-40% of the population live below the poverty line, while the All-Russian Center for Living Standards cites higher percentages, up to 50%. Most likely, the percentage of the poor is much greater than Rosstat's 19%; actually it is approximately 45-50%.

As a rule, all developed countries use two indicators as guidance. Russia and the United States consider absolute poverty, i.e. they calculate the subsistence minimum and then see how many people are below it, in terms of income. It is assumed that that's what the poverty line is. Most countries, and practically all the countries of Europe in particular, are guided by relative poverty. This means that if you live significantly worse than the majority of the population, i.e. 50% of the median, and if you have a lower income, you are poor.

Poverty in Russia is clearly rampant and the inequality is obviously excessive: Dr. Lokosov believes and the studies conducted at his institute suggest that steps must be taken to prevent it from transforming into a widespread discontent of the population.

According to Nazarov, poverty is based on the fact that we have been underinvesting into human capital. Since we have a significant number of children living in poor families, they often do not receive the education, care, support that are available to children from wealthy families. Therefore, in the future, we cannot expect them to make the same contribution to economic growth, in the first place. Secondly, we are seeing the seeds of future polarization. Institutional poverty

is not something to be afraid of. If I'm poor today and rich tomorrow, it's okay. And if this wall remains insurmountable year after year, the situation is really fraught with danger.

Bodrunov notes that Ruslan Grinberg, Vice President of the Free Economic Society, Chief of Research at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, says the impact of the poverty problem on the economy is direct, and no growth will be possible unless social inequality decreases.

Vyacheslav Lokosov believes that it is necessary to stop treating the social sphere and social spending as some kind of dependency-related and unimportant. We need to consider the introduction of a progressive tax scale. You cannot keep a flat scale for so many years in a country with such a significant income differentiation. It is necessary to raise the minimum wage to the subsistence level. As a matter of fact, this is a straightforward way to ensure that the able-bodied and working population is financially secured and is not treated like poor.

Nazarov notes that economic growth is primarily important for solving the problem of poverty. Everything that is good for economic growth is aimed at countering problems, including poverty. If compared, we now live much better than the richest inhabitants of our planet 500 years ago. Therefore, only economic growth makes a sufficient contribution to the struggle against poverty and even inequality.

The second most important element is targeted social assistance. We spend good money on social policy – 13% of GDP. The deficit of household incomes, which needs to be covered to attain this meager subsistence minimum, is 0.8% of GDP, i.e. almost non-existent. If we redistribute even a small portion of these 13% in favor of the poorest households, we will instantly solve the problem of absolute poverty.

Борис Юрьевич Титов,
уполномоченный по правам предпринимателей
при Президенте РФ,
председатель наблюдательного совета
Научного центра подготовки «Стратегии роста»

Анастасия Олеговна Алехнович,
руководитель Экспертного центра при
Уполномоченном по защите прав предпринимателей,
директор Института экономики роста им. П.А.
Столыпина

Абел Гезевич Аганбегян,
академик РАН, заведующий кафедрой «Экономическая
теория и политика» РАНХиГС

Захирджан Анварович Кучкаров,
директор аналитического центра «Концепт», д. э. н.,
эксперт «Стратегии роста»

Андрей Коротаев,
ведущий научный сотрудник Международной
лаборатории политической демографии
и макросоциологической динамики РАНХиГС, д. э. н.,
эксперт «Стратегии роста»

Вячеслав Вениаминович Локосов,
директор ИСЭПН РАН, д. э. н.

ЭКОНОМИКА С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

СОЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ «СТРАТЕГИИ РОСТА»

Программа экономического развития «Стратегия роста», разработанная Столыпинским клубом, содержит большой раздел, посвященный мерам по повышению качества жизни, доходов людей, улучшению здравоохранения, образования — всех тех сфер, которые традиционно у нас рассматривались как исключительно расходные. При этом, по мнению авторов документа, «вложение средств в человеческий капитал или повышение эффективности управления в социальных сферах с целью роста его характеристик — это не безвозвратные расходы и усилия, а один из наиболее мощных и стабильных источников роста экономики».

Руслан Семенович Гринберг,
директор Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН,
вице-президент ВЭО России

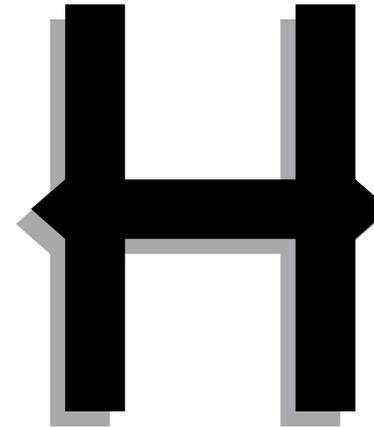

Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
член президиума ВЭО России,
научный руководитель Финансового университета при
Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, д. э. н.

Сергей Юрьевич Малков,
научный руководитель Центра долгосрочного
прогнозирования МГУ, д. т. н.

По материалам экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России от 25.01.2017 г.

Не субсидии, а инвестиции

Алехнович: Документ большой, программа обширная, я бы хотела, чтобы мы сконцентрировались сегодня именно на блоке качества жизни и не углублялись в обсуждение других смежных блоков.

По повышению качества жизни. Первое решение, основная задача экономики России — это повышение производительности труда, рост доходов населения как ключ к решению социальных проблем.

Второе решение — это расходы бюджета на социальную сферу необходимо признать не субсидиями, а инвестициями в человеческий капитал. Для нас это принципиально важное решение, которое должно быть зафиксировано во всех ключевых стратегических документах.

Третье решение — установить профиль на государственных программах и для учреждений социальной сферы — количественные показатели эффективности, основанные именно на результативности, а не на процессных показателях.

Четвертое — реализовать программу улучшения демографической ситуации. У нас сейчас больше пассивная, к сожалению, программа, материнский капитал рассматривается чуть ли не как единственная мера, но она недостаточна.

Пятое решение — нам необходимо ввести персонализированный подход, современный уровень информационных технологий это позволяет. В раскрытии способностей и талантов молодежи во всем мире уже отслеживают способных детей с детского сада.

Шестое. Повысить мотивацию бизнеса и населения платить страховые взносы. Мы считаем, что это ключевая задача, нынешняя система убивает желание у тех же сотрудников и работодателей платить взносы в полном объеме, все договариваются на конверты.

Седьмое. Пересмотреть приоритеты расходования бюджетных средств, ни в коем случае не допустить сокращения бюджета на социальную сферу, и в перспективе после того, как будут внедрены новые KPI, даже целесообразно направить дополнительные средства.

Восьмое решение — это приток частных инвестиций и в здравоохранение, и в образование, и в социальную сферу. Нам необходимо создать для этого условия. Пока, к сожалению, административные барьеры, регулирование делают всю эту деятельность частных компаний, по сути, нерентабельной и вообще носит заградительный, запретительный характер, а они действительно эффективны.

Кучкаров: Мы наблюдаем, что на протяжении всех лет с 1991 года заболеваемость и смертность растут год от года. При этом мы знаем, что бюджеты, и федеральный, и региональные, существенно выросли в разы, оборудование, модернизация, нацпроекты, федеральные целевые программы, региональные целевые программы — все у нас есть, только смертность растет. Дело в системе. Понятно, что 40% смертей мужчин в трудоспособном возрасте — это прямой недобор ВВП, это прямые расходы социальной сферы на потери кормильца, заболеваемость — это прямые расходы соцзащиты и так далее.

Мы задачу такого изменения характеризуем как кардинальную реформу системы, целью которой должно быть здоровье, образованность, социальная обеспеченность населения, которая уже дает следующую точку роста...

Как отразится это на макроэкономических показателях? К 2020 году, за счет снижения смертности и других критериев, дополнительное население в 1,1 млн, к 2035 году — 5,6 млн. Это дополнительный прирост ВВП примерно в 0,5% ежегодно. Я более чем уверен, что это нижняя граница, потому что мы должны считать человеческий капитал полно, здоровое и образованное население приносит больше, чем бедное и невежественное.

Ключевой инновацией является то, что человеческий капитал становится измеримым, его наращивание становится оцениваемым, его вклад в экономику становится прогнозируемым. Человеческий капитал — это уровень здоровья населения, образованности и ощущения социальной защищенности, которые можно считать, и это коллеги показали.

Разработан следующий механизм бюджетной оценки, по аналогии с финансовым бюджетом мы вводим представление о бюджете социального времени — это численность трудоспособного населения, умноженная на восемь часов, которая

последовательно снижается за счет заболеваемости, смертности, несоответствия образования рынку труда, снижения мотивации к образованию, инвалидизации и так далее.

Все эти расчеты опробованы, проводились в нескольких областях, и они даже при половинной реализации мероприятий приводят к росту экономики, к улучшению человеческого капитала, мироощущения и так далее. Социальная сфера — это сфера, которая требует, с одной стороны, экономического отношения, с другой стороны, управленческого отношения. Реально можно считать деньги не в процентах и каких-то абстрактных долях ВВП, а конкретных улучшениях значения здоровья населения при конкретных затратах денег.

Коротаев: Очень большой потенциал имеет ликвидация алкогольной сверхсмертности, и нужны меры по поддержке рождаемости. Они очень дорогие. Возникает вопрос, где взять деньги. Правда, никто не знает. Если никто не знает, отвечаю: повысить акцизы на табак до уровня Румынии или Болгарии. Это дает плюс 1 триллион рублей в год. На эти деньги мы можем абсолютно все меры поддержки рождаемости внедрить. Материнский капитал был прекрасной мерой, но он прекрасно сработал в сельской местности, потому что в сельской местности на материнский капитал можно реально построить дом. Нужны такие меры, как беспроцентная ипотека при рождении третьего ребенка, ипотека в районе 5% при рождении второго ребенка, которые бы работали в крупных городах.

«Социальные обязательства должны рассматриваться не в качестве общественного бремени, а в качестве инвестиций»

Экономика для человека

Локосов: В «Стратегии» очень верно говорится о том, что у нас социальное государство, а на самом деле — не государство для человека, а человек для государства. Но, мне показалось, в содержании «Стратегии» на место государства просто поставлена экономика. И ничего не меняется по большому счету, потому что человек как был, так и остается всего лишь средством для экономики. Я думаю, поэтому и выбран термин «человеческий капитал», и очень странная форма его измерения, даже формула, потому что там фактически берется, насколько я помню, количество трудоспособного населения, количество человекоднев. Там вообще не учитываются ни молодежь, ни работающие, ни пенсионеры. Вообще какой-то очень странный подход к человеческому капиталу.

...Говорить о том, что человек — это всего лишь инструмент для экономического роста — по-моему, это опять чересчур, это опять возвращение к каким-то странным подходам, по-моему, малопродуктивным. Этот акцент, мне кажется, поставлен в совершенно старом, грубо говоря, неолиберальном русле: с другим оттенком, а смысл абсолютно такой же.

Гринберг: Есть одна хорошая вещь, на мой взгляд, — страница пятая документа. Это редко бывает в лагере людей, которые занимаются экономическим ростом и не очень заботятся о социальном благополучии людей. Мне кажется, это очень нехорошо, и я могу поздравить господина Титова, что этот абзац есть, я хочу его прочесть, он принципиально важен: «В этой связи вложение средств в человеческий капитал или повышение эффективности управления в социальных сферах с целью роста его характеристик... Это не безвозвратные расходы и усилия, а один из наиболее мощных и стабильных источников роста экономики». И дальше очень точная расшифровка: «Социальные обязательства должны рассматриваться не в качестве общественного бремени, а в качестве инвестиций».

Это, вообще-то говоря, посыл, который абсолютно не учитывают наши власти, абсолютно игнорируют за последние 25 лет. И на самом деле вся эта тяжелая картина с жизнью людей в России как раз связана именно с таким поведением и с такой философией... И сегодня, насколько я знаю, дискуссии в структурах, которые близки к Правительству, очень часто говорят о человеческом капитале, о человеческом потенциале, но рассматривают его как средство для того, чтобы росла экономика.

Сорокин: У нас нет системной социальной политики... Если проблема в системе, то даже миллиард долларов не решит проблему, а увеличит число проблем на миллиард долларов. Вот здесь ясно и понятно надо сказать: ребята, нам не корректировать политику надо, а надо менять сложившуюся систему, если хотим получить отдачу. Вот этот тезис, я считаю, просто необходим.

Мне кажется, надо из всех проблем, необозримое число проблем, выделить ключевую, стартовую. Я убежден — это проблема бедности... А бедность — это проблема доходов. Будут доходы — будут вам взносы фонда, вы решите жилищную проблему, потому что доходы позволят...

И меня очень смущает, когда вы всю эту нашу бедность, пло-

хую ситуацию прям с первой строки связываете с низкой производительностью труда. Я вспоминаю первого русского политэконома Посошкова, который говорил примерно так: «Вы тем думаете наполнить казну, что русскому человеку недоплачиваете, но вы тем самым принуждаете его к воровству, и размножится доброму художеству не даете». Напомню, в то время добрым художеством называлась промышленно-ремесленная деятельность. Низкая оплата труда (наука давно сформулировала это) — это враг технического прогресса.

**«ВЫ ТЕМ ДУМАЕТЕ НАПОЛНИТЬ
КАЗНУ, ЧТО РУССКОМУ
ЧЕЛОВЕКУ НЕДОПЛАЧИВАЕТЕ,
НО ВЫ ТЕМ САМЫМ
ПРИНУЖДАЕТЕ ЕГО К
ВОРОВСТВУ, И РАЗМНОЖИТСЯ
ДОБРОМУ ХУДОЖЕСТВУ НЕ
ДАЁТЕ».**

ИВАН ТИХОНОВИЧ ПОСОШКОВ

(1652, Москва, — 1726, Санкт-Петербург) — первый русский экономист-теоретик

Малков: Сейчас целью ЦБ и Минфина является обеспечение стабильности. Основные средства — это таргетирование инфляции и сбалансированность бюджета. Это звучит убедительно, но оба эти способа ведут к сжатию денежной массы и торможению экономического роста. В чем причина? Если посмотреть с точки зрения мирового развития, то видно, что развитие идет неравномерно, есть страны-лидеры, есть страны, которые по ВВП на душу населения отстают, причем есть некая мертвая зона, которую крайне сложно преодолеть. Мы знаем из крупных стран только два примера в XX веке — Япония и Южная Корея, которые смогли преодолеть. Остальные страны тормозятся на уровне 40% от ВВП развитых стран. В чем причина?

Мы трактуем это как наличие ловушек развития. Именно этому посвящен наш анализ. Таких ловушек довольно много, они сейчас достаточно широко обсуждаются. Известны книги по ловушкам. В чем суть? Те развитые страны, которые ориентируются на внутренний спрос, заинтересованы в высокой платежеспособности своего населения, поэтому постоянно подкачивают свою экономику деньгами. Страны, которые ориентированы на внешний спрос, в частности, сырьевые страны, поскольку покупатель внешний, они объективно пытаются снизить издержки, тормозя зарплату своего населения. Поэтому получается такое расхождение, действительно ловушка. Россия сейчас находится в этой ловушке, как бы ни заявляли наши официальные власти, что они хотят преодолеть эту ловушку, тем не менее объективно те меры, которые предлагаются, они играют на сохранение ловушки.

Что можно сделать в этой ситуации? Различных моделей очень много. Мы сделали упор на динамических моделях, которые рассматривают не столько состояние равновесия, сколько анализ выхода из состояния равновесия на траектории роста. На основе этой динамической модели сначала мы настроили ее на период до 2015 года, начиная с 2000-х, произвели калибровку параметров. На основе этого сценария сделали прогноз.

Если мы заморозим денежную массу и заморозим инфляцию, инфляция будет нулевая, насколько это будет хорошо. Расчеты показывают, что будет реальное падение ВВП, последствия будут очень нехорошие. С другой стороны, если увеличивать массу M2. В данном случае мы рассматривали вариант, что к 2020 году денежная масса M2 на 30% будет увеличена по отношению к базовому сценарию. Реальный ВВП растет сильно, но при этом растет инфляция до уровня 7% в год. Более интересно, если сделать увеличение денежной массы адресным, то есть модель позволяет это сделать, поскольку там описано взаимодействие различных экономических акторов. Если правило первой ночи по вливанию денег в экономику будет в обрабатывающем секторе промышленности, то ситуация меняется. Инфляция остается на уровне базового сценария где-то на уровне

ИЗ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОМОЩИ БЕДНЫМ ИДЁТ
1%,
ОСТАЛЬНОЕ ПОЛУЧАЮТ
34 МЛН
ОТНОСИТЕЛЬНО
ОБЕСПЕЧЕННЫХ

не 4% в год, но ВВП растет по отношению к базовому сценарию уже значимо.

Делали расчеты по поводу того, как повлияет увеличение пенсии или увеличение зарплат бюджетникам. Эффект оказался, к нашему удивлению, очень благожелательный: увеличение зарплат бюджетникам, увеличение пенсий не сказывается на увеличении инфляции, не сказывается на темпах роста. Получается, это нейтральная вещь, которая тем не менее ведет к увеличению денежной массы и монетизации экономики. Это очень интересная вещь, она коррелирует с предыдущим докладом. По существу, это увеличение человеческого капитала. Мы вкладываем в население, вкладываем в НИОКР, вкладываем в различные программы, связанные со здравоохранением, при этом инфляция не реагирует.

Основной вывод: есть альтернатива стабилизационной политики, которую проводят экономические органы в настоящее время, которая, по существу, стабилизирует ловушку, в которую мы попали.

Социальная политика — высшая цель

Титов: Тезис о том, что социальные инвестиции — это инвестиции, а не затратная часть, мне на самом деле не очень нравится, потому что социальная политика — это высшая цель. В любом случае мы работаем для того, чтобы люди в стране жили лучше, и каждая страна оценивается не по тому, сколько у нее миллиардеров, а по тому, сколько у нее нормальных граждан, у которых средний уровень жизни выше, чем в других странах. Вместе с тем, выстраивая этот тезис об инвестициях, мы вынуждены подстраиваться под экономических руководителей, которые рассматривают социальные расходы как просто выброшенные деньги. И поскольку они их так рассматривают, они и получают выброшенными, потому что никто не смотрит за тем, как эти деньги реально работают, насколько эффективно они вкладываются, насколько в действительности улучшается качество жизни от того, что мы тратим на это деньги. Поэтому наш главный тезис все-таки в том, чтобы сегодня не смотреть на расходы, сколько денег мы тратим, — а мы действительно тратим меньше, чем другие страны, это правда.

Сегодня надо главный упор нашей социальной политики сделать именно на качестве использования денег. Это не значит, что мы должны следить, чтобы все приносило прибыль, — это не так. Качество жизни — это качество жизни, а не доход, но мы должны понять, что деньги реально пошли на то, что люди стали лучше жить. Поэтому наш тезис: да, это инвестиции, но инвестиции не только в развитие экономики, а люди являются неотъемлемой частью производственного процесса, но и вложения, которые идут на достижение высшей цели — увеличе-

ние качества жизни. И они должны быть тоже эффективными. Поэтому мы разделили программу на два периода: первый — просто проанализировать, выстроить правильные KPI, повысить эффективность использования средств, а потом уже на втором этапе начать наращивать количество объемных инвестиций.

Мы знаем, что у нас есть большой резерв трудовых ресурсов, который находится внутри страны, потому что у нас неправильно распределена структура трудовых ресурсов: огромное количество бюджетников, огромное количество людей, поддерживающих охрану, и так далее. Кроме того, у нас есть большой ресурс в ближайшем окружении — русскоговорящего населения бывшего СССР. Наша главная проблема не в том, что у нас не хватает людей — у нас не хватает профессиональных, высококвалифицированных людей. И в этом смысле мы должны как раз сделать основной упор на образовании россиян, но не просто чтобы обеспечивать их любыми рабочими местами, а именно высокопрофессиональными, высокопроизводительными рабочими местами, которые требуют высокой подготовки. Вот где должен быть главный акцент по работе с российскими трудовыми ресурсами.

Бояться миграции в этом смысле нет абсолютно никакого смысла. Надо повышать квалификацию своих, тогда не будет конкуренции с внешними. Поэтому пенсионная реформа (повышение пенсионного возраста. — Прим. ред.) никак не поможет. Я бы считал правильным, наоборот, максимально легализовать срок выхода на пенсию с тем, чтобы дать людям возможность самим выбирать. Установить какой-то первый срок, когда ты имеешь право выйти на пенсию, хочешь — выходи, но другой вопрос, что ты можешь выбрать себе и другое время. Хочешь работать — пожалуйста, работай, но в любой момент ты можешь выйти на пенсию. Вот это был бы правильный путь. Нас убеждают, что нужно дать возможность работать пенсионерам и получать пенсию. Это, мне кажется, не совсем правильно — тратить деньги на пенсию людям, которые сами себе зарабатывают. Если ты не можешь заработать — выходи на пенсию, если ты можешь работать — работай сколько тебе угодно и сам для себя выбирай время выхода на пенсию. Вот это на сегодняшний день было бы оптимальное решение.

Еще раз хочу сказать, внутри пенсионной системы заложены огромные структурные проблемы из-за того, что, когда проводили эту пенсионную реформу, западные стандарты просто переложили на российскую почву. Но у нас уже было огромное количество пенсионеров, которые не накапливали и не могли накопить себе на пенсию, — и в этом была российская специфика. На Западе все шло эволюционно, постепенно, и поэтому люди, зарабатывая себе на пенсию, обеспечивали баланс пенсионного фонда. А у нас на тот же пенсионный фонд, в который надо зара-

батьвать себе на пенсию, наложили обязательства платить тем, кто не зарабатывал на пенсию и уже был пенсионерами в период, когда пенсионная реформа только начала работать. Можете говорить, что у нас слишком предпринимательский подход, но это несправедливо, потому что, когда люди работают, они не могут отвечать своими деньгами за других. Они должны накапливать баланс, встроиться в пенсионную систему. А те, кто не заработал, — это, извините, обязанность государства. А случилась эта совершенно дикая система с пенсионной системой, когда, во-первых, подняли социальные взносы, потому что надо было платить и за себя, и за других, но и этого не хватило, потому что тогда надо поднимать до таких сумасшедших величин, что никакая экономика, никакие налоги этого не вытерпят. Тогда просто начали балансировать пенсионный фонд из бюджета, но только вместо того, чтобы напрямую из бюджета платить эти деньги, начали платить трансфер.

Как говорил и Милтон Фридман, и говорит Руслан Гринберг, и многие другие экономисты, конечно, на первом месте должно быть производство и создание добавленной стоимости. Дальше можно говорить о справедливости. Социальное государство заключается в том, чтобы справедливо распределять то, что производит государство, и чтобы оно было достаточно эффективно, чтобы общий уровень жизни всех людей был высоким. Но если не будет производства, то нечего будет распределять.

уступаем не только 25 развитым странам, но еще 72 развивающимся странам по уровню жизни пенсионеров.

Если взять долю бедного населения, то у нас она выше других стран, даже при нашем счете, счете очень специфическом, вы знаете, как считается у нас прожиточный минимум, где затраты на квартиру вообще не считаются, как будто бы ты бесплатно живешь на жилой площади, но даже при этом у нас минимальная зарплата в 1,5 раза ниже прожиточного минимума. Вообще такой страны больше нет, я не нашел, где минимальная зарплата ниже таких показателей.

К сожалению, жизнь у нас не соответствует уровню экономического развития по многим важнейшим показателям, у нас огромная дифференциация и проблема бедности, которая при таком высоком уровне экономического развития, относительно высоком, находится совсем в другом измерении.

Смертность трудоспособного населения в России катастрофическая, она в 3,5 раза выше европейской, в то время как общая смертность выше всего на 40%, детская смертность выше в 1,6 раза.

Второй вопрос. Мы выбрали совершенно не ту модель создания социальной сферы. Как ни странно, по основным показателям мы очень

сильно отступили от социалистических идеалов, у нас там разрыв был в три раза между 10% бедных и богатых, сейчас — в 16 раз, в Европе — в 10 раз, а в странах социал-демократической направленности в 6–8 раз.

Несмотря на это, у нас социальная система не соответствует не только нашему экономическому росту, она не соответствует рыночной экономике даже в том непоследовательном, искаженном, уродливом виде, в котором эта рыночная экономика представлена у нас. У нас есть иллюзия, пережиток в социальной системе, когда мы пытаемся решить социальные проблемы главным образом за счет денег либо предприятий, либо налогоплательщиков, то есть за счет бюджета. Мы — единственная страна, которая пытается построить пенсии без взносов людей. Невозможно иметь достойную пенсию в рыночной стране, если вы не вносите ничего на эту пенсию.

Система здравоохранения. Есть Англия, есть Канада, в которых имеется государственная система здравоохранения, но там

берется налог подходящий 40% в среднем, и если бы мы брали с наших граждан 40%, конечно, медицину можно было бы содержать, а мы пытаемся делать это за счет государства, мы опять пытаемся без взносов людей это решить, мы — единственная страна, где из доходов 75% расходов идет на приобретение товаров и услуг и только 25% идет на налоги, на все взносы, включая оплату квартир. В США не 75, а 25% остается, если вы вычтете в среднем 25% налог, 25% — плата за жилье, 10% — обязательный взнос на пенсии, 6% — обязательный взнос на здравоохранение и 4% нужно отдать на высшее образование детей — с самого детства каждый год ребенку дают деньги, иначе из текущих поступлений вы никогда образование там не сможете оплатить. В Европе немножко больше — 30–35% в разных странах.

40%

**СМЕРТЕЙ МУЖЧИН
В ТРУДОСПОСОБНОМ
ВОЗРАСТЕ — ЭТО
ПРЯМОЙ НЕДОБОР ВВП,
ЭТО ПРЯМЫЕ РАСХОДЫ
СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ
НА ПОТЕРИ КОРМИЛЬЦА**

Так жить нельзя

Аганбегян: Я хотел немножко с другой позиции подойти к проблемам уровня жизни. Вы знаете, что по уровню экономического развития (это валовой внутренний продукт на душу населения по паритету покупательской способности) мы в мире занимаем среди 150 стран 40–45-е место примерно. А вот по всем показателям уровня жизни, кроме образования, где мы по комплексным показателям занимаем 30-е место, но пятимся назад с 3-го места, которое мы занимали в начале 1960-х годов, когда запустили первого человека в космос, по всем показателям мы занимаем существенно меньшее место. По реальным доходам, реальной зарплате мы находимся где-то на 50–60-м месте. По индексу социального развития ООН мы занимаем 70-е место. По важнейшему показателю уровня жизни (это ожидаемая продолжительность жизни), этот показатель многие считают даже более важным, чем реальные доходы, мы занимаем 90-е место, в том числе по мужчинам 120-е место.

Если взять жилье, мы не можем считать комфортным жильем помещение, где нет канализации, — таких 25% в России, где нет холодной воды — 21%, где нет горячей воды — таких 40%. То есть, если взять комфортное жилье, то у нас 15 кв. м на душу населения, а худшая большая европейская страна начинается с 30 кв. м. Мы занимаем 80-е место.

Если взять группы населения, пенсионеры, а это все-таки 40 миллионов человек, из 214 стран, мы занимаем 97-е место. Мы

Поэтому у нас самая низкая зарплата, если сравнить нашу номинальную зарплату и номинальную зарплату на Западе, разрыв огромный, а у уровней жизни разрывы не такие большие, потому что у них на человека на приобретение товаров и услуг — идет меньшая часть зарплаты, потому что выше налог, есть взносы на пенсии и так далее.

И у нас нет другого выхода, нам нужна коренная реорганизация всего уровня жизни, реформирование. Мы формально объявили реформу здравоохранения, но не будем говорить, как она идет. Мы сейчас объявили реформу образования. Жилищно-коммунальное хозяйство у нас сами знаете какое, все государство пытается за чем-то влезть в эту сферу, ценообразование там государственное, государство каждый год повышает тарифы, чего ни в одной стране, конечно, и близко нет в этой сфере.

Если взять всю нашу социальную помощь, то всем известно, что из этой социальной помощи бедным идет 1%, вся остальная помощь идет людям относительно обеспеченным, и она огромна, 34 миллиона людей ее получают, но она не нацелена на бедность. У нас много льгот, которые дают больше преимуществ богатым. Во всем, что государство делает в области жилья, коммунальных услуг, кто получает доход? Доход получают богатые. Если газ стоит дешевле того, чем он должен стоять, кто получает лишние доходы? Тот, кто расходует много газа, у кого большая квартира, у кого газ круглый год горит на даче, а отнюдь не бедный, у которого нет этой дачи и газ не горит. То же самое по электричеству, по коммунальным сетям и так далее.

Наше общество, к сожалению, совершенно отвернулось от проблемы дифференциации уровня жизни, это позор, мы даже не пошли на прогрессивную систему налогообложения, не пошли на солидарную систему взноса на пенсии, на здравоохранение. Ведь на Западе, если я богатый, я все равно вношу 10% на пенсию, но пенсия не различается в 10 раз у меня, если у меня зарплата в 10 раз больше того, кто меньше получает.

У нас, к сожалению, уровень жизни не гарантирован, у нас нет страхования по многим позициям. У нас человек живет, пока он здоров, как только он заболевает... У нас 40% мужчин умирают в трудоспособном возрасте, и эта семья сразу опускается на дно, чего ни в одной стране нет, потому что все застраховано.

То есть нужно немножко более кардинально подойти к этому делу, поэтому мы должны развиваться, нам не просто нужен экономический рост и не просто нам нужен качественный экономический рост, нам не нужен экономический рост за счет роста бюджета, торговли, это главные факторы, которые его двигали в прошедшие десятилетия с 1999 по 2008 годы, а нам нужен экономический рост, прежде всего, за счет высокотехнологических отраслей и нужен интенсивный экономический рост за счет эффективности, производительности.

С другой стороны, нам нужен экономический рост с креном в социальные показатели, многие из которых должны увеличиваться намного быстрее.

**АЛЕКСАНДР
ВАСИЛЬЕВИЧ ЧАЯНОВ**
(1888–1937)

Первая печатная работа Чаянова о кооперации в Италии появилась в 1908 году — двадцатилетний студент сельхозакадемии поехал на каникулы за рубеж и посвятил свой отпуск исследованиям кооперативной работы. Первый практический проект — созданное им с коллегами в 1915 г. Центральное товарищество льноводов — уверенно и быстро завоевывает внутренний и мировой рынок. В феврале 1921 г. Чаянов утверждается членом коллегии Наркомзема. Свой главный свой труд — «Учение о крестьянском хозяйстве» — Чаянов выпускает в Берлине в 1923 г. во время творческой командировки. На родине он выйдет в 1925 г. под названием «Организация крестьянского хозяйства». Главной формой втягивания крестьян в обобщественное производство, по мнению Чаянова, была кооперация. В год великого перелома в 1929 г. прозвучало слово-приговор «чаяновщина». 21 июля 1930 г. Чаянов был арестован. Ему предъявили обвинение в принадлежности к мифической «Трудовой крестьянской партии». А.В. Чаянов отсидел четыре года в тюрьме и был сослан в Алма-Ату. В 1937 г. ему предъявили новое обвинение. Он был расстрелян в возрасте 49 лет.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА,

Влияние состава и величины крестьянской семьи на её хозяйственную деятельность

Небольшой отрывок этой статьи Александра Чаянова мы давали в первом томе «Бесед об экономике», но решили, что она заслуживает полной публикации, лишь с некоторыми сокращениями, тем более что после ее появления в «Трудах Императорского Вольного экономического общества» в самом начале XX века она не появлялась в полном виде, насколько нам это известно.

А.Ф. Фортунатов, характеризуя русское крестьянское хозяйство, с особенной настойчивостью употребляет прилагательный термин «потребительское». В немногих словах можно показать всю важность этого определения: потребительским хозяйством является такое, общий строй которого — его организационный план — устанавливается нуждами потребления. Говоря иначе, основной задачей его является доставление средств существования хозяйствующей семье. При идеальном натуральном строе все отдельные статьи потребительского бюджета должны были быть покрыты из собственного хозяйства, и неудивительно, что сообразно этому строился и организационный план производства. В настоящее время такую идеальную форму наблюдать весьма трудно; элемент денежности проник в хозяйство и во многом упростил его организационный план. Развитие рынка позволило с выгодой отбросить многие специальные отрасли хозяйства и, расширив производство основных продуктов, отчуждать избыточную часть их на рынок, полученные же деньги обращать на покрытие тех статей бюджета, которые раньше обуславливали существование отброшенных специальных отраслей хозяйства.

Правда, в Центральной России источником денежного дохода являются главным образом промыслы, но с каждым десятилетием отчуждение сельскохозяйственных продуктов на рынок расширяется все более и более. Для иллюстрации можно привести ряд характерных примеров. Выписываем из земского статистического сборника по Тотемскому уезду Вологодской губернии ряд цифр, относящихся к бюджету хозяйств и сопоставим их с рядовым хозяйством Волоколамского уезда. Сравнивая эти районы, мы видим, что процент денежных рас-

ходов к общей сумме потребительского бюджета для тотемских хозяйств равен всего 22%, в то время как в волоколамском хозяйстве он достигает 61,6%. Многочисленные натуральные статьи тотемского бюджета требовали соответственной сложной хозяйственной организации. В Волоколамском же уезде 6–7 натуральных граф бюджета позволяли упростить организационный план, расширяя некоторые его звенья для получения денежного дохода.

Если в тотемских хозяйствах 87% от общей суммы всех рассмотренных отраслей производства определяются запросами потребительского бюджета, для хозяйства волоколамского потребление оказывает качественное влияние всего только на 39,6%. Хозяйства других районов, по которым имеются бюджетные данные, занимают средину между этими типами. Значение этих цифр сильно усугубляется тем, что наличие промышленного заработка упрощает организационный план, покрывая многие статьи потребления денежными покупками. Однако, если не качественно, то количественно потребительский бюджет продолжает определять собой хозяйство. Для существования хозяйствующей семьи необходим известный минимум средств существования, и наличные производительные силы хозяйства должны их тем или другим способом добыть. При современных условиях русской хозяйственной действительности и этот минимум достается не легко, и крестьянское хозяйство очень редко бывает в состоянии добыть запас средств существования, сколько-нибудь значительно превосходящий этот низший предел. В этом отношении весьма характерны цифры бюджетных обследований.

Как это явствует из таблицы, несмотря на самое разнообразное географическое положение мест бюджетных обследований, они дали поразительно близкие цифры. Нигде крестьянскому хозяйству не удалось сколько-нибудь значительно оторваться от весьма низкого минимума. Весьма любопытны в этом отношении цифры хозяйств одного района, но разной земельной обеспеченности. Оказывается, что, несмотря на значительную разницу в земельном обеспечении, разница в итогах хозяйств в добытых средствах существования совсем не велика.

НА 1 ДУШУ ОБОЕГО ПОЛА ПРИХОДИТСЯ В ГОД НА ЛИЧНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

ТЕРРИТОРИЯ	ЕДОКОВ	СУММА В РУБЛЯХ
Воронежская губерния	1,48	68,8
Вологодский уезд	1,28	65,1
Вельский уезд	1,28	69,9

**АЛЕКСЕЙ ФЁДОРОВИЧ
ФОРТУНАТОВ**
(1856–1925)

Русский экономист, агроном, статистик. Родился в семье директора народных училищ, автора описания Вологодской губернии. Учился на историко-филологическом, медицинском факультетах Московского университета, затем окончил Петровскую (ныне Тимирязевскую) сельскохозяйственную академию, где преподавал многие годы. Активно работал в земских учреждениях и общественных организациях, в том числе в Императорском Вольном экономическом обществе. Одна из основных работ, ставшая результатом долгой работы в разных регионах — «Районы русской полевой культуры». Похоронен в Тимирязевском парке при Академии.

ОДИН ВЗРОСЛЫЙ МУЖЧИНА ТРАТИЛ НА ЛИЧНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ В ГОД

ГОД	ТЕРРИТОРИЯ	СУММА В РУБЛЯХ
1888	Воронежская губерния	47,6
1905	Вологодский уезд	64,1
1903	Вельский уезд	56,7
1903	Тотемский уезд	51,8
1904	Тобольская губерния	46,9
1904	Томская губерния	57,7
1902	Полтавская губерния	47,9
1898	Херсонская губерния	48,5
1898	Казанская губерния	53,4
1876	Елизаветпольский уезд	56,7
1879	Борисоглебский уезд	50,1

Должен отметить, что мы сейчас стоим перед одной из наиболее любопытных проблем экономики индивидуального хозяйства. Мы предполагали, что один работник вырабатывает 70 руб., а не 50, когда ему нужно прокормить 1,4 едока, а не одного только себя. Согласно этому положению, приходилось на него всего только 1,2 едока, он вырабатывал бы не 70 рублей, а всего только 60. Словом, мы предполагали, что «потребитель» — размер необходимых средств существования всецело определяет собой продукцию «работника». Вполне законно и обратное предположение, что бюджет определяется количеством активных работников, и если «работник» вырабатывает, положим, 80 рублей, то «едоки» получают при отношении 1,6 по 50 рублей, а при отношении 1,2 — по 66,6. Вопрос ставится, следовательно, о том, кто определяет собою хозяйство — «едоки», или «работники»? Логически казалось бы, что второе из наших предположений более вероятно, и «работник» всегда будет стремиться исчерпать всю производительную силу. Но в действительности «работник» соизмеряет свою продукцию с запросами «едоков». Так, например, мною были разделены вологодские, воронежские и волоколамские бюджеты на группы сообразно тому, сколько едоков приходилось на одного работника, и для каждой группы вычислена как средняя продукция «работника», так и потребительный бюджет «едока» в рублях.

Сопоставление полученных рядов подтверждает наше первое предположение: «работник» по мере обремененности едоками начинает повышать продукцию, в то время как «едок» мало реагирует на количество обслуживающих его «работников». Ряд потребительного бюджета «едока» проявляет сильную устойчивость. При теоретическом анализе

этого наблюдения возникает вопрос, почему «работник» низших по обремененности групп довольствуется незначительным бюджетом и не увеличивает своей продукции, несмотря на то что подобное увеличение возможно, как это явствует из продукции работников высших групп?

Указывали два возможных решения этого вопроса. С одной стороны, следуя за г. Олексенко (автором одного из интереснейших докладов для Екатеринославского агрономического съезда 1910 года), можно принять, что сами потребности рядовой крестьянской семьи стоят на самом низком уровне и, раз они удовлетворены, хозяйствующий человек не имеет стимулов к дальнейшей затрате труда. С другой стороны, факт малой продуктивности при достаточном количестве неиспользованного труда может объясняться тем, что при условии избыточности в нашей деревне всякое дополнительное приложение труда настолько тяжело в сравнении с оплатой его, что только исключительная нужда, испытываемая в сильно обремененных едоками семьях, может принудить к этим работам.

Оба эти положения можно обобщить, сказав, следуя Дживонсу, что предельная полезность ценности, приобретаемой предельным трудом, должна в своей психической оценке равняться тягостности этого предельного труда. А так как в более обремененных «едоками» семьях каждая единица ценности, добываемой «работником», будет иметь значительно высшую предельную полезность, чем в семьях менее обремененных, то на нее может быть затрачен и труд большей тягостности. Последнее подозрение может быть весьма наглядно иллюстрировано следующими графиками.

Имеем систему координат, по оси абсцисс которой отложены суммы в рублях, вырабатываемые «работником» в год, ординаты представляют собой психическую оценку этих рублей. Кривая АВ указывает степень тягостности приобретения предельного рубля, отложенной на оси абсцисс суммы. Тягостность выработки десятого, двадцатого рубля — ничтожна, но чем дальше, тем каждый лишний рубль, вырабатываемый

ГРУППЫ ПО ОБРЕМЕНЕННОСТИ

ЕДОКОВ НА 1 РАБОТНИКА	РАБОЧИХ ДНЕЙ НА 1 РАБОТНИКА В ГОД
1,01–1,2	98,8
1,21–1,4	102,3
1,41–1,6	157,2
1,61–2	161,3

мый работником, достается ему тяжелее. Предположим, что нашему «работнику» приходится содержать 1,2 «едока». Для этих 1,2 едока предельный рубль его годовой выработки будет иметь весьма различную предельную полезность, в зависимости от величины общей годовой суммы. Психическая оценка двадцатого, тридцатого рубля будет этой новой кривой с кривой АВ уже в точке соответствующей продукции «работника» в 80 рублей. Ясно, что для всякой степени обременения, лежащей между 1,2 и 1,6, точка равновесия, на которой остановится продукция, будет лежать между этими пределами. Этим анализом чисто теоретически устанавливается то же, что выше мы получили эмпирически: по мере увеличивающегося обременения «работника» «едоками» он параллельно увеличивает свою продукцию.

В произведенном нами анализе влияния состава семьи на ее хозяйственную деятельность мы пока ограничивались учетом относительных величин и совершенно не принимали во внимание абсолютное число «едоков» и «работников» в семье. Однако величина семьи несомненно должна была играть заметную роль в направлении ее хозяйственной деятельности. Так, например, вам неоднократно указывали, что повышенная продукция высших групп нашей группировки по обремененности «едоками» может зависеть от многосемейности, позволявшей «работникам» использовать принцип сложной кооперации. Мы не могли с этим согласиться уже по одному тому, что наша группировка выявила не только увеличение материальной продукции, но давала указание и на прямое увеличение количества работы, приходившейся на 1 «работника». Так, например, по Волоколамскому уезду мы имели следующий ряд.

Однако мы все-таки полагали, что разделение труда, допускаемое многосемейностью, могло играть значительную роль в повышении продукции. Ввиду этого, разрабатывая бюджеты Вологодского уезда, мы обратили на выяснение влияния многосемейности особое внимание. Прежде всего оказалось, что при росте обремененности не наблюдается соответственного увеличения многосемейности (числа работников) и, следовательно, не может быть и речи об исключительном влиянии принципа сложной кооперации на наблюдаемое увеличение продукции работника.

Таким образом, уже этой таблицей многосемейность устранялась из числа объяснений наблюдаемого увеличения продукции. Однако наш материал дал возможность произвести прямой анализ влияния числа работников в семье на продукцию. Полученный результат оказался совершенно неожиданным: продукция оказалась обратно пропорциональной числу работников. «Возможность сложной кооперации» оказала отрица-

ВОЛОГОДСКИЙ УЕЗД

ЧИСЛО РАБОТНИКОВ В СЕМЬЕ	ЧИСЛО «ЕДОКОВ»	ПРОДУКЦИЯ «РАБОТНИКА» В РУБ.
2,75	2,75	72,9
4,32	4,73	63,9
2,9	3,57	79,1
3,48	4,7	84,4
2,79	4,23	91,7
2,12	4,23	117,9

тельное влияние. Подобная совершенно непонятная на первый взгляд зависимость стала совершенно ясной при дальнейшем, более подробном анализе. С одной стороны, оказалось, что малорабочие группы, состоявшие в большинстве из семей со стариками, малолетними детьми, а многорабочие группы — из семей с уже взрослыми детьми, в силу чего отношение едоки/работники оказалось резко обратно пропорциональным числу работников в семье и еще раз утвердило свое значение, погасив всякое влияние сложной кооперации.

С другой стороны, на сцену выступил закон, практически известный всем семьям, — что чем больше в семье людей, тем дешевле обходится содержание каждого из них. Две последние наиболее многосемейные группы показали уменьшение расходов на 1 «едока» на 12% в среднем и тем уменьшили задания для обслуживающих его работников. В отношении этого обстоятельства — уменьшения расходов на 1 «едока» — необходимо сделать одно весьма важное замечание. При всех наших предыдущих сопоставлениях ряд потребительного бюджета «едока» давал пример удивительной устойчивости и мог внушить мысль, что в своем потреблении русское крестьянство представляет собою совершенно однородную массу. Это положение однако совершенно противоречит действительности. Если мы возьмем ряд индивидуальных хозяйств и исчислим для каждого из них потребление «едока», то получившийся ряд величин по своей устойчивости будет весьма мало отличаться, например, от устойчивости ряда продукции «работника», в которой мы нашими сопоставлениями открыли столь большую изменчивость под давлением различных факторов. Так, например, мы могли вычислить... что индивидуальные различия в потреблении «едока» немного уступают различиям в продуктивности «работника»...

Все «Труды Императорского Вольного экономического общества» размещены на сайте ВЭО России — veorus.ru

Panelists:

Boris Yurievich Titov
*Presidential Plenipotentiary for Entrepreneurial Rights,
 Chairman of the Supervisory Board of the Research Center
 for the Preparation of the Growth Strategy*

Anastasia Alekhnovich
*Head of the Expert Center under the Presidential
 Plenipotentiary for Entrepreneurial Rights,
 Director of the P.A. Stolypin Institute of Growth Economics.*

Abel Gezevich Aganbegyan
*Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the
 Economic Theory and Policy Department of the Russian Academy
 of National Economy and Public Administration*

Zahirjan Anvarovich Kuchkarov
*Director of the Concept Analytical Center, Doctor of Economics.
 Growth Strategy Expert*

Andrey Korotaev
*Leading Researcher at the International Laboratory of Political
 Demography and Macrosociological Dynamics of the Russian
 Academy of National Economy and Public Administration,
 Doctor of Economics, Growth Strategy Expert*

Vyacheslav Veniaminovich Lokosov
*Director of the Institute of Social and Economic Studies of
 Population of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Economics*

ECONOMY WITH A HUMAN FACE

The economic development program Growth Strategy, prepared by the Stolypin Club, contains a large section on measures to improve the quality of life, people's incomes, health care, education – everything we have traditionally considered as expenditure. At the same time, according to the program's authors, "investing in human capital or improving management efficiency in social sphere with the purpose of enhancing its performance does not result in irreversible costs or efforts, it is one of the most powerful and stable sources of economic growth.

Ruslan Semenovich Grinberg
*Director of the Institute of Economics of the Russian Academy
 of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy
 of Sciences, Vice President of the FES of Russia*

Dmitry Evgenievich Sorokin
*Member of the Presidium of the FES of Russia,
 Chief of Research at the Finance University under the
 Government of the Russian Federation, Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics*

Sergey Yu. Malkov,
*Chief of Research at the Center for Long-Range Forecasting of
 the Moscow State University,
 Doctor of Technical Sciences.*

A

Alekhnovich outlined the main points of the Growth Strategy social program.

The first solution, the main task of the Russian economy is increasing labor productivity and raising population incomes

as a key to solving social problems.

The second solution is recognizing budget expenditures on the social sphere as investments in human capital, rather than subsidies. For us, this is a fundamentally important solution that must be recorded in all the key strategic documents.

The third solution is establishing a profile for government programs and social institutions - quantitative performance-based, rather than process-related, indicators.

The fourth solution is implementing a program to improve the demographic situation. Unfortunately, the current program is rather passive, the maternity capital is considered all but the only possible measure, but it is hardly adequate.

The fifth solution is introducing a personal approach, the modern level of information technology allows this. To reveal abilities and

talents, gifted young people around the world are tracked down as early as in kindergarten.

The sixth solution is increasing the motivation of businesses and individuals to pay insurance premiums. We believe that this is a key task, the existing system has killed the intent of both employees and employers to pay for insurance, everybody agrees to receiving salaries in envelopes.

The seventh solution is reconsidering the priorities for budget spending, preventing decline in social expenditure; in the long term, after the new KPIs have been introduced, it will even be advisable to allocate additional funds.

The eighth solution is ensuring an influx of private investment into health care, education, and the social sphere. For this we need to create an appropriate environment. So far, unfortunately, the administrative barriers and regulations render all the relevant activities of private companies unprofitable; they are generally prohibitive and rigorously enforced.

Titov notes that today the main emphasis of our social policy should be shifted to the efficiency of spending. This does not mean that we need to make sure everything makes a profit - it's not true. Quality

of life is quality of life, not an income, but we must be certain that the money was really spent on improving the living standards. Therefore, we say: yes, it is an investment, but not only in the development of the economy (and people are an integral part of the production process) but also in achieving the ultimate goal of increasing the quality of life. And such investment should be effective as well.

He notes that there are huge structural problems within the pension system, because when the pension reform was carried out, the western standards were simply transplanted onto Russian soil. But by then we already had a huge number of pensioners who did not and could not save money for retirement, it was a situation specific to Russia. Our pension fund, in which we put our retirement money, was told to pay those who had not earned a pension and who had already retired by the time the pension reform started to work. This is not fair, because when people work, they shouldn't be required to give their money to others. They should accumulate a balance in order to be integrated into the pension system. And those who did not earn their pensions should be the government's

responsibility.

According to Milton Friedman, Ruslan Greenberg and many other economists, production and creation of added value should be a priority. Then you can talk about justice. A social state must have a fair and sufficiently effective system of distribution of the country's output in order to keep the general living standards high. But if there is no production, there is nothing to distribute.

ИНВЕСТИЦИОННО- ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ КЛИМАТ РФ

КАК ВЫЗВАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ

Мешает ли государство бизнесу? Насколько безопасно у нас вкладывать деньги в дело? Какова «погода» в нашем экономическом доме? Говорят руководители крупнейших предпринимательских объединений страны.

СОБЕСЕДНИКИ

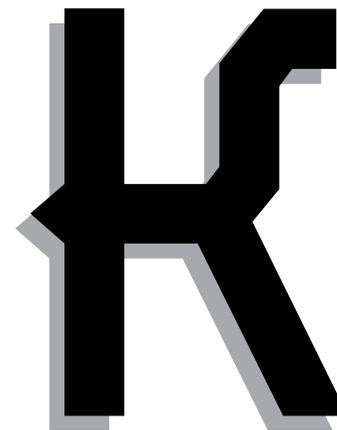
Борис Юрьевич Титов,
уполномоченный при Президенте Российской Федерации
по защите прав предпринимателей,
председатель президиума Столыпинского клуба

Александр Васильевич Мурычев,
исполнительный вице-президент Российского союза
промышленников и предпринимателей,
председатель Совета ассоциации региональных банков
России, д. э. н., к. и. н.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор

Как погода?

Бодрунов: Борис Юрьевич, как Вы оцениваете предпринимательский климат? Какова «погода» в доме?

Титов: Конечно, говорить сегодня о том, что у нас все сияет, блестит, тепло и самый лучший предпринимательский климат в стране, — нельзя. Более того, можно сказать, что сегодня предприниматели работают даже не благодаря, а часто вопреки тому, как к ним относятся и страна, и общество. В любом случае без бизнеса в рыночной экономике, если мы идем по рыночному пути, будущего нет, тем не менее не вся страна это понимает. Мы боремся в какой-то степени против общественных настроений, но также и против огромного количества чиновников. Одни просто не верят в развитие предпринимательства в России, другие используют в личных целях свои полномочия, поэтому, конечно, климат сегодня тяжелый. Вы знаете, для того чтобы бизнес развивался, нужны три главные составляющие: бизнесу должно быть удобно, безопасно и выгодно. По всем направлениям у нас сегодня не совсем удобно, но мы все же движемся вперед. Надо сказать, что в последнее время было много сделано для улучшения регуляторной среды.

Бодрунов: Вы имеете в виду ответственность органов, которые неправильно возбуждают дела?

Титов: Это, скорее, касается безопасности, а удобство — это как раз подключение, получение разрешения, административные лицензии. Все это сегодня в России далеко от нормы. Для этого мы инициировали рейтинг doing business — делового климата в регионах. Сейчас РСПП и «Опора России», и Торгово-промышленная палата вместе с АСИ (Агентством стратегических инициатив. — Прим. ред.) являются гарантами того, что у нас улучшается деловой климат. Насчет пунктов «безопасно» и «выгодно» есть реальные проблемы. «Безопасно» — это правоохранительные органы и, естественно, административные органы (проверки и прочее), а вот «выгодно» — сегодня самая большая проблема: идет слом экономической модели развития, падает спрос, но одновременно растут издержки, в России стало невыгодно делать бизнес.

Бодрунов: Александр Васильевич, крупный бизнес, который Вы представляете (наверное, правильно сказать, что в основном это крупный бизнес), расскажите, как с его точки зрения выглядит ситуация?

Мурычев: Как бы я ответил? Конечно, по формальным индикаторам — Борис сказал про doing business, другим индикативным институтам — мы растем. У нас в стране улучшается качество ведения бизнеса. Каждый год мы растем по этому показателю, но, если говорить про крупный бизнес, его надо ставить за скобки, потому что он чувствует себя нормально, достаточно уверенно и всегда требует от нас, руководителей РСПП, чтобы мы занимали следующую позицию: нам не нужны никакие дополнительные бумаги в виде моделей развития экономики, потому что их пишут каждый год, кладут под сукно, и все остается так, как есть, нам нужны долгосрочные правила игры или хотя бы среднесрочные (налоговая и бюджетная политика, прогнозируемость регуляторов, в том числе Центрального банка). Создайте эти условия и отойдите в сторону. Все остальное мы будем решать сами, потому что, когда говорят, что действительно в стране денег мало, я соглашусь с этим, но их мало из-за того в том числе, что крупные активы не вовлекаются в оборот...

Бодрунов: Удивительно странная ситуация.

Мурычев: Активов крупных предпринимателей, которые говорят, что мы и свои деньги дадим, — вы же знаете, что инвестиции у нас идут прежде всего за счет средств предприятий. Финансовая система дает нам 8% инвестиций, а все остальное, до 50%, дают корпорации, промышленность как таковая, поэто-

му идея такая: создайте условия, отойдите в сторону, мы начнем инвестировать и поддерживать курс на обеспечение роста. Пока этого, к сожалению, нет. При этом, как говорит Борис, проблемы, конечно же, в большей степени касаются уровня малого и среднего предпринимательства — и в объемах, и в количестве, к сожалению, эта доля бизнеса уменьшается, потому что веры нет. Об этом сейчас даже министры заговорили: «Какие основные проблемы у вас есть? Как вы чувствуете настроение?» Мы впервые подобное услышали. Сам министр финансов заявил, что главное — это доверие и предсказуемость. Мы уже 25 лет просим дорогое и уважаемое нами Правительство помочь создать доверие и предсказуемость, и больше нам ничего не нужно.

Бодрунов: Не надо нас защищать, дайте работать.

Мурычев: Да, теперь и Правительство об этом заговорило. Если и Правительство об этом заговорило, не ясно, как к этому отнестись: мы-то от них ждем предсказуемости, чтобы могло появиться доверие, а они обращают это опять к нам, будто от нас это здесь зависит в первую очередь. В любом случае, когда мы говорим о взаимодействии, конечно, друг от друга мы тут никуда не уйдем. Это путь, без всякого сомнения, двусторонний.

«Трава сквозь асфальт»

Бодрунов: Коллеги, сегодня очень часто слышишь, что было бы у нас то и это, я бы пошел в предприниматели, занимал свою нишу, делал дело, и, наверное, это было бы полезно, но часто люди останавливаются на полпути или пробуют, бросят и дальше не идут.

Титов: Вы знаете, предприниматель — это всегда инициативный человек. Как бы ни было плохо...

Бодрунов: Он будет расти, как трава сквозь асфальт?

Титов: Да, пробьется в любом случае.

Мурычев: Сергей Дмитриевич, ваша организация называется «Вольное экономическое общество». Большой смысл я вижу именно в словах «вольное экономическое». Это главный принцип предпринимательства — у тебя нет начальника, зависит от тебя, будешь ты успешным или проиграешь, все риски у тебя, но и все свободы тоже твои, ты сам волен принимать решения. В этом и есть смысл рыночной экономики — в свободе предпринимательства. Каждый работает сам, но и несет все риски на себе тоже. Очень жаль, что сегодня в нашей стране все мень-

«Чтобы бизнес развивался, нужны три главные составляющие: бизнесу должно быть удобно, безопасно и выгодно»

ше и меньше развит этот дух вольной экономики, все больше давления начальников как раз на предпринимателей со стороны государства...

Бодрунов: Один с сошкой, семеро с ложкой.

Мурычев: А если не будет в стране этого вольного предпринимательского духа, то, конечно, нет перспектив развития экономики. Проблема в нашей стране, если чуть-чуть заглянуть в историю, в том, что у нас нет культуры ведения бизнеса. До революции она была, и весьма мощная — купеческая.

Бодрунов: Да, помните, что значило купеческое слово?

Мурычев: Конечно, слово дал, не надо было даже подписывать бумаги. Мы за эти десятилетия много чего растеряли, и с чего мы начали восстановление: с барьеров, препятствий, административного пресса, крышевания «правоохранительных органов». Бизнес только отстегивает.

«Нам нужны долгосрочные или хотя бы среднесрочные правила игры: налоговая и бюджетная политика, прогнозируемость регуляторов, в том числе Центрального банка».

А.В. Мурычев

Бодрунов: Словом «бизнес» многие стали называть систему получения денег в карман.

Мурычев: Конечно. И система такого «бизнеса» выстраивалась годами: ты присасываешься к бюджету — и это тоже бизнесом называется.

Бодрунов: При этом появляется представление о том, что бизнес — это что-то такое, когда где-то взял и куда-то унес.

Мурычев: И на этом фоне мы еще говорим о развитии предпринимательства, пишем разные пакеты бумаг — их уже тонну исписали — о поддержке малого и среднего предпринимательства, а бизнес все хиреет да хиреет. Откуда возьмется в таких условиях культура строительства бизнеса? Но малый и средний бизнес — это потенциально огромный рост. Возьмем Германию. Страна показательна, потому что там именно эта категория бизнеса — малый и средний — создает больше половины ВВП — практически 2/3 массы.

Еще одна очень важная особенность связана с тем, что изначально наша история была построена на развитии крупного хозяйства, крупных корпораций, в которых очень много государства. При этом в государственных корпорациях очень высокие зарплаты. Мы часто говорим, что денег нет, а посмотрите, сколько получают руководители этих корпораций. Вот такая у нас культура предпринимательства. Это нужно решительно ломать, но для того, чтобы ломать, надо создать условия для здорового бизнеса.

Титов: Предпринимательскую культуру мы не можем импортировать с Запада, она не рождается за одно мгновение — ее придется воспитывать, но она воспитывается довольно быстро, ведь еще 30 лет назад у нас предпринимательства не было вообще, кроме цеховиков. А к началу 2000-х годов мы вышли на зрелые уровни развития корпоративной системы, корпоративного регулирования, у нас появились такие институты, как РСПП — я сам начинал свою общественную деятельность в РСПП и отвечал за комиссию по этике, мы начали саморегулировать этические, репутационные отношения в бизнесе.

Тогда все шло очень быстро к тому, чтобы мы стали одним из самых передовых рыночных, корпоративных государств в мире, но, к сожалению, начавшаяся бюрократизация, уход в государственную экономику, рост роли государства в экономике привели к тому, что сегодня эти институты начинают буксовать. Я уверен, что если мы сегодня опять откроемся для предпринимателей, дадим свободы, покажем приоритеты, продемонстрируем, что развитие частного бизнеса является приоритетом не на словах, а на деле, то мы очень быстро нарастим эту корпоративную культуру.

Мы должны создать условия, чтобы конкретный человек, живущий в маленьком городе, деревне, поселке или работающий в Москве, чувствовал себя увереннее. Сейчас у нас не хватает частного предпринимательства малого уровня, который создает какой-то добавленный продукт: более 80% сейчас в этом сегменте — это какие-то торгово-посреднические операции.

При этом мы видим отсутствие конкуренции на инновационном поле. А это как раз уровень и ниша малого и среднего предпринимательства, в которой реально создавать добавленный продукт с высокой стоимостью, что вело бы к структурным преобразованиям в нашей экономике.

Как живет МСП?

Бодрунов: Все говорят о стимулировании малого бизнеса, придумывают какие-то механизмы, но представители МСП буквально плачут, говоря о том, чего у них не хватает и насколько плох инвестиционный климат в регионах.

Титов: Может быть, говорят все, но думают не все, хотя, конечно, это — преобладающая точка зрения. Опору государства в экономике легче делать на крупных компаниях — и государственных, и частных, на которых безопаснее делать ставку, потому что их 10–15, 20, пусть даже 100, то есть они управляемы в режиме реального времени, есть постоянный контакт с каждым из руководителей, акционеров, удобнее выстраивать

**ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ**

**ЖУРНАЛ
«ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ
РОССИИ»**

Старейший экономический журнал в России — ему уже 106 лет. Это единственный сохранившийся с досоветских времен журнал, который продолжает свои традиции. В каждом номере одна из рубрик посвящена инвестиционному климату в России.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ МЕНЕДЖМЕНТА И ИННОВАЦИЙ»

Издание Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Целый раздел книги посвящен инвестиционному климату. В регионах очень серьезно относятся к этой проблематике, потому что там люди во многом живут за счет малого и среднего бизнеса.

то, что премьер Дмитрий Медведев назвал ручной экономикой. Это хорошо работало, когда были сверхдоходы от нефти, — эти компании строились вокруг этого.

У нас, конечно, есть успешные примеры и машиностроительных компаний, но тем не менее в основном это было связано с нефтью, а вот малый бизнес развивать намного сложнее — это так называемая тонкая настройка экономики. Она требует комплексных, иногда непопулярных мер для того, чтобы «травма» малого бизнеса начала повсеместно расти в стране. Задача действительно сложная, тем более что надо контролировать и государственные органы, которые имеют по понятным причинам очень высокое влияние: из беспорядка 90-х мы выехали на плечах чиновников, государства, оно приводило в порядок и финансовую, и экономическую сферы. Мы только говорим о либеральной экономике, а на самом деле у нас — жесткая государственническая финансовая система, которая всех заставила платить налоги, привела в порядок государственные финансы. То же самое происходило и в других сферах, в том числе и в правоохранительной. Теперь проблема в том, что этими органами надо правильно управлять: когда ты их создаешь очень много и наделяешь большими полномочиями, они начинают работать сами на себя. Этот баланс между государством и малым бизнесом очень сложен, эта задача пока — нерешаемая.

Бодрунов: Как сказал один малый бизнесмен — это сравнение мне понравилось — когда идет большой слон, он может не замечать небольшие проблемы, кочки, но, когда бежит маленькая собачка, перескочить незаметный барьер уже не может. Действительно, для любого малого субъекта экономики незаметная для больших проблема превращается в огромную. Так что я совершенно согласен с вашей мыслью о том, что чем мельче бизнес, тем должна быть тоньше настройка.

Мурычев: Главной проблемой, из-за которой у нас фактически не развивается малый бизнес, является недоступность кредитов. Есть системная главная вещь для стартапов, для любого ведения бизнеса — изначально нужен кредит, и малый, и большой, желательно среднесрочный, а уж лучше какой-нибудь долгосрочный, больше пяти лет. У нас не создана ни одна институция для того, чтобы заниматься предоставлением таких дешевых кредитов. У нас очень высокие ставки по заемным ресурсам — они очень дорогие. Понятно, что у нас есть свои сложности, связанные с инфляцией, и от этого зависит ключевая ставка, а от ключевой ставки зависит кредитная ставка.

Мы говорим о том, и Борис Юрьевич согласится, что нужно снижать ставку более решительно. Держат, очень осторожничают, не снимают. У нас считают, что больше рисков макроэкономического характера.

Титов: Это Центробанк не берет риски собственной страны?

Мурычев: Как бы то ни было, когда доступность кредита будет обеспечена, тогда, я думаю, более решительно пойдет развитие самого малого предпринимательства, но для того, чтобы это сделать, надо, мало того, снизить ставку: если мы не придем к доверию и предсказуемости, даже низкая ставка мало что делает. Банки будут осторожничать.

Титов: Должны работать специальные институты в области кредитования, с чем я совершенно согласен. Во всем мире работает такой институт, как проектное финансирование — не для строительства огромных проектов, как дорога Москва — Казань, как сегодня это работает у нас, а массовое проектное финансирование. Центробанку Столыпинский клуб предложил, как это выстроить, — во всем мире это работает, есть готовые механизмы.

Я как предприниматель начинал на Западе работать — экспортные и импортные операции. Там всегда торговые контракты финансируются банками, потому что они могут под это получить рефинансирование своего Центрального банка. У нас же Центральный банк категорически отказывается брать риски торгового финансирования, поэтому сегодня в любой коммерческой операции ты должен сначала произвести товар, потом продать его, и только потом ты получишь деньги.

«ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА ДАЕТ 8% ИНВЕСТИЦИЙ, А КОРПОРАЦИИ — ДО 50%»

Бодрунов: По идее, должно быть ровно наоборот, это правда. Борис Юрьевич — один из разработчиков варианта новой экономической модели для России. Мне кажется, что наша новая экономическая модель должна включать в себя все эти позиции: и стабильность постоянного роста, и предсказуемость действия властей, и заботу о малом бизнесе на деле, а не на словах, и дееспособность институтов, которые этому способствуют. Кроме теоретической платформы, на которой должна быть построена модель, она должна включить в себя огромное количество моментов, связанных с механизмами реализации всех этих задач. Эти механизмы должны устроить и малый бизнес, и средний бизнес, и крупный бизнес: если это устроит нас всех, успех экономического развития реален.

В развитие темы

РАЗВИТИЕ РЫНКА ТРУДА НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

Дмитрий Семёнович Чернейко,
председатель
Комитета по труду
и занятости
населения Санкт-
Петербурга, д. э. н.,
профессор

Бодрунов: Традиционно после очередного года мы подводим итоги, говорим об итогах развития промышленности, экономики России, но и экономики Санкт-Петербурга. Безусловно, такая часть экономики, как рынок труда, не может остаться без нашего внимания, и поэтому хотелось бы, чтобы Вы, Дмитрий Семенович, рассказали нам об итогах прошедшего 2017 года.

Чернейко: Вы знаете, сегодня мы имеем уникальную ситуацию на рынке труда, которой в принципе за всю историю города никогда не было. Количество работающих и выплачивающих налоги людей, то есть официально работающих, абсолютно официально — 3 350 000 человек. Самая высокая цифра за всю историю нашего города, выше не было ни в советское время, ни в постсоветское время, в принципе, никогда.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО
России,
директор ИНИР им.
С.Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

Бодрунов: Большая цифра.

Чернейко: Цифра колоссальная на самом деле, рабочих мест около 2,5 миллиона — это тоже высочайший показатель, поверьте, и тоже такого никогда не было. Ну а дальше наступает такая часть, виртуальная немножко, которую очень несложно официально сосчитать. Да, у нас очень низкая безработица регистрируемая — 10 000 человек. Причина — очень простая. В этом году уже в каждом субъекте Российской Федерации пособие по безработице как институт утратило свою регулируемую роль. И везде, даже там, где с экономикой есть очень большие проблемы, мы видим снижение регистрируемой безработицы.

ДМИТРИЙ СЕМЁНОВИЧ ЧЕРНЕЙКО

Родился в 1959 году в Ленинграде. В 1981 окончил Ленинградский государственный университет. Затем служил в Вооруженных силах СССР.

С 1991 по 1995 год председатель

Комитета по труду и занятости населения исполкома Ленгорсовета. С 1995 по 2005-й возглавлял Департамент Федеральной государственной службы занятости населения Санкт-Петербурга. В 2005-м — заместитель председателя Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. С 2006-го — ректор Санкт-Петербургского института допол-

нительного профессионального образования «Атомпроф». С 2008 года занимал руководящие должности в концерне «Росэнергоатом», «Атомэнергпром» и негосударственном пенсионном фонде «Атомгарант». С 2012 года — председатель Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга. Доктор экономических наук, профессор. Автор более 40 научных работ.

Тут тоже есть луковые моменты. Что такое безработица по критериям МОТ (Международной организации труда)? Чтобы понять смысл цифры. Человек должен не работать, он должен ответить на вопрос, что он не работает. Второе, он должен быть готов к труду — по квалификации, по состоянию здоровья.

Бодрунов: То есть это не больной, не пенсионер, так сказать.

Чернейко: Он просто должен быть готов приступить к работе. И третий критерий — он должен предпринимать усилия к поиску работы. И если учесть, что, несмотря на вот такие высочайшие цифры легальной занятости, все равно же есть еще и теневой рынок труда, его очень сложно измерить, но такая система налогообложения оплаты труда, которая сейчас существует, стимулирует людей работать не полностью в белой зоне.

Работа по выводу людей в белую зону идет, в городе эффективно действует соответствующая комиссия, и прочая, и прочая, но базовые налоговые условия очень трудно менять, Вы сами это знаете как работодатель: обложение фонда оплаты труда колоссальное. В этих условиях сказать, а реально есть безработица большая или нет, сложно. Сделайте пособия по безработице в раз- мере, допустим, минимальной заработной платы. С 1 января, это, кстати, огромное достижение нашего города, с 1 января 2018 года это будет уже 17 000 рублей. И вот представим себе, что если бы пособие равнялось минимальной заработной плате: человек сразу принимает решение, то ли мне на учет встать, то ли идти работать? И тогда количество зарегистрированных безработных было бы гораздо выше. Здесь надо выстроить так этот институт, чтобы и производительность высокую стимулировать, и социальную поддержку организовать, и помочь людям найти себя. Вот опять же рынок труда у нас очень подвижный, каждый год на протяжении последних опять же 25–27 лет меняет место работы до полумиллиона человек, представляете?

Непонятый рынок труда

Бодрунов: С одной стороны, мы видим проблему, что не хватает вроде людей в тех местах, где они потребны, с другой стороны, многие люди не могут найти себя, потому что в новые условия не вписываются.

Чернейко: Да. Проблема заключается в том, что в нашей стране по факту рынок труда существует только с 1991 года. И традиции рынка труда и традиции работы с трудом в рынке — очень короткие. Сегодня спрашиваешь работодателя: «Вы собираетесь открывать новое производство, а есть у вас кадровая компонента?». На тебя смотрят с удивлением: гражданин, а вы, собственно, о чем спрашиваете? Какая ерунда! А когда работодатель создает этот бизнес, он говорит: «Слушайте, зачем у нас существует служба занятости, мне сегодня надо!»

СПРАВКА

Размер пособия по безработице в Российской Федерации был установлен в 2009 году. В 2018-м Правительство Российской Федерации сохранило его в прежней величине, минимальное пособие — 850 рублей и 4900 рублей — максимальная выплата. По сравнению со многими странами мира это один из самых низких показателей. Самый высокий размер минимального пособия по безработице в 2018 году был в Дании — 1800 евро, или 126 000 рублей, в Германии 919 евро — 64 300 рублей, в США 544 евро — 38 000 рублей, в Греции 360 евро — 25 200 рублей, на Украине 17 евро — 1200 рублей. Решение о выплате пособия должно быть принято одновременно с принятием решения о признании гражданина безработным. По методике международной организации труда МОТ уровень безработицы в Петербурге составил 1,8% — это самый низкий показатель в Российской Федерации, при этом данные статистики совпадают с опросами граждан, проведенными Комитетом по труду и занятости населения Санкт-Петербурга.

Бодрунов: Дайте людей!

Чернейко: 100 расточников здесь и сейчас! Ну вот как?!

Бодрунов: Там еще квалификация, где ее найти?

Чернейко: Рынок труда отличается от другого рынка. Возникает дефицит, ну, например, нефти, поднимается цена, сразу идет длинная цепочка — увеличивается добыча, либо сокращается потребление — все понятно, а на рынке труда, когда нам надо вдруг 100 человек такой-то квалификации... Ребята, подождите, но, чтобы создать человека, сколько времени-то надо! И вот культуры кадрового проектирования нет вообще, чистосердечно говорю, причем нигде! Многие говорят: «Ой, у нас такая низкая мобильность рабочей силы в стране, давайте мы ее будем поднимать, столько-то надо программ придумать, чтобы поднимать», А давайте померяем, есть у нас сегодня мобильность рабочей силы или нет? Я вас уверяю, что она выше, чем в Соединенных Штатах Америки, Германии, Японии, как это можно померить? Берите данные фонда социального страхования, налоговой службы и смотрите, кто платит налоги на территории, где он работает.

СПРАВКА

Россия заняла четвертое место в топ-5 крупнейших теневых экономик мира — оценили эксперты. Ее объем составляет 33,6 триллиона рублей, или 39% от ВВП страны. Хуже дела обстоят лишь у Украины, Нигерии и Азербайджана. Наименьшие показатели объема теневого сектора по итогам 2016 года зафиксированы в США — 7,8% ВВП, Японии — 10% и Китае — 10,2%. По данным Росстата, численность занятых в неформальном секторе экономики в 2016 году составила 403 800 человек, уровень неформальной занятости в Санкт-Петербурге составил 13,6% от общей численности занятых, а в целом по стране — 21,2%.

Бодрунов: Интересно.

Чернейко: У нас в городе примерно треть работающих — это не жители города, треть!

Бодрунов: То есть получается, они работают здесь, получают зарплату, но налоги платят у себя?

Чернейко: НДФЛ они платят здесь, но остальные налоги — естественно, нет, и, более того, зарплата уходит по месту жительства. И отсюда можно сразу оценить на самом деле, что примерно процентов 10 рабочей силы нашей городской работает за пределами города. А если вы возьмете регионы северо-запада, то огромное количество людей — до трети, а иногда и до половины, как в Ленинградской области, — работают за пределами своего субъекта. Представляете, половина! Давайте это померяем и скажем: коллеги, у нас не маленькая мобильность трудовых ресурсов. Упорядочивать ее надо? Конечно. Как? Заниматься кадровым проектированием. Собирается какой-то проект — но ведь проект просто так не возникает, как минимум года три-четыре, если не пять, — этого достаточно, чтобы подготовить людей, подготовить социальную инфраструктуру, сделать так, чтобы к моменту начала проекта люди были готовы, люди знали свою перспективу, они знали жизненные циклы этого проекта, и тогда в общем можно говорить о серьезном планировании. Чья это задача? В первую очередь Минэкономразвития Российской

Федерации и Минтруда. Надо сказать, что сегодня такие подходы постепенно начинают восприниматься — это очень здорово.

Миграция

Бодрунов: Сейчас один из трендов — конечно, миграция, трудовая миграция. Как у нас сегодня решается эта проблема?

Чернейко: Если говорить об иностранных трудовых мигрантах, то их число в нашем городе порядка 250 тысяч.

Бодрунов: Немало, Вы знаете...

Чернейко: Да, это легальные цифры, с нелегальными вещами все проще. Можно сказать, что порядка 100–150 тысяч приезжают и либо успевают оформиться, либо по истечении разрешенных законом сроков выезжают из страны. Да, причем каких-то массовых случаев мало, потому что это подтверждается цифрами выдворений, а сейчас контроль очень жесткий, поверьте.

Бодрунов: Наверное, да, связан с террористической угрозой.

Чернейко: Да, потому что, если человек нарушил все эти сроки пребывания, он автоматически попадает в списки запретников, и из них выйти очень трудно — это запрет на въезд в Российскую Федерацию сразу на 5 либо на 10 лет.

Бодрунов: Все всё понимают.

Чернейко: Все всё понимают, и мы стараемся в рамках Евразийского экономического союза выстраивать по большому счету единый рынок труда, это очень сложно. Это и вопросы профессиональных стандартов — что в нашей стране они есть, а в других странах ЕАЭС пока нет — решен вопрос только по водительским правам для граждан Киргизии и Беларуси, а по остальным это вопрос, по другим профессиям — это совсем вопрос. С 2020 года у нас становятся обязательными профессиональные стандарты по многим позициям, и человек, приехавший в Россию без сертификата не просто об образовании, а о наличии квалификации, он просто на работу не будет принят. И это — серьезнейшая штука.

Бодрунов: Но это и хороший регулятивный момент.

Чернейко: Да-да. Мы создаем центр предварительной подго-

СПРАВКА

По данным МВД, с начала 2017 года в Россию въехало 14 млн иностранных граждан, среди которых основную массу — 67% — составляют граждане бывшего СНГ. Наибольшую долю въехавших мигрантов составили граждане Украины (19,4%), Узбекистана (14,2%) и Казахстана (9,9%). По объемам денежных переводов трудовых иммигрантов лидирует Узбекистан. По данным Центробанка, за 9 месяцев 2017 года узбекские мигранты перевели на родину больше 2,5 млрд долларов — почти на треть больше в сравнении с аналогичным периодом позапрошлого года. На 2-м месте — Таджикистан, почти 1,7 млрд долларов, 3-е место — у Кыргызстана, 1,5 млрд долларов.

Новый институт профессии

Бодрунов: В нашем Институте нового индустриального развития изучаются вопросы прямых и опосредованных эффектов внедрения новых технологий на различные общественные страты, на состояние общества. Сегодняшние рабочие — это ведь не такие рабочие, что были там, 30 лет назад. Как у нас в Петербурге, на рынке труда, эти тренды — они отслеживаются как-то?

Чернейко: Я бы вопрос чуть-чуть даже шире поставил: какие перспективы у самого нового института профессии? Я соглашусь с Вами, что лет через 10 института профессии...

Бодрунов: Как таковой не должно быть.

Чернейко: Вот такого, как было раньше, что человек работал на станке в течение всей своей жизни, а то и два поколения, может быть, даже три поколения. Сегодня один человек оканчивает профессиональное образовательное какое-то учреждение и выходит на рынок труда на 5–10 лет. Такого никогда не было. На два поколения он выходил на рынок труда. И с одной стороны, ему сегодня надо дать очень серьезную платформу, чтобы на нее накладывались дополнительные новые

товки по оргнабору в странах с максимальным количеством граждан, которые у нас работают. Вот мы открыли такой центр в Самарканде. Наша задача — сделать так, чтобы мы на территории страны с ходу приняли экзамен по русскому языку, сделали страховку нормально, а не фантик, чтобы мы проверили медицинские услуги, первичные установочные данные, включая отпечатки пальцев, чтобы наши органы внутренних дел сразу знали, кто приезжает. А в итоге мы хотим перейти к такой ситуации, когда человек, пересекая границу, мог бы показать не просто миграционную карту с указанием — «я хочу работать», а еще...

Бодрунов: Приглашение от работодателя — job offer.

Чернейко: Job offer, заверенное органами государственной службы занятости, чтобы все понимали, куда он едет, где он будет жить, где работать, какая будет зарплата и когда он покинет нашу страну. Это нормальный подход, это не нарушает безвизовый режим отношений со странами.

Бодрунов: Наоборот, облегчает человеку жизнь на самом деле.

Чернейко: Что меня порадовало, на это было встречное серьезнейшее пожелание узбекской стороны, и это — линия президента Узбекистана. Безусловно выстраивать этот рынок очень сложно, но политическая воля руководства, в первую очередь Российской Федерации, есть, губернатор Санкт-Петербурга полностью поддержал наш проект, и вот мы двигаемся в таком совершенно нормальном цивилизованном направлении.

компетенции в течение всей жизни, и этих новых компетенций будет существенно больше, чем одна или две.

Такого тоже вообще никогда раньше не было, притом системы не было. Мало того что человек в течение своей жизни проживает несколько карьер — 5–6, — но он и делает одновременно несколько проектов. Это же сразу взламывает всю систему социальных отношений.

Бодрунов: Меняется институт страхования.

Чернейко: Социального партнерства. Рынок труда становится сложным, сегодня и мерить-то трудно. Я эту ситуацию называю, без всяких шуток, квантовый рынок труда, потому что это уже не рынок и не труда: все отношения становятся совсем запутанными, но система, безусловно, есть. Количество транзакций увеличивается радикально. Смотрите, что получается: каждый год каждый шестой работник меняет место работы, но он же еще одновременно работает в нескольких местах и в нескольких проектах. Количество хозяйствующих субъектов — 350 000, количество работников — 3 350 000. Это все постоянно меняется, и для того, чтобы это все упорядочить, надо понимать некоторые системные вещи. На рынок труда каждый год выходят люди, но из профессионального образования в нашем городе на рынок труда выходит около 60 000 человек, а закрытие рабочих мест в год примерно в 10 раз больше. То есть, когда кто-то говорит о системе профессионального образования с упреком, что вы недодаете нам это, вы должны учесть еще этому, этот упрек — ни о чем, потому что само по себе первичное профессиональное образование может быть любого качества, но это всего лишь одна десятая закрытия мест на рынке. А все остальное...

Бодрунов: Даже может быть меньше со временем.

Чернейко: Да, детей становится меньше, а количество транзакций на рынке будет только расти. Это означает, что должна развиваться мощнейшими совершенно темпами система дополнительного профессионального образования самых разных видов, в первую очередь — это сетевые вещи, индивидуальный подпроект, и вот это как раз то, чем наш комитет последние года два-три занимается серьезно. Сейчас город включен в минэковскую программу повышения производительности труда, и наш Комитет будет ведущим в этой программе вместе с Комитетом по промышленной политике, естественно, и вот Центр производительности труда мы у себя на платформе делаем для того, чтобы максимально содействовать повышению производительности труда. Кроме того, мы у себя формируем большую достаточно площадку, и наши сотрудники будут обучаться специально такой вещи, как формирование умения системного зака-

СПРАВКА

Согласно опросу рекрутингового портала HeadHunter, 81% опрошенных сотрудников российских компаний задумываются о кардинальной смене профессии. Каждый третий думает о смене профессии, потому что чувствует себя не на своем месте, другая причина — отсутствие карьерных перспектив и возможности самореализации. 29% опрошенных не устраивает зарплата. По результатам другого исследования — рекрутинговой компании «Бигл», — карьерное развитие наблюдается у 57% россиян, сменивших профессию. У 33% ничего не изменилось, а 10% признались, что пришлось перейти на должность более низкого уровня, но восстановиться так и не удалось. Ежегодно каждый пятый россиянин меняет работу, при том что искать ее сегодня приходится дольше — до шести месяцев.

за на дополнительное профессиональное образование от работодателей. Ведь в чем ситуация? Один работодатель говорит: мне надо переподготовить для такой-то позиции пять человек, мне надо два человека, мне три. Как они сами решат задачу? Рынок образовательных услуг профессиональных существует, но он пока не обладает такой гибкостью, чтобы учить здесь двух, здесь трех, здесь пятерых. Надо помочь сформировать вот эти платформы.

Бодрунов: Сформировать, подготовить людей.

Чернейко: По сути это индивидуальная, профессиональная траектория. Вот мы такую задачу на себя взяли.

Бодрунов: Это очень сложная задача.

Чернейко: Это очень сложно, но думаю, что получится, потому что я не ожидал такой внятной реакции со стороны работодателя, честно скажу.

Бодрунов: Видимо, это все-таки назревшая проблема, требование жизни, что называется, и работодатели идут навстречу. Если говорить об итогах этого года, то я бы хотел напомнить, что Вы провели один из крупнейших форумов организации труда в этом году. Это был Санкт-Петербургский международный форум труда, и с ним еще Молодежный международный форум труда.

Чернейко: Мне кажется, это самое крупное мероприятие по данной проблематике в Российской Федерации за последние 20 лет.

Бодрунов: Сколько там было участников?

Чернейко: Порядка 20 000. Мы попробовали замахнуться на рассмотрение всего, что связано с трудом. От профессиональных стандартов и охраны труда до того, может ли быть нулевая безработица, хорошо ли это, и вообще будущее труда — что это? Принимали участие международные эксперты, в 2018 году форум пройдет с 1 по 3 марта, и мы будем приветствовать международную конференцию, которая пройдет в рамках форума Всемирной ассоциации государственных служб занятости. Это впервые будет проходить на территории Российской Федерации, то есть будет возможность у специалистов посмотреть, как рынок труда организован ну реально во всем мире.

Бодрунов: Но это десятки стран мира.

Чернейко: Да, это более сотни участников из разных стран, это и Африка, и Латинская Америка, и Западная Европа, и Юго-Восточная Азия, то есть практически весь мир.

Бодрунов: Ну, Дмитрий Семенович, я бы хотел пожелать и форуму успешной работы, и Вам, и Комитету по труду и занятости Санкт-Петербурга, конечно. В этом году — новых удачных дел. Мне кажется, что у нас в городе сегодня сложился гораздо более подготовленный для новых технологий, чем у других субъектов Федерации, рынок труда, и это в том числе — Ваша заслуга, результат Вашей многолетней работы.

INVESTMENT AND BUSINESS CLIMATE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Does the government interfere with business? How safe is it for us to invest money in business? What is the “weather” in our “home” economy? These questions are discussed by the businessmen who head the country’s largest business associations:

Panelists:

***Boris Yurievich Titov,**
Presidential Plenipotentiary for the Protection of
Entrepreneurial Rights,
Chairman of the Presidium of the Stolypin Club*

***Alexander V. Murychev**
Executive Vice President of the Russian Union of
Industrialists and Entrepreneurs,
Chairman of the Council of the Association of Regional
Banks of Russia, Doctor of Economics, Ph.D.*

***Sergey Dmitrievich Bodrunov**
President of the FES of Russia,
Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor*

According to Titov, today the country’s entrepreneurial climate can’t be said to be adequate. Moreover, today it is true that entrepreneurs work not because of how the country and society treat them but often in spite of it. In any case, in a free market economy, if we choose the free market path, without business there is no future; and yet not everybody seems to understand this. “To some extent, we are opposing public sentiment and also a huge number of officials. Some simply do not believe in the development of business in Russia, others use their position for personal gain, so, of course, the climate today is difficult. You know, in order for business to develop, you need three main components: business should feel comfortable, safe and profitable. Today there’s not a single area where we could feel quite comfortable, and yet we are moving forward. It should be noted that much has been done recently to improve the regulatory environment,” says Titov.

According to Murychev, by formal indicators, the quality of business is improving in our country, but as regards big businesses, we should consider them separately because they are okay, they are confident enough and they have always wanted us, the RUIE leaders, to take the following stance: we don’t need any additional papers describing economic development models, because they are written every year, then placed on the shelf, and everything remains as it is; instead, we need rules of the game for the long-

term or at least medium-term (tax and budgetary policy, predictability of the regulators, including the Central Bank).

“Create these conditions and step aside. We will do everything else by ourselves, because when they say that actually money is in short supply in the country, I would agree, but the money shortage is due to the fact that major assets are not being used...,” says Murychev.

The panelists noted that investments in Russia are made primarily on account of enterprises’ funds. The financial system gives us 8% of investments, and everything else, up to 50%, is given by corporations, the industry itself.

Of course, administration problems are more customary for small and medium-sized enterprises whose share in business is unfortunately dwindling in terms of both output and the number, because they no longer have faith.

ВОЗМОЖНО ЛИ ПОБЕДИТЬ КОРРУПЦИЮ? И ЧТО МЫ ДЛЯ ЭТОГО НЕ СДЕЛАЛИ

Борьбой с коррупцией в России, казалось бы, озадачены все, начиная от людей, которые приходят в государственные учреждения и не могут решить вопрос «без барашка в бумажке», как ещё до революции говорили о взятке, до Президента России, который неоднократно делал заявления по этому поводу. И что же нам мешает победить это зло?

СОБЕСЕДНИКИ

*Сергей Вячеславович Калашников,
первый заместитель председателя Комитета по
экономической политике
Совета Федерации ФС РФ, д. э. н.*

*Алексей Николаевич Диденко,
председатель Комитета Государственной Думы
Федерального Собрания РФ
по федеративному устройству и вопросам местного
самоуправления*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

*Руслан Гринберг,
научный руководитель Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН,
вице-президент ВЭО России*

Программа «Дом “Э”», ОТР, 18.02.2017, Дом экономиста

СУХИЕ ДАННЫЕ

В индексе восприятия коррупции, который ежегодно составляет международная организация Transparency International, в 2016 году Россия заняла 131-е место, оказавшись на одной ступени с Ираном, Казахстаном, Непалом и Украиной. Первые места в индексе по-прежнему принадлежат

Дании, Новой Зеландии, Финляндии и Швеции. Россия полностью выполнила 10 из 21-й рекомендации международных организаций по борьбе с коррупцией и еще 11 лишь частично. Чиновникам запретили владеть иностранными финансовыми инструментами, принят закон о «черном списке» людей, уволен-

ных за коррупцию с государственных должностей. Компании обязали объявлять своих бенефициаров, а федеральным чиновникам запрещено работать с организациями, где работают их родственники. Теперь госслужащий может быть уволен даже за сокрытие сведений об имуществе своего супруга.

Лукавство заявлений

Бодрунов: Уважаемые коллеги, наверное, стоит для начала прокомментировать эти данные.

Калашников: Многие говорят о том, что эти данные часто свидетельствуют о незнании истинной ситуации. Например, что касается тех же Скандинавских стран: там говорят, что коррупция гораздо выше, чем показывает Transparency International.

Что касается России. Начнем с того, что взятка — это общечеловеческий порок. Он, безусловно, в той или иной степени существует во всех странах. Теперь — о методах борьбы: все их можно разделить на два класса — эффективные и декларативные. Что касается всякого рода конвенций, и ратифицированных, и нератифицированных нами, они в своем большинстве носят популистский декларативный характер, никак не влияющий на процессы коррупции. Есть примеры стран — та же Новая Зеландия, Сингапур и Южная Корея, — которые находятся на очень хорошем счету по уровню коррупции, где есть собственная система действенных мер. Теперь я бы хотел высказаться по поводу Вашего утверждения, что все борются, все хотят, но что-то не получается. На мой взгляд, это не совсем так.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ОЦЕНКА**ВЛАДИМИР ПУТИН**

«В последние годы было немало громких дел в отношении чиновников муниципального, регионального, федерального уровня. При этом подчеркну: абсолютное большинство государственных служащих — честные, поря-

дочные люди, работающие на благо страны. Ни должность, ни высокие связи, ни бывшие заслуги не могут быть прикрытием для нечистых на руку представителей власти. Однако (и тоже хотел бы обратить на это внимание) до решения суда никто не имеет права выносить вердикта о виновности или невиновности человека».

Бодрунов: Не совсем получается?

Калашников: Не совсем борются. Начнем с бытового уровня. Да, взятка — это плохо, всех достали эти поборы любой власть имущего, начиная от гаишника и кончая любой бумажкой, которая требует определенной взятки. С другой стороны, я подчеркиваю — на бытовом уровне это тот механизм, который смазывает тяжеловесность, кондовость наших законов, недостатки управления.

Бодрунов: Недостатки государственной машины в целом?

Калашников: Совершенно верно. Недостатки управления государством. Это тот механизм, который позволяет людям жить, особенно это ярко проявляется в бизнесе. Я могу жить по закону, но при этом ничего не могу сделать, и могу жить не совсем по закону, зато у меня все работает. Второй момент: декларативные заявления о борьбе с коррупцией — зачастую популистские, никакого отношения к реальной борьбе не имеющие.

Я приведу одну самую знаменитую о борьбе с коррупцией фразу Ли Куан Ю, премьер-министра Сингапура. Он сказал: «Если вы хотите победить коррупцию, вы должны быть готовы к тому, что вам придется посадить за решетку ваших друзей, близких и родственников». Пока этого решения не будет и пока определенная часть российского истеблишмента будет чувствовать себя абсолютно безнаказанно, этого не будет.

Бодрунов: Сингапур после этого встал на 7-е место в этом самом индексе.

Калашников: Да! Сингапур выдвинул четыре метода борьбы. Все они у нас отсутствуют, и все являются сверхэффективными. Пока мы не применим эти методы, к сожалению, ничего не будет.

«НАЧНИТЕ С ТОГО, ЧТО ПОСАДИТЕ ТРЁХ СВОИХ ДРУЗЕЙ. ВЫ И ОНИ ТОЧНО ЗНАЕТЕ, ЗА ЧТО».

ЛИ КУАН Ю,
первый премьер-министр
Республики Сингапур

Презумпция виновности и неотвратимость наказания

Бодрунов: Я с вами, Сергей Вячеславович, соглашусь, потому что когда-то я одного из моих коллег — я когда-то работал в бизнесе, правда, достаточно давно — спросил: «Почему ты ушел из бизнеса?» Он сказал: «Живу по закону». Как только наш бизнесмен начинает жить по закону, он сразу попадает в неконкурентную среду, то есть необходимо менять в принципе саму среду для того, чтобы нагрузка на бизнес не была столь велика. Как только все требования начинают исполняться, нагрузка оказывается выше коррупционной. Алексей Николаевич, как вы смотрите на это?

Диденко: Хотелось бы также прокомментировать рейтинг. Мы прекрасно понимаем, что любой рейтинг — это инструмент, особенно рейтинги западных стран. В их объективности, конечно, можно усомниться, особенно насчет положения России, можно поспорить с этими цифрами.

Что касается мер борьбы с коррупцией, есть уникальные инструменты, которые мы стараемся внедрить, но пока не очень легко получается. Сергей Вячеславович рассказал о проблемах, которые нам во многом мешают принять эффективные, действенные меры по борьбе с коррупцией, в частности все, что касается имущества и финансовых инструментов родственников муниципальных должностных лиц, в том числе избираемых. Здесь наши правовые механизмы недоразвиты, но многое и сделано: приняты меры по декларации доходов, расходов, запретов на владение иностранными счетами и инструментами.

Бодрунов: То есть какие-то шаги мы делаем?

Диденко: Да. Например, иностранная недвижимость. Много споров было о том, должен ли государственный муниципальный служащий и избираемое лицо отказаться от недвижимости за рубежом? Если следовать той логике законодательства, которая в последнее время принимается, то, наверное, должен, но здесь начинается конфликт интересов общества и конституционных прав самого государственного служащего и избираемого лица.

Бодрунов: По Конституции все должны быть равны?

Диденко: Равны, и право собственности незыблемо. Есть много спорных моментов, которые юридически, конечно, нужно предусмотреть, но тенденция — правильная. Второй момент: все-таки глубинные причины в России этих коррупционных механизмов — это недоразвитость наших конкурентных механизмов, причем не только на рынке, но и в политической сфере. Мы с вами должны это прекрасно понимать, поскольку монополизация и кастовость фракции или политической силы, которая представляет большинство, во многом порождает коррупционные механизмы и в экономической сфере.

Бодрунов: Вернемся к экономической компоненте. Я задам такой вопрос. Все говорят, что коррупция — это плохо. А почему? Почему это плохо для экономики?

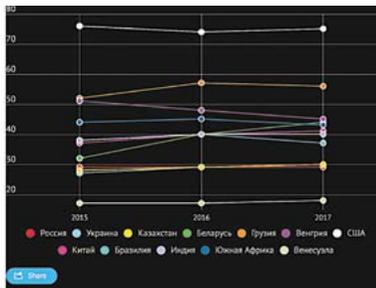
Калашников: Дело в том, что коррупция полностью аннулирует естественные экономические законы. Есть законы рынка — в условиях коррупции их не существует, а существуют какие-то очень странные процессы — химера, которая не попадает ни под

одно прогнозируемое, стабильное состояние. Приспособиться можно к любым законам, какими бы идиотскими они ни были, но коррупция не позволяет сделать даже этого, потому что в любой момент возможен любой выверт, и ты, выпустив дешевую качественную продукцию, уйдешь с рынка несолоно хлебавши.

Бодрунов: Вот соответственно нынешним законам точно уйдешь несолоно хлебавши.

Калашников: Все, что касается деклараций, фиксирования доходов, — это имитация. Например, во многих странах, тех же Скандинавских, вообще нет никаких деклараций для чиновников по одной простой причине, даже в том же Сингапуре был принят этот постулат, — презумпция виновности. Предполагается, что, если человек, его жена, его родственники, его дети имеют собственность, имущество выше возможных доходов, он коррупционер. Он уже должен доказывать, что все нажито законно, прийти и сказать: «Нет, ребята, я получил наследство или еще что-то».

Бодрунов: Интересный подход.

В индексе восприятия коррупции Transparency International в 2016 году Россия заняла 131-е место

Калашников: Но там действуют политические механизмы, то есть открытое общество, в котором есть запрос на эти объяснения. Эта характерная для Скандинавских стран открытость — один из мощных антикоррупционных инструментов. Мы принимаем закон о защите персональных данных, а там любой человек может позвонить в налоговую и сказать: «Я хочу знать все доходы Иванова. Будьте добры сообщить мне. И все расходы».

С другой стороны, Сингапур — далеко не открытое общество. По своим культурологическим характеристикам это закрытая, коррумпированная исторически и вообще очень специфическая психология. Но там есть неотвратимость наказания: создан орган, который неоднократно проверял того же Ли Куан Ю, когда он был вынужден применить санкции к собственной жене и дяде. Там действительно нет никого, кто бы не попал под это колесо.

Бодрунов: В Южной Корее совсем недавно был объявлен импичмент президенту.

Калашников: Кстати, в Южной Корее есть очень интересный исторический момент. Три политических деятеля в середине 1960-х годов собрались, а это тогда была коррумпированная страна, и говорят: «Давайте договоримся: пока страна не вылезет из неблагоприят-

ной экономической ситуации, мы не берем», и они действительно не брали, пока один из этих троих, будучи президентом, не попался на взятке. Есть такая теория идеализированной ситуации, что дайте нам 85 честных губернаторов, и вроде как проблемы нет, но на Руси не могут найти 85 честных людей.

Бодрунов: Как будто дальше не будет вице-губернаторов, чиновников всех уровней.

Калашников: Я здесь хотел бы сказать в защиту губернаторов. Вы знаете, я со многими общаюсь и могу сказать. Абсолютное большинство губернаторов — это люди, которые не берут. Здесь ведь как? Если от тебя зависят миллионы людей, то как нужно не ценить себя и не уважать, чтобы ради 5 копеек продавать существование этих людей? Это просто полное неуважение к себе, и большинство губернаторов, кстати, как правило, небедные люди, действительно кладут свой живот на службу Отечеству, но система такова, что ему ничего не надо делать. К нему приходят и говорят: «Вот это честно», а оказывается, что это не очень честно. Он не может это проверить.

Бодрунов: Понимаю. В свое время я работал председателем Комитета экономического развития Санкт-Петербурга, был антикризисным менеджером. Так вот, в день мне приходило 300 документов, которые надо было прочитать, принять по ним решение, причем, как правило, решение неоднозначное, а чаще всего — сложное. Эти решения готовили мои сотрудники. Можно ли было все проверить самому, если их было почти 500 человек?

Калашников: У меня есть первоклассный пример подставы губернатора. Вновь назначенный вице-губернатор приходит к губернатору и говорит: «У нас закупочная цена на определенные товары — речь шла о томографах — колеблется от 800 тысяч до 10 млн. Я хочу предложить закупить по 750 тысяч, но так, чтобы вы санкционировали закупку у моих друзей. У меня есть конфликт интересов». Вроде бы хорошо. Огромный субъект Федерации закупает огромную партию этих томографов у одного поставщика. Я спрашиваю этого поставщика: «Ты, как я понимаю, облагодетельствовал данный регион? Наверное, прямо в нулях остался?» Он говорит: «Сергей Вячеславович, одно дело, когда у меня покупали 1, 2, 10, а другое дело, когда у меня покупают тысячу. У меня средняя прибыль 30%». Но порядочно ли поступил этот заместитель губернатора? И правильно ли поступил губернатор? Губернатор поступил правильно, а вице-губернатор его просто-напросто по-наглomu подставил.

Как победим?

Бодрунов: Почему важно искоренять коррупцию? Сергей Вячеславович сказал, что это ущерб нашей экономике — не только напрямую. Это своего рода дополнительный налог.

Калашников: Разумеется, который накладывает определенную дополнительную себестоимость. Я думаю, проблема не только в том, что это налог. Это мы бы еще выдержали. Проблема в том, что это разрушает правила игры.

Бодрунов: Больше того, это не только разрушает правила игры в бизнесе или экономике, но и разрушает правила нашего представления о том, что хорошо, а что плохо в социальном и культурном плане. Мы коснулись темы искоренения коррупции. Можно ли это сделать?

«Причины коррупции — это недоразвитость наших конкурентных механизмов, причем не только на рынке, но и в политической сфере».
А.Н.Диденко

Гринберг: Полностью коррупцию нельзя искоренить, и никому это еще не удавалось. Речь идет о приемлемых рамках коррупции. Один мой зарубежный друг сказал: «Дело не в том, что у вас в стране коррупция. Коррупция есть везде, в том числе в моей стране тоже. Дело в том, что у вас масштаб коррупции таков, что у вас уже коррумпирован сам институт коррупции». Полностью убрать коррупцию, это уже доказано, нельзя, но контролировать ее, уменьшать ее, держать на вполне приемлемом уровне можно. Кто бы что ни говорил, в Америке нет такой коррупции, особенно в государственном аппарате. В западно-европейских странах этого нет.

А что делается у нас? У нас, кстати, когда было возбуждено уголовное дело против известного министра и его какой-то особы, общество считало, что это будет критерий определения пригодности власти, и власть не выдержала, она защитила коррупционера-министра и его сообщницу, поэтому главное, чтобы коротко сказать, надо власти вовремя уходить. Наша коррупция прежде всего держится из-за того, что да, есть законы — это для всех, а для своих можно попросить начальника, он что-нибудь сделает так, чтобы мне было лучше.

У меня такое ощущение, что 90% людей, а то и больше, не хотят брать взятки и не хотят давать взятки, а хотят жить нормально, что называется, по-человечески. Остальные 5–10% — рискованные ребята. Они всегда будут рисковать, они так устроены. А какая борьба? Борьба простая: кнут и пряник. Очень хорошая зарплата, хороший социальный пакет и очень хорошие посадки в тюрьму.

Бодрунов: Что же нам предпринять в первую очередь, коллеги?

Калашников: Я считаю, что здесь, конечно, какими-то одно-разовыми частными мерами проблему не решить, потому что

это спрут, который занимает все пространство. Я, например, считаю, что скандинавский опыт сокращения любых разрешительных функций со стороны чиновника — отказать чиновнику в праве разрешать или не разрешать везде где только можно — наткнется у нас в России на то, что сразу же начнут думать о том, как воспользоваться этой ситуацией, чтобы получить дивиденды.

Бодрунов: Мы очень креативные люди.

Калашников: Да, креативные люди. То, что возможно в Швейцарии, Швеции, Норвегии и даже в Сингапуре, хотя там тоже очень предприимчивые люди, в России наткнется на нашу культуру, на наш подход к жизни. Поэтому проблему нужно решать с разных сторон, но четко понимая, что мы действительно хотим бороться с коррупцией, а не имитировать эту деятельность.

Диденко: Как справедливо было отмечено в начале разговора моим уважаемым коллегой, неотвратимость наказания — это очень важно, потому что законодательная база развивается, законы принимаются, а насколько они эффективны, можно очень долго спорить.

Бодрунов: Жесткость наших законов известно, чем нивелируется.

Диденко: Конечно, компенсируется необязательностью их исполнения, к огромному сожалению. Я согласен с мнением, что в нашем традиционном обществе сложилось какое-то терпимое отношение к коррупционным явлениям. Мне понравилась идея недавняя — о том, что гражданам с 2014 года рождения через 20 лет запретят курить — введут запрет на табак. Если мы идеологически и пропагандистски будем подходить к тому, что мы воспитаем целое поколение в условиях нетерпимости к коррупции...

Бодрунов: Это ж они не только не будут брать взятки, но и не будут давать их?

Диденко: Да. Всего вот этого не будет: «не подмажешь — не поедешь», благодарности всем, цветы в первый класс. Все это нужно потихонечку сокращать, и, возможно, через 20 лет вырастет поколение, которое будет абсолютно нетерпимо к коррупции.

Бодрунов: Итак, проблема гигантская, как мы все понимаем, неискоренимая до конца так, чтобы этого явления не было вообще никогда, потому что сама жизнь порождает постоянно проявления такого рода. Тем не менее общество требует снижения уровня коррумпированности. С точки зрения экономики мы с вами только что установили, что коррупция — большой налог на экономику, дополнительный налог на всех граждан, который мы вынуждены платить за недоустройство государства, поэтому, если мы хотим повышать эффективность экономики, конечно, мы должны уделять этой задаче самое большое внимание.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

«ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА», 1876 г., том 2

Несколько слов о конокрадстве

В приведённой заметке из дореволюционных «Трудов Императорского Вольного экономического общества» речь идёт о таком биче того времени, как конокрадство. В книгах Общества не раз поднимался этот вопрос именно как об отдельном явлении, влияющем на экономику крестьянских хозяйств. А в материале корреспондента «Трудов» отражены ещё и особенности полицейской работы по борьбе с этим социальным злом и феномене коррупционного бизнеса, на нём основанном.

Автор: сельский обыватель О. С–о, с. Дорино

Благодаря недостатку корма и вследствие той дороговизны сена, случаев конокрадства в Оршанском уезде (Могилевской губернии) в истекающую зиму почти не было. Значит, и в зле (неурожае трав) есть добро (приостановка воровства лошадей), и нет, по пословице, худа без добра. Конечно, небольшое добро, когда лошади целы, да нечем их кормить, но все же оно лучше того, если и корм есть, а лошадей нет — они уворованы. Иными словами: бескормица хотя причиняет большие убытки сельскому хозяйству, но вместе с тем она приносит и пользу, прекращая конокрадство, так что сельский люд недоумевает: как считать эту гостью — врагом или другом своим. Во всяком случае для него ясно, что бескормица есть единственное наличное средство против конокрадства; других охран против этого зла, кроме содействия полиции, до сих пор не имеется.

Какое же участие принимает в этом важном деле полиция и на сколько содействие ее приносит пользу, покажет следующий случай, могущий служить образчиком полицейской помощи в делах конокрадства, в последних числах мая прошлого года у крестьянина д. Шугаево Прокопа Рябченка уворована с ночлега пара лошадей. Из этих лошадей Рябченко 1 июня того года задержал одну лошадь на ярмарке в м. Яновичах у неизвестного ему, о чем в тот же час заявил местной полиции, указав и дом, в котором остановился вор. Становой пристав составляет об этом акт и 3 июня представляет в полицейское управление, которое, в свою очередь, 9-го июня предписывает своим приставам и сообщает соседним управлениям о розыске бежавшего вора роста среднего, лица красноватого.

Вот и заварилась бумажная потеха!

Управления строчат экстренные поручения приставам с назначением семидневного срока на донесение о последствиях розыска; от приставов летят предписания волостным правлениям с назначением трехдневного срока; правления дают приказы сельским старостам о розыскании в течение дня того же вора!.. И вот старосты, получив зачастую приказ на руки в правлении, тут же просят писаря составить от них рапорт, что вора с красноватым лицом в их ведомстве не оказывается. Об этом правления спешат донести приставам, а приставы — управлениям. Тем обыкновенно и оканчивается полицейская помощь... Во время этой бумажной деятельности полиции крестьянин Рябченко 19 июня заявил местному мировому судье жалобу, обвиняя в участии в воровстве лошадей своего соседа. К разбору этого дела потребовался вышеозначенный акт становой пристава от 1 июня, и таковой разыскан и прислан судье ровно через пять месяцев, и именно 13 ноября, единственно вследствие хождения его, вместе с перепиской о розыскании вора с красноватым лицом, по полицейским управлениям и становой квартирам!.. Если таким образом действия полиции по конокрадству, в большей части случаев, ограничивается игрою в переписку; если полиция при настоящих ее средствах беспомощна и неможна в оказании обществу действительной в этом деле помощи; если конокрадство — бессилием полиции и отсутствием мер к его обузданию — застраховано в полной свободе своих действий, то становится понятным, почему занятие этим преступным делом, с каждым годом расширяясь, обратилось, наконец, в хронический недуг.

Беспомощность общества в деле конокрадства со временем привила сельскому люду понятие видеть в конокрадстве, как в грабобитии, засухе, наводнении и прочих бедствиях, небесную кару, посылаемую за грехи их...

Вот почему Рябченко не заявил местной полиции о воровстве у него лошадей, вот почему большая часть потерпевших от конокрадства сельских обывателей в редких случаях обращаются к содействию полиции, вот почему в официальные сведения попадает один из 30 случаев конокрадства и вот, наконец, почему высшие официальные сферы лишены возможности видеть и знать это зло во всем его объеме и развитии, и затем принять против него радикальные меры!..

Беспомощность в этом деле общества нередко вызывает со стороны его самые крайние меры. Кому не доводилось читать корреспонденции из разных мест России о самосуде над конокрадами и даже истязании их?.. В наших местностях сельские обыватели прибегают к другому средству: они застраховывают своих лошадей у известного в данной местности вора, уплачивая ему чем кто может (хлебом, сеном и проч.). Конокрад дает руку и слово за целостность лошадей, и, как говорят, весьма редко случается, чтобы застрахованные лошади пропадали. Такие страховые конторы, как говорят, существуют почти в каждом местечке... Кроме того, мне не раз случалось встречать разъезжающих по ближайшим к г. Витебску деревням цыган за сбором страховки и видеть, как крестьяне охотно делятся с ними последним за одно только обещание: не трогать их скотины!..

Наше время по преимуществу — время реформ, улучшений, проектов, а между тем по делу конокрадства не только ничего не делается, но даже не проектируется, как будто это дело обстоит благополучно... И неудивительно! Я сказал выше, что в официальные сведения попадает едва ли тридцатый случай конокрадства, а остальные остаются в безгласности. Мы привыкли к конокрадству, смотрим на него, как на неизбежное зло, как на кару небесную, переносим это бедствие безропотно, даже скрываем перед правительством наши беды, и это-то наше тупое, упорное молчание, без сомнения, лишает правительство возможности обратить на это дело внимание в такой мере, в какой оно, по своим гибельным последствиям, заслуживает...

Претерпев лично огромные потери и быв свидетелем разорения не одной сотни сельских обывателей от конокрадства, я решаюсь предать гласности мои предположения о средствах к уничтожению этого преступного промысла, в полной уверенности, что дело это возбудит в обществе живой интерес. Для прекращения конокрадства я полагаю необходимым установление повсеместного обязательного страхования лошадей. К исполнению сего следует, также повсеместно и притом одновременно, произвести перепись и оценку лошадей: у крестьян — посредством волостных правлений, у прочих сословий — через полицию. На основании этой переписи каждому коновладельцу выдается билет на принадлежность ему лошади, в котором означаются: лета, подробные приметы и цена лошади, год и месяц выдачи билета. Билет этот вырезывается из книги наподобие денежных квитанций, а копия с него оставляется в книге.

Оценка лошадей производится, по выбору коновладельцев, особыми лицами, по каждой волости и городу отдельно. Кововладелец платит за каждую лошадь в год 2% с оценочной суммы. (Я много раз толковал

с городскими и сельскими обывателями об этом деле и мне не случалось слышать возражений против тягости страхования. Все сознают, что лучше терять рубли для того, чтобы быть спокойным за сотни.) Страховые деньги взysкиваются и вносятся в казначейства тем же порядком, как и другие повинности. С покупкой лошади к покупщику переходит и билет на оную. Лошади, на принадлежность коих владельцы не представят доказательств (билетов или, в случае потери таковых, копий с них), признаются незаконно приобретенными и затем конфискуются и продаются полицией с публичных торгов. Вырученные за таких лошадей деньги поступают в казначейство, для причисления к суммам по конострахованию. Владельцы, у коих будут уворованы лошади, по представлении надлежащем от полиции в том удостоверения, получают в местных казначействах из сумм по конострахованию удовлетворение по оценке. Весь остаток от этих сумм в начале следующего года распределяется губернатором между полицейскими и сельскими властями каждого уезда и губернского города особо, по мере деятельности этих властей в деле открытия безбилетных лошадей.

Вот главные основания моего проекта. Считаю затем нелишним дать некоторые объяснения по этому проекту. Всем известно, что преследованию конокрадства способствуют с одной стороны, легкость сбыта уворованных лошадей, с другой — затруднительность преследо-

вания конокрадов с воровскими лошадьми. Установлением билетов, без сомнения, затруднится сбыт воровских лошадей, а вместе с тем исчезнет и выгодность конокрадства как промысла. Постановление же количества вознаграждения полицейских и сельских властей в зависимость от большего или меньшего числа случаев в каждом уезде и губернском городе конокрадства может служить гарантией, что конокрадство окончательно прекратится. Каждый случай воровства лошади повлечет за собой уменьшение пособия полицейским и сельским властям того уезда или губернского города, в районе коего совершен проступок.

Одно уже охранение своих интересов побудит полицию зорко следить за этим делом как лично, так и через агентов. Приведением этой меры в исполнение достигнутся два полезных результата: а) избавление общества от конокрадства — этого тормоза и врага сельского хозяйства и б) увеличение средств полиции, без обременения общества новыми налогами. Не говоря уже о третьем — приведении в положительную известность численности лошадей, чем в настоящее время заинтересовано военное министерство. Кроме того, известно, что конокрадство отнимает у сельских хозяев охоту как к разведению и содержанию лучших пород лошадей, так и вообще к занятию земледелием.

Бесспорно, что и в этом деле, как и во всяком другом могут быть злоупотребления. Можно, например, предположить, что найдутся спекулянты, которые, убив свою хворую или испорченную лошадь или припрятав павшую, заявят, что у них таковая уворована и будут требовать удовлетворения. Но против этого, как и других подобных злоупотреблений, является все та же гарантия: интерес в этом деле полицейской и сельской власти.

В заключение попытаюсь, для наглядности, представить данные, как велик может быть страховой сбор по уезду, может ли он, с одной стороны, обеспечивать коновладельцев вознаграждением за уворованных у них лошадей, с другой — увеличить средства полицейских и сельских властей на столько, чтобы заинтересовать их этим делом. Возьму, например, Оршанский уезд (Могилевской губ.). В нем, со включением г. Орши, при 50 т. населения муж. пола, числится до 40 т. лошадей. Полагая среднюю цену крестьянской лошади 40 р., прочих сословий — 60 р. и приняв цену каждой лошади в 50 р. — по уезду составитс 2-процентного страхового сбора свыше 40 т. р. серебром. Цифра весьма почтенная, ясно отвечающая на предложенные выше вопросы!

Все «Труды Императорского Вольного экономического общества» размещены на сайте ВЭО России — veorus.ru

DEFEATING CORRUPTION

Everybody seems preoccupied with the struggle against corruption in Russia, from petitioners who visit government offices unable to solve their problems without “greasing the palm” (a pre-revolutionary expression synonymous to bribe) to the Russian president who spoke about it on several occasions. What prevents us from conquering this evil?

Panelists:

Sergey Vyacheslavovich Kalashnikov
First Deputy Chairman of the Committee for Economic Policy of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation

Alexey Nikolaevich Didenko
Chairman of the Committee of State Duma of the Federal Assembly on the federal structure and issues of local self-government, Member of the LDPR faction

Sergey Dmitrievich Bodrunov
President of the FES of Russia,
Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics,
Professor

Ruslan Grinberg
Chief of Research at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Vice President of the FES of Russia

According to Sen. Kalashnikov, the corruption-fighting methods can be divided into 2 categories: effective and declarative. As for all kinds of conventions, either ratified by Russia or not, they are mostly populist and declarative in character and have no influence whatsoever on corrupt practices. But some countries, New Zealand, Singapore and South Korea to name a few, have successfully fought corruption and implemented their own systems of effective anti-corruption measures.

In Russia, corruption is caused by mismanagement. In everyday life, a bribe is a mechanism that lubricates our immense and archaic legal system and inadequate management. It is a mechanism that helps people to carry on, especially in business. A businessman can abide by the law, but he won't be able to do anything. Or he can depart from the law a little, and his business will thrive.

There is a famous saying of Lee Kuan Yew, Prime Minister of Singapore, about combating corruption. He said: “If you want to defeat corruption, you must be prepared to imprison your friends, close ones or relatives.” Until such decision is made and certain members of the Russian establishment stop considering themselves to be beyond punishment, corruption will not be defeated.

The panelists noted that corruption has completely negated the natural economic laws. “There are market laws – but when there is corruption, they do not exist, they are replaced with some weird practices, a chimera that defies any predictability. You can adjust to any laws, no

matter how stupid they may be, but corruption does not allow you to do even that, because any twist is possible at any moment, and you, a producer of inexpensive high quality products, will be pushed out of the market without making any money,” Kalashnikov says.

Ruslan Grinberg, Chief of Research at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, believes that corruption cannot be completely eradicated, no one has succeeded in doing it yet, but it can be squeezed into acceptable limits. “I have a feeling that 90% of the people, or even more, do not want to take bribes and do not want to give bribes, they want to live normally, like human beings, as the saying goes. The remaining 5-10% are risk-loving guys. They will always take risks, it's their way of life. How to combat them? Very simple: use a stick and a carrot. A good salary, a good social package and a good chance of ending up behind bars,” Grinberg says.

Deputy Didenko gives a quick reminder to the effect that the rigidity of our laws is mitigated by the laxness of their enforcement.

Summing up the discussion, Professor Bodrunov says the problem is gigantic and, most likely, it cannot be completely eradicated because problems of this kind stem from life itself; the public, however, demands that corruption be curbed. From the economic point of view, we have established that corruption is taxing on the economy, a huge extra tax imposed on all citizens which we are forced to pay for the state's disrepair, so if we want to improve the economy, we must of course pay much attention to this task.

ДОСТУПНОЕ И КОМФОРТНОЕ ЖИЛЬЁ

РЫНОЧНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕШЕНИЯ ГЛАВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА

В проблеме жилья, столь вопиющей в нашей стране, социальные, экономические, финансовые и административные составляющие настолько переплетены, что без их комплексного решения серьёзного продвижения не получится. Что нужно сделать в первую очередь?

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор

Михаил Владимирович Еришов,
член Правления ВЭО России, главный директор по
финансовым исследованиям Института энергетики
и финансов, профессор Финансового университета при
Правительстве РФ, д. э. н.

Виктор Меерович Полтерович,
академик РАН, заведующий лабораторией
математической экономики Центрального экономико-
математического института РАН

Евгений Александрович Декатов,
руководитель Дирекции по развитию ипотечно-
накопительных механизмов и программ
некоммерческой организации «Фонд развития
жилищного строительства Республики Башкортостан»

Александр Александрович Широв,
заместитель директора, заведующий лабораторией
Института народнохозяйственного прогнозирования
РАН, д. э. н., профессор

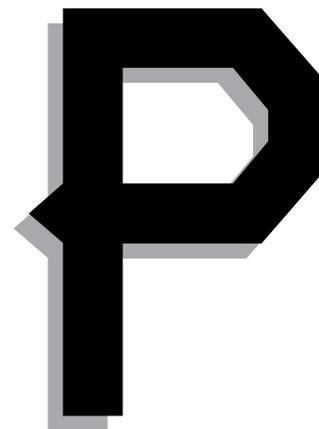

Александр Андреевич Цыганов,
руководитель Департамента страхования
и экономики социальной сферы ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве Российской
Федерации», д. э. н., профессор

Инна Михайловна Шнейдерман,
заведующая лабораторией социально-экономических
проблем жилищного и имущественного
обеспечения ИСЭП РАН

Программа «Дом “Э”», 3.03.2018, телеканал ОТР, Дом экономиста

Развитие ипотечного рынка

Бодрунов: Условным заказчиком очередной нашей экспертной сессии Координационного клуба Вольного экономического общества России выступила Администрация Президента. Что делается, что не делается, какие методики можно предложить, как с этим можно дальше работать — эти вопросы интересуют Администрацию Президента, потому что она призвана контролировать исполнение указов главы государства и понимать, какие идеи можно предлагать коллегам в органах государственного управления.

Эту тему мы с нашим уважаемым докладчиком Михаилом Владимировичем Ершовым обсудили в Администрации Президента, провели там два часа в плотных дебатах. Результат нашего предварительного обсуждения вылился в такой круг вопросов для дальнейшего рассмотрения. Это — мировой опыт формирования ипотечного рынка, стран Восточной Европы в первую очередь, оценка современного состояния ипотечного рынка нашей страны, факторы, влияющие на рынок ипотечных кредитов и т. д.

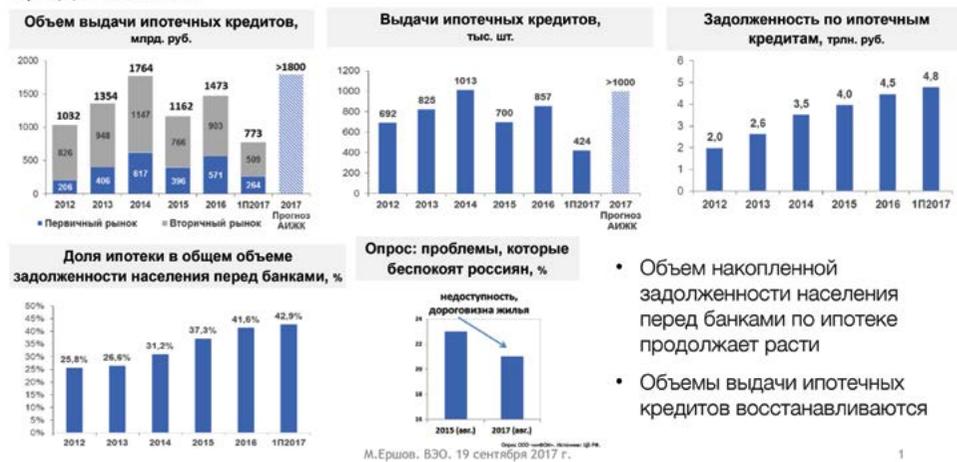
Далее — указ Президента от 7 мая 2017 года о мерах по обеспечению граждан комфортным жильем, здесь подвопросы: достаточность того набора мер, которые есть в указе, в условиях текущей экономической ситуации, и комплекс средств по достижению поставленной цели. Возможно, удлинение ресурсной базы, меры по снижению ипотечных ставок, уменьшение рисков различных типов и т. д.

Третий вопрос — ипотечный рынок как один из ключевых элементов обеспечения социальной стабильности экономического роста в стране.

Четвертый — региональный аспект развития ипотечного рынка. Ипотечный рынок как инструмент пространственного развития, почему мы и пригласили уважаемых экспертов в этой области, в первую очередь Елену Станиславовну Чугуевскую из Минэкономразвития.

Далее — методология исчисления показателя превышения среднего уровня процентной ставки по ипотечному жилищному кредиту в рублях по отношению к индексу потребительских цен. Вопрос достаточно специальный, но из него вытекают очень многие вещи для принятия правильных решений.

В РФ ипотека — динамично растущий сегмент банковского кредитования

- Объем накопленной задолженности населения перед банками по ипотеке продолжает расти
- Объемы выдачи ипотечных кредитов восстанавливаются

Как там у них

Ершов: Опрос за август 2017 года о проблемах, которые больше всего беспокоят россиян, показывает, что недоступность и дороговизна жилья называют 30% опрошенных, хотя это число и снизилось с 2015 года.

Есть указ Президента, по которому ставка должна не более чем на 2,2 процентных пункта превышать индекс потребительских цен. Наш последний анонсированный уровень инфляции составляет примерно 3,9%, грубо говоря, 4%. Нехитрая арифметика показывает, что согласно указу ставка должна быть б с небольшим процента, тогда как по факту она около 10%. Она, конечно, варьируется от объекта к объекту, от региона к региону, но от нее еще до 6%, которые предписаны указом Президента, длинная дистанция.

По ипотечной задолженности мы по сравнению с другими странами — ниже всего. ...Рынок абсолютно не развит по сравнению с 60–70% у США, Великобритании и другими развивающимися и развитыми странами. Это говорит о большом неис-

пользуемом потенциале развития ипотечного рынка в России.

Наши официальные прогнозы говорят, что если ипотека будет развиваться такими темпами, то к 2025 году объем выданных ипотечных кредитов составит примерно 4–4,5% ВВП. Но уже сейчас во многих странах этот показатель составляет 10–15%, а к 2025 году будет еще выше. Это не значит, что мы должны бежать наперегонки друг с другом, но просто надо понимать, где мы находимся.

Необходимы иные подходы стимулирования ипотеки. В США — это наиболее развитый ипотечный рынок — доля ипотечных ценных бумаг — больше 30% ВВП, рынок ипотеки — больше 50% ВВП, ипотечные бумаги на балансе ФРС — около 10% ВВП. У нас ИЖК — 0,02% ВВП. С 2009 по 2016 год американские ипотечные агентства влили в рынок более 8 трлн долларов, или 80% общего объема рынка ипотеки. Доля агентств на рынке ипотечных бумаг составила 60 с лишним процентов. 30% всех американских ипотечных бумаг числится на балансе ФРС, то есть ЦБ США эти бумаги покупает и держит на своем балансе. У нас доля АИЖК на рынке хотя и высокая, но сокращается, было 8,8, стало 6,9, объем рефинансирования в 2014 году — 0,07%, в 2016 — 0,02%.

Напомню, что в США был довольно острый ипотечный кризис, с него все началось, но именно ипотека у них считается главным рычагом и драйвером, который вытаскивает экономику из стагнации и рецессии. Они объявили несколько лет назад программу, которая предполагает, что рынок будет насыщаться длинными целевыми деньгами именно для того, чтобы ипотеку запустить и снизить ставки в ипотечном сегменте. Та цель, которую они поставили в начале процесса, была достигнута, потому что ставки были — 7%, стали — 4%, ипотека опять стала дышать, экономика стала восстанавливаться.

В японском ЦБ точно такая же картина. Это говорит о том, что в двух самых зрелых финансовых системах мира, на удивление, похожие подходы к ведению кредитной политики.

38% всей эмиссии всех долларов мира — это ипотечные бумаги. ФРС покупает на рынке ипотечную бумагу, делает эмиссию, и эти доллары идут на ипотеку, а потом уже дальше на всю остальную экономику. У японцев примерно так же.

Естественно, ипотечные бумаги и бумаги такого плана — длинные и сверхдлинные. Величина национальных госбумаг в эмиссии национальной валюты, то есть денежной базе, у США — 95%, у Японии — 85%, у России — меньше 5%. По идее, у нас есть большой неиспользуемый потенциал с точки зрения формирования структуры финансовых потоков и насыщения соответствующих сегментов рынка необходимыми ликвидными длинными и сверхдлинными ресурсами. Понятно, что ипотека позволяет обеспечивать рост экономик стран и повышение социальной стабильности.

Тормозящий фактор, который тормозит платежеспособный спрос — это сокращение дохода населения. Последние годы наши располагаемые доходы снижаются, поэтому снижение этих доходов нейтрализует положительный эффект от снижения процентной ставки. Ставка дешевле, но и доход меньше.

Большая доля ипотеки находится в Москве и Петербурге, но это давняя проблема — и ликвидность, и ипотека здесь. Чтобы максимально реализовать потенциал ипотеки, нужно приблизить ее к масштабам показателей развитых стран.

Банк России может способствовать росту ипотечного рынка путем прямого участия в покупке ипотечных бумаг в соответствии с международным опытом. Если во всей эмиссии всех доларов мира 30% — это ипотечные бумаги, это много о чем говорит. У нас это сделать нельзя? Если нельзя, то почему?

Если мы все это будем делать, такой подход позволит не оттягивать ликвидность рынка, будет способствовать насыщению рынка длинными деньгами.

Ипотечный рынок для нас важен, поскольку заложит необходимые основы для устойчивого роста, социальной стабильности и увеличения благосостояния населения. Всестороннее стимулирование этого рынка сейчас крайне актуально.

Начинать с малого

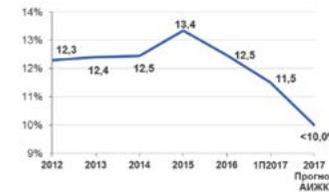
Полтерович: Есть один принципиальный вопрос, он относится к общей теории реформ. Каким образом нам проводить реформы, если мы хотим выйти на уровень развитых стран? Простейшая стратегия состоит в том, чтобы попытаться заимствовать те механизмы, которые в развитых странах показали свою эффективность. Таким образом, кто-то надеется на то, что мы сможем эти механизмы адаптировать и пойти вперед. Вот эти надежды совершенно необоснованны.

Есть громадный опыт развивающихся стран, показывающий, что адаптация передовых механизмов в относительно отсталой институциональной культурной среде приводит к поражению. Мы сами являемся выпуклым примером этого тезиса. Я этот тезис развиваю, по крайней мере, с 2001 года. К моему большому удовольствию, сейчас ведущие западные экономисты (Дуглас Норд, Дани Родрик) напрямую пишут о том, что институты в развивающихся странах должны быть другие, чем в развитых. Норд пишет о том, что даже коррупция имеет другой смысл в развивающихся странах, что здесь нельзя ставить задачу немедленно довести коррупцию до уровня, который она имеет в развитых странах.

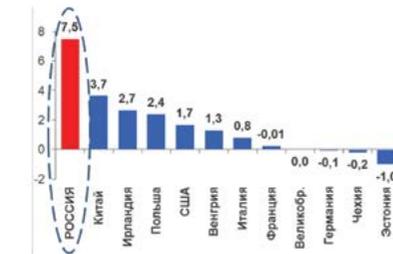
Если мы хотим перейти в те механизмы, о которых очень хорошо рассказал Михаил Владимирович, нам нужно построить последовательность промежуточных институтов, которые были бы согласованы с нашими условиями, с нашей культурой, с условиями нашего финансового рынка и т. д., с уровнем благо-

Ипотека в РФ: хотя процентные ставки снижаются, они по-прежнему остаются гораздо более высокими, чем во многих странах

Средневзвешенная ставка по ипотечным кредитам в рублях, %

Реальные ставки по ипотеке в 1 кв. 2017 г., %

М.Ершов. ВЭО. 19 сентября 2017 г.

состояния. Последовательность, которая бы от нынешнего состояния нас привела к тем самым механизмам, которые сейчас господствуют в США и Японии.

Возникает вопрос, что это за промежуточные институты, каким образом переходить от нынешнего состояния к этому самому желательному состоянию? Ответ в случае ипотеки состоит в следующем. Если проследить историю ипотечных институтов, а это очень важно, мы приходим к такой классификации. Во всех странах так называемые ссудо-сберегательные институты возникли раньше других. Современная ипотека, ипотечный банк, агентство вторичного рынка, о котором говорил Михаил Владимирович, они возникли достаточно поздно...

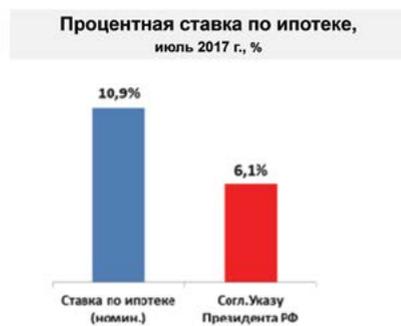
Давайте посмотрим, что такое стройсберкасса. Там есть непрерывный поток вкладчиков. Каждый вкладчик обязан по определенной схеме вкладывать каждый месяц определенную сумму. У него своя сберкасса ведет счета этих вкладчиков. Кроме того, государство дает премию на эти стройсбережения. Если я клал 10 тысяч каждый месяц, то 30% мне еще добавляет государство. Если я не в состоянии придерживаться этой схемы, меня исключают из стройсберкассы, отдают мои деньги. Если я накопил за 3–5 лет на первоначальный взнос, но при этом не хочу купить квартиру, мне отдают деньги вместе с государственными дотациями, потому что я своими деньгами обеспечивал кредиты другим людям. Это система замкнутая в том смысле, что кредиты выдаются из взносов самих агентов. Ставки обычно по депозитам крайне низкие — 1–2% депозитом, а по кредитам это 5–7%.

Надо сказать, что в начале 90-х гг., когда с трансформационной

экономикой возникла эта проблема, куда же идти, американцы и международные финансовые институты всячески насаждали свою родную двухступенчатую ипотеку. Бессмыслица, а ИЖК полностью провалилось.

Чехия и Словакия оказались умными, они не стали внедрять двухуровневую ипотеку, они сразу задействовали стройсберкассы. Через систему стройсберкасс через 10 лет в Словакии 20% населения прошло, а в Чехии 45%... Опыт Казахстана здесь вообще замечательный. Они в 2000 году приняли закон о жилищно-строительных сбережениях и создали жилищный строительный сберегательный банк Казахстана, фактически это стройсберкасса... В 2016 году почти 300 тысяч участников они привлекают. У нас — всего 800–900 тысяч кредитов. У них есть свои тщательно продуманные правила, ставка по кредиту — 3,5–5%, срок займа до 25 лет, они стали строить дешевое

Указ Президента РФ (7 мая 2012 г.) «До 2018 г. снижение показателя превышения среднего уровня процентной ставки по ипотечному жилищному кредиту (в рублях) по отношению к индексу потребительских цен до уровня не более 2,2 процентных пункта»

М.Ершов, ВЭО. 19 сентября 2017 г.

Инфляция в июле составила 3,9% (r/r).

Это означает, что ипотечная ставка должна быть не более 6,1%.

жилье, сроки накопления очень дифференцированы. У них идет отбор участников, не любой может вступить в систему. 20% премии на стройсбережения.

В России немыслимо добиться масштабов, которые имеют место в США или Японии, но ориентироваться надо и сравнивать надо с Казахстаном, с Чехией, со Словакией...

Нам необходимо развивать единую систему сберегательных программ. Желательно это делать в специализированных банках, либо принять специальное законодательство, добиться специального распоряжения от крупных банков, чтобы они действовали правильно.

Успешный опыт

Декатов: Я кратко расскажу про опыт нашего региона по внедрению ипотечно-накопительной системы.

Сразу начну с цифр. С 2014 года началась практическая реализация этой программы, мы ее назвали «Жилстройсбережения», можно сказать, в честь казахстанской программы, в которой мы тоже много почерпнули, много у них учились. На сегодня открыто 7 тысяч вкладов, в этом году начались выдачи кредитов. Первые 165 ипотечных кредитов под 7% годовых выданы, одобрено еще 300 заявок Сбербанком. В 2015 году присоединился банк «Уралсиб». До конца этого года еще тысячи участников должны будут завершить свои накопления и принять решение, у нас есть возможность продлить или брать 7% кредит. В целом, предусмотрена бюджетная премия из бюджета Республики Башкортостан до 30%, то есть до 3 тысяч в месяц. 10 тысяч премируются 3 тысячами свыше. Ставки — 6–7% для тех, кто копит 6 лет. На жилищно-строительный рынок Республики уже привлечено порядка 326 млн рублей. Из них только 7,5% — это бюджетные субсидии, остальное — внебюджетные источники, причем 2/3 из них — это кредиты банков, 1/3 — собственные сбережения граждан. По этой программе только в рамках заключенных договоров мы ожидаем привлечения 6–6,5 млрд рублей на жилищно-строительный рынок.

Сегодня рыночные ставки снижаются, может, 7% не выглядит так фантастично, когда люди вступали в программу в 2015 году, когда ставки по ипотеке были 15%. По своей сути, это замкнутая система, и ресурсы на дешевые кредиты формируются за счет привлечения вкладчиков. В рамках коммерческого банка — свои особенности, но в любой экономической ситуации мы можем привлекать денежные средства вкладчиков и обещать им заранее фиксированный процент как на вклады, так и на кредиты. Мы ведем переговоры с банками о снижении маржи между ставкой привлечения и ставкой размещения за счет друзей вкладчиков, которые у нас тоже есть в программе, за счет того, что банки научились более дешево обслуживать сами транзакции, что 3% будет вполне достаточно. Ставку можно будет снижать 1–2 процентных пункта по вкладу и до 5% ставку по кредиту. Это тоже реальность. Сегодняшние условия таковы, что люди копят от 3 до 6 лет, срок кредитов — в 1,5 раза больше. Пусть вас не смущают небольшие сроки кредита. За счет того, что люди накапливают денежные средства, при 5-летнем накоплении 7,5 лет кредит — это совсем немало, потому что и ставка низкая, и люди уже накопили значительную часть для своего первоначального вклада с учетом субсидии от бюджета и тех процентов, которые платит банк по кредиту...

Что касается реального сектора экономики. Нас предупредили казахстанские коллеги, что через год-полтора застройщики придут сами. И к нам пришли застройщики с эксклю-

живными условиями для наших участников. Этот застройщик строит жилье для отдельных категорий граждан, в том числе и для участников жилстройсбережений, которые получают субсидии от государства, с другой стороны, получают возможность дешевых кредитов и приобретают жилье экономического класса, но уже с отделкой и по ценам значительно ниже рыночных. Для них в Уфе 1 кв. м — 37 200 рублей при рыночной цене 55–60 тысяч...

Глава Республики обращался к премьер-министру РФ с письмом по поддержке этих начинаний и рассмотрению опыта их использования на межрегиональном и общефедеральном уровне. Федералы нам сказали, что когда 5–6 регионов запустятся, будет и внимание федерального центра, поэтому мы активно работаем с другими регионами. Волгоградская область после чемпионата мира обещает запустить эту систему, Крым заинтересуется, Челябинская, Свердловская область и т. д.

И мы действительно увидели, что люди меняют свое финансовое поведение, участвуя в этой системе. Они не ждут просто субсидирования ставок, которые зачастую бывают ничем не обоснованы. Эта система премирования экономичнее для бюджета по сравнению с традиционными системами субсидирования процентной ставки. Ипотечно-кредитная система — ни в коем случае не конкурент традиционной ипотеке. В Сбербанке они сосуществуют, в Уралсобе тоже.

Строительство в росте

Широв: Есть несколько более общих вещей, про которые я хотел бы поговорить. Эти общие вещи связаны с двумя аспектами. Первый — мы все-таки говорим о доступном и комфортном жилье, а каков будет образ этого жилья в экономике ближайших 5–10, может, 20 лет? Второй аспект — как эта история с жилищным строительством может влиять на экономическую динамику?

Если мы посмотрим, как выглядит строительный комплекс в структуре нашей экономики, то видно, что более 7% инвестиций находятся в строительном комплексе, в объеме ВВП более 7% напрямую формирует строительство.

У нас есть разные виды строительной деятельности. Если мы на них посмотрим, полное влияние данных сегментов строительных работ на экономическую динамику, то мы увидим, что жилищное строительство — это самый значимый элемент, обладающий наибольшим мультипликативным эффектом среди всех видов строительных работ. Значение 1,43 означает, что на каждый рубль строительных работ экономика дополнительно формирует объем производства в размере 1,43 рубля.

Наши оценки показывают, что сейчас в среднесрочной пер-

спективе максимально возможные темпы экономического роста составляют 5%, если мобилизуем все факторы экономического роста. Из 5% примерно 1 процентный пункт приходится на увеличение ввода жилья. 1/5 потенциального экономического роста — это то, что нам может дать жилищное строительство и увеличение объемов смежных в том числе с этим видом деятельности.

Справочно: В РФ доля АИЖК на ипотечном рынке составляет 6,9% или 0,02% ВВП и при этом сокращается

АИЖК: Под ипотечным рынком понимается сумма
 * величины задолженности физических лиц по ипотечным жилищным кредитам банков (в рублях и валюте) по данным ЦБ РФ,
 * задолженности по ипотечным ценным бумагам, выпущенными компаниями специального назначения (в результате забалансовой севоритизации),
 * объема залговых и стабилизационных займов, принадлежащих АО «АИЖК».

М.Ершов. ВЭО. 19 сентября 2017 г.

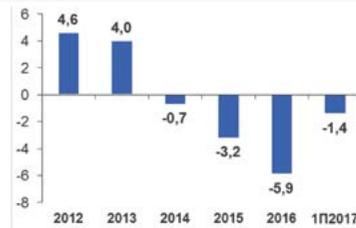
То, что мы сегодня слышали про ипотеку, это все важно и интересно, с другой стороны, мы понимаем, что сейчас эта деятельность охватывает не такой масштабный сегмент жилищного строительства, который нам необходим для того, чтобы действительно повысить качество жилья, чтобы население могло бы себя почувствовать живущим в более качественных условиях. Есть разные сценарии того, какие же цели мы можем перед собой ставить. Если мы посмотрим два сценария: минимальные реновации 10% городского жилищного фонда и максимальные реновации 15% городского жилищного фонда, то на вложения в первом случае 10 трлн рублей, в другом случае — 15,6 трлн рублей дополнительный совокупный прирост с учетом мультипликативных эффектов ВВП составит 7,3 трлн или 11 трлн рублей. При этом нужно отметить, что будут сформированы дополнительные доходы бюджета. В минимальном сценарии доходы составят свыше 2 трлн рублей, а в максимальном сценарии — 3,5 трлн рублей.

Фактически главная проблема состоит не в том, чтобы оценить экономический эффект от реализации жилищной программы, он будет приличный, это можно подсчитать разными способами. Вопрос, как это сделать? Если мы говорим про ипо-

течное кредитование и различные механизмы взаимного кредитования на строительство жилья, что здесь главная проблема — очень низкий уровень доходов нашего населения. При медианной зарплате 27 тысяч рублей и средней 38 тысяч говорить о том, что больше чем 3–5% домашних хозяйств будут в состоянии брать ипотечные кредиты, не приходится. Задача стоит более высокая — нам нужно обеспечить этот рост доходов.

Существенным фактором, тормозящим платежеспособный спрос на жилье в РФ является сокращение располагаемых доходов населения

РФ: Темпы прироста реальных располагаемых доходов населения, rit, %

Продолжение сокращения располагаемых доходов населения может полностью нейтрализовать эффект от снижения процентных ставок по ипотеке

М.Ершов. ВЭО. 19 сентября 2017 г.

1

Если экономика будет развиваться нормально, если мы решим задачу по достижению среднегодовых темпов роста в ближайшие 20 лет свыше 3%, то фактически мы можем рассчитывать на следующие показатели. Рост доходов населения существенно повысит долю тех домашних хозяйств, которые смогут брать ипотечные кредиты. Если сейчас где-то 1,3% домашних хозяйств берут такие кредиты, то в 2035 году это может быть 4%. Вроде это немного. С другой стороны, по нашим оценкам такая доля (в 2015 году — 3%, в 2035 — 4,1%) как раз позволяет нам обновить ту часть жилищного фонда, которая является некомфортной, даже побольше. Это приведет к тому, что мы получим не просто более комфортное жилье, но и улучшатся жилищные условия населения, потому что площадь комфортного жилья увеличится с 16 до 30 кв. м на человека. Сроки ипотечного кредита будут расти, если мы обеспечим уровень дохода. Если мы посмотрим на то, как при этом должны вырасти доходы, то это примерно двукратный рост в постоянных ценах за ближайшие 18–20 лет. Мне кажется, что это вполне достижимо.

Бодрунов: Коллеги, стоит поддержать Александра Александровича в том, что, не решив глобальные задачи экономического роста, сложно говорить об общем движении нашего корабля вперед. Если будем заниматься исключительно проблемой, как улучшить тот или иной механизм, это будет похоже на ту самую шлифовку весла, о которой говорил Михаил Владимирович в своем докладе. Действительно, необходим мотор экономики. Отсюда — рост доходов населения. Если деньги есть, значит, надо их куда-то вкладывать. Тут отшлифованные механизмы будут работать очень хорошо... Нет экономического роста, нечего мечтать о комфортном доступном жилье.

Социальное жильё

Шнейдерман: Поскольку я из института, который занимается социальными проблемами, то я и буду говорить в основном о социальных проблемах и не буду нагружать цифрами, потому что они очень похожи на те, которые представил предыдущий докладчик... У нас больше 80% населения владеют жильем, то есть как бы участвуют в рынке. Большинство — недовольно имеющимся жильем, потому что кто-то приватизировал комнату, кто-то приватизировал ветхое изношенное жилье, а на рынок они выйти не могут, поскольку у них очень низкие доходы. Я бы сказала, что это кризисная ситуация. Вроде жильем владеют, но им недовольны. Она вызывает необходимость проведения реструктуризации жилищной политики в России в целях преодоления возрастающей дифференциации жилищных условий различных групп населения. Практическая недоступность жилья на рынке для подавляющего большинства населения заставляет искать другие формы обеспечения населения жильем. На наш взгляд, необходимы следующие меры по реформированию жилищной сферы. Пересмотреть роль государства в сфере строительства и распределения жилья на принципах некоммерческого найма, причем в отношении не только беднейших групп населения и так называемых очередников, но и для значительно более широких слоев населения, включая представителей среднего класса...

Увеличение объемов ввода жилья, создание условий для раз-

вития малоэтажного строительства, в том числе за счет средств фонда содействия реформирования ЖКХ как более экономически выгодного, создание механизма выделения участков под строительство, то, что сейчас уже немного начало делаться, и решение проблемы обеспечения необходимой инфраструктурой на основе ГЧП, изменение структуры инвестиций в строительство в пользу увеличения строительства жилья государственной и муниципальной форм собственности. Особенно если мы хотим развивать какие-то новые районы, то мы можем привлекать людей жильем. Свое жилье люди покупать не решаются, переезжая на новое место работы, они хотят осмотреться, поэтому я еще раз говорю о пользе арендного жилья.

Увеличение в структуре строительства доли типового жилья экономкласса с внутренней отделкой.

Разработка и внедрение механизмов государственного регулирования цен на квартиры экономкласса, то есть они должны быть четкими, либо путем софинансирования строительства жилья, либо прямой выкуп у застройщиков построенного жилья по фиксированной цене и затем его распределение либо продажа по льготным ценам социально защищаемым группам населения. При этом земельные участки под такое строительство должны выделяться государством на льготной основе.

Развитие арендного жилья. Этот поворот жилищной полити-

ки позволит учесть интересы тех групп населения, которые не способны или не желают выходить на рынок жилья... Создание фонда арендного жилья позволит формировать гибкую кадровую политику, тем самым стимулируя рынок труда.

Нужно подумать о цивилизованном жилье для приезжающих. Пусть оно будет типа благоустроенных общежитий, но чтобы это выглядело нормально.

Естественно, надо разработать и какую-то национальную модель ускоренного развития сектора массового социального доступного жилья в России. Не надо это путать с жильем, предназначенным для социального найма. Это жилье, которое предназначено для сдачи в аренду на некоммерческой основе широким слоям населения. Нужно введение компенсационного принципа арендной платы для таких групп населения, оно не должно превышать 30% от дохода. У нас страна большая, нам надо осваивать территории и думать о малоэтажке.

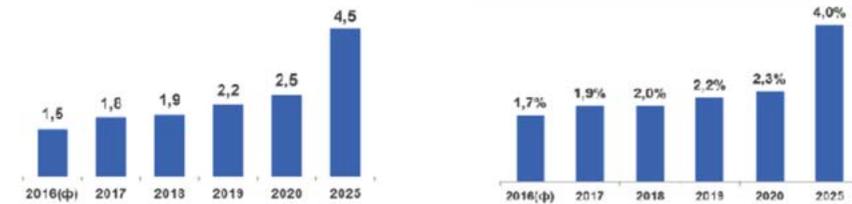
Бодрунов: Те вопросы, которые вы поднимали по аренде, —

они абсолютно правильные. У нас в стране то, что во всем мире считается нормой, считается исключением. У нас есть максимальная задача — ускорить мобилизацию населения, повысить мобильность трудовых ресурсов. Вы знаете, во что мы упираемся? Даже не в то, что ставки высокие или что-то еще, мы упираемся в то, что большинство тех, кто мог бы сдавать квартиры в аренду, они стараются сдать их нелегально, потому что — налоги, бумаги и т. д. Создается огромный серый оборот. Зачем нам это надо? Давайте сделаем не 13%, пусть платят 1–2%. Наши коллеги наставили столько рогов сдающему в аренду, что тот, кто сдает в аренду, задумается 10 раз, подписывать официальный договор или нет, потому что там есть куча ограничений. Надо, чтобы эти вещи тоже были как-то отрегулированы. Если мы хотим всерьез заниматься отшлифовкой тех механизмов, которые нам необходимы для реализации программы комфортного доступного жилья, для государства важно решить хотя бы эти две проблемы.

Официальные прогнозы предполагают, что к 2025 г. в РФ объем ипотечных кредитов, выданных за год, составит 4% ВВП

Объем выдачи ипотечных кредитов, трлн. руб.

Объем выдачи ипотечных кредитов к ВВП, %

Построено на основе прогнозов АИЖК (2017 г.), Минстроя РФ (2016 г.) и Минфина РФ (2016-2017 г.).

Но уже сейчас в ряде развитых стран этот показатель составляет 10-15%, а к 2025 г. будет еще выше, увеличивая их лидерство

М.Ершов. ВЭО. 19 сентября 2017 г.

Борьба с коллекторами

Цыганов: Почему люди не берут кредиты? Мы говорим про вилку между процентами, 10 или 6, можно ли убрать эти 3–4%. Дальше прыгнуть, наверное, уже нельзя, а бедному человеку сколько ни толкуй про ипотеку, он все равно выберет колбасу, потому что ему есть надо. Если мы говорим про тот слой населения, который мог бы брать, но не берет, он боится брать ипотеку. Они не уверены в завтрашнем дне. Человек боится потерять работу, и что с ним будет? К нему придут коллекторы и выселят. Есть механизмы защиты, но они недостаточные.

Сегодня на 91-й день банк имеет право начать процедуру выселения. А средний срок поиска работы какой? Не три месяца, он больше. Я не говорю о том, что мы должны приблизить банковский норматив к сроку поиска работы. Если мы человеку прогарантируем на уровне закона, что он имеет полное право на реструктуризацию кредита, будет легче. Сейчас это право есть, но оно не вполне достаточное. Как только мы сделаем такой шаг более удобным, мы имеем шанс привлечь более осмотрительных граждан в ипотеку, которые имеют шанс получить более низкую премию за риск. Банк меньше рискует, спокойнее кредитует.

На текущий момент перейти из банка в банк и рефинансировать ипотеку можно, но сложно. Если я знаю, что если я сегодня возьму кредит под 10% годовых, а предполагаю, что через три года он будет под 7%, знаю, что я смогу перескочить в другой банк, некая уверенность поможет мне взять этот кредит.

Последний тезис по поводу коллекторов. Очевидно, нужно

ограничить право коллекторов в отношении ипотечных заемщиков. Если мы говорим, что человек должен банку и брал ипотечный кредит, то и передавать требования другому банку на одном уровне.

Мультипликаторы строительных работ, на 1 руб. прироста производства

Убрать неразбериху

Бодрунов: Инна Михайловна сказала нам, что есть очень важная тема, которую мы почти не затронули, — это малоэтажное жилье. Подразумевается, что это пригороды, где-то рядом, но, уважаемые коллеги, попробуйте сегодня получить все, что необходимо для строительства жилья. В 90% случаев вы столкнетесь с чисто технической проблемой — невозможно сформировать участок, потому что идет пересечение всех со всеми. Я знаю, что в поселке, где у меня дача, один сосед двухметровый забор поставил с одной стороны неправильно, потому что у него план — такой, а у меня — другой! С этой стороны земля лесхоза, а с этой — муниципальная земля, а дальше земля организации. И везде пересечения. Сегодня пересечение можно убрать только по суду, нужно чтобы обращались все инициаторы и т. д. Это длинная процедура, она требует сотен тысяч рублей. Кто этим будет заниматься? Никто. Мне кажется, это должна быть задача государства, раз оно допустило такую безобразную ситуацию. Были потрачены огромные деньги на формирование этих баз данных.

Предприятие, у которого мы арендовали площади, чтобы выписать эту площадь законно, обратилось с уточнением своих кадастровых планов. На публичной карте Москвы здание есть, а в кадастровой палате этого здания нет. В каком-то еще органе есть половина этого здания, оно налезают на другое здание в другом месте. Попробуйте в Москве просто построить жилье — сколько потребуется согласований?!

А ведь есть мировой опыт — чтобы каждый раз не изобретать велосипед с каждым новым строительством, сформируйте городской не просто генплан, а план с кусками, где 90% технических условий и параметров заданы. Инвестору будет в 10 раз дешевле и быстрее согласовать. Все это отразится не только на качестве жилья, но и на сроках, на этой самой ипотеке, которая будет дешевле. Чтобы сейчас согласовать строительство жилья, примерно столько же времени надо на согласование, а то и больше, что и на строительство. При этом каждый считает свои деньги, где-то их замораживает, годами накручиваются проценты, деньги не работают, либо начинаются проблемы: пайщик несет деньги, а потом, как в Петербурге на Крестовском острове известная проблема — 10 элитных домов стоят без электроэнергии уже шесть или семь лет. Что-то там не согласовали в свое время, а теперь — не продать.

Я считаю, что нужно узаконить все, что есть сегодня, навести порядок с этими кадастровыми и прочими делами, провести инвентаризацию всех этих бед и проблем, потратить на это год или два, создав серьезную комиссию из всех этих ведомств, чтобы хотя бы остановиться на том, что мы имеем...

Все эти вопросы тормозят наш экономический рост. Мое представление, что мы теряем проценты ВВП только на том, что у нас кругом разруха в этих вещах. Если мы наведем здесь порядок, одновременно поменяем закон об аренде жилья, одновременно решим связанные с этим вопросы в Жилищном кодексе, тогда указы Президента будут работать.

Мне представляется важным вернуться к этому вопросу хотя бы через полгода, чтобы посмотреть, что сдвинулось, принимать ли какие-то меры и поднимать общественность, чтобы все-таки эти программы были в центре внимания людей.

Строительный комплекс в экономике России

STIMULATING AFFORDABLE MORTGAGE LOANS

An August 2017 survey on the most pressing problems the Russians have been facing shows that 30% of the respondents cite affordable housing shortage and exorbitant home prices, although the percentage has decreased since 2015.

There is a presidential decree, according to which the mortgage rate should not exceed the consumer price index by more than 2.2 percentage points. Our last announced inflation rate is approximately 3.9% or, roughly speaking, 4%. Simple arithmetic shows that according to the decree the rate should be just over 6%, whereas in fact it is about 10%. Of course, it varies from property to property, from region to region, but it has a long way to go in order to reach 6% as prescribed by the presidential decree.

A different approach should be adopted to stimulate mortgage loans. In the US, the most developed mortgage market, the share of

mortgage securities is over 30% of GDP, the mortgage market is over 50% of GDP, and the mortgage securities reflected on the balance sheet of the Federal Reserve Service account for nearly 10% of GDP. We have Mortgage Housing Loans, 0.02% of GDP. From 2009 to 2016, US mortgage agencies poured more than 8 trillion dollars into the market, or 80% of the total volume of the mortgage market. The share of agencies in the mortgage market was 60 percent. 30% of all US mortgage securities are listed on the balance sheet of the Federal Reserve Service, meaning that the Central Bank of the United States buys and holds these securities on its balance sheet. In Russia, the market share of the Mortgage Housing Loan Agency is substantial, but it has been

declining, from 8.8% it went down to 6.9%, the volume of refinancing was 0.07% in 2014, and 0.02% in 2016.

You might recall there was a rather acute mortgage crisis in the US, and it was the reason for everything else that followed, yet they consider the mortgage loan to be the main lever and driver that can pull the economy out of stagnation and recession. In the Japanese Central Bank the picture is exactly the same. This suggests that, surprisingly, the two most mature financial systems in the world have similar approaches to credit policy.

Mortgage securities account for 38% of the entire dollar emission worldwide. The Federal Reserve buys mortgage paper on the market, emits money, and these dollars go to mortgage loans, and then on to the rest of the economy. The Japanese more or less follow suit.

The deterring factor, which slows effective demand, is a reduction in the income of the population. In recent years, our disposable income has been declining, and a decline in that income neutralizes the positive effect of lower interest rates. The rate is lower, but the income is smaller.

The mortgage market is important for us, as it will lay the necessary foundations for sustainable growth, social stability and welfare. Comprehensive stimulation of this market has now become a pressing issue.

At the same time, there is one fundamental question, it concerns the general theory of reform. How should we carry out reforms if we want to

reach the level of developed countries? The simplest strategy is to try and borrow the mechanisms that have shown their effectiveness in developed countries. Some people hope that it will be possible to adapt these mechanisms and move forward. These hopes are completely unsubstantiated.

There is a vast experience gained by developing countries which shows that the adaptation of advanced mechanisms in a relatively backward institutional and cultural environment leads to defeat. Our country is a vivid example of this thesis. I have been developing this argument since 2001 at the very least. To my great pleasure, the leading Western economists (Douglas Nord, Dani Rodrik) have directly stated that institutions in developing countries should be different from those in developed countries. Nord writes that even corruption has a different meaning in developing countries, that no such country should set the goal of immediately bringing corruption down to the level that exists in developed countries.

If we want to switch to using those mechanisms, we need to build a series of interim institutions that would be consistent with our economic environment, our culture, our financial market, etc., our level of well-being. A series of institutions that would lead us from the current state of affairs to the mechanisms that currently dominate the US and Japan.

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА

ЗАЧЕМ ОНИ НУЖНЫ ДРУГ ДРУГУ

В современном обществе культура — огромная фабрика, мегаиндустрия, которая сама производит разные феномены отчуждения, превращающиеся в товар. Всегда ли отношения культуры и экономики были таковы? Должны ли они быть другими, и стоит ли воздействовать на культуру нерыночными механизмами?

СОБЕСЕДНИКИ

*Людмила Алексеевна Булавка-Бузгалина,
профессор Центра современных марксистских
исследований философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
главный научный сотрудник Центра изучения
социокультурных изменений
Института философии РАН, д. ф. н.*

*Александр Николаевич Закатов,
директор Канцелярии главы Российского
императорского дома, к. и. н.*

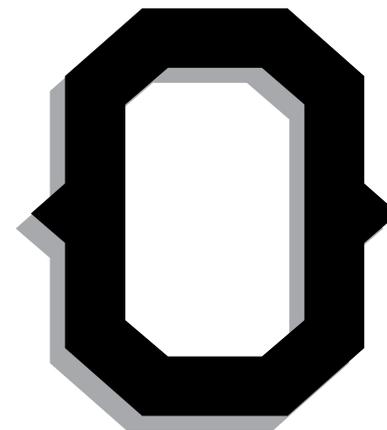
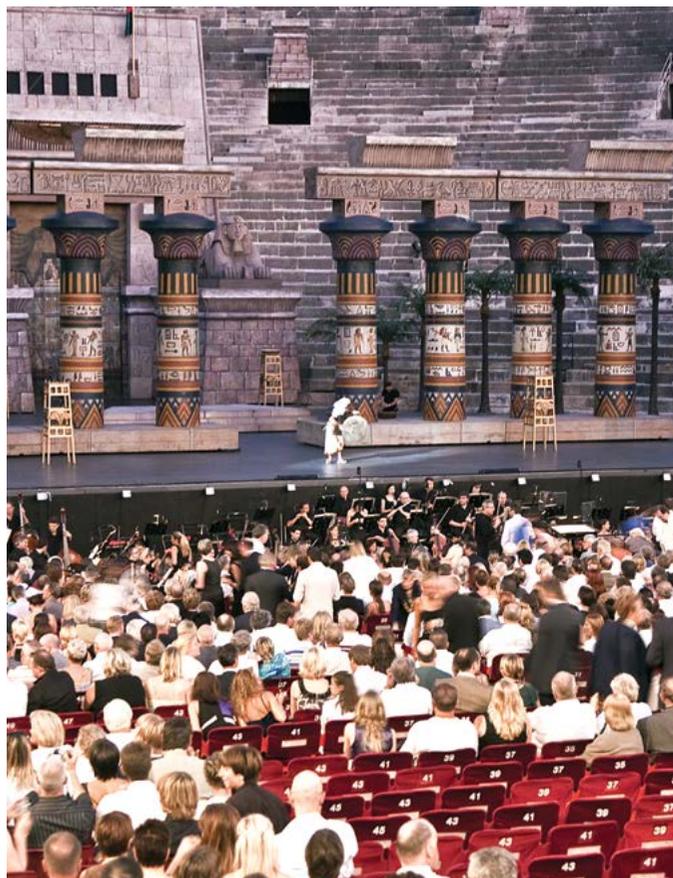

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

*Дэвид Ли Брофи,
член международного комитета ВЭО России,
вице-президент компании LSI Portsmouth*

Программа «Дом “Э”», ОТР, Дом экономиста, 23.12.2017

О какой культуре речь?

Бодрунов: Уважаемые коллеги, о какой культуре, в бытовом плане или о феномене философском, мы говорим в ее связи с экономикой?

Булавка-Бузгалина: Совсем коротко, культура — это то, что пронизывает общественные отношения, неважно где: в театре, на заводе, в общественном транспорте, дома. Всегда любая культура несла идеалы гуманизма, только, в какой мере они были абстрактны или конкретны, это совсем уже другой вопрос. Но это всегда была сфера, где главной проблемой была проблема человека. И в этом заключался гуманизм. Сегодня я сразу с такого резкого тезиса начну — культура превратилась в огромную фабрику, это мегаиндустрия, которая сама производит разные феномены отчуждения. И эти феномены отчуждения сегодня становятся товаром. Рынок продуктов феноменов отчуждения сегодня пронизывает всю нашу жизнь.

Бодрунов: Александр Николаевич, Вы занимаетесь делами Императорского дома, понятно, что тогда, во времена империи, была другая культурная эпоха. Можно ли сравнить ее с тем, что сейчас?

Закатов: Я бы сказал сначала, что, когда мы говорим о культуре, мы не можем сказать, что она всегда была пронизана гуманизмом. Само собой очевидно — культура вне человека не существует. Есть много, конечно, определений, что такое культура, но, в общем, это реализация творческого начала, заложенного Богом в человеке, которое он воплощает в окружающем мире. Изначально идет это от человека, а не наоборот, но здесь мы вступаем, наверное, в извечный спор...

Булавка-Бузгалина: Да.

Закатов: ...материалистов и идеалистов о том, что первично, бытие или сознание...

Бодрунов: Людмила Алексеевна, хоть и марксистские исследования ведет, но она — философ вообще-то...

Закатов: Да, поэтому я уверен, что мы сумеем найти общий язык даже при разнице в некоторых концептуальных и мировоззренческих подходах. Но если говорить о понятии «культуры» изначально, то в общем оно относилось буквально к возделыванию почвы, с этого и началось. И первые трактаты, где это слово упоминается, связаны с тем, как человек устраивает окружающий его мир.

Бодрунов: Я с вами соглашусь и предлагаю даже расширить наш разговор о культуре, понимая под этим и проявления культуры в поведении, в быту.

Булавка-Бузгалина: Я поспорю с нашим уважаемым визави по поводу того, дана культура Богом или не дана. Культура вырабатывается, она воспроизводится, производится общественными отношениями, общественной реальностью...

Бодрунов: Мне кажется, что Богом дана не культура как таковая, а возможность человеку стать человеком.

Закатов: Совершенно верно. То есть именно человеку дано то, что позволяет ему создавать культуру. У других живых существ нет культуры, согласитесь...

Пагубный для культуры рынок?

Булавка-Бузгалина: Я думаю, с вами поспорили бы даже гуманисты эпохи Возрождения, которые говорили: «Человек, будь как Бог, и ты всё сделаешь». То есть даже они в ту далекую

эпоху утверждали, что человек есть творец культуры. Но я немножко перепрыгну в наше время. Посмотрите, сегодня, мне кажется, контрапункт отношений культуры, общества и экономики связан с рынком. Мы живем в эпоху диктатуры рынка, я бы сказала так, рыночного тоталитаризма. Покажите мне хоть одну сферу, где нет диктатуры рынка. Я не знаю такой сферы. Да, культура имела рыночные формы, как только появился рынок, но она сегодня сама стала рынком. Картины Тропинина, картины художников XIX, XVIII века продавались, они становились товаром на рынке искусства, но сами они не несли оптику рыночного взгляда. Это были высокохудожественные произведения искусства.

Закатов: Я не совсем согласен... В общем мы схоже смотрим на вещи и сожалеем об одном и том же, хотя, может быть, немножко с разных позиций.

«СЕГОДНЯ КУЛЬТУРА ПРЕВРАТИЛАСЬ В ОГРОМНУЮ ФАБРИКУ, ЭТО МЕГАНДУСТРИЯ, КОТОРАЯ САМА ПРОИЗВОДИТ РАЗНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ОТЧУЖДЕНИЯ»

Бодрунов: Сожалею с разных точек зрения, но сожалею...

Закатов: Например, по поводу рынка культуры, я хочу сказать, что Вы немножко идеализируете гуманистов эпохи Возрождения. Тогда было все то же самое, поверьте мне. История культуры показывает нам, что тогда был рынок, тогда была жесточайшая конкуренция, тогда были свои агенты, авторы, которые приспособивались и писали именно то, что требовал социальный заказ и какой-то властный заказ, и они получали эти заказы и получали огромные деньги. А были и другие люди, которые писали, как и сейчас, для себя, творцы, которые не могли творить за деньги.

Бодрунов: Я подчеркиваю, в любой деятельности, в том числе в сфере культуры, человеку приходится жить в тех обстоятельствах экономического характера и пользоваться тем инструментарием, который существует. Для того чтобы донести произведение искусства, свою мысль, он должен купить холст, краски. Он должен научиться у кого-то, заплатив за это.

Закатов: Как один мой знакомый художник говорит, хорошо бы написать картину на такой-то исторический сюжет, но найти бы кого-нибудь, кто краски и холст купит. Это не значит, что он — плохой художник или что он не готов создавать.

Бодрунов: Другое дело, Людмила Алексеевна говорит правильно абсолютно, что это все у нас превращается во всемирное торжище.

Булавка-Бузгалина: Кстати, когда Вы говорите об эпохе Возрождения, там работали не столько даже рыночные отношения, сколько меценатство, когда заказы шли от института церкви и т. д. Но мы не будем к этому возвращаться...

Закатов: Государи заказывали, богатые люди...

Булавка-Бузгалина: Есть настоящее искусство и культура сегодня, но я говорю о той тенденции, которая господствует, когда вы должны представить товар, то есть такое произведение или художественной культуры, или даже научной, которое будет соответствовать канонам рынка. Если вы этого не делаете, оно не будет востребовано. Более того, сегодня даже научный, художественный «товар» только тогда имеет общественный спрос, когда он становится престижным. Если вы делаете исследование по абстрактно-гуманистической теме, оно не будет нужно.

Бодрунов: Людмила Алексеевна, я могу сказать, что, если распространить это на все — на сферу образования, например, и так далее, то и здесь мы наблюдаем то же самое вокруг.

Знаниеёмкая экономика

Брофи: В технологиях обучения наблюдаются большие изменения в последние десятилетия. Мы с коллегами активно работаем над тем, что называется обучающим тренингом. Но в большей степени этот процесс организуется снизу, самими студентами. Он заключается в создании максимального интереса, мотивации, рабочей обстановки, стимулирующей желание изучать. Я думаю, что хорошее взаимодействие внутри аудитории — основной признак этой технологии. Совместная работа студентов наиболее эффективна. Также мы все больше обращаем внимание на умение студентов думать аналитически. В прошлом обучение зачастую заключалось в том, чтобы просто перенимать информацию, полагаясь на авторитет учителя. Сегодня студенты все чаще задумываются о том, что они изучают и как потом применить свои знания.

Бодрунов: Собственно, речь идет о том, каким образом рынок меняет образовательные технологии, то есть заставляет людей думать по-другому.

Булавка-Бузгалина: У Вас, Сергей Дмитриевич, в работах есть связка, с моей точки зрения, принципиально важная, когда Вы говорите о знаниеёмком производстве, когда знание неси мулятивно, когда оно становится мощнейшим фактором развития производства, нужна культура, связка «человек — культура». Это очень важная связка. Скажите, пожалуйста, сегодня менеджеру в банке нужно знание, кто такой Гийом Аполлинер, что это был за парижский клуб «Ротонда», где встречались Матисс, Хемингуэй, и так далее? А зачем?

Бодрунов: Хотя бы клуб «Бродячая собака» в Петербурге...

Булавка-Бузгалина: Да хотя бы клуб «Бродячая собака»... Вот зачем сегодня человеку, который включен в бизнес, это знать?

Закатов: Могу сказать, как я это объясняю, не претендуя на истину, естественно, в последней инстанции, но я преподаю историю в техническом вузе, и, конечно, нам, преподавателям гуманитарного факультета, приходится доказывать студентам, зачем им все это изучать. Они думают, что поступили, чтобы стать геодезистами, картографами, еще какие-то технические профессии осваивать, а им зачем-то рассказывают о событиях XIII или XV века. Я им объясняю, что, конечно, можно от этого отказаться, можно этого не знать. Но тогда вы не сможете себя реализовать полностью, где бы вы ни работали. Будете ли вы заниматься своей профессиональной деятельностью, или уйдете в бизнес, или будете просто даже лежать на диване и отдыхать какое-то время, то, что вы получите из гуманитарного знания, чрезвычайно обогатит вашу жизнь.

Воспитание через культуру

Бодрунов: Вы как историк рассматриваете, а я как экономист, эту тему. Самое главное в этом деле — воспитать через культуру человека.

Закатов: Абсолютно правильно.

Бодрунов: Если он будет человеком, а не биосуществом... Сейчас это в силу агрессивных технологий продажи, технологического проникновения, взаимопроникновения рынка и культуры, переплетения более тесного приводит к изменению типа формируемой личности. Я продолжу после комментария Дэвида Ли Брофи, который является членом нашего Международного комитета ВЭО России, и мы поговорим на эту тему немножко.

Брофи: Конечно, в области профессиональной коммуникации наиболее важна такая компетенция, как знание и понимание иностранного языка. Но к нам приходит большое количество людей из различных стран и компаний: российские чиновники из «Газпрома» и японские моряки, граждане Германии и медики из Франции, и мы видим большую разницу в культурах и в том, как люди думают, поэтому не менее важным мы считаем изучение страноведения и наличие способности воспринимать чужие культурные особенности. В международной среде немаловажно уметь строить межкультурные команды. На данный момент в бизнесе большая нужда в международных проектах. Ввиду этого наиболее необходимыми являются так называемые мягкие умения, эмоциональный интеллект, способность слушать и реагировать в правильном ключе. Чтобы развивать кросс-культурные взаимодействия, сегодня очень важно быть открытым к новому, иному взгляду на мир.

Бодрунов: Наш эксперт, волей или неволей, говоря о коммуникативных особенностях и межкультурном пространстве, взаимодействии, затронул важную вещь. Культуры — разные, личности — тоже разные, есть культуры территориальные, культуры, связанные с традициями той или иной общности людей, например, нации или страны, но человек, он — один. У него есть самая главная возможность, отличающая его от живого мира, ничем больше он не отличается, — возможность принять и осознать...

Булавка-Бузгалина: Но какое знание — вот вопрос...

Бодрунов: Любое, Людмила Алексеевна, любое знание человеку позволительно получить.

Закатов: Позвольте чуть-чуть поспорить... Не любое знание...

Бодрунов: Любое...

Закатов: Я выражаю свое мнение и ни в коем случае не подвергаю сомнению Вашу концепцию. Я себе это представляю так, что главное — именно сознание человека, то есть способность различать добро и зло. Если мы у животных наблюдаем способность и оценивать ситуацию, испытывать какие-то эмоции, познавать мир, но единственное, на что животное не способно, — это различить добро и зло, потому что для животного добро — то, что хорошо для него...

Бодрунов: Я понял вашу мысль...

Закатов: А человек способен возвыситься над этим.

Бодрунов: Александр Николаевич, я понимал этот уровень знаний как осознание человеком себя как личности. Собака имеет знания, конечно, хозяина узнает, но...

Закатов: Но она не способна дать оценку...

Бодрунов: Всякое знание сверх этого начинается...

Закатов: И культура рождается именно из попытки, из стремления осознать, что есть добро и что есть зло.

Бодрунов: Конечно.

Булавка-Бузгалина: Сергей Дмитриевич, Вы очень правильно ставите проблему знаний сегодня как неких основополагаю-

щих предпосылок развития экономики, производства...

Бодрунов: Больше того, я думаю, что это — единственное...

Булавка-Бузгалина: Но знание бывает разным по своей общественной природе. Я думаю, что это определяется самой сутью общественного человека.

Бодрунов: Я бы даже сказал, сутью самой природы знания.

Булавка-Бузгалина: Но знание определяется той сущностью жизни, которой человек живет. Посмотрите, у Бахтина есть, когда он пишет о древнегреческом авантюрном романе, я полностью переношу это на нашу эпоху, эпоху глобальной гегемонии капитала, авантюрное время. Вот знание должно укладываться в тот хронотоп, которым живет человек.

Бодрунов: Знаете, коллеги, я думаю, что у нас философский спор, который возникает, как только собираются два человека-философа по своей натуре.

Закатов: Говорим об одном и том же, но разными словами, поэтому спорим.

Булавка-Бузгалина: И разные подходы, и позиции, конечно...

Бодрунов: Этот философский спор продолжается веками, а у нас время передачи ограничено. И я хотел бы, ни в коем случае не претендуя на истину, сказать, подводя итог беседы, что, наверное, дихотомии культуры и экономики сегодня не существует. Я не говорю о рынке, я говорю о технологиях, об экономике реальной жизни и культуре. Это, собственно говоря, две ипостаси человека. Мне кажется, что сейчас, в эпоху бурного развития технологий, которые грозят нам всевозможными кризисами в силу непрофессионального их применения, грозят исчезновением нашей цивилизации даже, если на то пошло, уже не говоря об экономике, когда технологии, знания в области физического мира привели нас к ситуации, когда недостаток знания, имплементированного в другие нормы — нормы культуры, нормы поведения, нормы осознания возможности и границ применения знания, может привести к дикому кризису, страшному кризису цивилизационному, культура — это ключ к тому, чтобы познать, что есть добро, что такое хорошо для человека, что такое правильно с точки зрения общечеловеческих ценностей. Эти знания не просто так появились и даны нам не просто так, а для того, чтобы привести нас к нормальному развитию.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

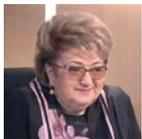
«КУЛЬТУРА: ПОИСКИ
БУДУЩЕГО. НАВИГАЦИЯ
— МАЯКОВСКИЙ»,
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«АЛЬТЕРНАТИВЫ»

Л.А. Булавка-Бузгалина

«Эта книга родилась как результат многолетнего диалога, причем диалога различий, культура — это, прежде всего, диалог различий, по поводу того, что может быть сегодня альтернативой современному миру отчуждения, как кто-то сказал — огромный супермаркет, где нет товаров, где есть лишь только знания об отсутствующих товарах. Эта книга родилась как поиск многовекторных гуманистических альтернатив».

В развитие темы ШКОЛА БУДУЩЕГО

Экономика начинается в школе

Майя Борисовна Пильдес,
председатель совета
Академической гимназии №56,
народный учитель Российской
Федерации,
кавалер ордена Почета

**Сергей Дмитриевич
Бодрунов,**
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю.
Витте, д. э. н., профессор

Майя Борисовна Пильдес родилась в Ленинграде. В 1974 году окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена. После окончания вуза работала руководителем политмассового отдела дома пионеров и школьников Дзержинского района Ленинграда и в школе учителем русского языка и литературы. С 1981 года — заместитель директора школы №193 по учебно-воспитательной работе. С 1990-го директор школы №56 Петроградского района, которая

Бодрунов: Мы говорим обычно о промышленности, но мы знаем все, что промышленность начинается не тогда, когда человек пришел и встал за станок, а тогда, когда он получает основные знания в школе, и поэтому наша сегодняшняя беседа — о нашей школе.

Майя Борисовна, какие требования, по Вашему мнению, предъявляет жизнь наша сегодняшняя к выпускникам школы, чего не хватает в школьном обучении?

Пильдес: Ну, во-первых, спасибо Вам большое за главный посыл, который Вы определили в начале нашего разговора. Понимаете, жизнь начинается с рождения — это первый важный этап, а второй важный этап — школа: 11 лет сегодня длится школьное образование, к нам приходит ребенок в 6,5 лет, а заканчивает уже, когда ему исполняется 17, ближе к 18.

Бодрунов: Да, почти взрослый.

Пильдес: В общем, взрослый, потому что взрослость определяется, с моей точки зрения, прежде всего ответственностью человека за свои поступки, а мы стараемся воспитывать наших детей так, чтобы к выпускному классу они понимали свою ответственность за свои поступки, за свой выбор дальнейшего жизненного пути. Мы очень хотим, чтобы ребенок к восьмому классу мог подписаться под словами: «Я люблю и умею учиться», потому что научить учиться — про это давно не говорят, а мы всегда говорим, что человек должен уметь учиться, причем не только в школе и не только в вузе, а потом всю свою жизнь. Очень важно в нашем меняющемся мире уметь учиться. И мы очень хотим,

в 1991 году получила статус гимназии и на сегодняшний день является крупнейшим в Северо-Западном регионе образовательным комплексом, включающим в себя дошкольное отделение, две начальные школы, среднюю и старшую школы, центр дополнительного образования, психолого-педагогический и медико-социальный центры. Майя Борисовна Пильдес входит в состав жюри Всероссийского конкурса «Учитель года», является членом общественной палаты Санкт-Петербурга, координационного

совета Всероссийского педагогического собрания, входит в состав коллегии комитета по образованию правительства Санкт-Петербурга. Награждена орденом Почета, знаками «За заслуги перед Санкт-Петербургом» и «За особые заслуги перед Санкт-Петербургом», золотой медалью законодательного собрания города. Мария Борисовна Пильдес — народный учитель Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования.

чтобы старшеклассник любой наш мог подписаться под словами: «Я выбираю свой жизненный путь и хочу учиться дальше». И мне кажется, что главное, что должен уметь выпускник, — отвечать за свои поступки и за свой выбор. Вот это очень важно — выбор жизненного пути. Не случайно ведь старшие классы теперь во всех школах — в основном я имею в виду, конечно, гимназии, лицеи — это классы профильные — физико-математические, химико-биологические, естественно-научные и так далее и так далее. Например, наша задача главная состоит в том, чтобы наш выпускник был конкурентоспособным, чтобы он поступал туда, куда он хочет, для нас это очень важно. Если все получилось, то есть эта ответственность, она и социальная, и нравственная, и в общем бесконечная. А если этой ответственности нет, то и все остальное будет просто валиться, как в песок все будет уходить, поэтому мне кажется, что это — самое главное.

Бодрунов: Майя Борисовна, сложно с этим не согласиться, но я думаю, что Ваши слова очень сильно противостоят тому, что не так давно экс-министр образования и науки заявлял — что мы должны готовить в школе «квалифицированного потребителя».

Пильдес: Я, наверное, очень старомодный человек, но «потребитель» — такой душок в этом слове какой-то есть. Конечно, это очень хорошо, что маленький ребенок сначала ручкой показывает: дай, дай, дай, но вот это «дай, дай, дай» в каком-то возрасте должно остановиться. Конечно, мы все обязаны организовать каждому ребенку счастливое детство, каждому.

Бодрунов: Современные родители подменяют душевные воспитательные порывы, воспитательный процесс, повседневную работу с ребенком двумя вещами. Первое: я отдам в школу, пусть она научит, а второе: ну если привязался к тебе гаджет, сиди, занимайся, ты же не дурак. Мне кажется, что Вы абсолютно правильно сказали, что вообще-то это — работа родителей, и школа и общество вместе должны воспитывать будущего человека и гражданина.

Пильдес: Я уже такую большую часть жизни человеческой прожила и точно знаю, в чем смысл жизни человеческой.

Бодрунов: И?

Пильдес: Он — в детях. В своих, в чужих: мы живем для них и вместе с ними стремимся сделать их жизни лучше. Все думают о том, что у меня что-то не получилось, но у ребенка получиться должно. И если это — не слепая любовь, которая допускает вседозволенность и освобождает от ответственности, это обречено на успех, и смысл жизни состоялся. Оказаться на том месте, на единственном в жизни месте, где ты можешь быть. Вот как я, и ничего другого, наверное, делать не умею, умею быть в школе.

СЕГОДНЯ, ПО ДАННЫМ
ЮНЕСКО, ПОЧТИ
800 МЛН
ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ НЕ
УМЕЮТ НИ ЧИТАТЬ,
НИ ПИСАТЬ, ПРИЧЕМ
КОЛИЧЕСТВО
НЕГРАМОТНЫХ
В БЛАГОПОЛУЧНЫХ
СТРАНАХ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ

Бодрунов: Вы умеете очень хорошо быть в школе.

Пильдес: Ну, Вы знаете, когда по 12 часов — школа же требует полной отдачи. Я, правда, думаю, что каждая хорошая работа и человек, который хорошо работает, — это стопроцентная отдача.

Бодрунов: Вы знаете, Майя Борисовна, я хотел бы очень важную вещь подчеркнуть. Вот, например, авиация. Представьте себе, человек безответственный там конструирует что-то.

Пильдес: Ой, ужас. Ужас!

Бодрунов: Или заправляет самолет, или гаечку какую-то прикручивает.

Пильдес: Ой, мамочка, страшно подумать! А врач?

Бодрунов: А врач, да? И так далее. То есть слово ответственность — самое важное. А вот «квалифицированный потребитель», знаете, даже если абстрагироваться от этого душка потребительского, потреблять можно и знания тоже, потреблять можно культуру, но надо реципиентов подготовить, которые могли бы это «потреблять квалифицированно».

Пильдес: С точки зрения потребления культуры, знаний и так далее и так далее: мы живем в уникальном городе, и нельзя не использовать этот город! Вы знаете, сегодня меня проблема в образовании среди множества очень волнует, и мы очень

активно занимаемся решением этой проблемы — расширение образовательного пространства. Это не только замечательное пространство школы, теперь очень современное, сейчас ведь школа совсем другая — это не мелом и тряпкой уже. Сейчас такие возможности: и интерактивные доски, и полиэкранные классы, панорамные классы, никто уже сейчас эту старую карту не использует, которая в трубочку сворачивалась. Сейчас нажал на кнопку, нашел в интернете: все современно, все интересно, дети это могут делать сами, это совершенно отдельная тема. Но сколько вокруг нас, вокруг вот школы этого образовательного пространства — того, что делает человека петербуржцем, человеком высокой культуры во всем. Мне кажется, это наиважнейшая задача Петербургской школы, и у нас очень передовая система, мы очень гордимся, петербуржцы гордятся тем, что наша система образования, городская система признана лидером.

Учителя нельзя «отмасштабировать»

Бодрунов: Готовясь к нашей встрече, я посмотрел в рейтинги, и по ряду рейтингов Россия входит в топы по образованию школьников. По результатам международных рейтингов PIRLS и TIMSS Россия входит в топ-5 стран по качеству образования младших школьников. Однако ученики средней школы демонстрируют уже гораздо более скромные способности. В 2015 году Россия набрала 487 баллов. Лидеры рейтинга — школьники из Сингапура — 556 баллов. Разница в 69 баллов означает, что наши школьники отстают от сингапурских примерно на два учебных года. «Самое трудное для наших школьников — нестандартные, нетипичные задачи. Если переформулировать привычные условия, они теряются, — говорит координатор PISA в России, руководитель центра оценки качества образования Института содержания и методов обучения Российской академии образования Галина Ковалева. — Дети осваивают алгоритмы решения и стараются распознать их задания, это беда наша. Так в ситуации выполнения только типичных заданий блокируются познавательные способности и дети затрудняются в свободном переносе знаний». Зная об успехах Вашей школы, питерского образования, почему нельзя их масштабировать?

Пильдес: К сожалению, мы знаем прекрасный пример Соединенных Штатов Америки. Как только у нас запустили спутник первый маленький, там произошла реформа образования, потому что все начинается в школе, мы это прекрасно понимаем. Но кто это делает? Учитель. И это самая главная фигура, Вы знаете, директор — это очень важно, и завуч — это важно, но важнее человека, за которым закрылась дверь из коридора и он остался в классе, нет никого. Вы знаете, здесь формула очень простая: интеллигентного может воспитать только интеллигентный, умного только умный, счастливого только счастливый, наоборот ничего не получится.

Бодрунов: Очень интересная формула.

Пильдес: Она очень простая. Это вещи, которые просто на поверхности лежат. Давайте с Вами подумаем, вежливого человека хам может воспитать? Да нет, будет такой же хам. Мы четко понимаем, если учитель читает и несет свою читательскую культуру в класс, то будут читать дети.

Бодрунов: Помните «Доживем до понедельника»?

Пильдес: Я вот помню, вышла повесть «Вы чье, старичье?». Мне нужно было час ехать, я могла на метро, но я ездила трамваем, потому что я могла почитать еще что-то, пару тетрадей могла проверить. И вот, я завучем работала, пришла к директо-

Академическая гимназия №56, Санкт-Петербург

ру и говорю: «Жень, давай поменяемся уроками, я не могу, я должна сейчас это прочитать». И вот эта фраза, а это очень было давно, — «жизнь дорожает, потому что не относится к предметам первой необходимости» — она для меня просто все перевернула в этом 25-м трамвае, в котором я ехала. И я это читала детям. Детям тяжело очень большое что-то читать, но Бориса Васильева мы читали все, как Василя Быкова, и так далее и так далее. Я несла это в класс.

Бодрунов: Мне в свое время «А зори здесь тихие» просто перевернуло душу...

Пильдес: Вот это несешь детям, и дети становятся читателями. Увлеченный учитель математики несет это, и дети решают на всех переменах, для них звонки не существуют. Это очень важный момент. Так вот масштабировать, как Вы сказали, опыт и результат могут только хорошие учительские кадры и сложившаяся педагогическая команда. Школьный учитель может сделать так много добра, а может принести, к сожалению, вред огромный, если он необразованный, если он несчастлив. Я все время думаю: вот наши ребята заканчивают школу, у нас большой выпуск сейчас — 280 человек, сколько детей идет в педагогический вуз? Оказалось, очень много, и хотят прийти работать в школу, главное, чтобы у меня место было для них. Знаете почему? Потому что они в жизни встретили счастливых учителей. А то, знаете: «Вот у меня ничего не получилось, поэтому я тут в школе торчу». Никогда не беру таких.

Бодрунов: Не берите.

Пильдес: Надо, чтобы глаз горел у человека. Вот, зажги! Есть избитая фраза, что ученик — это не сосуд, который нужно наполнить, а это факел, который нужно зажечь.

Технологическая революция в школе

Бодрунов: Мне еще кажется, что современный человек, современный преподаватель, пришедший из вуза, должен обладать современной подачей материала, современными владеть технологиями.

Пильдес: У нас все есть. Возможность интерактивной доски трудно переоценить. Были национальные проекты, в том числе образования и здравоохранения и так далее, и там можно было выиграть деньги. Это так кажется, что миллион для школы — ерунда. Кому ерунда, а мне, например, как директору, не очень ерунда, потому что я могу на это купить шесть таких досок. И вот когда в школе не одна такая доска, а в каждом классе, то

это совершенно другой уровень обучения. Я помню, когда в начальную школу пришла эта доска, я была на уроке, дети изучали корень слова. Вот там нарисовано дерево, а на дереве как птички сидят, допустим, приставки и суффиксы, а корни живут в корне. И ребенок маленький пальчиком подходит выбирает корни возможных слов, подводит пальчиком к этой веточке, на которой сидит нужная ему приставка, а с другой веточки спускает суффикс. Что такое корень слова, он запомнит на всю оставшуюся жизнь. Это ведь интересно! Это такая мультипликация, в которой ты сам участвуешь. Но я сейчас о самом легком сказала, о самом примитивном использовании, но когда строятся графики, когда все это делается быстро, аккуратно — не от руки учитель нарисовал эту окружность, косую, кривую, а взял ее и подвинул. Здесь ведь важно еще другое: все, что на уроке писали на доске, тряпкой никто не стер, все это в компьютере осталось, и если человек заболел, его не было на этом уроке, он пришел со своей флешечкой и все это взял. Я могу о чем-то рассказывать, когда вот тут карта, тут же показывается фильм, экран в 6 метров стоит в классе. Сейчас есть столько интересного и необыкновенного, и учитель обязан этим всем владеть, просто обязан. Ну за детьми мы тут никогда не угонимся, они впереди нас. Но с ними нужно быть на уровне, уж я не говорю об учителях информатики, так что приходится догонять время.

Бодрунов: Вы правы абсолютно, очень важно, чтобы мы в учебном процессе не отставали.

Пильдес: Знаете, я про директора всегда говорю: хороший директор думает о том, что будет завтра, а очень хороший директор думает о том, что будет послезавтра, и если мы не будем в любом нашем действии, в том числе в педагогическом, думать о том, что будет послезавтра, не будем к этому готовы сами, не будем готовить своих учителей, все безбожно отстанем навсегда.

Бодрунов: Это абсолютно совпадает с моей точкой зрения.

Пильдес: У всех нас, выпускников советской школы, очень много было косвенного безусловно, но сколько было глубокого, точного и нужного в этой жизни. Я очень всегда боялась того, что, когда гонятся за переменами, бесконечно организуют модернизацию, похожую на революцию, мы все лучшее потеряем. Учитель и образование должны быть чуть-чуть консервативными.

Бодрунов: Что сегодня в нашем понимании хорошая школа?

«ВЫ ЧЬЕ, СТАРИЧЬЕ?».
ПОВЕСТЬ БОРИСА
ВАСИЛЬЕВА О СУДЬБЕ
ДВУХ СТАРИНОВ,
КОТОРЫЕ ОКАЗАЛИСЬ
НИКОМУ НЕ НУЖНЫМИ.
ЭКРАНИЗИРОВАНА
НА КИНОСТУДИИ
«ЛЕНФИЛЬМ» ИОСИФОМ
ХЕЙФИЦЕМ В 1988 ГОДУ

Пильдес: Хорошая школа должна быть доброй, вообще школа — это место счастливых людей. И школа должна быть интеллигентной — речь учителя, общение с детьми — тогда дети будут подниматься на этот уровень. Школа должна быть очень интересной. Я не хочу сказать, что зубрежка навсегда ушла, но учиться должно быть интересно. Была такая песенка, вроде такую ерунду написали, но какая она умная: «учиться надо весело, чтоб хорошо учиться». И самое главное здесь — школа должна быть успешной. Аплодисменты, которых ждет каждый человек, должны звучать у учителя при жизни, награды он должен получать. И если ученик вышел к доске и был блистательным, должны быть аплодисменты. Я когда иду по коридору и слышу — у нас научены этому учителя — кто-то в классе смеется, где-то очень тихо, а кто-то аплодирует. Живая школа, правильная школа — счастливая школа.

Бодрунов: Майя Борисовна, вот на этой хорошей ноте, позвольте, мы завершим наш разговор. Еще раз поздравляю Вас и всех учителей Санкт-Петербурга с началом учебного года, Днем знаний. Мы, промышленники, экономисты, очень рассчитываем на то, что дети, прошедшие нашу школу, нашу петербургскую школу, дадут нам хороших студентов, а в будущем — хороших инженеров, работников промышленности и других сфер экономики.

Пильдес: Я Вас, наверное, обрадую, Вы знаете, что ведь интерес к инженерным специальностям, к физике, к математике, без которых это будет невозможно, растет.

Бодрунов: Растет!

Пильдес: Значит, все на правильном пути. Я вот хочу, чтобы 1 сентября, знаете, не было как в том анекдоте: «Готова к 1 сентября. Купили тетради, ремень и валерьянку». Вот этого быть не должно. Давайте — только тетради и учебники.

Бодрунов: Достаточно одних тетрадей и доброго сердца.

CULTURE AND ECONOMY

In a modern society, culture is like a huge factory, a mega industry, which by itself produces various alienation phenomena that turn into commodities. Has the relationship between culture and economy always been like this? Should it be different, and should culture be influenced by non-market mechanisms?

Panelists:

Lyudmila Alekseevna Bulavka-Buzgalina,
Professor at the Center for Contemporary Marxist Studies of the Faculty of Philosophy, the M.V. Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher of the Center for the Study of Socio-Cultural Changes of the Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy.

Alexander Nikolaevich Zakatov,
Director of the Chancellery of the Head of the Russian Imperial House, Candidate of Historical Sciences.

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
Chairman of the FES of Russia, Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

David Lea Brophy,
Member of International Committee of the FES of Russia, Vice President, LSI Portsmouth

Professor Bulavka-Buzgalina begins her speech by saying that culture has turned into a huge factory, which by itself produces various alienation phenomena. And these alienation phenomena become commodities sold on markets everywhere around us. In her opinion, the counterpoint of the relationship between culture, society and economy is connected with the market. “We live in the era of market dictatorship, or if you will, market totalitarianism. Show me a single area where there is no market dictatorship. I know no such area. Yes, culture did resemble a market, at the time when markets emerged, but today it has become a market. Tropinin’s paintings, paintings of 19th and 18th century artists were sold on the art market, they became a commodity, but they did not, in themselves, embody the optics of the market view. They were works of art,” Bulavka-Buzgalina says.

According to Zakatov, the history of culture shows us that market relations were always present in culture, there was fierce competition, there were agents, there were authors who adapted and wrote exactly what the public and the authorities wanted.

Bodrunov stresses that no matter what a person does, whether or not he is involved in the sphere of culture, he has to live in the existing economic environment and use the tools available to him. In order to create a work of art and to express himself, he must buy canvas and paint. He must learn from someone and pay tuition fees. It’s another matter that we see it all turning into a global marketplace all around us.

The panelists recall that Bodrunov’s papers described the fundamentally important links between knowledge, production and culture;

without those links production development becomes meaningless or impossible.

According to Brophy, this is true, because at present business has a great need for international projects, especially rare are the so-called soft skills, emotional intelligence, and the ability to listen and react in a proper manner. To develop cross-cultural interaction, it is very important today to be open to a new, different worldview.

According to Bodrunov, in the era of rapid development of technologies that, if used unprofessionally, threaten to bring about all kinds of crises, culture is the key to distinguishing between good and bad, to learning what is good for a person, what is right in terms of universal human values.

ЧАСТЬ 2

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

ПРОБЛЕМЫ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ
УСТОЙЧИВЫЙ РОСТ И УСТОЙЧИВЫЙ РУБЛЬ
О ВРЕДЕ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ НАЛОГОВ
КРИПТОВАЛЮТА И БЛОКЧЕЙН В РОССИИ
БЮДЖЕТНАЯ И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА
РАЗВИТИЕ СТРАХОВОГО РЫНКА
КАК ПРОЦЕНТЫ ВЛИЯЮТ НА ЖИЗНЬ
УМНАЯ НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА

«ДОЖИВЁМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА?»

СТОИТ ЛИ ПАНИКОВАТЬ ПРИ ПРОБЛЕМАХ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

Когда мы рассуждаем о жизнеспособности той или иной системы, того или иного организма, мы понимаем, что есть части, которые очень важны для его функционирования, но есть и жизненно необходимые, разрушение которых приводит к полному уничтожению организма или системы. В экономике таким элементом многие часто называют финансы. Все россияне прекрасно помнят, что кризисы нового времени начинались с потрясений на финансовом рынке. Почему финансовый рынок начинает трясти и стоит ли этого бояться?

СОБЕСЕДНИКИ

*Марина Александровна Абрамова,
заместитель руководителя Департамента
финансовых рынков и банков
Финансового университета
при Правительстве России, д. э. н.*

*Михаил Владимирович Ершов,
директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов, д. э. н.,
член правления ВЭО России*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

*Сергей Николаевич Рябухин,
председатель Комитета по бюджету
и финансовым рынкам
Совета Федерации ФС РФ,
вице-президент ВЭО России*

Программа «Дом “Э”», телеканал ОТР, Дом экономиста, 22.10.2016

4

Что такое финансовая стабильность?

Бодрунов: Итак, вопрос о финансовой системе России. Начнем, пожалуй, с определения финансовой стабильности. Что это такое — финансовая стабильность? Стабильность обменного курса или надежность банковской системы? Или это бездефицитность нашего бюджета? Почему в Японии, например, не беспокоятся о дефиците бюджета, а мы за трехпроцентный бюджет боремся всеми силами?

Абрамова: Финансовая система, так же как кредитная банковская система, является частью общей экономической системы, и от стабильности финансовой системы во многом зависит и стабильность экономической системы, это понятно. Что касается самой финансовой стабильности, то она выражается в определенных макроэкономических показателях, один из которых всем известный — это инфляция, затем это отношение долга к ВВП и так далее. Если брать воспроизводственный акцент, то стабильность — это способность финансовой системы выполнять свои функции. Степень того, насколько хорошо она делает. От этого уже зависит и работа банковской системы, кредитной системы, валюты. В целом финансовая стабильность — не только валютный курс, не только бюджет, не только развитие банков. Это в совокупности все ее элементы.

Бодрунов: Михаил Владимирович, вы как финансовый специалист, финансовый аналитик оценили соотношение устойчивости экономики и устойчивости финансовой системы?

Ершов: В чисто практическом плане, поскольку для финансов очень важен практический компонент, стабильность финансовой системы зависит и от стабильности настроения участников рынка, то есть самих банков, компаний, инвесторов, от стабильного настроения населения как главных пользователей тех услуг, которые предоставляет им финансовая система, и вообще от общего настроя. Именно поэтому, опять-таки зная, как эти проблемы остро стоят и стояли после последнего финансового кризиса в мире, их регуляторы уделяют этой проблеме большое внимание. Именно поэтому они используют весь набор инструментов, которые необходимы для того, чтобы внушить уверенность рынку, что все будет в порядке. Даже тогда, когда на самом деле дела обстоят плохо, они пытаются сказать, что все на самом деле временно плохо или почти неплохо.

«От банков во многом зависит устойчивость финансовой системы — абсолютно верно, потому что у нас банкоориентированная финансовая система»

Абрамова: Если мы обратимся к определению финансовой системы, которое традиционно используется в российской науке, то она включает в себя бюджетно-налоговую систему, бюджетную систему, налоговую систему. Если мы обратимся к определению финансовой системы в западной трактовке, то она равна банковской. Если мы будем исходить из западной трактовки, то у нас — банкоориентированная финансовая система. То есть основной акцент, основные участники, игроки финансового рынка — банки.

Бодрунов: Значит ли это, что мы работаем на банки?

Абрамова: Это не совсем так. Это некий, скорее, пассаж из прессы. То, что от банков во многом зависит устойчивость финансовой системы, — абсолютно верно, потому что у нас банкоориентированная финансовая система. Но банки являются

субъектами денежно-кредитной политики. То есть те импульсы, которые, скажем, Центральный банк демонстрирует и генерирует, проходят только через банки. Соответственно, от устойчивости банков зависит и устойчивость всех остальных секторов экономики. Другое дело, почему эти импульсы не всегда доходят и, когда, допустим, Центральный банк снижает ключевую ставку, ничего не происходит.

Бодрунов: В одной из наших передач академик Некипелов Александр Дмитриевич сказал, что все эти изменения, например, снижение ключевой ставки и так далее, направленные на улучшение ситуации в экономике в целом и повышение устойчивости системы, происходят слишком медленно, и что, может быть, следовало бы эти процессы существенно ускорить.

Абрамова: Я думаю, что у денежно-кредитных механизмов все же есть определенные временные лаги.

Деньги цель любят

Ершов: Абсолютно верно. Более того, финансы — та сфера, которая не терпит особой суеты, потому что такая суета может быть деструктивна. Другое дело, что при всей выверенности и аккуратности шагов, тем не менее в зависимости от масштаба задач, которые стоят перед экономикой и перед финансовой сферой, регуляторы и участники рынка должны быть готовы к использованию максимально широкого набора инструментов в активном режиме, чтобы эти задачи решить, иначе будут только топтание на одном месте и правильные слова.

Опять-таки пример: вот посмотрите, недавно Европейский центральный банк снизил ставку до отрицательных значений по некоторым своим видам операций. У них, кстати говоря, в банковской системе схожая с нашей проблема: банки неохотно кредитуют реальный сектор. Деньги вроде как есть, но банки не хотят перенаправлять эти деньги в реальную экономику, что, по идее, должны были бы делать. Что предпринял ЕЦБ, столкнувшись с этой проблемой? Взял и ввел отрицательные ставки по длинным инструментам целевого рефинансирования.

Говоря более понятным языком. Я коммерческий банк, работающий в Европе, например. Я пришел в свой ЕЦБ взять деньги для кредитования операций в экономике. Если я эти деньги направлю на те задачи, которые обозначены, — на поддержку реального сектора, на такие-то, такие-то программы, то, когда я верну деньги обратно, не я плачу Центральному банку за взятый кредит, как это и бывает, а он мне платит, — ставка отрицательная. То есть я взял миллион, а вернул, условно говоря, 990 000. Вот — явный стимул, дающий сигнал, что, ребята, если вы будете в этих целевых приоритетах функционировать, мы будем помогать вам всеми имеющимися средствами. И плюс там огромный набор других рычагов, которые при этом используются, чтобы помочь бизнесу направиться в нужное русло.

Бодрунов: За счет чего происходит такое целевое финансирование?

Ершов: Очень фундаментальный, важный на самом деле вопрос. Он упирается и в проблемы бюджета, о которых мы говорили, и в проблемы всех монетарных подходов. Мы с вами прекрасно понимаем, что в самых зрелых финансовых системах мира — берем американскую, европейскую и японскую — примерно 90% всей эмиссии (а все в итоге упирается в эмиссию) базируется на целевых государственных бумагах. То есть эмиссия сразу имеет целевой системообразующий профиль — не просто трать на что хочешь и рынок тебе поможет... Ребята, вот у вас есть ипотека — пожалуйста, государственные бумаги на ипотеку, вот у вас малый бизнес — инструменты, относящиеся к малому бизнесу.

Абрамова: Почему рефинансирование идет успешно? Потому что оно связано со структурной политикой. То есть просто нака-

чивание денег в экономику ничего не дает, и мы это прекрасно понимаем.

Бодрунов: Особенно если дырявое решето и деньги выведут куда-нибудь...

Ершов: Или на валютный рынок и так далее.

Абрамова: Совершенно правильно. Все говорят о снижении ключевой ставки. Во-первых, это действует с определенным временным лагом. Снижение ключевой ставки не означает, что все происходит сразу. Во-вторых, есть макроэкономические зависимости. Снизил ключевую ставку — хорошо, но что происходит со ставками по депозиту? Они тоже начинают падать. Это означает, что для населения инвестирование денег в банке становится менее выгодным. А какая альтернатива для сбережений у нашего населения, кроме хранения денег в банке? Остается валюта, а это опять-таки вводит диспропорции в различных монетарных процессах. И еще такой момент: стабильность финансовой системы не означает экономического роста, стабильности всей экономики.

Кроме того, когда, как у нас, сужается или сворачивается само количество банков, те импульсы, которые дает Центральный банк как регулятор, не доходят до реального сектора экономики. Повторяю, дело не только в снижении ключевой ставки. Подводя итог, хочу сказать, что стабильность финансовой системы не означает стабильность всей экономики.

Приказ или программа?

Абрамова: Я часто спрашиваю у своих студентов: «Что вы могли бы предложить для того, чтобы снизить инфляцию?» Первое, что приходит в голову нашим молодым людям, — это принять административные меры, запретить и так далее. Знаете почему? Потому что они действуют быстро: запретил — и все.

А когда мы говорим о разработке экономических мер, то это предполагает учет очень многих факторов, которые к тому же трудно учитываются. Это та же самая финансовая грамотность, о которой мы говорили, — ее сложно оценить, вопросы, которые связаны с инфляционными ожиданиями, трудно прогнозировать. Поэтому первое, что предлагается студентами, — взять и запретить, ввести какие-то административные, законодательные меры.

Разработка экономической политики, которая обеспечивает экономический рост — очень сложное явление. Но люди обычно думают, что они очень хорошо разбираются в трех областях — в воспитании детей, в медицине и в экономике.

Бодрунов: А еще в футболе.

Абрамова. Это мужчины.

Ершов: И еще в валютном курсе многие...

Абрамова: И все почему-то советуют госпоже Набиуллиной и другим руководителям экономического блока, что делать, все как-то лучше разбираются.

Ершов: Хотя эта сфера на самом деле самая тонкая и самая сложная, она аккумулирует в себе все то, что под ней.

Главная финансовая проблема

Рябухин: Главная проблема, на мой взгляд, это отсутствие длинных, доступных и дешевых денег. Это, на мой взгляд, самая главная проблема, которой сейчас должен заниматься экономический блок и законодательный блок Российской Федерации. На сегодняшний день мы имеем в стране серьезную проблему со сбалансированностью консолидированного бюджета.

По расходам и по доходам у нас относительно сбалансированный федеральный бюджет — приблизительно 15 с половиной триллионов расходов. Это большая сумма. Надо сказать, что она выросла за 15 лет в несколько раз, даже на порядок. Я помню, бюджет 2001 года — 1,6 трлн, сейчас расходы — почти 16 трлн. И надо заметить, что 46% этих расходов упакованы в государственные программы.

Есть один главный риск в выполнении этих государственных программ, а их у нас около 40 — и по транспорту, и по промышленности, и по животноводству, по продовольственной безопасности, по другим вопросам, культура, образование, здравоохранение, — это несбалансированность и необеспеченность финансовыми ресурсами.

Важно обеспечить четкое и полное проектное финансирование национальных приоритетных задач, которые сформулированы Президентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию, и те цели, которые сформулированы в 40 государственных программах. Вот здесь надо сконцентрировать все бюджетные ресурсы и банковские кредитные ресурсы в рамках нашей экономики, финансовой системы.

Ершов: Я считаю, что в условиях тех глобальных вызовов, про которые мы говорим уже многие годы, жить надо, все более и более концентрируясь на решении тех системных и системообразующих задач, которые стоят перед нашей экономикой. Абсолютно однозначно, что экономическое развитие сейчас должно быть важным приоритетом вкупе с механизмами, позволяющими минимизировать внешние экономические шоки.

Более того, в связи с уже не только экономическими, но геополитическими обострениями — все большее внимание уде-

«Финансы — та сфера, которая не терпит особой суеты, потому что такая суета может быть деструктивна»

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЯ.
БАНКИНГ, ЭКОНОМИКА,
ОБЩЕСТВО»
А.В. Мурычев

Автор — вице-президент
Союза промышленников
и предпринимателей,
один из руководителей
Вольного
экономического
общества России.

В центре внимания —
актуальные вопросы раз-
вития российского банкин-
га, выбора адекватных
и востребованных эконо-
мических и социальных
решений.

лять внутренним механизмам и точкам опоры национального развития, национальной экономики. Если все эти вещи в их взаимосоординации мы будем использовать, то, я думаю, шанс есть, тем более что у нашей экономики, у наших регуляторов есть очень большой неиспользованный потенциал возможностей и рычагов, использование которых могло бы сильно упрочить наши позиции.

Бодрунов: В общем, если мы будем здраво и спокойно относиться к тем вопросам, которые подбрасывает нам жизнь, то мы доживем и до понедельника, и до вторника, и будущее у нас будет светлым.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, 1887 г., том 11

Задачи и организация центральных европейских эмиссионных банков

ОБ АВТОРЕ

Власий Тимофеевич Судейкин (1857–1918) — русский экономист, сенатор, тайный советник. Выпускник Лицея в память цесаревича Николая и юрфака Московского университета. Образование продолжил в Берлине, Фрайбурге, Лондоне. Защитил магистерскую диссертацию «Государственный банк. Его экономическое и финансовое значение». Читал лекции в Санкт-Петербургском университете по истории финансов и финансовому праву. Работал в Министерстве финансов, возглавлял канцелярию Виленского генерал-губернатора. Активный член Императорского Вольного экономического общества, много актуальных статей оставил в «Трудах» ВЭО, сотрудничал при создании «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». Кавалер ордена Святого Владимира 3-й степени, ордена Святого Станислава 1-й степени, ордена Святой Анны 1-й степени. Расстрелян в 1918 году.

Правильна ли политика нашего государственного банка? Выполнил ли он в течение своего существования цели, намеченные параграфом 1 его устава, то есть содействовал ли он оживлению торговых оборотов и упрочению денежно-кредитной системы и в состоянии ли выполнить намеченные цели, при существующей организации? В какой степени, наконец, совершенна его организация с банковско-технической точки зрения? Этот ряд вопросов возникает невольно при мысли, что наш

государственный банк существует более четверти века, следовательно, такой период времени, в течение которого вполне успели выясниться задачи, характер учреждения и его операций; словом, когда вполне успела определиться, так сказать, физиономия учреждения. Несмотря, однако, на ощущаемый недостаток полного выяснения деятельности банка и его положения в ряду других русских кредитных учреждений, несмотря на то, что бюрократический строй и покровительство крупным финансовым учреждениям и предприятиям и т. д. — с самого начала деятельности банка вызывали сетования в обществе, в нашей экономической литературе и до сих пор никто нигде не подвел итогов деятельности государственного банка за весь период его существования, хотя подобная работа была бы теперь своевременна.

Можно даже утверждать, что в нашей экономической литературе не определен такой капитальный вопрос, как, например, значение государственного банка в качестве финансового учреждения, не говоря о том, что до последнего времени не находил решения другой важный вопрос — влияние выплачиваемого государственным банком процента по текущим счетам на высоту учетно-ссудного процента в других банках. Между тем выяснение этого факта имеет немаловажное практическое значение. Результаты продолжительной не выясненности организации и политики государственного банка сказались, думается нам, на ошибочном законодательном акте, именно в законе 1872 года, коим, впредь до особого разрешения, положен предел учреждению акционерных банков в тех городах, где к этому времени они были учреждены. (Министерство финансов впервые решилось облегчить учреждение банков

в 1882 году, по какому поводу была внесена записка в госуд. совет.) По нашему мнению, закон этот ошибочен, потому что в основание его положены неверные мысли и обобщения, а именно, что частные банки, конкурируя, повышают процентную плату по вкладам, вследствие чего они должны прибегать к рискованным помещениям своих оборотных капиталов. Между тем при обсуждении проекта закона в госуд. совете было упущено из виду, что государственный банк платит по текущему счету 3%. И таким образом побуждает другие кредитные учреждения платить высший процент. Сам же государственный банк должен прибегать к искусственному привлечению платных вкладов потому, что при незначительности основного капитала ему нечем оперировать, а в случае обратного востребования вкладов в значительных размерах он должен обращаться к выпуску государственных кредитных билетов, чем нарушится правильность денежного обращения. Ввиду всех указанных соображений мы даже думаем, что до выяснения вопроса, какова должна быть организация и деятельность нашего государственного банка, не может быть правильно решена такая капитальная реформа, как реформа нашего денежного обращения.

В самом деле, возможно ли делать предположения об улучшении и устройстве нашего денежного обращения на правильных началах, пока не переорганизована система нашего государственного банка и пока он исключительно оперирует чужими вкладами, вследствие чего, с обратным востребованием их, он более сжимается, чем каждый частный банк, и влияет удручающим образом на все остальные? Подобная ненормальность в организации наших казенных кредитных учреждений создалась с начала текущего века, на что существуют обильные указания в архиве Государственного Совета. Ввиду этого нас удивляет то обстоятельство, что в разных планах, посвященных вопросу, как поднять ценность кредитных билетов, не указывается на то, что до тех пор, пока государственный банк организован так, как теперь, и пока он будет оперировать исключительно чужими вкладами, он не может быть правильным регулятором денежно-кредитного обращения в стране и оказывать действительную помощь промышленности и торговле. Ввиду всего этого исследование и изучение деятельности государственного банка, его положения на нашем денежном рынке и в ряду других кредитных учреждений, а также его политики необходимо. Оно необходимо не только потому, что этот банк является кредитным учреждением для хранения, перевода денег и собирания свободных народных капиталов посредством вкладной операции, но особенно вследствие того, что он представляет собою единственный в Европе пример государственного эмиссионного центрального банка, находящегося, в силу своего исторического положения, в полной зависимости от министерства финансов.

Может ли он удачно выполнить возлагаемые на него задачи при существующей организации? Центральные банки других государств такие задачи выполняют, но при иной организации. Поэтому для ответа на предложенный вопрос нам необходимо познакомиться как с задачами, обыкновенно возлагаемыми на центральные банки, так и с организацией последних, при которой они могут с успехом выполнять эти задачи. Банки, не говоря о центральных, затрагивают крупные общественные

и государственные интересы и широкий круг лиц, вследствие чего играют такую видную роль в народнохозяйственной жизни и оказывают такое сильное влияние на экономический строй народа, на финансовое положение, на правильность денежного обращения, на биржу и развитие спекуляции. Ввиду подобного значения банков правительство каждой страны, во все периоды истории, старалось регламентировать деятельность банков, по возможности точно определяя — как круг их операций по выпуску банковских нот, приему вкладов, покупке золота, ответственности лиц, стоящих во главе управления банков, так права и обязанности в отношении к правительству и частным лицам и пр., соответственно тем взглядам и идеям, которые господствовали в обществе в данный период времени относительно этих предметов.

Государственный банк Российской империи

Так, например, при возникновении Английского банка (1694 г.) ему была воспрещена торговля вследствие опасения, что, пользуясь своим могущественным положением, он сделает монополистом на товарном рынке и захватит торговлю в свои руки. А так как подобное влияние может быть вредным, как для народного и государственного хозяйства, так и для самого банка, то законодатели должны особенно внимательно обсуждать вводимые банковые законы, справляясь с наукой, основывающей свои выводы на опыте. В самом деле, если обратимся к фактам повседневной жизни, то увидим, например, что предоставление банкам широкого права выдачи ссуд под процентные бумаги не только может отвлекать капиталы от производительных помещений на биржевую игру и способствовать развитию спекуляции, но даже грозит самому банку затруднениями на денежном рынке в случае внезапных сильных спросов на капиталы или падения цен процентных бумаг.

Точно так же нельзя разрешать банкам по их усмотрению вести покупку и продажу бумаг за свой счет в каком угодно количестве, так как опыт доказал, что банки, сильно занимающиеся подобной операцией, содействуют развитию спекуляции в народном хозяйстве: тут уже идет вопрос не о прочном, выгодном и производительном помещении свободных средств, а о спекуляции на невежестве публики. Точно так же необдуманное предоставление центральному банку права платежа процентов не только по срочным вкладам, но и по текущим счетам, не ограничивая их приема, — приносит за собою повышение учетно-ссудного процента в стране. Разумеется, против последнего утверждения могут возразить, что виновато тут не законодательство, а условия рынка, так как высота процента в стране определяется главным образом спросом и предложением. Опыт же, вопреки недавним утверждениям сторонников

фритредерства, убеждает как раз в противном, чему убедительный пример представляют все банки. Наконец, в интересах народного хозяйства полезно иногда поддерживать ту или другую операцию, например, путем предоставления банку права выдавать ссуды на улучшение земледельческого производства в видах поддержания земледельческой культуры, как это устроено в Австро-Венгерском банке.

Все вышесказанное показывает, что законодателю остается широкое поле для деятельности в этой области. Между тем тут требовали полной свободы, благодаря господству в экономической науке в довольно продолжительный период времени учения о естественных непреложных законах народного хозяйства.

Это учение наиболее талантливо защищалось знаменитым экономистом Д. Рикардо; с новой силой оно вспыхнуло в пятидесятых годах во Франции и Германии. Практический вывод этой школы был тот, что законодательные ограничения в области экономической бесполезны, так как все явления совершаются по определенным законам, которые безнаказанно нарушать нельзя. Утверждая это, последователи этого учения упускали из виду отличие естественных законов от социальных; эти послед-

ние, представляя обобщение результатов сложившейся экономической и бытовой жизни народа, далеко не похожи на законы математические. С изменением условий, при наличии которых возник закон, этот самый закон так же непременно изменяется. Между тем идеи о непреложности экономических законов и вреде вмешательства государства в экономическую жизнь, благодаря своей логичности и убедительности, не могли не оказать влияния на законодательство и жизнь; под влиянием их, между прочим, был отменен законный рост.

В настоящее время в учениях представителей политической экономии обнаружился поворот в обратную сторону; новое научное направление, поддерживаемое наиболее талантливыми экономистами, доказывает, что идеи права, законодательство, нравственное чувство и обычаи оказывали и оказывают сильное влияние на направление хозяйственной жизни каждой страны...

WHAT CAUSED FINANCIAL MARKET PROBLEMS?

When we talk about the viability of a particular system or organism, we understand that there are parts of it that are important for its functioning, but there are also vital elements whose destruction will lead to a total breakdown of the organism or system in question. In economics, finance is often believed to be such an element. Ordinary Russians remember perfectly well that all the modern crises began with shocks to the financial market. The topic of financial turmoil was discussed by:

The stability of the ruble was discussed by:

Marina Alexandrovna Abramova
Deputy Head of the Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of Russia, Doctor of Economics

Mikhail Vladimirovich Ershov
Director of Financial Research, Institute of Energy and Finance, Doctor of Economics
Member of the Board of the FES of Russia

Sergey Dmitrievich Bodrunov
President of the FES of Russia,
Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

Sergey Nikolayevich Ryabukhin
Chairman of the Committee for Budget and Financial Markets, Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Vice President of the FES of Russia

The financial system, like the credit banking system, is a part of the overall economic system, and, understandably, the stability of the economic system largely depends on the stability of the financial system. As for the financial stability itself, it manifests in certain macroeconomic indicators, one of which is commonly known as inflation; another is the ratio of debt to GDP, and so on. In terms of economic reproduction, stability means the ability of the financial system to perform its functions, the extent to which it succeeds in doing so. In turn, it forms the basis for the functioning of the banking system, credit system and the currency. In general, financial stability is not just about the currency exchange rate, the budget, or the development of banks. It combines all of these elements.

In purely practical terms, since the practical component is very important for finance, stability of the financial system also depends on the moods of market players, i.e. banks, companies, investors, on how calm the people are as the main users of financial services, and on the common attitude, in general. That is why, knowing how pressing these problems have become in the aftermath of the latest world financial crisis, regulators pay much attention to this problem. That's why they use the entire set of tools to restore confidence to the market, assuring everyone that all will be well. Even when things are really bad, they are trying to say that bad things will not stay bad forever or that they are not so bad after all.

Finance is an area that does not tolerate fuss, because fuss can be destructive. Another thing is that with all the accuracy and precision of their

actions, regulators and market players, depending on the scale of the tasks facing the economy and the financial sphere, should nevertheless be ready to proactively use the widest possible array of tools to solve these tasks; otherwise there will not be able to move forward beyond words.

Another example: the European Central Bank has recently dropped the interest rate below zero for some of its operations. By the way, they have a similar problem in the banking system: banks are reluctant to lend to the real sector. Money seems to be there, but banks do not want to redirect this money to the real economy, which, in theory, they should be eager to do. What did the ECB do to deal with this problem? It introduced negative interest rates on long-term refinancing instruments.

What is the result of such targeted financing? It's a fundamental, really important question. It also runs into the budget problems we discussed, and the problems of all monetarist approaches. We are perfectly aware that in the world's most mature financial systems – American, European and Japanese – about 90% of the entire emission (and at the end everything boils down to emission) is targeted on government securities. In means that from the outset, emission has a specific target, you do not just get to spend as much as you want in the hope that the market will help you... There's mortgage and there are government mortgage-backed securities, there's small business and there are small business related instruments. Why is refinancing going well? Because it is connected with structural policy. Simply pumping money into the economy does not get you anywhere, and we understand this perfectly.

УСТОЙЧИВЫЙ РОСТ И РУБЛЬ

ПОЛЕЗНО ЛИ НАШЕЙ ВАЛЮТЕ «СВОБОДНОЕ ПЛАВАНИЕ»?

Многие из нас, наверно, помнят те времена, когда утром было страшно услышать или увидеть какую-то очередную загогулину в курсе рубля. Устав от этого, все жаждали экономической стабильности. Сегодня эта проблема частично решена, но кризисы периодически заставляют нас вздрагивать, а некоторых — и паниковать. Все мы хотим, чтобы у нас была стабильная экономика, курс рубля, чтобы волатильность была низкой. Есть ли способы добиться этого здесь и сейчас?

СОБЕСЕДНИКИ

*Сергей Юрьевич Глазьев,
академик РАН,
советник Президента РФ*

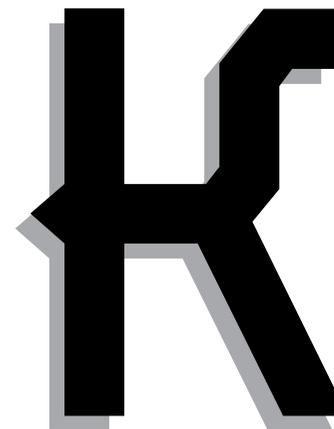

*Михаил Владимирович Ершов,
член Правления ВЭО России,
главный директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов,
профессор Финансового университета при
Правительстве РФ, д. э. н.*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Телепрограмма «Дом “Э”», ОТР, 24.12.2016, Каминный зал Дома экономиста

Какая стабильность нам нужна

Бодрунов: Коллеги, я думаю, никто не будет возражать, если мы скажем, что в нашей экономике далеко не все благополучно на сегодняшний момент.

Глазьев: Ну, это мягко сказано.

Бодрунов: И все хотят некоторой стабилизации. Что такое стабилизация экономики? Некоторые понимают так, что это дно. Помните, у нас был один министр, который говорил: «Мы все время ищем дно». Это тоже стабилизация. Когда постоянно трясет — это тоже стабилизация, только в смысле постоянной тряски. Что же такое стабилизация экономики в нормальном понимании экономистов и от чего она зависит? Сергей Юрьевич, вы, как академик, что можете сказать по этому поводу твердо и ясно?

Глазьев: Если коротко, то стабилизация — это экономическое развитие, с устойчивыми темпами роста, когда у нас существует положительная обратная связь между ростом производства, ростом доходов, инвестиций и мы можем прогнозировать будущее не менее чем на пять лет. Так живут все уважающие себя страны. Китай, который тоже выходил из хаоса в свое время, и ситуация была гораздо хуже, чем у нас, 25 лет лидирует по темпам роста, за ним идет Индия со своими системами долгосрочного стратегического планирования. В Европейском союзе сегодня сложная ситуация, но они пытаются тем не менее

**ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ**

«МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС. ЧТО ДАЛЬШЕ?»
М.В. Ершов,
«Экономика», Москва

В книге показано, какие причины были в основе самого мощного финансового кризиса послевоенного мира, в результате которого была в принципе поставлена под сомнение эффективность финансовой модели капитализма (в первую очередь ее американской версии) и ее жизнеспособность в условиях глобального рынка. При этом антикризисные меры лишь стабилизировали ситуацию, не устранив фундаментальных причин, вызвавших кризис.

надолго планировать свое развитие и обеспечивать для этого стабильные макроэкономические условия, которые являются лишь одной из составных частей стабилизации. Принято говорить, что стабилизация — это низкая инфляция, но можно математически доказать, что низкая инфляция в условиях технологического отставания невозможна. Мы вынуждены платить за технологическое отставание постоянной девальвацией валюты, которая порождает инфляционное давление, поэтому, если мы хотим иметь низкую инфляцию, нам нужны высокая инвестиционная активность и хорошие темпы роста производства. Без этого стабилизацию в монетаристском смысле, то есть низкую инфляцию, обеспечить не удастся.

Бодрунов: Михаил Владимирович, недавно в РСПП был проведен опрос (Российский союз промышленников и предпринимателей периодически проводит такие опросы) — какие факторы мешают выходу компаний из кризиса, и многие говорят, что очень сильно мешает волатильность рубля. Это действительно так?

Ершов: Волатильность — это когда курс очень сильно колеблется то вверх, то вниз и в результате затрудняет и планирование, и осуществление нормальной экономической деятельности. Все процессы, которые происходят в экономике, точно так же вслед за курсом начинают колебаться. Естественно, для компаний — это крайне тормозящий фактор и рычаг, который им сильно должен препятствовать.

Бодрунов: Как сказал Сергей Юрьевич, нам необходимо, чтобы у компаний была какая-то стабильность экономической обстановки, они должны понимать, вкладывая сегодня, что могут получить завтра то, на что можно рассчитывать в бизнесе.

Глазьев: В условиях открытой экономики, когда половина товаров на рынке импортная, доля иностранных машин и оборудования превышает 50% в структуре наполнения капиталовложений, при высокой волатильности рубля планирование инвестиций невозможно.

Бодрунов: Практически нереально, согласен. Как сказал президент в одном из недавних посланий Федеральному Собранию: у нас признано, что основные проблемы, которые мы сейчас создаем, — это рукотворные проблемы.

Глазьев: Да. И мне кажется, нам было бы интереснее поговорить не об объективных факторах, которых всегда хватает (нефть, санкции и зима за окном), а об управлении курсом рубля. Ведь управление курсом — это важнейший параметр макроэкономической политики. Мы создаем валютные резервы

для того, чтобы курс был стабильный, мы должны регулировать операции на бирже. Всегда можно сослаться на то, что плохому танцору что-то мешает, но все эти так называемые объективные причины чрезмерной волатильности курса рубля не стыкуются с факторами, потому что другие нефтедобывающие страны, еще более зависимые от нефти, чем мы, имеют волатильность в разы меньшую, чем у нас.

Рукотворные проблемы

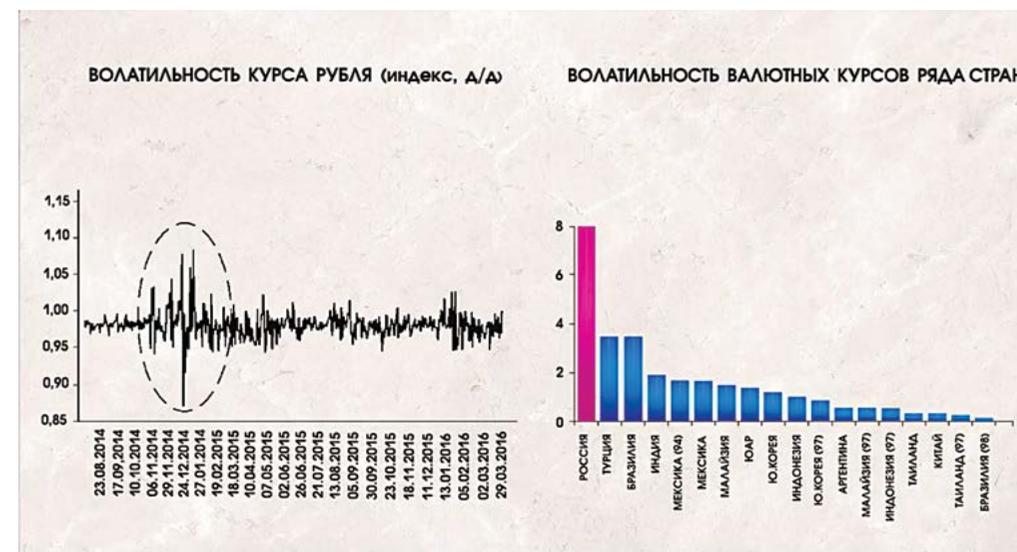
Бодрунов: Сергей Юрьевич, если позволите, я предлагаю посмотреть по этому поводу одну очень интересную картинку (рис. 1). Михаил Владимирович, можете прокомментировать?

Ершов: Эта картинка очень показательная. И левая ее часть, и правая. Слева показывается, сколь более волатильным стал курс рубля, когда он вошел в режим свободного плавания, если сравнить с тем, что было «до»...

Бодрунов: Вы имеете в виду 2014 год, ноябрь.

Ершов: Волатильность была достаточно умеренная, и посмотрите, что стало после, когда рубль отпустили в свободное плавание, — как резко возросла амплитуда. Правая картинка показывает, насколько мы более волатильны, чем другие страны.

Бодрунов: Чем валюты других стран.

Ершов: Кстати, есть одно интересное высказывание Центрального банка в этой связи. Они говорят, что мы перестали оказывать поддержку рублю, когда цены на нефть упали и когда внешние условия стали более жесткими в виде санкций. Но это довольно странно, на мой взгляд, потому что, наоборот, когда условия становятся более трудными, регулятор должен помогать экономике пережить эти трудные условия — он на то и существует.

Глазьев: Если бы у нас был медик, он подумал бы, что уже поздно даже вызывать скорую помощь с такими графиками. Утверждать, что свободное плавание курса рубля — это способ демпфирования нашей экономики от внешних шоков, — это нечто противоположное здравому смыслу. Это все равно что предложить машине, которая движется по горной местности на виражах, убрать тормоза для того, чтобы стабилизировать скорость движения. Ведь механизмы стабилизации курса рубля при помощи управления валютными резервами, при помощи интервенции, когда это нужно, при помощи ограничений деятельности спекулянтов на рынках — это все арсенал методов, которые обязаны использовать денежные власти для того, чтобы обеспечить необходимые условия макроэкономической стабильности, стабильности курса. Когда они отказываются это делать и говорят, что пусть курс плавает сам, так как это лучше будет демпфировать внешние шоки, происходит прямо наоборот. Ведь стабильный курс как раз и нужен для того, чтобы демпфировать шоки. Цена на нефть может колебаться, но мы не должны зависеть от этих колебаний. Для этого и есть механизмы обеспечения стабилизации курса.

«Волатильность — это когда курс очень сильно колеблется то вверх, то вниз и в результате затрудняет и планирование, и осуществление нормальной экономической деятельности»

Бодрунов: Если мы вспомним, что предприниматели в опросе РСПП говорили, они говорили, что основной фактор, который больше всего влияет на их душевное состояние — инвестировать или не инвестировать, — как раз высокая волатильность.

Глазьев: Это навязчивое утверждение о том, что свободное плавание курса рубля — это способ демпфирования внешних шоков и амортизации внешнеэкономической конъюнктуры для нашей экономики, — из разряда абсурдных утверждений.

Бодрунов: Сергей Юрьевич, но ведь Центральный банк, изымая средства из экономики, добивается снижения инфляции, говорит, что у нас в банках, например, структурный профицит ликвидности. Может быть, для этого все делается?

Глазьев: Я скажу, для чего это делается. На самом деле главная причина чрезмерной волатильности, убивающая инвестиционную активность в экономике, — это манипулирование курсом. Как только перешли к свободному плаванию курса рубля, тут же объем спекуляций начал расти в геометрической прогрессии. И на фоне падения внешней торговли, на фоне падения инвестиций единственное, что выросло у нас в эконо-

мике, причем пятикратно, — объем валютных спекуляций, и он достиг астрономической суммы — 100 триллионов рублей в квартал. Это десятикратно больше всего валового продукта страны. Если мы видим такие показатели, это означает, что курсом сегодня управляют не цены на нефть и не какие-то другие так называемые объективные факторы, а спекулянты, которые раскачивают его в целях извлечения прибыли.

Бодрунов: Информационных поводов к тому же достаточно.

Глазьев: Да. Для них любой повод хорош. Кого-то арестовали, упала цена на нефть, неожиданно пролился дождь. Для спекулянта хорош любой повод для того, чтобы сказать, что по объективным факторам началось падение или повышение курса. У нас курс искусственно раскачивается. Режим свободного плавания дает возможность спекулянтам делать это. Поэтому, когда руководитель Центрального банка говорит, что свободное плавание — это демпфирование, в реальности происходит наоборот. Свободное плавание — это инструмент, который позволяет спекулянтам многократно усиливать внешние шоки, что мы сегодня и видим в сравнении с другими странами, где при тех же самых колебаниях цен на нефть, что испытываем и мы, колебания курса ниже в несколько раз.

Бодрунов: Я хотел бы задать Вам, Михаил Владимирович, вопрос: вот у нас отпустили курс, а предпринимательское сообщество полагает, что этот курс искусственно занижен, как это, с их точки зрения, искусственное занижение влияет на экономическую стабильность? Когда у нас курс не соответствует той покупательской способности рубля, которая может быть достигнута, как это может повлиять на состояние стабилизации экономики?

Ершов: Даже судя по одному из недавних опросов, который провел наш Центральный банк, а вопрос был: «Какой курс для вас будет наиболее целесообразным?», — максимальное число отвечающих указало на курс рубля к доллару в диапазоне 45–50. И поэтому, действительно, мы прекрасно понимаем, что от волатильного курса выигрывают в первую очередь спекулянты. Спекулянтам в стабильной среде делать нечего, это не их территория. А от дешевого курса выигрывает кто? В первую очередь экспортеры и бюджет: это два главных блока экономики, которые получают максимальный плюс от дешевого рубля, но при этом мы имеем, с другой стороны, целый набор таких же весомых минусов от дешевого рубля. Первый минус — рост цен, второй минус, важнейший и тормозящий наш экономический рост, — сжатие внутреннего спроса, то есть мы уже сейчас не можем позволить себе купить то, что могли позволить себе раньше, когда курс был 30 рублей, третий минус — это, например, обслуживание внешних долгов, а это важный компонент нашей экономики. Есть целый ряд других вещей, которые тормозят позитив от девальвации и, как следствие, от экономического роста.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ
В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКО-
НОМИКЕ»

М.В. Ершов,
«Экономика», Москва

Содержание книги перекликается с темой данной беседы. Автор показывает, как Россия и российский бизнес могут упрочить свои позиции в глобальной конкуренции.

Плата за технологическое отставание

Бодрунов: С одной стороны получается, что Центральный банк или в целом государственная политика, направленная, насколько я понимаю, на то, чтобы курс был все-таки пониже, наполняет наш бюджет, и в то же время у нас есть огромный бюджетный дефицит. А как эти две вещи стыкуются между собой?

Глазьев: Очень важно отметить, что стабильный курс — это императив политики экономического роста, причем уровень курса — это тоже вопрос политики. Если мы хотим стимулировать экспорт, мы занижаем курс. Когда мы занижаем курс, что это означает? Что у нас по сравнению с объективным спросом и предложением наших товаров на международном рынке дешевле экспорт за счет удорожания импорта, то есть мы субсидируем экспорт, но есть еще обратная сторона — импорт

машин и оборудования, поэтому здесь пределы манипуляций тоже ограничены. Существуют определенные эмпирические закономерности, например, такое понятие — паритет покупательной способности, который говорит о том, сколько товаров мы можем купить у нас и в США — как одна и та же корзина товаров соотносится по ценам, высчитывается курс паритета покупательной способности, который у нас, по-моему, 30 рублей за доллар.

Ершов: По данным ОЭСР, Организации экономического сотрудничества и развития, и Мирового банка, сейчас в диапазоне где-то 25–27 рублей за доллар должен был бы быть курс, если бы он базировался на паритете покупательной силы.

Глазьев: О чем говорит международный опыт? Странам, которые технологически отстают, для удержания конкурентоспособности своих товаров целесообразно занижать курс. Это плата за технологическое отставание. У стран передовых, напротив, рыночный курс выше паритета покупательной способности, то есть они могут себе позволить, по сути дела, субсидировать импорт для расширения внутреннего потребления за счет технологического превосходства.

Бодрунов: Они не опасаются этого.

Глазьев: Мы же, в состоянии технологической отсталости, для удержания конкурентоспособности наших товаров должны делать их дешевле, поэтому мы держим заниженный курс. Вопрос — в каких пределах. Обычно считается, что, если курс ниже паритета в полтора-два раза, это некая плата за технологическое отставание, которая позволяет наращивать производ-

ство, выходить на мировой рынок и развивать экономику, но если эта разница становится больше, возникает ловушка технологической отсталости, потому что мы зависим от импорта оборудования, а оно становится предельно дорогим. Это затрудняет модернизацию.

Бодрунов: Соответственно, мы не можем делать новую продукцию.

Глазьев: Плюс снижение уровня жизни вызывает утечку отсталости, которая усугубляется ловушкой нестабильности, связанной со свободным плаванием курса рубля, и занижаем сегодня уровень жизни населения для субсидирования экспорта, который у нас, как известно, сырьевой. И это тоже большой вопрос — какой у вас экспорт. Если это машины и оборудование, можно было бы потерпеть и субсидировать экспорт машин и оборудования в расчете, что потом мы захватим мировой рынок, а если это экспорт сырья, от занижения курса он не увеличивается, он и так идет на пределе, а просто увеличиваются доходы экспортеров, которые остаются в основном за рубежом. Вот эта примитивная политика — бросить курс в свободное плавание — всем нам обходится очень дорого.

И последнее, что я хочу сказать в связи с волатильностью курса — это очень выгодный бизнес. Практически никто в мире не проводит такой политики. По пальцам можно пересчитать страны, и у каждой свои мотивы. У нас один мотив — сверхприбыль и спекулянты. По нашим оценкам, на колебаниях курса спекулянты положили себе в карман уже порядка 30 миллиардов долларов. Это огромная сумма. Кому сегодня принадлежит биржа? Раньше биржа была в руках у Центрального банка. Я думаю, что неслучайно, перед тем как объявить о свободном плавании курса, биржа была приватизирована, Центральный банк оставил себе только 10%. Вся остальная часть акционеров биржи — это крупные финансовые игроки. Эти крупные финансовые игроки в лице своих представителей сидят во всех комитетах биржи, фактически управляют биржей, а манипулирование курсом валюты — это тягчайшее преступление против общества, потому что биржа существует не для того, чтобы спекулянты зарабатывали на дестабилизации нашей макроэкономической ситуации, а для того, чтобы нормальные экспортеры и импортеры могли заниматься внешней торговлей, для того, чтобы инвесторы могли привлекать иностранные кредиты и получать валютную выручку. То есть это инструмент, который обслуживает текущее воспроизводство экономики. А когда биржу захватывают спекулянты и начинают качать рынок ради сверхприбыли на дестабилизации, это значит, что мы всем миром субсидируем спекулянтов за счет того, что меньше инвестируем, меньше потребляем, наши рублевые доходы обесцениваются.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

В Нижнем Новгороде, где работает региональная организация Вольного экономического общества, ежегодно проходит большая международная конференция «Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы». По ее итогам Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева издал книгу — одноименный сборник. Один из разделов сборника посвящен зависимости экономической безопасности от финансовой защиты.

Что нужно предпринять?

Бодрунов: Уважаемые коллеги, давайте подытожим, отложив на время в сторону последствия, что же можно предпринять? Что, как принято у нас говорить, делать? А самое главное — как?

Глазьев: Первый вопрос: конечно, необходимо провести объективное расследование, разобраться в преступлениях, связанных с манипуляциями, — не может быть таких колебаний курса без манипулирования, это объективный факт. Мы даже видим, кто этим занимается, но стремление заработать сверхприбыли сегодня на бирже абсолютно доминирует и, к сожалению, наши регуляторы по каким-то причинам не уделяют этому должного внимания.

Второе — работа регулятора. Имея огромный запас валютных резервов — у нас сегодня объем валютных резервов в два раза превосходит объем рублей в экономике, денежную массу, — Центральный банк может легко стабилизировать курс. Вопрос — на каком уровне. Хорошо, уронили курс рубля, но стабилизируйте его на этом уровне. Если вы не хотите тратить резервы, так при заниженном курсе рубля у вас резервы автоматически растут, потому что заниженный курс означает, что у нас предложение валюты больше, чем спрос. Значит, вы постоянно забираете валюту в резервы.

Поэтому, если один раз уронили рубль, нельзя было дальше давать ему подниматься, опускаться и колебаться. Нужно было фиксировать на этом уровне, держать его, экономика быстро адаптировалась бы к новым курсовым соотношениям, начались бы инвестиции, экономический рост, и при этом автоматически росли бы резервы. А когда мы допускаем колебания вверх, вниз, мы не можем даже нормально вести бюджетное планирование для Министерства финансов. Вследствие того что у нас большой поток доходов идет от налогов на добычу полезных ископаемых и экспортных пошлин, которые фактически привязаны к ценам на нефть и к курсу, получается, что у нас фискальные интересы в пользу заниженного курса, но обратите внимание, даже эти фискальные интересы не позволили стабилизировать курс. Курс пошел вверх — начались проблемы с бюджетом. Получается, даже эти конъюнктурные государственные интересы в нашей системе управления значат меньше, чем интересы спекулянтов.

Бодрунов: По проблеме, которую мы обсуждаем, Сергей Юрьевич жестко высказывается не в первый раз. В целом та картина, которая сегодня есть в экономике, сегодня не устраивает никого. И даже президент не раз говорил, что, если мы будем сохранять такие параметры нашей экономики и такие темпы ее развития, без новой модели управления экономикой (туда должны войти, наверно, и темы, которые сегодня мы обсуждаем) возникает угроза нашей национальной безопасности.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, 1886 г., том 3

Влияние колебаний курса кредитного рубля на народное хозяйство

Доклад, читанный 28 мая 1886 года
в III Отделении Императорского Вольного экономического общества.

Вопрос о взаимной зависимости кредитного обращения в государстве вексельного курса, цен на товары и производительности страны, — вопрос старый, имеющий большую литературу, как на западе, так и у нас; тем не менее, несмотря на простоту и ясность этого предмета, на него существуют противоречивые взгляды, что зависит в значительной степени от прямо противоположных интересов разных людей. Большинство трактующих о предмете смотрит на него сквозь призму личных интересов, а потому и видит в нем только то, что ему выгодно.

«Если б геометрические аксиомы, — сказал однажды Гоббс (Томас Гоббс (1588–1679) — английский философ-материалист. — Прим. ред.), — задевали человеческие интересы, так и они вечно оспаривались бы». Вот почему для уяснения действительной причины разных взглядов на денежное обращение и колебание курса бумажного рубля рассмотрим, кому падение или поднятие кредитного рубля выгодно, а кому убыточно. Поднятие курса кредитного рубля несомненно выгодно всем обладателям кредитных капиталов. Каждый, обладающий капиталом, или в наличных кредитных билетах, или в виде вкладов в банках или в обязательствах, как казны, так и частных лиц и обществ (частные векселя, паи, акции и облигации в кредитной валюте железных дорог, промышленных и банковских предприятий), — несомненно выигрывает при поднятии курса рубля, без всякого с его стороны участия богатство его растет, так как один и тот же денежный знак, с поднятием его цены, получает большую покупательную способность.

По той же самой причине от поднятия курса выигрывают все получающие определенное жалование, как то военные, чиновники и вообще все служащие: продолжая получать прежнее жалование, они приобретают возможность получить на него большие удобства. Так как с поднятием цены кредитного рубля цена на золото понижается, то поднятие это выгодно всем тем, кому необходимо покупать золото для уплаты своих металлических обязательств, следовательно, и всем землевладельцам, получившим из банков ссуду в металлической валюте. Нет сомнения, что для всех перечисленных лиц падение курса

в такой же мере убыточно, в какой поднятие — выгодно. Из вышеизложенного явствует, что с поднятием курса кредитного рубля связаны интересы очень и очень многих. Вот почему политика поднятия курса кредитного рубля всегда находила так много рьяных защитников.

Не надо забывать также, что масса кредитных билетов и наших процентных кредитных бумаг находится в руках иностранных банкиров, следовательно, интересы последних так же точно связаны с поднятием курса: вот почему наши банкиры как представители иностранных бирж особенно пропагандируют финансовую политику, клонящуюся к поднятию курса нашего кредитного рубля. Всем известно, как много у нас являлось защитников интересов иностранных банкиров, и недавно еще А. Вагнер (Адольф Вагнер (1835–1917), выдающийся немецкий экономист эпохи Бисмарка. — Прим. ред.) выступил со своими доказательствами необходимости консолидации всех выпущенных на военные расходы кредитных билетов. Впрочем, банки наши заинтересованы в поднятии курса и непосредственно, так как портфель их почти исключительно кредитный. Если бы в этом портфеле было больше золота или иностранных векселей, что могло бы случиться, например, при усиленном отпуске за границу, то, нет сомнения, интерес банков, наоборот, заключался бы в понижении курса. Те же банки, которые приняли на себя металлические обязательства, при падении курса, могут легко совсем разориться.

Посмотрим теперь, кому поднятие кредитного рубля невыгодно, кого оно разоряет. Каждый владелец капитала или в золоте, или в других ценностях, или обменявший их на металлические обязательства, как казны, так и частных лиц и учреждений, теряет с поднятием курса на кредитный рубль, так как имеющееся у него золото, товары или другие ценности, или то золото, которое владелец металлической процентной бумаги получает в качестве процента, будет иметь возможность приобрести удобств и ценностей меньше, чем он раньше мог получить. С поднятием цены кредитного рубля каждый владелец последнего требует на него уже больше, чем раньше требовал.

Ясно, что каждый нуждающийся в этом рубле, кому приоб-

рести его необходимо, каждый владелец какой бы то ни было действительной ценности, товара и нуждающийся в обмене их на деньги, каждый ощущающий необходимость реализовать свой труд, каждый должник, обязанный платить по своим обязательствам (в кредитной валюте), каждый плательщик податей, одним словом, каждый владелец действительной, а не бумажной, отчасти фиктивной, ценности, теряет по мере того, как курс кредитного рубля возрастает, так как за каждый рубль приходится отдавать больше, чем раньше отдавал. Вот почему землевладелец, имеющий сельские запасы или отдающий в аренду землю; работник, продающий свой труд; фабрикант, не имеющий возможности сбыть свой товар по прежней цене; должник, обязанный в срок уплатить по векселю, — все в рав-

ной степени теряют с поднятием курса и, наоборот, выигрывают от падения его.

Неудивительно, следовательно, если и всем известная газета распинается за усиленные выпуски кредитных билетов, так как средство это, несомненно, должно понизить курс кредитного рубля и уменьшить ввоз иностранных товаров, что неминуемо дало бы возможность, например, московской промышленности убытки от своей неумелости и расточительности покрыть барышами на изменении ценности рубля. Нет сомнения, что падение курса дало бы возможность, например, ситец, за который теперь дают только 6 копеек, продавать по 8 копеек и больше. Это ли не Аркадия для лени, для отсутствия знаний, энергии, предприимчивости. Такое счастливое время, покровительствуемое при том протекционной политикой, продолжалось с 1874 по 1883 год, когда курс постоянно падал (средний курс на Лондонской бирже был в 1874 году чуть более 33, а в 1882 году — чуть более 23. Постоянное понижение было временно приостановлено только в 1880–1881 годах, и совпало со значительным уменьшением нашего отпуска, произошедшего от неурожая хлеба). Несомненно, многие и теперь мечтают о повторении таких годов, с постоянным понижением нашего курса, и находят себе немало помощников, готовых из-за личных выгод всю

страну обречь на несчастье. После нас хоть потоп, предстоящих выгод, не обосновательно полагают они, на их век хватит, да, пожалуй, и детям останется кое-что, а нет, пусть они сами расхлебывают заваренную кашу, как знают. Отвратительнее всего в этой трагикомедии то, что лица, заварившие кашу и создающие свое благополучие из разорения родины, обыкновенно прикрываются патриотическими фразами, которые в большинстве случаев и достигают своей цели...

Все «Труды Императорского Вольного экономического общества» размещены на сайте ВЭО России — veorus.ru

SUSTAINABLE GROWTH AND THE RUBLE

Many of you will probably remember the times when you woke up in the morning afraid to learn another bit of sad news about the ruble exchange rate. Tired of this, everyone craved economic stability. Today this problem is partially solved, but from time to time the crises make us shudder, and some of us panic. We all want to have a stable economy and ruble exchange rate, we want the volatility to be low. Are there ways to achieve this here and now?

The stability of the ruble was discussed by:

Sergey Glazyev
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Advisor to the President of Russia

Mikhail Ershov
Member of the Board of the FES of Russia,
Chief Financial Research Director at the Institute of
Energy and Finance,
Professor at the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Doctor of Economics

Sergey Bodrunov
President of the FES of Russia,
Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

Stabilization means economic development coupled with stable growth where you have positive feedback between the growth of production and the growth of income and investments and where you can see at least 5 years in the future. All the self-respecting countries carry on like this. Having found its way out of a chaos that was much worse than ours, China has been a world leader for 25 years in terms of growth, followed by India with its long-term strategic planning programs. Today, the European Union is in a difficult situation, and yet they are trying to plan their development for a long term by providing stable macroeconomic conditions, which are merely one of the aspects of stabilization. It is customary to say that stabilization means low inflation, but it can be mathematically proven that low inflation is not possible in the conditions of technological backwardness. We are forced to pay for the technological backwardness with constant devaluation of the currency which gives rise to inflationary pressure; therefore, if we want our inflation low, we need high investment activity and high production growth rates. Otherwise, we won't be able to achieve stabilization in the monetarist sense (i.e. low inflation).

Recently, a survey was conducted at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP). The Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs periodically conducts such surveys: what factors stand in the way of companies' attempts to find their way out of the crisis. Many say that the volatility of the ruble is a huge obstacle. You get volatility when the exchange rate starts to fluctuate strongly, up and down, thereby complicating both the planning and implementation of normal economic activity. Following the exchange rate, all economic processes start fluctuating too. It is a strong deterring factor for companies, a considerable difficulty they must overcome. No investment planning is possible in an open economy when half of the goods on the market are imported, the share of foreign machinery and equipment in the structure of capital investments exceeds 50%, and the volatility of the ruble is high.

In addition to the objective factors, which are always numerous (oil prices, sanctions and cold winters), it is important to manage the ruble exchange rate. Exchange rate management is the most important parameter of any macroeconomic policy. We should create foreign currency reserves to ensure that the exchange rate is stable, we

should regulate stock market transactions. One can always say that if the dancer is bad, he always complains that something gets in his way, but all those allegedly objective reasons for the excessive volatility of the ruble do not match the facts, because other oil-producing countries that are even more dependent on oil prices than we are have much lower volatility.

There is an interesting statement of the Central Bank in this regard. They say they stopped supporting the ruble when oil prices plunged and the international sanctions were imposed. But this is quite strange, in my opinion, because, on the contrary, when conditions become worse the regulator should lend a hand to the economy, that's what it's for after all.

The argument that the floating exchange rate of the ruble was introduced to dampen external shocks to the economy defies common sense. It's like asking the driver to stop using the brakes to stabilize the speed of movement while driving on a serpentine road in the mountains. After all, the mechanisms for stabilizing the exchange rate of the ruble through the management of foreign exchange reserves, through interventions and, where necessary, through limiting the activity of market speculators, are within the arsenal of methods that the authorities should use to ensure the appropriate conditions for macroeconomic stability and the stability of the exchange rate. When they refuse to do so and say the exchange rate should be allowed to self-adjust because it will be better for dampening external shocks, what happens is quite the opposite. After all, dampening shocks is what a stable exchange rate is needed for. The oil prices may fluctuate, but we should not depend on these fluctuations. There are mechanisms to ensure stabilization of the exchange rate.

In fact, excessive volatility which kills investment is mainly caused by exchange rate manipulations. As soon as we switched to the floating exchange rate of the ruble, the volume of speculations started to grow exponentially. And as foreign trade slumped and investments dwindled, the only thing that has grown in our economy, and grown fivefold, was the volume of foreign exchange speculations. It reached the exorbitant 100 trillion rubles a quarter. This is ten times the country's gross domestic product. If we observe such indicators, it means that it's not oil prices or some other allegedly objective factors that influence the exchange rate, it's speculators who keep it unsteady while trying to make profit.

ПРОСТО О НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ НАЛОГОВ

ПОЧЕМУ НЕ СТОИТ ЧАСТО МЕНЯТЬ ПРАВИЛА ИГРЫ

У бизнеса скопился целый ряд запросов к государству по налоговой реформе, которую они хотят провести. Предприниматели, как крупные, так мелкие и средние, жалуются на то, что им сложно прогнозировать выплаты в неустойчивой налоговой системе. Кроме устойчивости есть и целый ряд других проблемных точек.

СОБЕСЕДНИКИ

*Алексей Владимирович Орлов,
директор радиовещания на русском языке
международного информационного агентства
и радио Sputnik*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

*Сергей Николаевич Катырин,
президент Торгово-промышленной палаты РФ*

По материалам программы «Вольная экономика» на радио Sputnik. 14.02.2017

Предсказуемое будущее

Бодрунов: Все мы, не только бизнесмены, когда планируем свою жизнь, рассчитываем на некое предсказуемое будущее, чтобы добиться определенного результата. А бизнес — это часть жизни, которая особенно требует четкой ориентации на результат. Почему? Потому что ты сюда не только свои средства вкладываешь и личные усилия, но и труд других людей, какие-то привлеченные деньги и так далее. Тебе нужно рассчитаться, а как ты можешь рассчитаться, если ты не в состоянии спрогнозировать, будут ли у тебя заработанные деньги для расчета или ресурсов, сможешь ли ты свои обязательства выполнить или нет? В чем проблема неустойчивости любой налоговой системы? Она создает всегда ситуацию неопределенности, если слишком часто меняется. И многие бизнесмены сегодня просят хотя бы зафиксировать ситуацию на несколько лет или дать четкие тенденции ее изменений, потому что изменения, конечно, могут быть, они нужны.

Орлов: Ничто не вечно под Луной.

Бодрунов: Жизнь требует изменений, но тогда расскажите о том, каким образом вы планируете что-то менять и, пожалуй-ста, придерживайтесь этого намерения. И тогда мы сможем в бизнес-плане сесть вместе и посчитать, понять, что если мы будем честно, добросовестно, порядочно работать, какой будет процент уходить из дохода на налоги и прочие платежи. А если будут какие-то изменения, то есть увеличение или уменьшение налогов (скорее всего, увеличение), тогда мы это тоже учтем. Кроме того, должны остаться средства на будущие инвестиции, то есть мы должны понимать, сколько мы можем отложить в инвестиционный портфель, а сколько мы должны потратить сейчас. Может быть, мы будем уходить в другой сектор бизнеса, потому что там другие налоги, там какая-то другая ситуация. Если этого не сделать, возникнет ситуация неопределенности, и она страшна не столько даже тем, что кто-то и где-то что-то не рассчитал или потерял деньги. Страшно для нормального развития другое. Тот, кто имеет средства, перестает их активно инвестировать, придерживает эти деньги вследствие неопределенности. То есть ничего не строится, рабочие места не создаются, не выпускается продукция, потому что тот, кто должен был инвестировать в этот процесс, деньги не дает на это, он ждет. Вот он подождет какое-то время, появляется новая идея у правительства или региональных властей: а давайте-ка мы еще сделаем что-нибудь такое, потому что у нас в бюджете мало денег! Конечно, инвестор опять решит подождать!

И вот это «подождать» к чему приводит? Это приводит к тому, что рано или поздно у нас возникает ситуация недостаточного инвестиционного финансирования экономики. А откуда тогда налоги возьмутся? Получается замкнутый круг: и мы его должны разорвать.

Предложения бизнеса

Орлов: И бизнес подготовил по указанию президента для Правительства документ, который на это нацелен, насколько я знаю.

Бодрунов: Речь идет о предложении, которое подготовили четыре крупнейших наших предпринимательских объединения: РСПП был главным инициатором, «Опора России», «Деловая Россия» и к ним присоединилась еще Торгово-промышленная палата. Они подготовили письмо — предложение четырех, как его называют в экономическом сообществе. Многие позиции там связаны как раз с мораторием, с фиксацией сегодняшней ситуации.

Орлов: Давайте мы попросим Сергея Катырина, президента Торгово-промышленной палаты РФ вкратце нам изложить.

Катырин: Мы разработали проект федерального закона, который закрепляет общие принципы установления, ведения, взимания и регулирования налоговых платежей. Мы предлагаем перейти от определения просто налоговой нагрузки к пониманию общеналоговой нагрузки на бизнес, потому что она складывается из налоговых платежей и неналоговых, которых стало очень много — в некоторых регионах до 70, а сумма сегодня составляет, по подсчету наших экспертов, порядка 1% ВВП, а это — более 800 млрд рублей. Причем нужно сказать, что эта нагрузка неравномерна для разных видов бизнеса. Мы бы хотели, чтобы в соответствии с этим законом был введен реестр неналоговых платежей Минфином и все такие платежи были видны как государству, так и предпринимателям, и депутатам, чтобы никакие новые платежи не появлялись, пока они не внесены в этот реестр. Мы также предлагаем, чтобы платежи не вводились моментально... Если его приняли в 2017 году, вводиться он может с 1 января 2018 года, чтобы все были готовы к такому развороту. В такой ситуации будет возможность оценивать фискальную нагрузку на тот или иной вид бизнеса по совокупности.

Орлов: Сергей Дмитриевич, вот по предложению Торгово-промышленной палаты РФ реестр должен вести Минфин, логично?

«Эту овцу, конечно, можно остричь, но, если мы ее оставим голой на морозе, она погибнет и не будет даже мяса и шерсти»

Бодрунов: Нелогично было до сих пор, что этот реестр не был составлен, потому что никто точно не знает, сколько платит налогов тот или иной предприниматель, — конечно, можно узнать в каждом конкретном случае, но в первую очередь все меняется на местах, где изобретают новые сборы, и эти сборы не сразу видны. Сергей Катырин говорит о том, что всем известны налоги, но, как вы знаете, законодательство у нас — о налогах и сборах, то есть помимо налогов существуют огромные возможности для того, чтобы залезть в карман предпринимателя, и этими возможностями, даже когда все хорошо в экономике, власти, особенно на местах, не преминут воспользоваться. Как только понимают, что где-то зашевелилась какая-то копеечка, сразу думаем, как ее прибрать. Бизнесмен-то, сколько его ни топчи, все равно прорастет, как трава сквозь асфальт, и будет жить.

Исходя из такой странной логики, кажется, что не думают о будущем. Но кто будет думать о будущем из людей электро-налогового цикла и назначения? Они будут думать только в пределах того небольшого периода, который ему отведен. И нужно учитывать, что значительная часть власти на местах подвержена такому явлению, как коррупция. Он пришел, решил вопрос для своего местного бюджета, что-то запустил, из бюджета какие-то деньги отпилили куда-то — и это все можно покрывать спокойно за счет предпринимателей на местах. Поэтому Катырин и говорит, что до 70 сборов придумано в некоторых регионах. Представьте себе, что помимо обычных

налогов — на прибыль, на имущество, транспортных налогов и прочих — предприятие платит всевозможные сборы. Между прочим, президент уже говорил о том, что эту практику нужно прекратить.

Орлов: В общем-то, порочную практику.

Бодрунов: Предприниматели это послушали и решили, что пока никто особо не шевелится останавливать это все, поэтому такое письмо и родилось. Я бы еще, Алексей, обратил внимание на один момент, который у Сергея Катырина прозвучал, — мне кажется, его нужно расшифровать, и я уже об этом как-то раз немного говорил. Необходимо не только мораторий вводить на налог на прибыль или другие налоги, но еще и мораторий на изменение принципов исчисления такого налога, потому что можно ставку оставить ту же самую, но при этом принцип поменять, например, исключить из затрат какие-то их виды, тогда в результате налоговая база вырастет. Вроде бы все то же самое, ведь формально слова президента выполнили, а на деле — нет. Очень важно, что эти вещи отражены в документе, который подготовило наше предпринимательское сообщество. Мне кажется, что это очень правильно и мудро. Более того, у нас же есть еще и последующие налоги. Например, кроме налога на прибыль еще есть налог на дивиденды. И очень много желающих сегодня собрать эти налоги на дивиденды. Дивиденды в общем понимании — это уже потребление, так вот и давайте на этот налог на потребление накинём еще пару десятков процентов, и будет у нас не 13, а 35% — сделаем совсем хорошо, забывая о том, что мы хотим, чтобы акционерами стало подавляющее большинство населения страны. Собственно говоря, можно сказать, что это их деньги, которые уже обложены налогом на прибыль, во-первых, а во-вторых, это далеко не налог на потребление, а налог на будущие инвестиции.

Орлов: Совершенно верно.

Бодрунов: Потому что, если это маленькие деньги, тогда мы отнимаем у человека, получившего маленькие дивиденды, еще и эти крохи, не особенно пополняя бюджет. А вот крупный предприниматель, после того как заплатит дополнительные налоги, подумает о том, а нужно ли ему здесь эту прибыль получать, эти дивиденды. Большинство предпринимателей, получив дивиденды, стараются их направить на новые инвестиции, но далеко не у всех возникает такая возможность. Если такой инвестиционный проект не подготовлен, а возникает ситуация, когда нужно реформировать бизнес, реорганизовывать его, рассчитаться с партнерами, — самые разные ситуации — правильно было бы ввести и мораторий налога на дивиденды. У нас недавно, несколько лет назад, была введена новая практика, которая соответствует общему мировому тренду, — налоги

«Есть сферы, которые требуют прямого и зачастую некупленного инвестирования, и это — дело государства»

на контролируемые иностранные компании. Сейчас есть идеи еще раз поменять это законодательство. Только-только к нему бизнес приспособился, и тут опять какие-то возможные изменения. Лучше пока ничего не менять, по крайней мере, в ближайшие годы. Собственно, вот этой стабильности бизнес и добивается.

И вторая часть комментария Сергея Катырина: он обращает внимание на неналоговую нагрузку, то есть на все эти сборы. Это очень важная вещь, потому что неналоговая нагрузка может в разы превышать налоговую. И эти вещи могут превратить любой бизнес в абсолютно нерентабельный.

Не стригите слишком сильно

Орлов: А как же так происходит — пожалуйста, простите меня за такой наивный вопрос, — что Правительство или какой-то регулирующий орган может в одностороннем порядке настолько просто менять правила игры.

Бодрунов: Все зависит от того, как устроена социальная система страны. Необходимо, на мой взгляд, во-первых, ужесточение механизмов изменения Налогового кодекса. Во-вторых, необходимо разумное изменение, исходя из консенсусного представления общества о том, что можно делать, а что делать нельзя. Сегодня есть парламент, в котором принимаются те или иные законы, в том числе и по налоговой системе, но там есть разные люди, представители разных фракций...

Орлов: И разного образования, будем тоже откровенно говорить.

Бодрунов: Да, разного уровня экономического образования, потому что художник или спортсмен не в состоянии легко разобраться в экономических вопросах. Для этого существуют эксперты, которые могут так или иначе что-то проверить, сказать, спрогнозировать, и эксперты тоже имеют разное мнение, поэтому должен быть выработан общий консенсус, который должен заключаться в том, чтобы уйти от парадигмы «бизнес — это что-то чуждое» к парадигме «бизнес — это мы, касается каждого, и с этого мы все живем». То есть предприниматель — это тот самый двигатель экономики, которого нужно холить и лелеять. Это не значит, что нужно ему дать возможность грабить всех подряд, а это значит, что социальные слои, которые получают бенефиции с бизнеса, должны понимать: эту овцу, конечно, можно остричь, но, если мы ее оставим голой на морозе, она погибнет и не будет даже мяса и шерсти.

И что предлагают предприниматели? Они говорят: «Ребята, уже вы нас постригли, шерсть уже в бюджете, пожалуйста, не делайте так, чтобы мы не понимали того, сколько еще нужно шерсти отращивать и нужно ли ее здесь растить».

Орлов: То есть она еще не выросла, а мы ее уже должны?

Бодрунов: Да.

Орлов: Что касается тарифов, цен, и откуда они берутся. Слово опять Сергею Катырину.

Катырин: Конечно, нам бы также хотелось, чтобы был принят закон, о котором мы тоже много лет говорим, — об основах государственного регулирования цен и тарифов. Сейчас ситуация не в лучшую сторону изменилась после того, как ФАС перешла регулирование этих тарифов. Тем не менее все-таки мы считаем так, что эта система должна быть прозрачной, она должна регулироваться законом, чтобы все понимали, откуда, как и из чего складываются те или иные цены, тарифы, особенно в монополиях. И чтобы могли реагировать те, кто устанавливает эти тарифы и цены.

Орлов: Согласны?

«Изъятие из оборота плохо влияющих на экономику налогов принесло бы дополнительные доходы»

Бодрунов: Да, согласен. И я не просто согласен, а считаю, что любая монополизация ведет к повышению цен. Так получается даже не из-за того, что монополист, если он даже государственный монополист, хочет как можно больше прибыли сорвать — нет, это естественная ситуация. Условно говоря, государственному монополисту можно задать потолок — сколько он должен получить прибыли, а сколько не должен, но он тогда просто не будет экономить на затратах, понимаете? Для него нет в этом никакого смысла, если у него есть возможность их покрывать за счет кого-то. Трачу, сколько могу, а потом добавляю сумму и говорю, что есть государственный тариф и такая-то прибыль должна у меня быть. А дальше могут быть и злоупотребления, потому что, когда траты идут экономически невыверенно, возникает возможность, особенно при не очень хорошей системе контроля, завысить какие-то затраты умышленно, а если умышленно завышаются затраты, у нас получается космодром «Восточный» и все остальное, то есть затраты растут. И сколько у нас построили объектов, где затраты выросли в разы? Конечно, где-то это было связано с естественной ситуацией, а где-то было и то, о чем мы говорим. Дальше начинается большая работа органов правоохранительных и прочих, но деньги все равно уже потеряны, и темпы уже потеряны, и инвестиции уже проведены впустую, потому что существует такое понятие, как своевременность и целесообразность создания тех или иных элементов бизнеса.

Условно говоря, если ты строишь дом, но при этом дорогу не профинансировал, тогда дом может простоять два года, дороги нет, соответственно, его продать нельзя. У меня таких случаев было много в Питере, когда дом построили, а 5 лет к электричеству не подключают. В результате инвестор затратил большие деньги, а в городе какие-то структуры не выполнили свои обя-

зательства по подключению. Бизнес может терять и на этом тоже.

Орлов: И тут совсем рядом и проблема больших государственных компаний, корпораций. По мнению Сергея Катырина, их стало слишком много.

Катырин: Нужно иметь в виду, что вклад государственных компаний в 2015 году вырос до 70%, хотя, если взять 2005 год, это было всего 35%, то есть в два раза. Соответственно, все эти предприятия воздействуют на конкуренцию. Естественно, не нужно наращивать количество таких компаний, но нужно думать и над тем, каким образом нужно сокращать его. По крайней мере, на конкурентном рынке унитарных предприятий, на наш взгляд, не должно быть. И если рынок конкурентный, тогда пусть там хозяйствующие субъекты работают в одинаковом конкурентном поле без всяких преимуществ за счет государства.

Бодрунов: Это правильно, я бы поддержал эту мысль, но нужно обратить внимание на понятие конкурентных рынков. Дело в том, что есть вещи, которые требуют прямого и, может быть, не окупаемого инвестирования, и это дело государства — инфраструктура и многое другое. Но если рынок конкурентный, конечно, субъектам рынка нужно создавать одинаковые условия. И если тут находится унитарное государственное предприятие, оно таким образом работать вряд ли сможет. В результате получается у государства странная ситуация: с одной стороны, необходимо создать всем равные условия, с другой стороны, есть собственная рука в виде предприятия, а своя рука — владыка. Соответственно, нужна монополия для этой руки, и тариф нужно на нее ориентировать, и так далее, и тому подобное.

Пойдут ли навстречу?

Орлов: Итак, Правительство запросило пожелание бизнеса, бизнес их подготовил. По Вашему мнению, насколько Правительство будет готово услышать эти пожелания?

Бодрунов: Я думаю, что Правительство запросило это все не от хорошей жизни. Когда жизнь хороша, тогда вы у соседа не спрашиваете совета о том, как дальше жить. Сегодня мы все понимаем, в какой экономической ситуации находимся. И тут уже понятно, что нужно всем искать выход из положения сообща. У Правительства тоже консультанты разнообразные есть, и обращаются они не только к предпринимательскому сообществу. Я знаю, что Минэкономразвития обращалось ко многим организациям, ко многим экспертам, с приходом господина Орешкина, за мнением. Я бы даже не сказал, что это в пол-

ном смысле слова консультация, потому что там достаточно много квалифицированных специалистов, в Министерстве, но мнение людей, пусть формальное даже, все равно отражает что-то и дает дополнительный ракурс проблемы. Когда сто человек высказались, и из них три человека высказались в одном смысле — это все равно отражает мнение какой-то общественной страты.

Поэтому, как мне кажется, запрос такого рода исследования — это позитивный сигнал, это может хорошо отразиться на той модели экономического роста, которую, собственно говоря, призвано Министерство согласовать вместе с определенными группами ученых и специалистов. И несколько больших аналитических групп высказало некое консенсусное мнение — это говорит о многом. Это говорит о том, что без учета этих предложений новая модель развития не будет эффективной, потому что она должна нести не только какие-то новые идеи о структуре экономики, но и содержать механизмы реализации. И вот как раз механизмы реализации предлагает наш предпринимательский корпус.

Надо отметить, что они говорят не только о моратории, но и о снижении в некоторых частях налоговой и неналоговой нагрузки. Например, фонд оплаты труда сегодня входит в ту базу, с которой исчисляется НДС, а в мире таких примеров не так много.

Орлов: Это даже звучит странно.

Бодрунов: Да, даже звучит странно, ведь получается такая ситуация, когда мы искусственно ограничиваем рост заработной платы, фонд оплаты труда — это потребительский спрос, и если у людей появилось больше денег, то есть появилась сумма, которую можно потратить, тогда он ее пойдет и потратит на жилье, обучение, продукты и так далее. А когда у нас стоит задача замещения импорта, то это будут деньги, которые будут потрачены на нашу экономику. Это очень важно. Есть многие профсоюзные объединения, которые предлагают заниматься повышением заработной платы, и многие говорят, что если не будет хорошей зарплаты, откуда возьмется производительность труда? А я тогда спрошу, откуда взять повышенную заработную плату? И то же самое думают предприниматели. А с чего платить, если у меня сняли налоги, сняли то, сняли это, и остаются деньги какие-то на будущие инвестиции под дивиденды, и с них тоже сняли налоги.

Орлов: Замкнутый круг.

Бодрунов: Да, и тут еще неясно то, нужно ли инвестировать дальше или нет, ведь налоги могут еще поднять. И то решение, о котором мы с вами говорим, а именно мораторий плюс изъятие из оборота непопулярных, нехороших, плохо влияющих

на экономику налогов, мне кажется, обернулось бы не минусом в наш бюджет, а через достаточно небольшое время принесло бы дополнительные доходы.

Орлов: Сергей Дмитриевич, и последний вопрос. Если диалог состоится и результат его будет положительным, на который мы рассчитываем, то есть стороны услышат и договорятся, когда это может произойти?

Бодрунов: Насколько я, находясь в этом экономическом пространстве, понимаю, у нас электоральный цикл. По идее, к лету должны быть сформированы какие-то программы, а вот когда они будут приняты, посмотрим.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЭО, 1875 г., том 3

ВЭО России уже два с половиной века активно занимается вопросами эффективного налогообложения. Так, 150 лет назад речь шла о налогах, которые собирало не государство, а сама земля, природа. И вот отрывок из статьи, в которой предлагались методы борьбы с волчьим налогом.

Налог, собираемый волками с населения Калужской губернии, и средства, предлагаемые к избавлению от этого налога

Повсеместное размножение волков и зло, наносимое ими сельскому населению, обратили на себя внимание не только частных лиц, но и земских собраний, которые, с целью противодействовать этому злу, установили премии охотникам за каждого убитого волка. К сожалению, далеко еще не все земства вполне поняли все зло, причиняемое народу этими хищными зверями, и потому остаются как бы равнодушными зрителями этой картины и не предпринимают никаких средств к искоренению этого зла — истреблению волков. Причины этого кажущегося равнодушия заключаются, как мне кажется, главным образом в том, что земские собрания опасаются обременять обывателей уезда лишними налогами; но если мы обратим вни-

До 70 сборов придумано в некоторых регионах

мание на количество того налога, который ежегодно собирают волки с тех же обывателей, то придем к тому убеждению, что сбор земства на предмет истребления волков и вообще хищных зверей был бы гораздо легче налога, собираемого волками.

Для того чтобы вывод относительно налога, собираемого волками, не показался странным, я позволю себе обратиться к тем данным, которые у меня в настоящее время находятся под руками. Калужский статистический комитет, обратив свое внимание на зло, причиняемое волками населению губернии, вот уже второй год собирает сведения о количестве истребляемого волками скота и птицы. В первый год собирания этих сведений, как и вообще во всяком новом деле, в сведениях этих оказались некоторые недостатки и упущения; разработка этих данных дала возможность комитету исправить эти упущения и собрать более удовлетворительные требования сведений по этому предмету. Из этих новых сведений мы видим, что ущерб в хозяйстве причиняется волками не только сельскому населению, но и городскому, так как из затребованных за прошлый год сведений от городских управ видно, что и в городах истреблено волками достаточное количество скота и птицы.

Из этой таблицы мы видим, что число истребленного волками скота и птицы довольно значительно. Но если мы вздумаем количество истребленного скота и птицы обратить в стоимость его на деньги, то увидим и сумму этой стоимости. Отсюда мы уже легко можем видеть, что налог, собираемый волками с населения Калужской губернии, значительный и во всяком случае должен, кажется, превзойти налог, который бы вздумало наложить земство в видах охранения интересов общества, — на премии за убитых волков.

Рассмотревши таким образом этот вопрос, я не могу не высказать и еще следующего мнения: налог, сделанный земством с целью противодействовать распространению этого зла истреблением волков, со временем, по мере уменьшения волков и накопления остатков суммы, ассигнуемой на премии охотникам за убитых волков, может совершенно уничтожиться или, по крайней мере, значительно убавиться; налог же, собираемый волками, если их оставить в покое, не будет уменьшаться, а, напротив, год от году будет увеличиваться. В подтверждение этой мысли я представляю здесь сравнительную ведомость за два года, то есть за 1873 и 1874 годы о количестве истребленного волками скота и птицы. Мы видим, что в 1874 году количество истребленного волками скота и птицы возросло против 1873 года на 7056 штук, а за исключением собак, о которых в прошлогодних сведениях не упоминалось, на 5,044 шт. Кроме

того, в течение этих двух лет волки собрали с сельского населения 221 399 рублей, да с городов — 605 рублей.

Н. Зорин

Все «Труды Императорского Вольного экономического общества» размещены на сайте ВЭО России — veorus.ru

NON-PREDICTABILITY OF TAXES EXPLAINED

Businesses have bombarded the government with requests for a tax reform that they want carried out. Businessmen, large, small and medium, have complained they find it difficult to predict their tax payments in an unstable tax system. In addition to stability, there are a number of other pressing issues.

Panelists:

Alexey Orlov

Director of Russian Language Broadcasting, International News Agency and Radio Sputnik

Sergey Bodrunov

*President of the FES of Russia,
Director of S.Yu. Witte INID,
Doctor of Economics, Professor*

Sergey Katyrin

President of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation

When planning our life, all of us, businessmen and non-businessmen, look forward to some predictable future in order to achieve a certain goal. Business is a specific part of life that should be result-oriented. Why? Because you are not only investing your own money and personal efforts, but also the work and money of other people and so on. You need to pay them back, but how can you pay them back if you are not able to predict whether or not you will have earned

enough money for making the payments or for creating a reserve, whether or not you will be able to fulfill your obligations? What is the problem behind the instability of a tax system? It always creates a situation of uncertainty if the system changes too often. And a lot of businessmen today are asking that the status quo be frozen for at least several years or that clear predictions be given with regard to change, because some change may be necessary after all.

Life makes change necessary, but the government needs to tell us how it plans to make this change, and needs to keep doing it in the

future. And then we will be able to sit down and write a business plan to see what percentage of income will be available to us to spend on taxes and other charges if we work honestly, decently and in good faith. If there is any change, i.e. an increase or a decrease in taxes (most likely an increase), then we will be able to take it into consideration as well. In addition, we need to keep some money for future investments, that is, we must understand how much we can put aside for the investment portfolio, and how much we should spend right away. Maybe we will switch to another business sector because of better tax rates, a better situation in that sector. Otherwise, there will be a situation of uncertainty, and it is bad not so much because someone has failed to do their math properly and lost some money. What's bad is when a person with money stops investing actively and holds onto his money because of uncertainty. So nothing gets built, no jobs are created, no products manufactured, because the person who is supposed to invest in all this does not give any money, he is waiting. After he has waited for a while, the government or some regional governor comes up with a new idea: let's do something else, because we have not enough money in the budget! Of course, the investor continues to wait!

And what does this "waiting" lead to? It leads to the fact that sooner or later we end up with insufficient investments to finance the economy. And where would the taxes come from? It's a vicious circle: and we must break it.

I'm talking about the proposal that was prepared by our four largest business associations: the RSPP was the chief initiator; Russia's Bulwark, Business Russia, and the Chamber of Commerce and Industry joined them. They prepared a letter – a proposal of the four, as it is called in the economic community. Many of the letter's proposals are associated with putting a moratorium to freeze the current status quo.

The draft federal law establishes general principles for the assessment, processing, collection and regulation of tax payments. We propose to move from the simple definition of tax burden to an understanding of the overall fiscal burden on businesses, because it consists of both tax and non-tax payments, with the latter having noticeably increased in number, up to 70 varieties in some regions, and having reached as much as 1% of GDP, i.e. in excess of 800 billion rubles, according to our experts. And it must be said that

this burden is uneven for different types of businesses. We would like the Ministry of Finance to introduce a register of non-tax payments in accordance with this law to make all such payments transparent to the government, businessmen and the deputies and prevent any new payments from being introduced until they are included in this register. We also suggest that payments should not be introduced with immediate effect... If one is voted upon in 2017, it can be introduced with effect from January 1, 2018, so that everyone is ready for such a turn of events. In such a situation, it will be possible to evaluate the overall fiscal burden on a particular type of business.

It is hardly logical that no such register has been compiled so far, because no one knows exactly how much taxes a businessman should pay – of course, one can find out in each specific case, but local authorities are the quickest to change the rules of the game by inventing new charges, and these charges are not immediately apparent. Everyone knows about taxes, but, as you know, the laws are about taxes and charges, and therefore, in addition to taxes, there are huge opportunities for the authorities to slip their hand into the businessman's pocket, and they have never missed any of these opportunities, especially in the regions. As soon as they see a penny move, they immediately pounce. They believe that even if the businessman is trampled underfoot he will survive and break through the asphalt like a blade of grass.

Based on this strange logic, it seems that they do not think about the future. But what kind of a bureaucrat will think about the future beyond his electoral cycle or term of office? He will think forward only for the short period of time he is expected to serve. And it should be borne in mind that a significant percentage of regional government officials are prone to corruption. An official arrives, solves some local budget problem, launches some project, siphons off some money from the budget – he can easily pull it off at the expense of local businessmen. That's why Katyrin says that up to 70 varieties of charges have been invented in some regions. You know very well that in addition to the usual taxes – profit tax, property tax, transport tax, etc. – a business company has to pay all kinds of charges. By the way, the president has already said that this practice should stop.

ЗОЛОТО «КРИПТЫ»

КРИПТОВАЛЮТА И БЛОКЧЕЙН В РОССИИ

Криптовалюта, блокчейн, майнинг, токены, ICO: эти новые термины прочно вошли в лексикон недавно, и часто мы даже не задумываемся, что за ними стоит. Какое отношение эти технологии имеют или могут иметь к нашей жизни? К чему они приведут? В чем их риски и в чем достоинства?

СОБЕСЕДНИКИ

*Анастасия Олеговна Алехнович,
руководитель экспертного центра при Уполномоченном
при Президенте России по защите прав
предпринимателей, вице-президент, руководитель
направления спецпроектов «Деловой России»*

*Артём Семёнович Генкин,
президент Центра защиты вкладчиков и инвесторов,
академик РАЕН, д. э. н., профессор*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИР
им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

*Дэвид Ли Брофи,
вице-президент LSI Portsmouth,
член Международного комитета ВЭО России*

Начнём с азов

Бодрунов: Артем Семенович, вы уже с 2000-х годов пишете по этим вопросам статьи, книги, труды, поэтому первый вопрос к Вам: что такое криптовалюта?

Генкин: Криптовалюта — это прежде всего один из видов частных денег. И пусть нас не пугает слово «частный» применительно к такой священной категории, как деньги.

Бодрунов: Освященной веками.

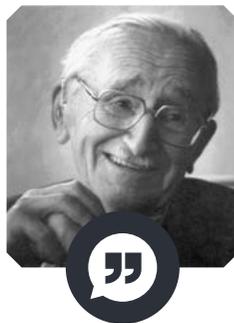
Генкин: Категории, которую мы все привыкли считать связанной только с государственными деньгами, то есть с валютой какого-то государства — России, США, Китая, или объединения государств, как в случае евро. Есть книга Фридриха фон Хайека, лауреата Нобелевской премии 1974 года, который сказал, что деньги могут появиться спонтанно, подобно закону, языку и морали. Их не обязательно должны создавать правительства. Так вот, криптовалюта — это как раз те деньги, которые созданы децентрализованно, то есть их может создать сообщество пользователей или некий даже механизм, в который вовлечены люди.

Бодрунов: Как некое средство обмена или как что?

Генкин: Тут очень интересная вещь. До электронной эры частные деньги создавались в локальных сообществах, то есть в деревеньке, может быть, в объединении каких-то пользователей и так далее. И они как раз были только средством обмена.

Бодрунов: В постсоветское время, когда не было денег у людей, в некоторых местах записывали в журнальчик — фиксировали, кто кому сколько должен.

Генкин: Совершенно верно. В любой ситуации, когда был кризис неплатежей и когда государственные деньги свою функцию не выполняли, появлялись какие-то инструменты обмена, какие-то суррогаты, а вот с криптовалютами все не так просто, поскольку они впервые и другую функцию денег попытались на себя взять с той или иной успешностью, а именно — функцию накопления. То есть в них можно инвестировать, в них можно хранить средства, они сами по себе пытаются стать еще и ценным активом, а не только средством обмена.

«НЕ БУДЬТЕ
ПАТРИОТАМИ
В ВОПРОСЕ ДЕНЕГ,
ВЫБИРАЙТЕ ТЕ,
КОТОРЫЕ ВАМ ЛУЧШЕ
СЛУЖАТ».
ФРИДРИХ ФОН ХАЙЕК

ВЛАДИМИР ПУТИН
(10.10.2017)

— Криптовалюты в некоторых странах стали уже и становятся полноценным платежным средством, инвестиционным активом. Вместе с тем использование криптовалют несет и серьезные риски. Мы знаем позицию ЦБ, мы с председателем говорили несколько раз на эту тему. Прежде всего это возможность отмывания капитала, полученного преступным путем, ухода от налогов и финансирование даже терроризма, и, конечно, распространение мошеннических схем, жертвами которых могут стать рядовые граждане. В случае сбоя системы или надувания «пузырей», как сейчас модно говорить, по ним не будет юридически ответственного субъекта. Это такая серьезная вещь, которую мы должны иметь в виду, обсуждая эту тему. Важно не нагородить лишних барьеров, а создать условия для совершенствования финансовой системы России. Нужно выстроить регуляторную среду, чтобы защитить интересы граждан и бизнес.

Проблемные узлы

Бодрунов: Анастасия Олеговна, что вы думаете по поводу тех проблем, которые возникают с криптовалютами, о которых сказал президент?

Алехнович: Первая, наверно, и основная проблема вообще с темой и криптовалют, и цифровой экономики у нас в стране — это некоторое раздувание из технологий, которая, безусловно, меняет мир, какой-то версии новой реальности, не привязанной к физическому миру. Многие вдруг ударяются в пропаганду и даже проповедование, что государство потеряет свою ценность, границы размоются, центробанки и банковская система будут разрушены. На наш взгляд, когда ты это слышишь от практиков или через пропаганду, через каналы средства массовой информации, ты понимаешь, что что-то тут не так. Когда начинаешь разбираться, что же такое криптовалюта, то понимаешь, что это — действительно информация, имеющая ценность, это некий код, который, по версии энтузиастов, невозможно подделать и которым невозможно управлять.

Генкин: Это замечательная формула: информация, имеющая ценность.

Алехнович: Да. Это абсолютно независимые эмиссион-

ные центры. На наш взгляд, во-первых, для нас, для Российской Федерации, не стоит сильно увлекаться этой темой и отрывать от физического мира. Извините, если у нас не работают простейшие производства, заводы, дорога разрушена, какой это город? Нет производства на территории страны, люди уезжают! То есть для нас криптовалюта — это уход от реальности некоторый.

Бодрунов: Надежда на то, что в виртуальном пространстве мы добудем это самое золото «крипты».

Алехнович: Совершенно верно. С точки зрения простого обывателя, человека, я могу это понять, с учетом того, что три года подряд у нас падают доходы населения. Сами знаете историю — ажиотаж возникает в связи с пирамидальными схемами.

Бодрунов: Мы помним МММ, тоже вроде как бы деньги частные.

Алехнович: Мы посмотрели статистику по ICO. Большинство из ICO — это Россия и Украина сейчас по статистике.

Государственная реакция

Бодрунов: Я понимаю Вашу мысль, но попробую сейчас Вас немножко испугать. Знаете, недавно обвалился биткоин. Резко — взял и обвалился чуть ли не в два раза. Говорят, что за этим стояли очень интенсивно действующие китайские специалисты. В Китае объявлено было, что это неправильное средство платежа, это не надо делать. После этого внезапно появляется информация, что объявляется теперь криптоюань. Рынок разогрет, все хорошо, затем его обвалили, а теперь поднимается этот рынок, захватываем его другой валютой. Китайцы-то не считают, что это совсем уже виртуальная жизнь.

Алехнович: Совершенно верно. Они приняли закон о криптовалютах.

Бодрунов: Они приняли закон, а мы — пока нет.

Алехнович: Я хочу завершить мысль. Криптовалюты — это, может быть, страшнейшее средство манипуляции и конкуренции. И получится совсем наоборот: не то, что страны не исчезнут, границы не сотрутся, а наоборот, все может гораздо сильнее ужесточиться.

Бодрунов: 80% примерно всех майнинговых криптовалютных денег производят сегодня четыре фабрики в Китае.

ICO — ПЕРВИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТОКЕНОВ

Привлечение инвестиций в форме продажи инвесторам фиксированного количества новых единиц цифровой оплаты — токенов, которые компания выпускает для будущего пользования своей продукцией, услугами и торговли на биржах.

Генкин: У меня есть версия того, что произошло в Китае. Китайские регуляторы, действительно, поступили очень нестандартно. Мир только почесал в затылке и начал думать. Что до этого делали все страны? Они говорили: мы думаем, как нам и кого зарегулировать в криптом мире: то ли это будут обменники, то ли биржи, то ли рядовых пользователей. Китайцы сделали проще. В самом начале этой эпопеи китайский регулятор вызвал лицензируемых субъектов, то есть финансово-инвестиционные компании и банки, и сказал: ребята, с этим инструментом — ни-ни. Если что, лицензию на стол. А частные лица пусть играют, но на свои риски. То есть это такое революционное было заявление: не запрещаем, но в суды вы с этим не пойдете, защищать свои права не сможете. А зачем? Очень просто. Разгул крипторынка стал угрожать статусу юаня. Вопросы валютного регулирования включают в себя борьбу с вывозом национальной валюты за рубеж, но никто в этом смысле криптоденьги не контролировал. И вот ради борьбы с этим китайский регулятор закрыл все криптобиржи, причем китайцы очень дисциплинированно отреагировали, то есть буквально на следующий день сайты криптобирж были недоступны.

Бодрунов: Вы знаете, Китай есть Китай. Там порядок определяется только жесткостью исполнения наказания. Многие говорят, что старшего поколения люди не понимают на самом деле, что это такое — биткоин. Зато молодежь якобы понимает поголовно.

Алехнович: Мы не должны относиться к этой новой сущности только как к средствам денежным. Это, действительно, новое явление. Борис Юрьевич Титов, уполномоченный при Президенте РФ по правам предпринимателей, предлагает инновационную теорию. Криптовалюта — это информация, имеющая ценность, фактически — умный контракт, который защищен системой распределенных реестров. Основная-то проблема у нас в том, что мир виртуальный у нас пока, в России, к сожалению, не сможет дать добавленную стоимость нашему государству, нашим гражданам, если не будет переходить в мир реальный в части, допустим, инвестиций, привлечения иностранных или внутренних инвестиций, средств населения. У нас, к сожалению, пока просто развивается майнинговая деятельность плюс есть некоторые энтузиасты, которые активно развивают эту технологию. Так, российский интернет-омбудсмен Дмитрий Николаевич Мариничев разрабатывает на базе российских технологий майнер (компьютер для майнинга криптовалют. — Прим. ред.) с криптозащитой. Если в начале эпохи криптовалют майнингом занимались отдельные энтузиасты у себя дома, то сейчас это не так.

МАЙНИНГ

Деятельность по созданию новых программных элементов (как правило, блоков в блокчейне — децентрализованной цепи данных) для обеспечения работы криптовалют.

Домна в каждом дворе

Бодрунов: Напоминает мне времена, когда в Китае была китайская большая великая революция, призывали ставить плавильные домны в каждом дворе.

Алехнович: Да-да. И сейчас тенденция в этом виде деятельности — она становится профессиональной, которой занимаются крупные компании. То есть мы опять возвращаемся к миру компаний, корпораций. Да, это происходит в новой формации, да, это несколько новое взаимодействие, но в принципе все — то же самое. Я полагаю, что такой же эффект будет, когда мы разберемся с этой новой сущностью и в банковской сфере. Вы не случайно видите, как центральные банки ведущих стран мира...

Бодрунов: Напряглись.

Алехнович: Не то чтобы напряглись, а с большим интересом изучают эту тенденцию, думают, как на этом можно заработать, стоит ли проводить эмиссию денег в виде криптовалют.

Бодрунов: А может быть, они думают: а не пора ли сворачивать банковский бизнес?

Алехнович: Нет, ну что вы? Посмотрите на Германа Оскаровича, он возглавил этот процесс. Если вы посмотрите концепцию, которую они себе рисуют, банк собирается зарабатывать на транзакциях как раз. Это бесконечное количество транзакций и денег.

Алехнович: С точки зрения налоговой системы — это же прекрасно, гораздо легче отследить что угодно по этому коду в блокчейне, чем бумажку искать и взимать деньги с транзакций. То есть для понимания того, что происходит в финансах государства, конкретного человека, это, наоборот, гораздо более жесткая система контроля, надзора. Мы вступаем в мир, который еще не ясно, по какому пути пойдет. Технологические возможности сейчас по сути неограниченны.

Генкин: Относительно грандов есть достаточно много примеров того, как старые компании попытались возглавить этот процесс, чтобы не остаться позади автопробега. У Visa есть пилот на блокчейне — машина, которая заказывает себе сама пиццу, расплачивается, у IBM с Siemens — умная стиральная машинка, которая сама предсказывает истощение запаса потребления, рационализировать потребление электроэнергии, сама за нее платит, коммуницирует с другими машинками в этой сети. Есть и другие комбинированные решения в области интернета вещей.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«ЧАСТНЫЕ ДЕНЬГИ»
А.С. Генкин

Автор книги, вслед за нобелевским лауреатом — экономистом Фридрихом фон Хайеком говорит о мире, в котором конкурируют множество частным образом эмитированных валют. Хайек считал, что рынок, то есть биржа, и газеты позволят разобратся, где хорошие деньги, где плохие. В книге дается обзор электронных и игровых валют, исследуются их особенности и возможности.

Брофи: На сегодняшний день криптовалюты активно используются не более чем 10 процентами компаний. Как выяснилось, они подвержены очень сильной волатильности. В этом году стоимость биткоина резко выросла, а потом упала на 35%. Также существует довольно большая проблема безопасности. Несмотря на большое количество положительных качеств, криптовалюта может быть легко использована для нелегальных транзакций на теневом рынке, поэтому она и не вышла пока на мировой уровень. Но на будущее криптовалют я смотрю с оптимизмом. Тут проглядывается множество положительных тенденций. Биткоины вполне могут пользоваться спросом. Например, в Университете штата Огайо уже есть курс использования криптовалют. Некоторые университеты принимают биткоин в качестве платы за обучение, так что сегодня мы наблюдаем становление мейнстрима. Но, возвращаясь к роли криптовалют в мировой экономике, все это пока мало изучено. В будущем они могут стать хорошей инвестицией, но пока еще довольно рискованной.

Играют все!

Бодрунов: Коллеги, сакраментальный вопрос, который сейчас уже потрясать начинает тех людей, которые продвинуты, азартны и готовы играть на рынке. У меня есть знакомый, я очень хорошо знаю этого человека, абсолютно нормальный, осторожный, спокойный финансист. Однако же в этом году успел на биткоине дачу проиграть. Итак, стоит инвестировать или нет? Как вы считаете?

Алехнович: Я считаю, что это пока история рискованная и невыгодная.

Бодрунов: Помните, Андрей Миронов говорил: «жениться или не жениться».

Алехнович: Идет специальная накачка через СМИ, через соцсети, плюс, еще раз повторяю, на фоне падения доходов нашего населения за последние три года, конечно, чувствуется общая истерика, вера в эту пирамиду, но она не обеспечена реальной деятельностью, связкой с физическим миром, услугами, товарами, производством, хотя майнинг — это тоже услуга, вычислительная услуга. Но пока мы не будем развивать свою экономику, а будем просто играть на бирже, извините, ничего хорошего для отдельного физического субъекта не получится.

Генкин: Есть авторы, которые всерьез с научной точки зрения задались вопросом, чем обеспечен доллар США. Получалось так, что на первом месте все-таки морской флот США, который может в любой точке земного шара отстоять интересы государственной валюты, затем Голливуд, затем доллары вне террито-

Криптовалюты — первые из альтернативных денег, которые попытались взять на себя функцию накопления

рии Соединенных Штатов — тот же самый рынок евродолларов, которого 60 лет назад еще не было, а сейчас это крупнейший объем операций в крупнейших финансовых центрах. А затем уже где-то Форт Нокс, где сохранится золотой запас США, кстати, не такой уж и большой на сегодняшний день.

Бодрунов: Криптовалюта обеспечена сильнее доллара? Централизацией, например.

Генкин: На самом деле, с моей точки зрения, обеспечением любой из валют должна являться ликвидность, то есть то, что за нее можно купить.

Бодрунов: Совершенно верно. Вы замечательно сказали, все-таки чувствуется Ваша экономическая подготовка.

Генкин: Была замечательная формула по одному из видов электронных денег, которую вывел ее хозяин в разговоре со мной: «Пока мерседесы за мою валюту купить нельзя». Вот можно ли купить мерседесы за биткоин, это, наверно, проверочный вопрос ликвидности. Когда можно будет, они будут ликвидны.

Бодрунов: Если люди проигрывают дачи, значит, можно купить и мерседес, мне кажется. Другое дело, можно ли купить крупную компанию, которая выпускает мерседесы, — это уже большой вопрос. А за деньги — доллары, например, можно. Может быть, пока не за рубли, хотя надеемся и на это.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«ЭПОХА КРИПТОВАЛЮТ. КАК БИТКОИН И БЛОКЧЕЙН МЕНЯЮТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК»

Пол Винья, Майкл Кейси

Любая жизнеспособная валюта — будь то распделенная криптовалюта, созданная компьютерной программой, или традиционная бумажная валюта, выпущенная правительством, должна завоевать доверие сообщества, в котором она обращается. Из книги мы

узнаем, что сторонники криптовалюты ее главную суть видят в способности предоставить альтернативную модель завоевания общественного доверия. Они предлагают систему платежей, в которой у получателя больше нет нужды доверять «третьей стороне» (таким учреждениям, как банки или правительства) проверке платежеспособности отправителя в пределах оговоренной заранее суммы. Криптовалютные системы возлагают решение проблемы доверия на неразрушимую, распределенную компьютерную программу, которая не способна обманывать людей.

Однако и это не избавляет криптовалюту от необходимости завоевывать доверие сообщества. Обозреватели Wall Street Journal Пол Винья и Майкл Кейси рассказывают о страхах и слухах, окружающих биткоин как средство расчета, и призывают читателей подготовиться к новой экономической реальности, которая обязательно наступит. В своей книге они рассказывают историю биткоина и проводят анализ роли криптовалют в современном мире: как они возникли, откуда пришли, какие функции выполняют и что вам нужно знать, чтобы быть готовыми к новому миру

с киберэкономикой. Книга основана на материалах, доступных автору на 2014 год. С тех пор технология шагнула вперед, но идея криптовалюты осталась неизменной. Вот для первого знакомства с идеей книга будет весьма полезна.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, 1890 г., тома 5—6

Данный материал на первый взгляд не связан напрямую с историей денег, старых или новых, но он появился как раз в то время, когда речь шла о важных финансовых изменениях в России, да и во всем мире, после тяжелого экономического кризиса. Речь шла и об открытии рынка и прекращении протекционистской политики, и о развитии доступных кредитов, и в целом о развитии денежно-кредитных отношений. (А криптовалюты, кроме прочего, решают и проблему недоступности банковских услуг для миллиардов людей в разных частях света.)

О ВАЖНЕЙШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ

Перед открытием наших зимних занятий я считаю долгом отдать вам отчет о некоторых явлениях экономической жизни, имевших место в последнее время как в России, так и в других странах. Я начну с ближайшего нам предмета. Как известно вам, Вольно-экономическое общество образовало комиссию из членов всех трех отделений для сообщения замечаний Министерству финансов по предпринятому им изменению таможенного тарифа. Комиссия эта, которой я имел честь быть председателем, исполнила порученную ей задачу. Главный труд этой комиссии лежал на членах 3-го отделения, и мой почтенный сосед справа, наш заслуженный экономист А.Я. Егунов, принял на себя наибольшую часть труда по изготовлению доклада комиссии. Записка эта, весьма обстоятельно составленная, была рассмотрена советом и препровождена в Министерство финансов.

Вообще в последнее время как наше правительство, так и все другие европейские государства обратили особенное внимание на меры, способствующие процветанию собственной промышленности, защите народного труда от иностранной конкуренции, обеспечению внутренних рынков и т. д. Точно так же в тех же самых видах, с теми же благородными намерениями, которыми вызваны правительственные меры, и люди науки выражают свои мнения по насущным экономическим вопросам. В этом отношении я должен упомянуть о появлении в нашей печати одной весьма интересной работы, которая посвящена разбору протекционизма. Книга под названием «Протекционизм», является трудом г. Новикова, молодого писателя, но из нее видно, что автор основательно знаком со взглядами экономистов. Вот два

**ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ
ЛАМАНСКИЙ**
(1825—1902, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Русский потомственный финансист из рода, получившего дворянство в XIX за работу И.И. Ламанского в государственных финансах, управляющий Государственным банком Российской империи, тайный советник, член Императорского Вольного экономического общества. Окончил Александровский лицей в 1845 году и сразу поступил на службу в государственную канцелярию. Работал в системе Министерства финансов до 1857 года. От Русского географического общества получил премию им. Жуковского за труд по истории денежного обращения в России. Два года изучал работу западноевропейских кредитных учреждений. С 1959 года — старший директор Государственного коммерческого банка, после учреждения в 1860 году Госбанка назначен товарищем управляющего, а в 1866 году — управляющим. Сторонник независимости Госбанка от Правительства.

главных явления, которые можно отметить за последнее время в экономической литературе России, т. е. записку Императорского Вольно-экономического общества и труд г. Новикова, не говоря о прессе, которая по рассматриваемому вопросу разделилась на два лагеря. Один следовал экстрапротекционистскому направлению, а другой держался более либерального и, по моему мнению, более верного взгляда, нежели те голословные заверения, проистекающие более из чувства, чем оправдываемые какими-нибудь выводами науки, которые предлагались лицами первого лагеря.

Вообще я должен сказать, что в последнее время весь экономический мир, не исключая даже Америки, — словом Старый и Новый Свет, переживал критическую эпоху. С 1883 года, как известно, проявился и продолжался экономический кризис. Кризис этот был вызван разными обстоятельствами: во-первых, за последнее время открылись для производства как новые пространства земли, так и новые богатства в недрах земли, новые рудники и т. д., затем техника производства сделала такие изумительные успехи по удешевлению производства, по применению новых сил и орудий производства и т. д., наконец, пар, электричество изменило все отношения торговли, сократив передачу предложений и спроса и вызвав такую дешевизну перевозки, какой никогда не случалось до сих пор на свете. Вместе с тем заметно было вообще падение цен на всех рынках вследствие изменений в денежном обращении. Но все эти неблагоприятные условия более или менее утратили уже свое влияние, и с 1888 г. замечается во всем промышленном мире реакция.

Разумеется, во время кризиса всегда является масса докторов и советников, предлагающих новые средства, как поправить положение. За это время воскресла давно забытая система покровительства, система поддержания народного труда, система охранения каждым государством своих рынков от иноземной конкуренции. В этом отношении все государства очень резко повернули к системе протекционизма; только одна Англия осталась верной своим принципам, которые она приняла с 1844 г. после уничтожения Пилем (Роберт Пиль (1788 — 1850) — выдающийся британский государственный деятель. — Прим. ред.) хлебных законов, облагавших пошлиной привозной хлеб якобы в пользу страны, но на самом деле в пользу владельцев поземельной собственности и в ущерб народной массе. С тех пор Англия перешла резко на сторону системы свободной торговли, системы, возникшей на практической почве и вытекающей из оснований научных.

Таким образом, нам не безынтересно будет взглянуть, какая из этих систем принесла за период всеобщих испытаний лучшие результаты. Рассмотрим сначала явления экономической жизни в Англии, под которой я разумею всю Великобританию. Возьмем, например, внешнюю торговлю Англии. С 1886 г. по 1889 г. включительно или, вернее, по первую половину 1890 г.

внешняя торговля Англии сделала приращение с 4900 миллионов рублей на 5900 миллионов рублей. Такое приращение на целый миллиард за три года ясно свидетельствует о том, что торговля действительно процветает. В нынешнем году цифра 1889 года превзойдена, а в 1889 г. торговля Англии достигла таких размеров, каких она никогда до того времени не имела. Переходя к внутренним делам, мы видим, что во всех банках Англии было частных вкладов в 1887 г. 4 миллиарда рублей, а к 1 января 1890 г. 5 млн рублей. Сберегательные кассы, представляющие сбережения народной массы, рабочего класса и мелких промышленников, — словом, бедного класса населения, точно так же показывают ежегодное приращение в 25 млн. В настоящее время вклады в них достигают значительной цифры, 870 млн руб.

Число переселенцев из Британии с 1887 года начинает постоянно уменьшаться, и это уменьшение за два последних года составляет до 50 тыс. человек. Число бедных, которые в Англии, как известно, обеспечены законом о бедных, облагающим податями богатые классы, также представляет значительное уменьшение. В 1888 г. зачислено было в списки бедных 825 тыс. чел., а к 1 января 1890 года число это составляло 793 тыс. человек. Если возьмем среднее число лет за 20, то оказывается, что 20 лет тому назад число зарегистрированных в списки бедняков составляло почти 5% всего населения, а теперь оно уменьшилось до 2,77%. Число преступников 20 лет назад, с 1868 по 1869 г., доходило до 58 тыс. человек, подлежавших тюремному заключению, а в минувшем году оно уменьшилось до 43 тыс. чел., несмотря на то что число населения с 22 млн возросло до 29 млн человек.

Наконец, если обратимся к государственному бюджету, то увидим, что государственный бюджет Англии представляет постоянные излишки, которые доходят ныне до 26 млн рублей в год. При таком благоприятном положении финансов государства министр финансов нашел возможным уменьшать подати, и в нынешнем году пошлина на чай с 6 пенсов была понижена на 4 пенса с фунта. Несмотря на это понижение, в первые же три месяца общий сбор пошлины на чай возрос на 9 млн рублей.

Государственный долг Англии уменьшился за последние 10 лет с лишком на 300 млн рублей. Земледелие, которое более всего подвергалось во время кризиса тяжкому испытанию, также развивается; в последнее время площадь распахиваемой земли увеличилась на 32 тыс. десятин. Цена на живой инвентарь повысилась чрезвычайно благоприятно для хозяев. Все продукты земледелия и скотоводства возросли в цене. По оценке, весь живой инвентарь назад тому 2 года считался в 1470 млн рублей, а к 1 января 1890 г. скотоводство страны оценивалось уже в 1824 млн, следовательно, в 2 года оно увеличилось в ценности с лишком на 400 млн рублей.

Тауэрский мост, Лондон, Великобритания, открыт в 1894 году

Словом, все эти факты и многие другие, которыми я не считаю возможным утомлять ваше внимание, показывают, что Англия в последние годы пользовалась таким благосостоянием, какого она никогда не испытывала ни в один из прежних периодов своего продолжительного исторического существования. Это изобилие выгодных результатов труда касалось не только капиталистов или владельцев больших промышленных предприятий — нет, оно распространялось также и на рабочий класс, как об этом свидетельствуют итоги сбережений, приливающих в сберегательные кассы, и постоянное возвышение заработной платы, и, наконец, те признаки уменьшения бедности, которые я указал. И действительно, в Англии за последние два года, как мы знаем, заработная плата постоянно возрастала. За отсутствием подробной статистики в этом отношении это можно доказать тем, что во всех происходивших пререканиях между работодателями и рабочими, между которыми в Англии стачки признаются одинаково законными как для той, так и для другой стороны, — оканчивались уступками в пользу рабочих, то есть возвышением заработной платы. Не подлежит сомнению, что в Англии рабочие достигают все лучшего и лучшего положения. Вот результаты, которые показывает нам Англия, следующая принципу свободы торговли.

Все «Труды Императорского Вольного экономического общества» размещены на сайте ВЭО России — veorus.ru

UNDERSTANDING CRYPTOCURRENCIES

Cryptocurrencies, blockchain, mining, tokens, ICOs: these new terms have firmly entered the lexicon recently, and often we do not even think about what is behind them. How can these technologies impact our lives, and do they? What will they lead to? What are their risks and advantages?

The risks and opportunities resulting from cryptocurrencies were discussed by:

Anastasia Alekhovich

Head of the Expert Center under the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs under the President of Russia, Vice-President, Head of Special Projects of Business Russia

Artem Semenovich Genkin

President of the Center for the Protection of Depositors and Investors, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor

Sergey Dmitrievich Bodrunov

President of the FES of Russia, Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

David Lea Brophy

Vice Principal, LSI Portsmouth, Member of the International Committee of FES of Russia

Cryptocurrency is primarily a variety of private money. And let us not be put off by the word “private” as applied to such a sacral category as money. The category we are all used to think of as connected only to state-issued money, that is, a currency issued by a particular state - Russia, the United States, China - or a union of states, like in the case of the euro. There is a book by Friedrich von Hayek, a 1974 Nobel Prize laureate, who says money can emerge spontaneously, like law, language or morality. It does not need to be created by any government. Therefore, cryptocurrency is just money created in a decentralized manner, that is, it can be created by a user community or some kind of mechanism whose functioning involves people.

Before the electronic era private money could be created by a local community, i.e. a village, an association of users and so on. And it was just a means of exchange. In any situation when there was a crisis of non-payments, and state-issued money failed to fulfill its function, new exchange instruments emerged, surrogate money, but with cryptocurrencies it's not so simple, as they are trying for the first time, more or less successfully, to take on a different function, that of accumulation. That is, they can be invested, they can be stored. Cryptocurrency attempts to become a valuable asset in itself, and not just a means of exchange.

“Cryptocurrencies in some countries are becoming or have already become a full-fledged means of payment, an investment asset. At the same time, the use of cryptocurrencies leads to serious risks. We know the position of the Central Bank, we have spoken several times with its Chairman regarding this topic. First of all, there is a possibility of laundering funds obtained by criminal means, avoiding taxes or even financing terrorism; then, of course, there's the spread of fraudulent schemes that can harm ordinary citizens. In the event of a system failure or the inflation of “bubbles”, as they say in modern-speak, there will be no legally responsible person.

This is a serious point we must bear in mind while discussing this topic. Instead of erecting unnecessary barriers, it is important to create appropriate conditions for improving Russia's financial system. An adequate regulatory environment needs to be built to protect the interests of individuals and businesses”, the President of the Russian Federation said.

According to Anastasia Alekhovich, the first, and probably the most important problem concerning the topic of cryptocurrencies and digital economy in our country is that a technology, which in itself is certainly a game-changing one, is being portrayed as some sort of a new reality with no ties to the physical world. Many people have suddenly taken to propaganda and even preaching that the state will lose its value, the borders will blur, central banks and the banking system will collapse. In our opinion, when you hear this from practical specialists or through propaganda, through the media, you realize that something is wrong here. When you start to learn what cryptocurrency is, you understand that in fact it is valuable information, it is a piece of code that, according to enthusiasts, cannot be falsified or controlled. It means the existence of emission centers that are absolutely independent. In our opinion, as far as the Russian Federation is concerned, we should not get too involved in this topic and break away from the physical world. Excuse me, we lack the simplest production facilities, factories, or good roads, and look at the cities we live in! And if there is no production in the country, people are leaving! So, for us, cryptocurrencies are a break from reality.

Experts have noted that the blockchain technology, on which cryptocurrencies are based, can be successfully used, but, again, there must be something else to use it with, i.e. a developed economy. Therefore, for Russia these technologies are extremely important, but we should not get carried away to the detriment of the development of the real sector of economy.

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИИР
им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор

Михаил Владимирович Ершов,
член Президиума ВЭО России,
главный директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов,
профессор Финансового университета при
Правительстве РФ,
член комиссии по банкам и банковской деятельности
РСПП, д. э. н.

Сергей Юрьевич Глазьев,
советник Президента РФ, академик РАН,
вице-президент ВЭО России

Людмила Никитична Лыкова,
главный научный сотрудник Института экономики
РАН, д. э. н., профессор

Павел Викторович Егоров,
заместитель начальника управления
Внешэкономбанка,
глава Департамента макроэкономической политики

Елена Станиславовна Чугуевская,
директор Департамента стратегического
и территориального планирования Министерства
экономического развития

БЮДЖЕТНАЯ И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА

КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ МЕСТ В РЕГИОНАХ

Каждый год во время процесса утверждения и принятия бюджета России у всех заинтересованных лиц возникает огромное напряжение и желание решить все проблемы одним махом при помощи бюджета. Но средства бюджета ограничены, он должен учитывать многие риски, быть «осторожным» и не способен удовлетворить всех. Денег всегда на всех там не хватает, а приоритеты у каждого свои, поэтому принимать главный финансовый документ — тяжелейшая работа. Тем людям, которые этим заняты, не позавидуешь. Вот и 11-я экспертная сессия Координационного клуба внесла свой весомый вклад в бюджетные дискуссии.

По материалам 11-й экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России, 13.10.2017

Поднимет ли бюджет технологии?

Бодрунов: Мы проводим экспертные сессии Координационного клуба по животрепещущим вопросам, которые требуют ответов наших экспертов, по запросам, как правило, либо общественных организаций, либо органов государственного управления, министерств, ведомств и т. д. Сейчас идут парламентские слушания в Совете Федерации по вопросам бюджета. В частности, я присутствовал на слушаниях, где обсуждались проблемы и приоритеты в межбюджетных и налоговых отношениях федерального центра и регионов. Очень многих губернаторов беспокоит снижение бюджетных трансфертов, которое предусматривается в проекте бюджета на 2018 год. Мне удалось обсудить эту тему и с некоторыми губернаторами в регионах. В частности, их волнует, сохранится ли поддержка местных, региональных промышленных предприятий через Фонд промышленности и есть ли для этого деньги в бюджете на поддержку самого Фонда промышленности. Мне довелось также принять участие в научных дебатах, где

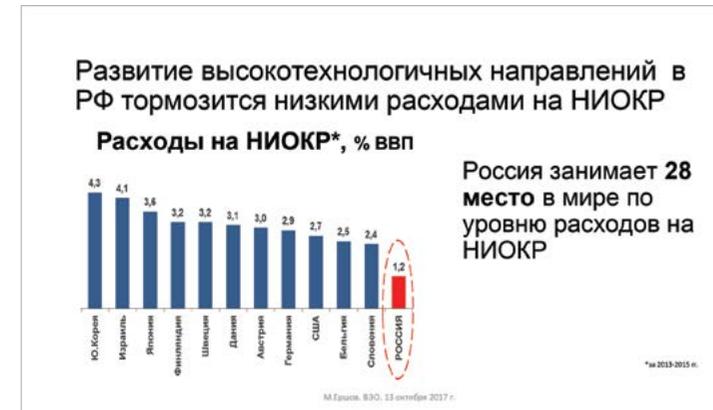
говорилось о том, какие приоритеты ставят Президент, Администрация Президента, Правительство и научное сообщество, где они пересекаются в плане экономической политики. В результате сложилось впечатление, что надо еще раз сформулировать наши предложения, которые сможем представить правительственным структурам и в профильные комитеты палат парламента.

Итак, высокопроизводительные рабочие места в субъектах Федерации. Решает ли эти задачи бюджет? Россия не должна остаться в стороне от научно-технического прогресса, который ускорится все быстрее — мы переходим в новый технологический уклад. Что для этого надо сделать, чтобы мы не отстали навсегда? В какие сроки, какими средствами, ресурсами, в первую очередь трудовыми?

Попробуем в этом ключе сегодня поговорить. Я всегда повторял на всех уровнях, какие только можно было получить, что, если мы не будем заниматься восстановлением на новой технологической основе индустриального развития России, не будем заниматься глобальными, главными трендами, мы их упустим. Потеряем — не найдем. А сегодняшний бюджет на это не особенно ориентирован. На сегодняшний день у нас большой военный бюджет — порядка 18% расходов, и порядка 12% — на силовые структуры. В области человеческого капитала и прочих важных составляющих совсем небольшие позиции пока сохраняются.

Ершов: Нам известен указ Президента, который предусматривает создание и модернизацию 25 миллионов рабочих мест с высокой производительностью труда к 2020 году. Соответственно, продукция наукоемких отраслей ВВП к 2018 году должна вырасти почти в полтора раза по сравнению с 2011 годом. При этом у нас уже сейчас, по оценкам МЭР, есть 16–17 миллионов таких мест. Значит, требуется создать 8–9 миллионов рабочих мест. По оценкам МЭР, для этого потребуется до 3 триллионов рублей, или до 3% годового ВВП. Но это — по оценке Минэкономразвития. По оценке экспертных групп, высокотехнологичное рабочее место стоит гораздо дороже. Например, по данным «Деловой России», на это потребуется 50 триллионов рублей — то есть уже почти 50% годового ВВП.

Что будет затруднять решение проблемы? В целом понятно, что технологические места зависят от наших расходов на НИОКР. Бюджет мог бы дать соответствующие ресурсы, но он их пока не очень дает. Мы видим, насколько консервативная политика в проекте бюджета, который сейчас по доходам и расходам рассчитан до 2020 года. Доходы планируются устойчиво сокращать, и расходы — как следствие.

При этом планируется ужесточить кредитование регионов. Если раньше кредитование регионов было на базе бюджетных кредитов, под символическую ставку меньше 1%, теперь есть планы это дело перевести уже на рыночные основы. Резко возрастет цена фондирования для регионов, которая сейчас составляет меньше 1%, а будет около 10%. Сейчас доля бюджетных кредитов в госдолге регионов составляет почти 50%, а банковских кредитов — около 30%. Если мы снижаем бюджетные кредиты в минимальную зону, а банковские кредиты — в максимальную, соответственно, портфель общего фондирования для регионов будет крайне тяжел, потому что будет большой объем ресурсов, которые будут фондироваться по дорогой ставке.

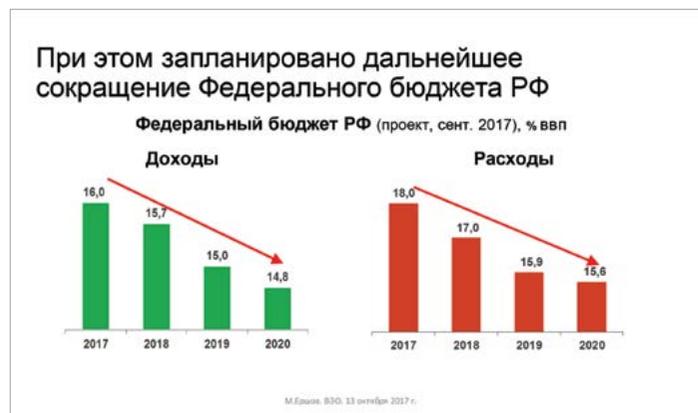
Новое бюджетное правило. Сейчас закладывается заниженная цена нефти по сравнению с прогнозами, международными в том числе. Как следствие — ограничивается и расходная часть бюджета, соответственно, возможность роста экономики. В нашем бюджете самый консервативный прогноз по цене на нефть. Скажем, на 2019 год у нас в бюджете — 42 доллара. АКРА (Аналитическое кредитное рейтинговое агентство) дает 50–55, а Мировой банк дает почти 60. При этом, по экспертным оценкам, если бы эта базовая цена отсечения в бюджете была не как сейчас — 42, а хотя бы 50, то есть ближе к прогнозам АКРА и Мирового банка, то это позволило бы увеличить расходы бюджета на 1% ВВП, а это уже очень масштабная, серьезная величина. Существенно расширились бы возможности для создания тех самых высокопроизводительных рабочих мест и в региональной политике.

Вывод такой: прямыми и косвенными путями ограничивается возможность финансирования экономики в этих сферах, о которых мы говорим. Решение этих задач осложняется еще и жесткими денежно-кредитными подходами.

Официальный прогноз ЦБ по росту денежной базы рубля

на ближайший период. Согласно их документу, проекту денежно-кредитной политики, который только что предложен для обсуждения, мы видим, что за три года денежная масса будет расти в среднем лишь на 3% за год, что соответствует примерно прогнозу роста ВВП 1,5–2% в год. Но если мы планируем 25 миллионов рабочих мест с высокотехнологичным уровнем создать, очевидно ожидать, что это нововведение расширит возможности роста ВВП? Поэтому ВВП должен будет тогда расти, если все это нам удастся сделать, уже на гораздо более высокую величину. А более высокий рост ВВП, естественно, потребует и большего ресурсного обеспечения, то есть большего финансового обеспечения. А если этого не сделать, то рост будет тормозиться, упираясь в отсутствие денег.

Процентные ставки. Наша давняя «любимая» тема. Понятно, наши ставки самые жесткие. Жестче, чем во многих других странах. Только ТЭК, по сути, может при своей эффективности эту ставку спокойно переварить. Остальные, как мы видим, недобирают. А коль скоро недобирают, у них проблема с развитием,

с обновлением и со всем остальным. В итоге профицит ликвидности дал нам новое явление этого года — избыток ликвидности в финансовой сфере, когда деньги есть, но в экономику они не текут по причине того, что кто же будет их брать, коль скоро у них цена запретительная для экономики, для большинства отраслей?

Опять прогноз ЦБ ДКП (денежно-кредитной политики). У них профицит ликвидности и дальше будет расти. Видите, до 2020 года, по их оценкам, эта величина достигнет 3 триллионов рублей. Для сравнения: этот профицит ликвидности многократно превышает бюджет Фонда развития промышленности.

Как решаются эти проблемы, исходя из международного опыта? Есть механизм направления финансовых ресурсов в регионы и в приоритетные отрасли, в том числе в наукоемкие. Зачем изобретать велосипед?

Например, ЕЦБ. Лето, 2016 год. В приоритетных отраслях при рефинансировании ввели у себя отрицательные ставки (программа TILTRO рассчитана на четыре года). Это значит, если я коммерческий банк, работающий в Европе, я пришел в ЕЦБ и беру деньги на эту сферу, которую он обозначил как приоритетную, я взял деньги, четыре года спустя, профинансировав эту сферу, я деньги возвращаю — ставка отрицательная. Не я плачу в ЕЦБ за взятый у него кредит, а он мне доплачивает.

Многие страны и бюджет в целом, механизм бюджета рассматривают как важнейший механизм решения проблем финансирования приоритетных отраслей и бюджетный дефицит считают важнейшим рычагом экономического роста. С 2002 года во всех ведущих странах был почти ежегодный бюджетный дефицит.

У нас же дефицит бюджета планируется сокращать. Наверное, это хорошо. Но, с учетом сказанного выше, как же быть с теми подходами и с той логикой процесса дефицита? Если мы здесь будем сами себя зажимать так, что потом и вдохнуть нормально не сможем, и все проблемы решить нормально не сможем?

Другие страны для расширения возможностей бюджета используют денежно-кредитные механизмы. У них Минфин, ЦБ стоят у истоков формирования всех денег, и длинных — в первую очередь. На 95% вся эмиссия долларов мира, а их примерно 4 триллиона долларов денежной базы по балансу ФРС, — это государственные бумаги целевой эмиссии: ипотека, малый бизнес, регионы, космос, что угодно еще. То же самое Япония. Две самые мощные финансовые системы мира показывают схожие подходы в монетарной и промышленной политике. У нас эта цифра — 5%. Это говорит о том, что у нас есть огромный неиспользуемый и невостребованный пока потенциал для того, чтобы все эти вещи начать запускать.

ИТАК, ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

1. Комплексные подходы с увязкой бюджетной и денежно-кредитной политики.
2. Завязать денежно-кредитные механизмы, то есть ставки, длинные деньги, длинные облигации, на решение задач по созданию высокотехнологичных рабочих мест. Важную роль должна сыграть покупка Центральным банком тех самых госбумаг Минфина.
3. Поднять цену отсечения нефти и сделать ее хотя бы 50. Это существенно расширит возможности расходной части бюджета.
4. Расширить возможности регионов по смягчению налоговой и бюджетной политики, позволив им более самостоятельно предоставлять льготы, устанавливать ставки по налогам и т. д. Создать механизмы, стимулирующие участие частного бизнеса в указанных проектах.

5. Рассмотреть возможности умеренного бюджетного дефицита как инструмента стимулирования роста.
6. Более активно применять спецпрограммы по технологическим производствам наподобие Силиконовой долины.
7. Дифференцированные ставки по рефинансированию частных банков. Когда они будут кредитовать приоритетные сферы, сделать для них более привлекательные условия для этого. Опять как по ЕЦБ: кредитуюешь то, что ЕЦБ считает важным, — получи отрицательную ставку. Бонус получаешь за такой кредит. Все начинают уже проявлять больший интерес к участию.
8. Расширить ломбардный список. Об этом мы все уже много раз говорили на своих рабочих заседаниях с ЦБ. С такими инструментами, которые позволили бы эти виды кредитов рефинансировать.

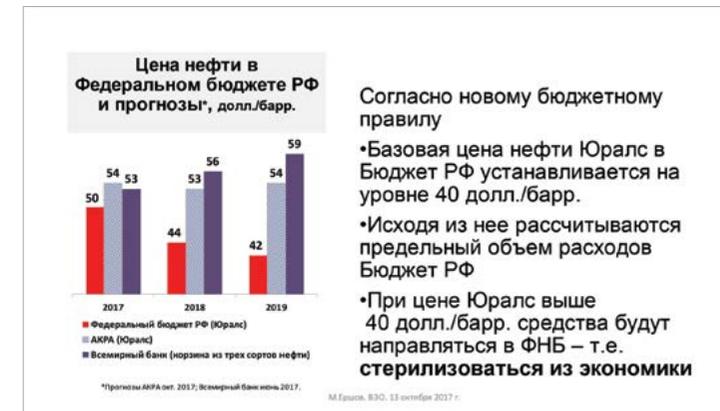
Все это, сказанное ранее, позволит России создать необходимые основы, в которых ключевую роль будут играть технологические отрасли и высокопроизводительные рабочие места, о чем говорилось президентом, обеспечивая России необходимые конкурентные преимущества в современном мире. Важность этого подхода неоднократно подчеркивалась президентом страны.

Жёсткая критика

Глазьев: Я бы добавил к тому, что было сказано, что, кроме всего прочего, Центральный банк объявил о свертывании специальных инструментов рефинансирования — это было единственное окно, через которое у нас шла поддержка малого бизнеса и проектного финансирования в федеральном центре, а также он объявил о сокращении ломбардного списка.

То есть объемы и каналы рефинансирования практически сохнут совсем. Не будет никакого рефинансирования коммерческих банков в ближайшие три года. Там остается остаток 1 триллион рублей в пользу привилегированных структур типа

- Согласно новому бюджетному правилу
- Базовая цена нефти Юралс в Бюджет РФ устанавливается на уровне 40 долл./барр.
 - Исходя из нее рассчитываются предельный объем расходов Бюджет РФ
 - При цене Юралс выше 40 долл./барр. средства будут направляться в ФНБ — т.е. стерилизоваться из экономики

«Открытия», которые накачали деньгами и еще не могут их просто вернуть. Поэтому у них на балансе остается формально 1 триллион рефинансирования.

Бодрунов: 5% бюджета.

Глазьев: Но, по сути, главным инструментом их политики становятся депозитные аукционы. От нашего Центрального банка на мой вопрос, а есть ли еще центральные банки, работающие с убытком, последовал такой ответ: «Да, конечно, есть», но ни одного так и не смогли назвать. То есть политика Центрального банка, вообще говоря, абсурдная.

И Правительства, впрочем, тоже, потому что у них единая политика, как известно. Она абсурдна с точки зрения теории экономического роста и развития. И аргументация, которую мы последнюю видим, поражает.

Во-первых, они отрицают связь денежного профицита, который мы наблюдаем, с процентной ставкой. Это очень странно.

Следующее. Они отрицают связь кредита с процентной ставкой. Причем я это слышу на всех уровнях, начиная от крупных банкиров и заканчивая деятелями ЦБ, что якобы нет связи между динамикой кредита и уровнем процентной ставки.

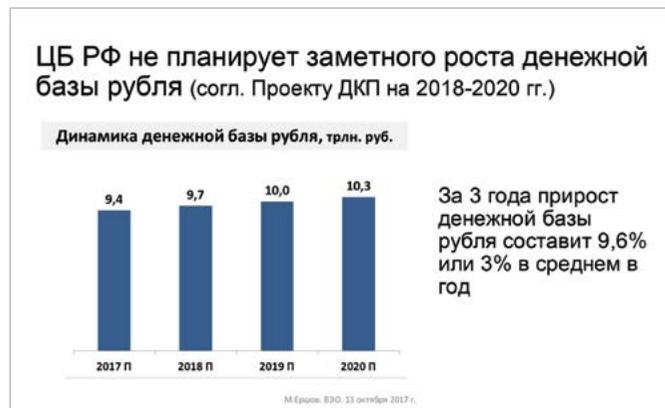
И совсем уж абсурдный аргумент, что вообще динамика инвестиций никак не зависит от кредита и вообще не дело банка заниматься кредитованием инвестиций.

В результате мы получаем деградационную спираль от такой политики. Они зажимают денежное предложение, следствием становится сокращение инвестиций. Сокращение инвестиций означает нарастание технологического отставания. Нарастание технологического отставания ведет к падению конкурентоспособности, что завершается очередным циклом девальвации рубля. Уже много раз это проходили. Девальвация рубля озна

чает всплеск инфляции опять. И по новой: повышение процентной ставки, сокращение дефицита бюджета... И вот мы ходим в этом порочном круге деградации уже два десятилетия.

Но что нового? Новым является открытое воинствующее невежество. Просто открытая беспардонная борьба с альтернативными точками зрениями. Все, кто высказывает альтернативную точку зрения, сразу подвергаются диффамации, идут оскорбления, идет затапывание этой альтернативной точки зрения, причем с нарастающей агрессивностью.

Бенефициары — это банки с инсайдом в ЦБ и крупные госбанки, которые на этой политике получают сумасшедшие деньги и превратились в ростовщиков. Огромные зарплаты в госбанках. Они обанкротили огромное количество предприятий, которые не смогли справиться с ухудшением условий кредита. Причем те предприятия, которые как раз по наивности начали инвестиционные проекты, взяли деньги в том же Сбере, в РСХБ и прочих. Большинство из них сегодня — банкроты, а их собственники сидят по тюрьмам. Зато люди в этих госбанках прибирают к рукам все эти активы, превратившись в рейдерские конторы. То есть идет просто вакханальное разграбление имущества, как государственного, присвоение через спекуляцию, так и частного имущества, которое плохо лежит, которое никто не может защитить.

Я считаю, что это вообще — систематическая диверсия против нашей экономики в интересах узкой группы людей. Эти люди хорошо понятны. Они, еще раз подчеркну, пытаются изолировать руководителя государства от всех альтернативных позиций.

Если бы Вольное экономическое общество могло стать площадкой, где собрать бизнес и науку, «Деловую Россию», РСПП... Я уже много раз говорил и Шохину (Александр Николаевич Шохин — глава РСПП. — Прим. ред.), и Титову (Борис Юрьевич Титов — лидер «Деловой России». — Прим. ред.): «Давайте вы вместе себе-

ритель, консолидированную позицию выразим от имени реального сектора». Но сами они не собираются. Поэтому, может быть, на площадке Вольного экономического общества собрать, консолидировать позицию производителей, включая Торгово-промышленную палату, где тоже есть своя программа. Вот эту консолидированную программу предложите и убедите президента все-таки выслушать альтернативную позицию.

Лыкова: Я бы хотела остановиться на одном аспекте, который проходит через весь бюджет и который отчасти связан с нашей сегодняшней темой. Это взаимодействие и взаимосвязь федеральных решений и федерального бюджета и бюджетов субъектов Федерации. Это немножко специфический аспект проблемы. Если в целом характеризовать эту ситуацию, то я бы охарактеризовала ее следующим образом: это не попытка переложить с большой головы на здоровую, а попытка переложить проблемы с менее большой головы на более большую.

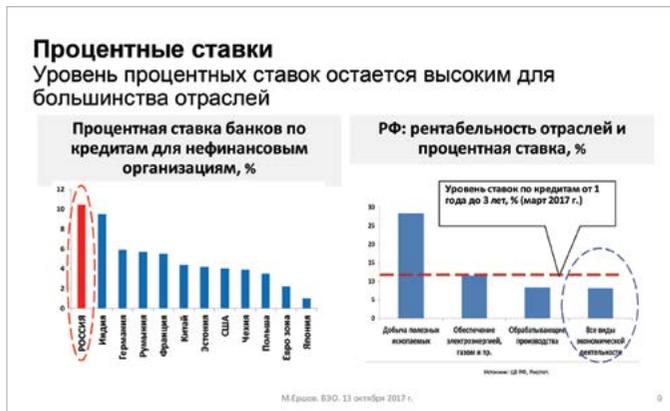
Эта тенденция просматривается практически по всем основным элементам. Если говорить о том же самом Налоговом кодексе, о налоговых возможностях поддержки или стимулирования инвестиций, если мы с вами посмотрим реальную структуру налоговых льгот, то федеральное законодательство определяет количественные параметры этих льгот. А качественные параметры по ключевому налогу в части поддержки или в части стимулирования, по налогу на прибыль, — это фактически только расходы на НИОКР. Вот этот километровый список расходов на НИОКР, которые идут с повышающим коэффициентом 1,5.

Все остальные качественные параметры должны определять субъекты Федерации, устанавливая пониженную налоговую ставку, если они считают нужным. Они определяют, для кого именно, в каких объемах, при каких условиях и т. д. и т. п. Именно они определяют качественную направленность этих льгот.

Поэтому когда мы говорим на уровне федерального бюджета, федерального законодательства, что нам нужны качественные инвестиции, создание качественных рабочих мест, то с точки зрения субъектов Федерации, большинства из них, ситуация выглядит совершенно по-другому.

Да, конечно, хорошо иметь качественные рабочие места и их расширять, но для многих вопрос стоит совершенно по-другому: нужны хоть какие-то рабочие места. Вопрос о качестве рабочих мест может стоять, скажем так, в титульных городах, а для большинства муниципальных образований, извините, найти хоть какую-нибудь работу — это вопрос.

Соответственно, существенная часть налоговых льгот, которые представляются в рамках этой самой пониженной ставки налога, идут на то, чтобы поддержать хоть какую-то занятость,

хотя бы номинальную занятость, хоть сколько-то людям платили бы за то, что они не выходят на биржу труда. Федеральное законодательство никаким образом эту качественную конструкцию не регулирует. Сейчас в рамках тех документов, которые есть, предлагается введение новой налоговой льготы — инвестиционный налоговый вычет. Опять-таки основное решение принимается на уровне Федерации — да, инвестиционный налоговый вычет возможен. А в каких случаях, на какие именно цели — решение переводится на уровень субъектов Федерации.

Кроме того, эта налоговая льгота идет не в качестве дополнительной, а в качестве альтернативы той льготе, которая есть, вот этим самым разновидностям амортизационной премии. Если я решаю применять инвестиционный вычет, амортизационная премия по этому типу оборудования не используется. В принципе просто еще очень сырая формулировка. И очень много вещей таких.

Еще один момент с точки зрения решения проблем за счет субъектов Федерации. Сегодня речь шла о том, что сокращаются межбюджетные трансферты. Отчасти они сокращаются за счет того, что идет перераспределение финансовых ресурсов между бюджетами субъектов Федерации.

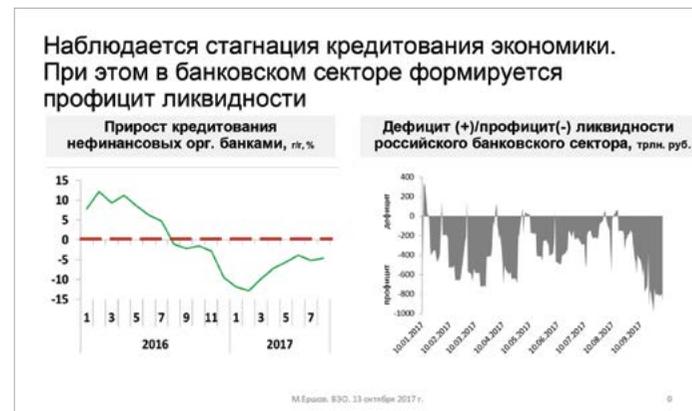
То, что предлагается очередной пересмотр акцизов на алкоголь, — это та же самая история. Если до этого распределение было 80 к 20, сейчас пополам, соответственно пойдет перераспределение между субъектами Федерации, кто-то от этого проиграет, кто-то выиграет. Те, кто выиграет от этого, получают меньше трансфертов из федерального бюджета, соответственно, федеральный бюджет опять-таки будет в выигрыше с точки зрения и дотаций на финансовое выравнивание, и дотаций на обеспечение сбалансированности бюджета, и целого ряда субсидий.

Еще одна позиция — это отъем у Сахалина избыточной суммы денег.

Понятно, что ситуация с бюджетом Сахалинской области по меньшей мере странная, когда, допустим, по полугодию у них там профицит, понятно, что это такой текущий, чисто технический профицит, он примерно больше 60% фактически осуществленных расходов. С другой стороны, это лишний пример всем субъектам Федерации, что, ребята, у вас в любой момент могут отобрать те доходы, которые Федерация сочтет избыточными и излишними.

Опять-таки — обещания направить эти средства на поддержку регионов и проектов на территории Дальневосточного федерального округа, то есть отъем у одних, перераспределение в бюджеты других с выигрышем для Федерации, потому что можно сократить межбюджетные трансферты.

На самом деле таких немножко хитрых позиций в федеральном бюджете в этот раз довольно много. Еще одна — это перераспределение средств Фонда обязательного медицинского страхования. Не знаю, обратили вы внимание или нет. Если по прошлым годам за счет федерального бюджета субъектам Федерации выделялись субсидии на финансирование высокотехнологичной медицинской помощи, сейчас они по-прежнему выделяются, но при этом предполагаются дотации из Фонда обязательного медицинского страхования в федеральный бюд-

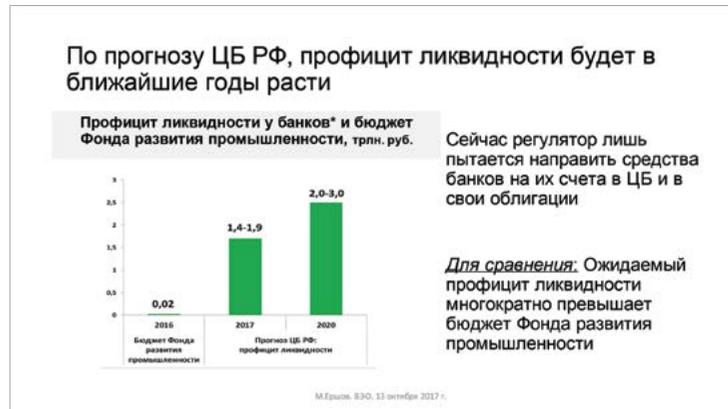
жет на эти цели. Происходит некое передергивание карт с соответствующей экономией федеральных средств, переложением бремени ответственности.

Что я хотела сказать в заключение. Все те инструменты, которые нацелены в рамках этого проекта федерального бюджета на снижение дефицита, в том числе отчасти за счет ограничения ресурсов субъектов Федерации, они с точки зрения эконо-

мического роста вообще мало что дадут. В лучшем случае они будут консервировать ту самую отсталость, которая есть в большинстве субъектов Федерации.

Вместо возможности какой-то реальной активности, реальных прорывов консервируется вот эта отсталость. В то время, когда ресурсы есть.

Глазьев: Я хотел бы еще реплику в связи с межбюджетными отношениями добавить: бюджетные кредиты замещаются банковскими. Если бюджетные по ставке — 1%, то банковские — 9,5%, это не что иное, как сговор госбанков, прежде всего Сбера, с Минфином.

Бодрунов: Очень похоже, во всяком случае.

Глазьев: Жертвами этого сговора будут конкретные губернаторы, которых заставят обстоятельства перед выборами взять кредиты в Сбере, или в ВТБ, или еще в каком-то из госбанков, придут ходоки и будут всячески его уговаривать: «Давайте возьмем». Потом через пару лет у вас накопится безнадежная задолженность, за которую люди будут отвечать. Ее спишут, конечно...

Лыкова: Ее погасит Минфин, как сейчас делается. Реально ее погасит Минфин в пользу тех же самых...

Бодрунов: Банков и структур, которые дали такие необоснованные кредиты.

Лыкова: Да, банковских структур.

Глазьев: Я хочу на что обратить внимание. У нас госбанки просто превратились в какой-то гигантский насос, выкачивающий деньги из экономики, из реального сектора, из государства, из бюджета. Ради чего они вообще работают? Это отдель-

ный вопрос. У нас госбанки превратились из кредиторов...

Бодрунов: Из инструмента развития...

Глазьев: Из кредиторов в отсасывателей денег. И ради чего они работают? Вообще надо какой-то закон о госбанках принимать, чтобы заставить их работать ради интересов государства.

Бодрунов: А почему бы нам эту рекомендацию и не дать, в конце концов? У нас тут есть представители Думы, банкиры, представители Контрольного управления Президента — председатель Комитета Государственной Думы по финансовому рынку Анатолий Геннадьевич Аксаков. Сергей Юрьевич, надо об этом подумать.

Егоров: Я, с одной стороны, во многом согласен с выступающими, но хотел бы немножко на другое обратить внимание. Мы сегодня обсуждаем создание высокопроизводительных мест. Так получилось, что я достаточно недавно читал очень интересную книжку Голдрата «Цель». Там получилось так, что у руководителя в достаточно тяжелом состоянии находится организация, и он как раз занимается тем, что у него организация постоянно создает высокопроизводительные рабочие места, у них происходит постоянно автоматизация, но тем не менее проблемы, связанные с убыточностью организации, не решаются. И он рассматривает различные подходы, как решать проблему. А проблема заключается в следующем. Создаются высокопроизводительные места в одном месте, а затык происходит в другом, где по техническим проблемам образуются простои. Поэтому когда мы говорим о создании высокопроизводительных мест как о некоей панацее, мы должны понять, что это — не так, потому что это, скорее, один из индикаторов экономики.

Второй момент. В любом случае, мы все прекрасно знаем, у нас будут возникать проблемы, связанные с безработицей, потому что, как правило, если на уже действующей организации создается какое-то высокопроизводительное место, у нас высвобождается, естественно, какое-то количество сотрудников, которые ранее занимались всем этим блоком. Это извечная проблема, и мы с ней столкнемся.

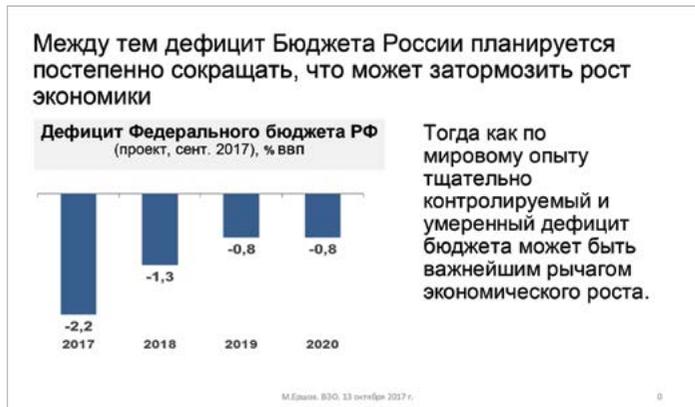
Поэтому я бы все же сконцентрировался на немножко других вещах, как раз связанных с расшивкой вот этих узких мест в экономике. В частности, я могу вам привести в пример очень интересную вещь. Вот у нас есть инвестиции в основной капитал. Вопрос: кто-нибудь знает, за сколько приблизительно по времени они превращаются в налог на имущество организации? По таким грубым прикидкам я могу сказать, что это порядка четырех лет. Это говорит о том, что, наверное, не все хорошо в нашей экономике, потому что оборачиваемость денег, когда у нас их и так мало, сокращается. По разным причинам.

С одной стороны, это бюрократические процедуры, с другой — вопросы, связанные с вводом основных средств.

У нас был известный факт: торговый комплекс «Европейский», который мы все прекрасно знаем, долгое время работал не введенный в эксплуатацию, потому что было просто выгодно не платить долю городу.

То есть, наверное, вопросы создания высокопроизводительных мест хороши, но надо акцентироваться на вещах, связанных именно с тем, чтобы у нас оборачиваемость самой экономики возрастала.

Это не значит, что мы не должны вкладывать деньги в проекты, которые реализуются 5–10 лет. Да, это должно происходить. Но должна происходить расшивка этих бюрократических процедур, связанных в том числе со строительством. Потому что я помню десятилетней давности известную историю, когда кто-то опубликовал информацию о том, кто сколько берет взяток у нас в строительном бизнесе. По итогам — ничего не произошло, только те, кто брал меньше, стали брать больше.

Бодрунов: Ну да. Риски заложили. Спасибо большое, Павел Викторович. Я думаю, что позиция Внешэкономбанка как института развития, в принципе, состоит сейчас в том, что «денег нет, но вы ищите». Ищите механизмы сокращения издержек, ускорения оборота и т. д. Потому что, понятно, известная математическая формула: чем быстрее оборачиваемость, тем вроде как бы их должно быть больше. На самом деле это правильно. И та же самая цифровизация, те же самые технологические усовершен-

ствования позволяют резко увеличить оборачиваемость потока и т. д. Все мы это понимаем, но все же хотелось бы, возвращаясь к основной теме, подумать о том, почему денег не хватает, с одной стороны, но, с другой стороны, они есть. Вот здесь что-то не так.

Елена Станиславовна, вы наш активный эксперт, представляете Департамент стратегического и территориального планирования Министерства экономического развития, поэтому вам — завершающее слово.

А потом я прокомментирую итоги разговора.

Чугуевская: Спасибо ВЭО России за предоставленную возможность поговорить о важных и насущных проблемах. На самом деле мне очень сложно завершить дискуссию, поскольку я не на всей присутствовала по времени, и сложно отвечать вообще за все стратегическое и территориальное планирование, но я хотела бы остановиться в своем кратком сообщении на пространственных аспектах размещения высокотехнологичных рабочих мест, поскольку именно этот анализ в последние годы не делался.

Как и почему сложилось размещение производительных сил в России на современном этапе развития? По сути дела, он был заложен в условиях плановой экономики. Какие отрицательные и положительные эффекты мы получили в силу последствий вот этого планового размещения? Какие возникли проблемы?

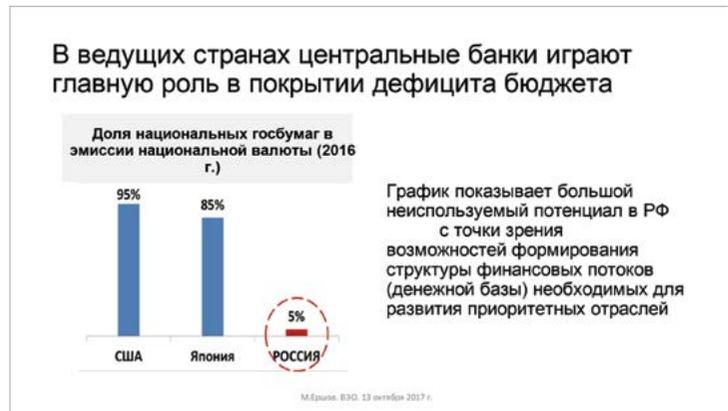
На эти вопросы должна ответить Стратегия пространственного развития Российской Федерации, которая сегодня разрабатывается. У документа тоже непростая судьба, поскольку он попал в региональный блок, равно как и наше стратегическое и территориальное планирование все больше получает черты стратегии регионального развития, нежели стратегии пространственного развития экономики.

Между тем попытка анализа размещения производительных сил и системы расселения на первом этапе сегодня проводится. И я бы хотела акцентировать несколько моментов, которые в процессе этой работы уже начинают выкристаллизовываться.

Во-первых, мы учитываем размещение производительных сил и те процессы, которые происходят с этими производительными силами на территориях, в регионах, в городах, как играет эффективное территориальное и локальное размещение, локализация этих производственных площадей, какие от этого есть положительные и отрицательные эффекты.

Параллельно с этой работой ведется и анализ работы по размещению особых экономических зон (ОЭЗ). И, на мой взгляд, именно ОЭЗ показали те отрицательные эффекты от неэффективной территориальной локализации и неучета конкурентных преимуществ территорий. Вы знаете, из 36 ОЭЗ работают 21, и эффективными называются порядка десяти. Когда зачастую создают не там и не то, но между тем это поддерживается и на льготных условиях существует.

Такой же льготный режим применяется на сегодня и для

моногородов. С одной стороны, хорошо. Но с другой стороны, — именно для моногородов этот режим не распространяется на градообразующие предприятия.

То есть мы огромное количество льгот направляем на создание новых площадок. Зачастую это не крупные производства, а совсем небольшие производства, там до 100 человек занятых может быть от силы. Получается не такой эффект, какой, может быть, ожидался бы от этого процесса.

Кроме того, зачастую все инновационные направления разработки, совершенствования, модернизации предприятий не

связаны с основными промышленными площадками. У нас абсолютно не имеют льгот предприятия, которые являются для регионов основными конкурентоспособными предприятиями по отраслям. Например, мы изучали опыт Франции, когда такой льготный режим дается на площадке самого производственного предприятия как раз для инновационного развития. То есть льготируются процессы модернизации предприятий, а не создание на пустом месте каких-то отдельных, зачастую случайных производств.

Как это все суммировать, как получить максимальный эффект от территориальной локализации — на сегодня еще вопрос, до конца не решенный. Точно так же, как и при европейских пространственных стратегиях, делается ставка на развитие крупных городов, или городов второго порядка, или, наоборот, мелкой сети населенных пунктов, которые поддерживаются государством как места и приложения труда, и, естественно, проживания населения.

Отдельная стратегия городского развития, на наш взгляд, тоже необходима. Должен быть анализ, должно быть ранжирование городов, должно быть понимание эффектов от агломера-

ционных систем. Не все крупные города являются агломерациями. Между тем у нас порядка 50 агломераций по результатам первого этапа оценки системы расселения — определено. Это именно территориальные системы, а не только межмуниципальное взаимодействие. Там, где есть так называемый функциональный урбанизированный ареал, то есть экономические и миграционные связи.

Мы понимаем, что инновационная экономика может развиваться только в крупных городах и в городских агломерациях, как раз за счет синергетического эффекта размещения науки, производственных мощностей, инновационных технологий. На сегодня этот тезис никак не акцептован, никакой специальной поддержки для инноваций в городских агломерациях тоже пока не предусматривается.

У нас в первой редакции Основ государственной политики был очень важный момент, который, к сожалению, потом был утрачен, может быть, стоит снова обратить на него внимание. Когда мы говорили о пространственной организации страны, мы выделяли три разрыва: произошел социальный разрыв, произошел инфраструктурный разрыв, и он углубился, в принципе, и произошел технологический разрыв.

И мы говорили о необходимости обратить отдельное внимание на межрегиональную интеграцию и кооперацию, которая тоже на сегодня потеряна. Удалось эту позицию отфиксировать в Стратегии экономической безопасности, но очень контурно. Между тем именно интеграционные межрегиональные процессы на сегодня никак не поддерживаются. Хотя в свое время стратегии федеральных округов послужили основанием для формирования межрегиональных объединений — таких как Сибирское соглашение, например, Уральское соглашение. Они на сегодня продолжают существовать, но этот вектор тоже никак пока не получил в госполитике особой поддержки.

Вот так поверхностно пока мне хотелось просто напомнить вам, что такая тема разрабатывается и, наверное, требует отдельного выступления. Когда будет какой-то более-менее явный продукт, мы дадим нормальное представление со слайдами.

Бодрунов: Спасибо. Я бы не сказал, что это поверхностное выступление, оно на самом деле затрагивает очень глубокие вопросы.

Коллеги, мы сегодня специально позвали на наше экспертное заседание специалистов очень высокого уровня квалификации, представляющих разные интересы и разные даже научные взгляды.

Я сам до сих пор работаю в промышленном секторе. Кроме того, Институт индустриального развития, который я возглав-

ляю, занимается как раз исследованием этих вопросов в макроэкономическом плане, в микроэкономическом плане и т. д. Есть, как говорят, у нас, у промышленников, сермяжная правда. Она заключается в том, что социальная жизнь страны заключается не в речах и даже не в выдаче грантов бедным, а в том, чтобы создать для этих самых бедных людей жизнь, чтобы они стали не бедными.

У нас говорят, что наш бюджет остро направлен в сторону социальной политики. Это все замечательно. Но, чтобы не решать без конца проблемы человека, не давать без конца ему какие-то дотации, надо не рыбку давать, надо дать удочку. Надо сначала, на мой взгляд, дать возможность иметь высокую зарплату, иметь хорошие рабочие места, нормальную организацию современного производства, которое без этих самых высокопроизводительных мест не будет нормальным высокодоходным производством и не будет создавать продукты, которые будут порождать спрос. Вот это как раз, мне кажется, самый понятный путь. И никаких гордые узлов здесь нет, которые надо разрубать.

Итак, мы дожили, Михаил Владимирович сказал, что у нас профицит ликвидности образовался: уже и деньги поднакопили, где есть, да только никто их не берет в этой ситуации, потому что риски, как мы понимаем, высоки, нет интереса у тех, кто должен эти деньги взять и произвести, потому что нечем отдать. На мой взгляд, уже очевидно, те заявления, которые были насчет того, что после снижения инфляции у нас будет все хорошо с кредитованием и поддержкой реального сектора, не оправдываются ни действиями, ни документами.

Мы предлагаем тогда: ну хорошо, давайте посмотрим, а что делают за рубежом. Вот пример ЕЦБ сегодня приводился, замечательный. Помните, Обама говорил: «Давайте вернем рабочие места назад». А Трамп вообще говорит: «Давайте льготы полностью дадим своей промышленности и начнем ее поддерживать всеми силами». Ну это же хорошие идеи вроде бы. Но когда мы говорим о них, то нам говорят: «Нет, такой зарубежный опыт нам не нужен. Вот у нас опыт монетарного давления — это пожалуйста, этот опыт у нас очень хорошо зарекомендовал себя. Мы 10–15 лет его внедряли, а теперь будем внедрять дальше». Несмотря даже на то, что МВФ уже сам от этого опыта откестился, мы продолжаем жить в этой же парадигме.

Может быть, я излишне критично говорю, но, когда читаешь эти строки бюджета (я все-таки кое-что успел почитать), удивляешься. Нет каких-то инвестиционных решений, не видно по этому бюджету, что кто-то всерьез думает о развитии, расширении инвестиционного процесса.

Коллеги, извините, только ненормальный человек будет начинать неизвестно какое дело на свои деньги и весь риск брать на себя. Есть идея создать предприятие, есть идея что-то развивать. Необходимы ресурсы. Где их взять? Существуют механизмы — и акционерные механизмы, и привлечение венчурного капитала, и т. д. и т. п.

В любом случае должны быть тренды, отраженные в общей государственной политике, а под них хотя бы какие-то указания в бюджете, что такие деньги туда пойдут и частно-государственное партнерство будет развиваться, такие-то вещи будут поддерживаться. Тогда я, предприниматель, условно говоря, понимаю, что да, это будет на 10–15 лет, я понимаю, что это действительно правильно — идти по этому пути, да если я еще имею не очень дорогой кредит!

Я удивляюсь, почему у нас 40 долларов за баррель, а не 50 — цена отсечения. Вот кто-нибудь может это объяснить, почему 40? Я слушаю и удивляюсь. У нас дефицит бюджета 1,5%. И при этом цена отсечения на 20% ниже реально прогнозируемой. То есть если мы пересчитаем, то получим 5, а не 1,5% на расходы.

Таким образом, даже простая математика показывает, что мы могли бы многие вещи сделать, даже не закладывая символических дефицитов бюджета — символических, потому что в итоге получится профицит бюджета, и в последний месяц или два будут думать, куда эти деньги деть, и начнется экстренное финансирование чего-нибудь.

Я думаю, здесь основная проблема заключается в том, о чем сказал Сергей Юрьевич, — в том, что у нас в органах, занимающихся финансовой политикой, в организациях, которые готовят для них материалы, сидят не очень квалифицированные специалисты.

Коллеги, если бы мы брали людей от науки, экспертные заключения тех людей, которые понимают, что и как происходит в промышленности и в реальном секторе экономики, и эти рекомендации имели бы хоть какое-то значение для тех людей, которые принимают решения, наверное, результат был бы все-таки лучше.

Глазьев: Понимаете, тут дело не в том, что там люди квалифицированные или нет. А дело в том, что мы имеем дело с коалицией, я бы это назвал «статус-кво». Коалиция людей и представителей крупных, государственных, причем в значительной степени, корпораций, которых все устраивает, которые на этой политике получают гигантские доходы, при том что реальный сектор разоряется. Такая коалиция стоит на болоте, потому что силы, которые ее поддерживают, в госаппарате в том числе, делают это, поскольку эта политика от них ничего не требует. Одни получают гигантские прибыли, особенно госбанки, а другие, которые сидят, их не получают, но они просто сидят, потому что при такой политике от них ничего не нужно.

Бодрунов: Нет, я все-таки считаю, что такую конспирологическую версию не мы должны исследовать. Пусть ее исследуют те, кому положено.

Александр Александрович Широ́в, заместитель директора, заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, д. э. н., профессор

Сергей Дмитриевич Бодрунов, президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор

В развитие темы БЮДЖЕТ КАК ВЕЛОСИПЕД ДЛЯ УСТОЙЧИВОСТИ НЕОБХОДИМО ДВИЖЕНИЕ

«По одежке протягивай ножки» — гласит русская пословица, то есть что заработаешь — на то и должен прожить, то можешь потратить. Все мы понимаем под этим свой семейный бюджет. Справедлива ли народная мудрость для бюджета страны? В чём сегодня основные проблемы бюджета страны, что мы можем получить в доходы и какие приоритеты в расходах?

Что у нас в приоритете?

Бодрунов: Сегодня мы поговорим о том, что волнует всех, кто так или иначе связан с бюджетным сектором, людей, которые так или иначе решают проблемы бюджета. Проект Федерального бюджета на 2018 год и последующее планирование на 2019 и 2020 годы. Что у нас в приоритете?

Широв: Приоритеты бюджетной политики определяются общей стратегией развития экономики. То есть то, что мы хотим от нашей экономики, должно быть и в бюджете. И проблемы текущего бюджета — как раз в этом. У нас сейчас нет сформулированной долгосрочной стратегии развития экономики. Пока нет. И в связи с этим логично, что бюджет ориентируется на краткосрочные цели экономического развития. Ну, и ровно поэтому мы видим и такую структуру расходов, и такой прогноз по доходам бюджета.

Бодрунов: Может быть, именно по этой причине Антон Германович Силуанов, которого я спросил: «А где же параметры цифровой экономики? Как они в бюджете учтены?» — он задумался и говорит: «Ну, должна быть сначала все-таки озвучена в цифрах Минэкономразвития, другими ведомствами программа, которая пока имеет только общие черты». То есть, хотя мы понимаем актуальность, тем не менее надо, чтобы была какая-то длинная интересная программа. Я думаю, что вы правы: поскольку нет приоритетов в экономическом пространстве, то и в бюджете, который это все должен поддерживать, все краткосрочное. Я понимаю прокрустово ложе министра финансов: надо решать и социальные задачи, и выборы впереди... Боюсь, что за этими политическими деревьями мы не увидим леса — развития, которое двигается в сторону технологического изменения мира. Поэтому, мне кажется, хорошо было бы, чтобы бюджет это тоже учитывал. На сегодняшний день в реальном секторе я этого не вижу, а вижу только в чем? У нас большой военный бюджет — порядка 18% расходов, около 12% — силовые структуры. Я уже не говорю о человеческом капитале и прочих вещах, где совсем небольшие позиции сохраняются.

Широв: У Виктора Викторовича Ивантера — нашего директора — есть хорошая идея о том, что цифровизация возможна только тогда, когда будет экономика. Когда экономика будет в таком состоянии, что мы будем производить доходы, цифровизация поможет нам их увеличивать. Если мы внимательно посмотрим на то, как устроен бюджет, то главная проблема, на мой взгляд, состоит в том, что Министерство финансов, отчасти Министерство экономического развития исходит из того, что у российской экономики достаточно низкий потенциал роста. Ну а раз низкий потенциал роста — значит, низкий потенциал роста доходов. Ну а раз низкий потенциал роста доходов, соответственно, нужно уже ужимать расходы. То есть все логично. Низкие ожидания развития экономики транслируются в низкие ожидания поступлений в бюджет, и это влияет, на мой взгляд, негативно на то, что происходит в экономике.

Бодрунов: Если мы хотим, чтобы экономика развивалась интенсивно в новом технологическом укладе, необходимо в первую очередь уделить внимание развитию именно этой части в бюджете. В результате повысятся доходы тех людей, которые работают в этой сфере, отсюда наполнение бюджета, возможность больших трат. Очень важно, что с участием ВЭО России РСПП, институт Уполномоченного по правам предпринимателей при Президенте и Общероссийский народный фронт проводят серию конференций по правам предпринимателей в регионах. И их как раз больше беспокоят высокопроизводительные рабочие места и то, решает ли эти задачи бюджет. Обе задачи, поставленные Президентом, — и социальная направленность бюджета, и развитие страны — на самом деле одна сторона.

Широв: В проекте в некотором смысле социальная направленность присутствует. Это происходит в результате действия двух факторов. Первый — это то, что мы находимся в конце электорального цикла и скоро у нас выборы, а второй связан с тем, что 2018 год — это как раз та реперная точка, которая стоит в указах Президента от 7 мая 2012 года.

И поэтому под реализацию как раз этих целевых ориентиров, которые тогда были выбраны, в текущем бюджете и в бюджетах ближайших трех лет выделены довольно значительные средства на социальные программы, и это значит, что отдельные категории граждан (это и научные работники, и работники бюджетной сферы) получают некоторую прибавку к своим доходам. Но в целом, безусловно, в социальной сфере мы увидим относительную стагнацию расходов.

Проблема состоит в том, что мы все время смотрим на бюджетный процесс в статике. В статике, безусловно, мы можем просто где-то что-то убрать, где-то что-то добавить, но в динамике ситуация меняется радикально, потому что если у нас все-таки бюджет работает на экономический рост, то тогда он формирует доходы будущих периодов, которые мы потом можем распределять. Например, дефицит бюджета — это как раз и есть

Сергей Николаевич Рябухин, председатель Комитета Совета Федерации ФС РФ по бюджету и финансовым рынкам, д. э. н.

Александр Валерьевич Никитин, губернатор Тамбовской области, д. э. н., профессор

возможность доходы будущего периода вложить в экономику сейчас. Работает так на самом деле и бизнес, который начинает новые проекты.

Позитивная оценка

Рябухин: В структуре расходов большая часть относится к социальному блоку. То есть будет сохранен принцип, который действует на сегодняшний день, — поддержание уровня заработной платы.

Второй очень важный, на мой взгляд, момент — это индексация страховых и социальных пенсий.

Правительство внесло в парламент строго выверенные, даже, я бы сказал, жестко выверенные расходы. Они, может быть, жестче, чем в текущем году. Все лето шла работа по изъятию неоправданных, недоказанных и неэффективных расходов.

Цифровизация экономики возможна только тогда, когда работает сама экономика

Несмотря на все внешние вызовы, у нас заложен на трехлетку рост экономики 2, 2,1 и 2,2%. То есть мы перешагнули период стагнации, спада.

В прошлом году мы пошли осознанно на снижение уровня реальных доходов населения. Он оказался чуть ниже в сравнении с предыдущими годами, но это позволило достичь беспрецедентно низкого уровня инфляции — ниже 4%. В этом году, мы предполагаем, будет меньше 3,5%.

Это за всю постсоветскую историю нашего государства самый низкий показатель, и он характеризует устойчивое, стабильное, поступательное развитие экономики. Это ключевой параметр в бюджетной характеристике следующего года: если инфляция сохранится на этом уровне, я думаю, это будет очень важным условием для развития экономики в целом.

Бодрунов: Сергей Николаевич Рябухин достаточно оптимистично смотрит на потенциал развития нашей экономики. Население всегда чувствует в первую очередь все удары инфляции, а у нас сейчас инфляция — объявлено официально — меньше 4%. То есть мы достигли тех показателей, добиться которых планировал Центробанк в прошлом году, чтобы стабилизировать как-то экономику и запускать институционный процесс, который будет наполнять наш бюджет. Александр Александрович, ваш институт занимается народнохозяйственным прогнозированием. Как вы видите дальнейшие перспективы в этом смысле?

Широв: Все достаточно сложно, потому что от снижения цен большого счастья в экономике, по-видимому, не наступило. Во всяком случае, пока. Центральный банк считает, что счастье наступит на горизонте нескольких лет. Другой разговор, что за те годы экономического спада, которые мы уже пережили, доходы населения упали более чем на 10%. И период снижения доходов населения уже продолжается четыре года подряд. Честно говоря, такого у нас не было с начала 1990-х годов. И это действительно ситуация тяжелая, и, значит, с этим нужно что-то делать.

Понятно, что у бизнеса тяжелая ситуация, но ведь и государство, если смоет на зарплаты бюджетников, работников государственной сферы, пенсионеров, вело себя аналогичным образом. На мой взгляд, пришло время для того, чтобы мы компенсировали эти потери обществу. Прежде всего незащищенным слоям населения. Это социальные долги, которые, безусловно, государство должно признать. Еще один момент: темпы роста 2%, которые ожидаются в ближайшую трехлетку, в том числе Министерством экономического развития, Центральным банком, Министерством финансов, не позволяют нам решать задачи экономического развития. А задачи у нас, по сути дела, две. Первая — это рост уровня жизни населения. Вторая — поддержание комплекса национальных интересов в мире. Можем ли мы при темпах 2% в год решить весь тот комплекс проблем, который у нас есть? На мой взгляд, не можем.

И это значит, что нам нужны более высокие темпы роста. А бюджет сейчас, к сожалению, из экономического роста вычитает. При том состоянии экономики и тех темпах роста, которые мы имеем, сбалансировать бюджет вообще невозможно.

Крутить педали

Бодрунов: То есть велосипед должен ехать быстрее?

Широв: Велосипед должен ехать для того, чтобы быть устойчивым. Наша экономика, во-первых, как я уже неоднократно в разных местах говорил, простая, то есть у нее мало доходов. С другой стороны, она еще и стоит на месте. Она может только упасть в этом состоянии. Экономика должна поехать, и вот если она поедет, то появятся доходы и появится маневр, возможность маневрировать доходами. Сейчас такой возможности нет.

Бодрунов: То есть если мы говорим именно о бюджетной компоненте этого процесса роста, то, по крайней мере сегодня, бюджет не знает, куда ехать. С другой стороны, он не способствует тому, чтобы это знание появилось.

Широв: Притом очень многие не понимают простых вещей. Например, говорят: «Давайте снизим расходы на оборону и перебросим расходы в сторону социального сектора». Но если мы так будем вести себя 2–4 года, то я уверяю, что мы попадем в ситуацию, когда государство будет вынуждено увеличить расходы на оборону за счет социального блока.

Бодрунов: Очень многих губернаторов беспокоит снижение бюджетных трансфертов, которое предусматривается в этом проекте бюджета. Я участвовал в обсуждении этих моментов с некоторыми губернаторами в регионах — федеральные заботы их тоже беспокоят. В частности, их волнует, сохранится ли поддержка местных, региональных промышленных предприятий через Фонд промышленности и есть ли деньги в бюджете на поддержку самого Фонда промышленности. Когда я беседовал с Александром Никитиным (губернатором Тамбовской области), он сказал очень важные вещи, которые очень мне по душе пришлось. Он обращает внимание на важный момент — что доходы от технологиче-

ского производства, инновационных процессов — это и источник социальных расходов, социальной поддержки, и ресурс для дальнейшей динамики в экономике, о которой вы говорите.

БЮДЖЕТ ДЛЯ РЕГИОНОВ

Никитин: На мой взгляд, в социальной сфере хотелось бы больше видеть внимания с точки зрения бюджетных расходов на такие важные отрасли, как здравоохранение и образование. Мы говорим очень много о цифровой экономике, о цифровизации. Без увеличения расходов на систему образования, конечно, будет сложнее достичь тех целевых индикаторов и показателей, которые поставлены.

Касательно региональных расходов могу, конечно, с радостью отметить, что оборонка сохраняет основной объем поддержки. Для нас это — немаловажная составляющая. В структуре нашей региональной экономики очень серьезная составляющая приходится на отрасли военно-промышленного комплекса, поэтому это, конечно, обнадеживает наряду с тем, что другие наши отрасли региональной экономики демонстрируют хорошие результаты. В этом смысле на следующий год прогнозы по развитию регионального экономического потенциала — весьма позитивные.

К сожалению, я должен констатировать, что сегодня мы видим снижение межбюджетных трансфертов. И, конечно, это для регионов определенный сигнал к экономии средств, приоритизации, которая, впрочем, у нас уже определена структурой регионального бюджета. 80% — это социально значимые расходы.

Говоря о возможностях развития региональной экономики, нам, конечно, придется задуматься об источниках этого развития. О тех средствах, которые мы должны сконцентрировать, мобилизовать в своих региональных бюджетах для того, чтобы, с одной стороны, обеспечить неукоснительное исполнение всех майских указов Президента, всех социальных приоритетов. С другой стороны, иметь определенный резерв для развития, для создания необходимой инновационной, инвестиционной привлекательности, которая прежде всего выражается в соответствующей инфраструктуре.

В текущем бюджете и в бюджетах ближайших трех лет выделены довольно значительные средства на социальные программы

Широв: Да, действительно. У нас есть регионы, в которых вроде бы промышленность не так значима, как нам кажется, но в реальности база экономики — все-таки именно там. И поэтому поддержка реального сектора — это сейчас то направление, которое может подвинуть нашу экономику вперед.

Бодрунов: В этом направлении в бюджете, во всяком случае, снижения мы не видим.

Широв: Да. Просто их доля, к сожалению, очень низка там.

Бодрунов: Сложности с бюджетом мы понимаем, почему происходят. В таких условиях, как те, в которых сегодня наша страна, жить непро-

сто. Многие говорили о том, что снижения расходов ожидаются. Но, похоже, в этом году эти ожидания на бюджете не отразились, он — более выдержанный, если можно так сказать.

Широв: Я бы хотел отметить, что губернатор говорит об оборонных расходах, но почему-то у него не возникает мысли о том, что они являются непроизводительными и не влияют профитивно на экономику.

Бодрунов: Правильно. Потому что он-то понимает, что они на самом деле производительные. Это производительность нашего будущего.

Широв: Но это доходы бюджета, это зарплата работников и так далее — масса мультипликативных эффектов. Поэтому говорить о том, что они не приносят никакой пользы, на мой взгляд, нерационально.

Бодрунов: Я думаю, есть еще один момент, который пока за кадром остался. Я как директор Института нового индустриального развития должен подчеркнуть, что индустриальное развитие обеспечивают в первую очередь во всем мире оборонные технологии. И когда есть система нормального трансфера оборонных технологий в гражданский сектор с их удешевлением, расширением возможностей и так далее, это как раз то самое место, куда надо постоянно тратить деньги. Не для того, чтобы воевать, а потому что здесь всегда ищутся самые эффективные способы решения технологических проблем. Поэтому эффективность этих технологических разработок всегда выше, чем каких бы то ни было других.

Широв: Ну и плюс они — на острие конкуренции с мировыми производителями.

Бодрунов: Именно по этой причине. Я могу сказать, что наша высокотехнологичная продукция (например, военной авиации) сегодня показывает свою эффективность и в боевых применениях, и на международных рынках вооружений, и надежно защищает наши стратегические интересы. Поэтому, наверное, все же нужно тратить на это деньги и не стоит говорить, что это — непроизводительные расходы. Мы сегодня здорово отстали в финансировании оборонной промышленности, и мне представляются неправильными те призывы, которые сейчас опять начинают раздаваться: «Давайте сократим непроизводительные оборонные расходы. А вот лучше давайте мы там что-нибудь профинансируем сегодня и съедим».

Широв: Проблему развития экономики такое перераспределение точно не решает.

Темпы роста 2%, которые ожидаются в ближайшую трехлетку Министерством экономического развития, Центральным банком, Министерством финансов, не позволяют нам решать задачи экономического развития

По материалам телепередачи «Дом “Э”», ОТР, 21.10.2017

BUDGET AND TAX POLICY

Every year, during the process of approving and adopting the budget of Russia, all persons concerned feel great tension and a desire to solve all their problems in one fell swoop with the help of the budget. On the other hand, the budget is limited, it must take a lot of risks into account, be “cautious” and it cannot satisfy everyone. There’s always not enough money for everyone, and everyone has their own priorities, so passing the main financial document through the legislature is a difficult task. Those involved in solving this task include:

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
President of the FES of Russia, Director of S.Yu. Witte INID,
Doctor of Economics, Professor

Mikhail Vladimirovich Ershov
Member of the Presidium of the FES of Russia,
Chief Financial Research Director at the Institute of Energy
and Finance, Professor at the Financial University under the
Government of the Russian Federation,
Member of the Commission on Banks and Banking Activities
of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs,
Doctor of Economics

Sergey Yuryevich Glazyev
Advisor to the President of the Russian Federation,
Vice President of the FES of Russia

Lyudmila Nikitichna Lykova,
Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy
of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Pavel Viktorovich Egorov,
Deputy Head of Directorate at Vnesheconombank,
Head of Macroeconomic Policy Department

Elena Stanislavovna Chuguevskaya
Director of the Strategic and Territorial Planning
Department of the Ministry of Economic Development

We clearly see the conservative nature of the policy underlying the draft budget intended for the period until 2020 by its revenues and expenditures. A gradual reduction is planned for the revenues, and, as a consequence, for the expenditures as well.

At the same time, it is planned to tighten regional lending. While previously regions obtained loans from the budget at a symbolic rate of less than 1%, currently there are plans to switch to a market-oriented approach. The price of borrowed funds for the regions, which is currently less than 1%, will be up to 10%. At present, the share of budget loans in the regions' public debt is almost 50%, while the share of bank loans is about 30%. If we minimize budget loans and maximize bank loans, respectively, the general funding portfolio for the regions will be extremely burdensome, because there will be a large amount of resources that will be funded at a substantial interest rate.

The new budget rule. Currently, the oil price that is being considered for the budget is lower than those predicted by forecasts, including international ones. As a consequence, the expenditure portion of the budget is also limited, and, accordingly, so is the possibility of economic growth. Our budget has the most conservative forecast for the price of oil. For example, it's \$42 for 2019. The ACRA (Analytical Credit Rating Agency) gives \$50-55, and the World Bank gives

almost \$60. At the same time, according to experts' estimates, if this base cut-off price in the budget were not \$42, as it is now, but at least \$50, i.e. closer to the ACRA's and the World Bank's forecasts, it would allow us to increase budget expenditures by 1% of GDP, a fairly large and substantial amount. The opportunities for creating those high-performance jobs would significantly expand, even for the regional policy.

To conclude: both direct and indirect approaches are being used to limit the possibility of financing the economy in the spheres we are discussing. Solving these problems is further complicated by tight monetary and credit policies.

The official forecast of the Central Bank on the growth of the monetary base of the ruble for the nearest term. According to the document, a draft description of the monetary policy, which has just been proposed for discussion, we see that in three years' time the monetary base will grow by an average of only 3% per year, which corresponds roughly to the forecast of 1.5-2% GDP growth per year. But if we plan to create 25 million high tech jobs, isn't it obvious to expect this innovation to increase the opportunities for GDP growth? Therefore, if we are able to achieve all this, GDP will certainly grow by a much larger value. And a faster GDP growth will naturally require more resources, that is, more financial security. And if this is not done, then growth will slow down due to the absence of money.

Interest rates. Our long-standing "favorite" theme. It's clear our stakes are the highest. Higher than in many other countries. Only the fuel and

energy complex, given its effectiveness, can easily cope with the existing interest rate. The rest of the industries, as we can see, are not coping. And if they are not coping, they have problems with development, with upgrades and with everything else. As a result, the liquidity surplus gave us a new phenomenon this year – an excess of liquidity in the financial sector, when they have money, but it does not flow into the economy. Indeed, who will take it, if it is prices prohibitively high for the economy, for the majority of the industries?

Again, the Central Bank's monetary policy forecast. They have an excess of liquidity and it will continue to grow. You see, by 2020, according to their estimates, this figure will reach 3 trillion rubles. For comparison, this liquidity excess is many times bigger than the budget of the Industrial Development Fund.

Our suggestions.

1. Adopt comprehensive approaches linking together fiscal and monetary policy.
2. Orient monetary mechanisms, i.e. interest rates, long-term investments, long-term bonds, to solving the task of creating high-tech jobs. An important role should be played by the Central Bank's purchase of the government securities issued by the Ministry of Finance.
3. Raise the cut-off price of oil and make it at least \$50. This will significantly expand the possibilities of the expenditure portion of the

budget.

4. Expand the regions' powers to mitigate tax and budget policies, allowing them more independence in granting exemptions, setting tax rates, etc. Create mechanisms to encourage participation of private businesses in these projects.

5. Consider a possibility of a moderate budget deficit as a tool to stimulate growth.

6. More actively implement special programs for high tech production, like Silicon Valley.

7. Use differentiated interest rates to refinance private banks. When they provide loans to priority projects, offer them more attractive conditions. Do what the ECB does: it gives you a negative rate if you finance what the ECB considers important. You get a bonus for such a loan. Everyone becomes eager to participate.

8. Expand the Lombard List. We have already discussed this many times at our working sessions with the Central Bank. With such tools that would allow us to refinance these types of loans.

All of the above will enable Russia to create the necessary basis, in which high tech industries and high-performance jobs will play a key role, as the president says, in providing Russia with competitive advantages that are essential in the modern world. The importance of this approach has been repeatedly emphasized by the country's president.

СОБЕСЕДНИКИ

Александр Андреевич Цыганов,
глава департамента страхования и экономики
социальной сферы Финансового университета при
Правительстве РФ, д. э. н.

Игорь Борисович Котлобовский,
заведующий кафедрой управления рисками
страхования экономического факультета МГУ, к. э. н.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор

Юлия Юрьевна Финогенова,
профессор Кафедры управления рисками, страхования
и ценных бумаг РЭУ им. Г.В. Плеханова, д. э. н.

Надежда Викторовна Кириллова,
заместитель руководителя Департамента
страхования и экономики социальной сферы
Финансового университета при Правительстве РФ,
д. э. н., профессор

Роман Сергеевич Голов,
член Правления ВЭО России,
декан Инженерно-экономического факультета
им. В.Б. Родина Российского государственного
технологического университета
им. К.Э. Циолковского, д. э. н., профессор

Маргарита Герутисовна Жигас,
заведующая кафедрой банковского дела и ценных бумаг
Байкальского государственного университета, д. э. н.,
профессор

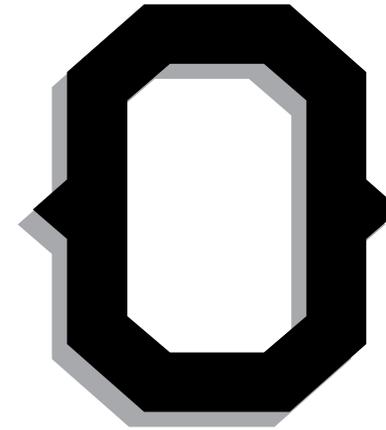

Яков Петрович Силин,
ректор Уральского государственного экономического
университета, д. э. н., профессор

РАЗВИТИЕ СТРАХОВОГО РЫНКА В РОССИИ ЧЕМ СТРАХОВАНИЕ ПОМОЖЕТ ЭКОНОМИКЕ

Страховая отрасль в России не настолько молода, как многие финансовые рынки, родившиеся лишь в новой стране. Если о том, что страхование активно развивалось в Российской империи, многие забыли, то большинство россиян не может не помнить плакаты Росгосстраха в СССР. А Ингосстрах так и вообще работал в рыночных условиях — на международном рынке. Но при создании нового страхования с самого начала появились проблемы, которые теперь, если мы хотим развивать этот рынок, необходимо решать окончательно и бесповоротно. Об этом и шёл разговор на одной из экспертных сессий Координационного клуба ВЭО России.

По материалам 5 экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России, 21.03.2017

Общее состояние страхования

Бодрунов: Сегодняшнее наше мероприятие посвящено обсуждению проблем страхового рынка России, перспективам его развития. К нам обратилась Администрация Президента России по поводу ряда предложений, которые к ним поступили, с тем, чтобы эти предложения обсудить, обобщить, проанализировать и сформировать документ обобщенного характера, чтобы этот материал можно было использовать в дальнейшей работе при подготовке тех или иных решений, связанных с развитием страхового рынка России. Предварительно поработала группа экспертов Вольного экономического общества под руководством нашего вице-президента, члена-корреспондента РАН Дмитрия Евгеньевича Сорокина, научного руководителя Финансового университета при Правительстве РФ. Экспертное заключение этой рабочей группы было составлено нашей коллегой, Александром Андреевичем Цыгановым, доктором экономических наук, профессором Финансового университета.

Цыганов: Страховой рынок России довольно-таки похож на ряд зарубежных рынков, но не развитых стран Европы, не США, а на экономики БРИКС, что в принципе логично, но еще больше — на экономики нефтяных стран, зависящих от добывающей промышленности. Проявлялось это в превалировании страхования предприятий, корпоративных клиентов и меньшей долей страхования физических лиц. Если можно получить прибыль с меньшими усилиями, мы ее получим, но задача государства сделать так, чтобы услуги доходили и до тех, кому они тоже нужны. Если сейчас мы начинаем спрашивать в любой аудитории про полисы, то в основном вспоминают полисы ОСАГО или обязательное медицинское страхование, но сказать, что даже в этой аудитории у всех есть полис страхования жизни, полис страхования имущества, наверное, будет преувеличением, несмотря на то что она явно отличается от среднероссийской. Проблемой Российской Федерации является то, что у нас концентрация страхового бизнеса наблюдается в Москве и Питере.

Инфраструктура на страховом рынке не развита на текущий момент. Отчасти ОСАГО помогает развитию инфраструктуры, касающейся оценщиков, тем не менее полноты инфраструктуры нет. И опять, апеллируя к собравшимся, могу напомнить, как долго актуарии искали свое место на страховом рынке. На текущий момент без актуария не обойдется ни одна страховая компания, но нужно было прожить 20 лет, чтобы это было доказано. Есть проблемы диктата государственных организаций. Государство можно понять, когда оно хочет защитить граждан, избирателей, но понять страховщика, которому пытаются навязать выплату по ОСАГО за утопленную машину, еще проще. Он это может сделать только как благотворительную выплату. ОСАГО — это ответственность, а вовсе не страхование имущества.

Важно обеспечить, чтобы услуги страхования были доступны в каждом регионе России, в каждом населенном пункте. Мы должны сделать так, чтобы эти услуги были и доступны, и качественны.

Очевидно, что требуется реформа ОСАГО. Это не только натуральное возмещение, которое сейчас объявлено и обсуждается. Это и либерализация тарифа, и много чего другого. У нас сейчас есть граждане, которые, несмотря на то что есть система бонус-малус, совершенно спокойно смотрят на повышающий коэффициент, бьются в подставных авариях, есть так называемые «дойные коровы», которые используются в ряде случаев автоюристами и иными структурами для того, чтобы получать выплаты от подставных аварий. С этим надо бороться в том числе либеральным тарифом, который для таких граждан закрывает возможности легкого страхования. Оно должно быть для них дорогим.

Если мы говорим про страхование жилья или про иные программы обязательного страхования или вмененного, то нужно стараться их соединять с добровольными видами. Соединять с теми услугами, которые пользуются у населения спросом. Не секрет, что на текущий момент большинство медицинских услуг получается в платной форме: если мы получим возможность хотя бы частично их перевести на более комфортный формат страхования, это будет тоже неплохо.

То, что касается страхования жизни, на текущий момент в России отсутствует гарантирование накоплений граждан в полисах страхования жизни, хотя это есть в большинстве стран мира. Мало того, есть доклады у граждан, которые защищаются Агентством по страхованию вкладов. Для страхования жизни создан дискриминационный режим, когда такие же накопления, да еще и более социально значимые, потому что здесь защищается и сама жизнь, не подвержены такому гарантированию. Очевидно, назрела необходимость создания профильного агентства, фонда, как угодно можно назвать. Но главное, что у гражданина должны быть такие накопления застрахованы или прогарантированы.

Надо переходить к следующей фазе — поощрению страховых отношений, к поиску тех страховых интересов и тех потребностей населения, которые реально можно удовлетворить силами страхования, и развивать на государственном уровне именно то, что требуется для населения, и то, что снизит нагрузку на бюджет, переложив его на коммерческих страховщиков. Все это реально. Мировая практика показывает такую возможность и целесообразность. В России это все вполне имеет шанс прижиться.

Проблемы страхования жизни и пенсий

Бодрунов: Это достаточно исчерпывающий обзор того, что необходимо сегодня нам для совершенствования системы страхования, развития страхового рынка России. Если процессу развития не помогать, не поддерживать, не задавать соответствующие правила и не создавать структуры, наверное, мы действительно 50 лет еще будем догонять развитые страны и окажемся в таком положении, в каком сейчас наша промышленность и другие сферы экономики.

Финогенова: Мы с вами прекрасно знаем статистику и знаем, что рынок страхования почти на 50% рос за счет взносов по страхованию жизни. В выступлении была затронута тематика страхования жизни. Но мне хотелось бы чуть-чуть добавить. Поскольку сейчас акцент именно на это у страховой отрасли, я думаю, должен быть сделан. И сделан именно сейчас, в преддверии наступления времен очередной пенсионной реформы, которая уже назревает у нас.

Прежде всего я хочу сказать, что сейчас страховщики по страхованию жизни страдают от двух проблем. Первая проблема — дискриминация со стороны негосударственных пенсионных фондов. Те взносы, которые сейчас уплачиваются работодателями за своих сотрудников в рамках договоров страхования жизни, в том числе пенсионного страхования, облагаются тридцатью процентами этих взносов во внебюджетные социальные фонды. Естественно, это можно как-то регулировать. Это нужно обсуждать и привести к общему знаменателю. Почему негосударственные пенсионные фонды эти взносы не облагают, если взносы делаются туда? А в страховых компаниях по страхованию жизни облагаются.

Второй вопрос. Мотивация самих физических лиц производить эти взносы. Сейчас налоговый вычет до 400 тысяч рублей распространяется опять-таки только на взносы, которые мы производим в негосударственные пенсионные фонды. Почему не расширить этот налоговый вычет и на те взносы, которые мы делаем по договорам пенсионного страхования?

«Если можно получить прибыль с меньшими усилиями, мы ее получим, но задача государства сделать так, чтобы услуги доходили и до тех, кому они тоже нужны»

И последнее. Индивидуальный пенсионный капитал. Сейчас это активно обсуждается. Уже чуть ли не к 2018 году собираются его вводить в обязательном порядке, как вы знаете, но нигде, ни в одном общественном обсуждении мы не слышим слово «страховые компании». Почему все время только речь идет о негосударственных пенсионных фондах?

Ведь этот индивидуальный пенсионный капитал, судя по последним веяниям, будет реализовываться на принципах негосударственного пенсионного обеспечения, а не пенсионного страхования, как раньше. О чем здесь речь? Чем резервы негосударственных пенсионных фондов лучше, чем резервы страховщиков по жизни? Эти предложения нужно обязательно обсуждать и как-то проталкивать идею того, что в пенсионной реформе должны участвовать компании по страхованию жизни.

Страховая грамотность

Кириллова: В докладе основные проблемы обозначены. Как это ни отвлеченно звучит, но решение многих этих проблем лежит в сфере образования и просвещения. Это не просто слова, это реальность. Реальность сейчас такова, что в России разрабатываются, в частности, профессиональные стандарты во многих отраслях, в том числе в страховании. Зачем они нужны? Чтобы мы все говорили на одном языке. Для того чтобы граждане понимали, что они могут ждать от страхового рынка, они должны знать это. Другое — то, что тоже в докладе было представлено, — более развитое корпоративное страхование. Это естественно. Ситуация, экономические задачи вынуждают страховать промышленные предприятия, и там достаточно сложные виды страхования. Уже есть страхование скрытия дефектов и страхование ответственности директоров за неправильно принятое решение, естественно, страхование непрерывности производственных процессов, страхование проектов за рубежом.

Но когда слушаешь, когда знакомишься с теми программами страховыми, которые разрабатываются в промышленности, в частности, видишь, что у нас страховщики существуют несколько отдельно от их потребителей, и отдельно существует страховая наука. Для этой системы нужен один язык.

«Важно, чтобы услуги страхования были доступны в каждом регионе России, в каждом населенном пункте»

Страховые технологии

Котловский: Как известно, руководством страны поставлена задача заниматься цифровой экономикой. Есть даже оценки, насколько это может повысить ВВП страны. Попробуем порассуждать, как это может изменить жизнь страховщика и жизнь клиента. Сейчас очень многие компании интересуются технологиями, но пока практического применения нет. Внедряются информационные технологии, которые стремительно меняются. Давайте порассуждаем. Простая легализация

электронных документов сократит бюрократию, упростит делопроизводство и облегчит жизнь клиенту. Я думаю, что очень скоро наступят времена, когда одним кликом с мобильного телефона можно будет заключать стандартный договор. Может быть, посылая фотографию. Это существенно упростит и удешевит продукт, потому что накладные расходы будут меньше.

Уже сегодня есть технологии, которые снимают данные давления, пульса и другие медицинские показатели и которые можно использовать в страховании жизни, страховании ДМС. А именно: предвосхищать какие-то кризисные ситуации и не доводить дело до серьезного доверия, а путем каких-то примитивных мероприятий заранее человека госпитализировать или заранее вывести его из кризисного состояния. Это тоже технологии сегодняшнего дня, которые пока еще не внедряются, но, я думаю, очень быстро развиваются, по крайней мере у нас, в московском институте, об этом думают.

Второй вызов, о котором не говорилось, но он может наступить очень скоро. В 2012 году Россия вошла в ВТО, и в соответствии с этим договором в 2021 году в России могут открываться филиалы западных компаний без образования юридического лица. Несмотря на то что к ним будут предъявляться очень серьезные требования, работают они более эффективно, эффективность работы одного сотрудника западной компании на порядок выше по сбору премий, чем у наших. Поэтому конкуренция очень сильно возрастет.

Последняя тема, на которой я хотел бы остановиться, — проблема региональных страховщиков. Известно, что 50 страховщиков сейчас собирают 90% премии, а остальные из около 300 только 10%. Региональные страховщики вытесняются. И, видимо, будут вытесняться, если их не защитить. Известно, что Анатолий Геннадьевич Аксаков внес законопроект о введении дифференцированного регулирования на кредитном рынке. Предполагается введение двух категорий банков с разными полномочиями, разными условиями регулирования. По-видимому, по этой модели Центробанк может пойти и в регулировании страхового рынка, потому что ситуация, когда урегулирование страхового случая на Камчатке происходит в московском офисе, абсолютно лишена всякой логики и здравого смысла, и нужно сохранить региональные компании, которые могли бы заниматься стандартными продуктами и страховать малый бизнес и граждан у себя на месте.

Вопрос доверия

Голов: Если позволите, я несколько расширю поле дискуссии. Когда мы говорим про страхование, это, прежде всего, доверие страхователя к тем институтам страхования, которые созданы и функционируют. Я бы хотел упомянуть такую важную проблему, как страхование банковских вкладов. Почему это проблема?

Все мы знаем о том, что, если мы берем у физических лиц

депозиты суммой до миллиона 400 тысяч рублей, они застрахованы агентством по страхованию вкладов. В каждом банке, который работает с физическими лицами, лежат памятки, в которых описана процедура, алгоритм действия вкладчика в случае, когда у банка отзывают лицензию. Это наступление страхового случая.

Действие вкладчика сводится к тому, что после того, как будет Центральным банком назначен уполномоченный банк, или банк-агент по выплатам, формируется реестр вкладчиков, и вкладчик приходит в этот банк, предоставляя паспорт, и получает вот эту сумму страхового возмещения.

На протяжении трех-четырех лет этот закон, эта практика успешно применялась, но в последнее время есть случаи, и это уже системный вид приобретает, когда этот алгоритм не действует. В чем здесь кроются нюансы? Существует правовая коллизия. Банк должен предоставить реестр, который является основанием для выплат, но не рассмотрены в законе случаи, что будет, когда банк этот реестр не предоставляет или когда данные, которые содержатся в этом реестре, не соответствуют действительности. Что получается в этих случаях?

Первое. Это отсутствие реестра со стороны банка, а у вкладчика существуют документы — договор и приходный ордер, который подтверждает факт внесения средств.

Что получается? Получается, что, когда принимается решение о том, включать конкретные лица или нет в реестр и выплачивать ли возмещение, руководство полагается на тот самый реестр. А к вкладчикам, которые предоставляют документы, относятся как к потенциальным мошенникам. То есть АСВ относятся к этим гражданам Российской Федерации как к мошенникам. Я сейчас готов назвать, здесь никакой тайны нет, это, например, банк «Камский горизонт». С самого начала операций банкиры знали о том, что они не будут эти проценты выплачивать, не будут возвращать вклады, был задействован ряд должностных лиц. Там указано две недели на получение страхового возмещения после определения банка-агента. Полгода прошло, а люди не могут получить деньги. Помимо этого «Камского горизонта» есть еще ряд банков, это уже не единичный случай, это система, когда граждане, которые в соответствии с федеральным законом, будучи застрахованными, не могут получить свои денежные средства.

Говорят: обращайтесь в суд. Но вы абсолютно правильно сказали: суд — это год в лучшем случае. Поэтому, мне кажется, может быть, стоит нам как-то вот эту проблему выделить, потому что она крайне сейчас актуальна. Может быть, побудить Центральный банк рвзрешить вот эту коллизию.

Бодрунов: У нас в Петербурге такие истории известны. Банк «Таврический». При банкротстве этого банка пострадали десятки компаний, причем государство встало на сторону, извините,

даже не банка и не сонатора, а неизвестно каких лиц. По формальным причинам. Например, взятый кредит отвергался, или вложение, которое не подписал председатель правления банка, у которого не было каких-то полномочий. Откуда человек, который вклад несет, знает об этой компании, какие там внутренние документы банка должны быть? Почему не страхуете? А где механизмы страхования корпоративных вкладов эффективные и действующие? А с другой стороны, где механизмы страхования ответственности банков в случае, если у них происходит какая-то коллизия? Мне кажется, что здесь очень важная область для развития страхового рынка.

«Индивидуальный пенсионный капитал, судя по последним веяниям, будет реализовываться на принципах негосударственного пенсионного обеспечения»

Страхование в Байкальском регионе

Жигас: Я представляю Байкальский регион. В зоне моих научных интересов — не только и не столько банковское дело, в большей степени — страхование. Я хочу сказать, что все мысли, которые высказали сегодня коллеги, все проблемы и возможные пути решения усугублены в регионах. Та же финансовая грамотность, именно страховая грамотность, находится на очень низком уровне. Региональные страховые программы разрабатываются с учетом факторов риска. Это особенно актуально для тех регионов, как наш Байкальский регион. Это зона повышенного риска земледелия. Это сейсмозона. Это наводнения, различные другие факторы природных рисков. В этой связи, конечно же, те компании, которые работают в нашем регионе, а их количество уменьшается с каждым годом, осталось буквально меньше десяти, находятся в очень сложной ситуации, в основном занимаются страхованием жизни. У них нет возможности страховать крупные риски тех промышленных предприятий, той же корпорации «Иркут», где выпускаются самолеты, риски разработок, которые ведутся на территории Иркутской области, связанных с золотодобычей, нефтедобычей, газовых месторождений и т. д., где нет ни дорог, ни инфраструктуры, где уровень жизни населения на сегодняшний день очень низкий. Что страховать в регионах? Все более серьезный вопрос. У кого страховать — тоже под вопросом. Мы понимаем, что компаниям, которые приходят, интересны только крупные промышленные предприятия или корпорации, или те корпорации, у которых есть деньги, которые могут застраховать эти риски.

Охват населения очень низкий. Если даже в среднем по стране он невысокий, то в регионах он еще ниже. Доступ к страховым компаниям населения, которое живет в сельской местности, практически отсутствует. Есть еще такая проблема, когда местные органы власти не заинтересованы в развитии страхования в конкретном регионе. Байкальский университет неоднократно участвовал в различных программах подготовки развития стра-

хования, но местные власти не слышат. Байкальская ассоциация страховщиков в свое время активно работала и пыталась страховщиков и региональных, и федерального значения собрать вместе, определить какие-то поля, площадки, всегда являлась инициатором программ отрасли, но, к сожалению, эти программы не дошли, и уже третий губернатор сменился, и никто не заинтересован в этом, хотя риски в Сибири колоссальные.

Бодрунов: Помимо научной деятельности многие годы мне приходилось заниматься производственной деятельностью, в частности, и с Иркутском работать, в том числе с корпорацией «Иркут». Я могу привести в пример случай: когда денег в авиации было еще намного меньше, чем сейчас, нас спасали только поставки в Китай и в Индию, единственный экспортный самолет производился «Иркутом», а компания, где я был директором, была субпоставщиком и 25% стоимости самолета поставляла туда. Тогда упал в Иркутске самолет, большой самолет, внутри которого были маленькие самолеты, сложенные, они должны были идти на экспорт. Какие деньги мы тогда потеряли! Денег не хватало ни на что.

Спасло то, что это было застраховано Иркутским авиационным объединением. Мы получили страховые выплаты и сумели не только контракт выполнить, но и обеспечить зарплатой людей, а только у нас в компании работало 40 тысяч человек. Роль этих вещей очень велика. Мне кажется, что здесь надо обратить внимание на то, что в регионах, особенно в тех, которые являются важными для нашей экономики, или для национальной безопасности, и в то же время имеют такие серьезные производства, надо обязательно развивать страховую инфраструктуру.

Вы сегодня обратили внимание на одну важную вещь, которую стоило бы включить в наш итоговый документ — ответственность руководителей регионов за развитие страхового рынка. Любое ЧП происходит, и мы обращаемся в центр, к государству — дайте, помогите. И из резервов выплачиваются колоссальные деньги. И дальше кто отвечает за это?

Президент должен ехать куда-то, спасать людей от наводнения, МЧС что-то грузит и везет, а где страховые выплаты, где развитая страховая система региона, которая должна была бы предусмотреть его особенность: затапливается ли он, или есть специальное производство, почему там нет этой инфраструктуры? За это должен отвечать губернатор, область, регион, правительство региона. Это должно быть предусмотрено в нашем законодательстве. Если мы говорим о том, что есть некая оценка деятельности губернатора, то эти важные вещи, связанные с тем, чтобы поддержать экономическое состояние региона в случае критической ситуации, должны быть в области его ответственности. Это должно быть включено в оценку деятельности местных правительств, в трансфертную политику.

Спрос на страхование

Силин: Я хочу акцентировать внимание на том, что когда будет экономическая основа — будет и спрос на страхование. Другой важный вопрос — доверие. Конкретный пример: я задал вопрос нашим ветеранам вуза, которые проработали 35–50 лет, стали бы они страховать свою пенсию? Сначала удивление: пенсию еще и страховать? Спрашиваю: а сейчас пенсионная система устраивает? То есть, с одной стороны, доверие власти, потому что пенсия — от власти, с другой стороны — а зачем страховать, если она маленькая.

Каким социальным слоям такое страхование нужно? У нас 46 миллионов пенсионеров. Правильно говорится, что сегодня крупнейшие страховые компании заинтересованы в работе с крупными холдингами, промышленными объединениями. Возьмите Свердловскую область. Целый ряд мощнейших промышленных объединений, отдельных предприятий. А если взять Большой Урал? Даже тройку — Челябинск, Пермь, Екатеринбург. Есть хороший механизм — формирование и совершенствование механизма в государственно-частное партнерство. ГЧП в строительстве уже работает. У нас целый ряд крупных социальных объектов построен. Значит, доверие есть. Если привязать и их к развитию рынка страхования жизни?

Почему я про пенсионеров сказал. Объективно, что значительная часть нашего населения в ближайшее время резко в доходах не приумножит. Это объективная вещь. Тогда страховой рынок на кого будет работать — на самых состоятельных? Может быть, поэтому стоит посмотреть в различных социальных слоях те ниши, которые могут быть востребованы, и формировать меры по обеспечению прав страхователя. В настоящее время институциональная структура страхового рынка сдерживает его развитие.

«Простая легализация электронных документов сократит бюрократию, упростит делопроизводство и облегчит жизнь клиенту»

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, 1887 г., том 3

ОБЩЕСТВА СТРАХОВАНИЯ РАСХОДОВ

Учреждение, о котором идет речь, называется обществом страхования расходов (General Expenditure Assurance Company), и в континентальной печати сведения о нем впервые сообщены были Вильгельмом Левенталем, брошюра которого по этому предмету снабжена предисловием Шульце-Делича.

Герман Шульце-Делич (1808–1883) — немецкий экономист и политический деятель. Один из создателей кооперации в Германии.

В этом предисловии Шульце-Делич говорит, что реформу современного экономического строя следует начать не с производства, а с потребления, так как в нем именно, вследствие все более и более развивающегося долгового хозяйства, коренятся причины неправильных хозяйственных отношений. Поэтому, заключает он, следует принять все меры к развитию и поощрению расчета на наличные деньги при покупках, чему, между прочим, могут содействовать с большим успехом, судя по блестящему опыту Англии, общества страхования расходов. Шульце-Делич особенно ратовал за учреждение такого общества в Германии, и усилия его увенчались успехом, так как подобное общество открыто было в 1878 г. в городе Брухзале.

Английское General Expenditure Assurance Company входит в сношение с возможно большим числом торговцев, обязывая их, с одной стороны, делать уступку в 5 процентов всем покупателям на наличные, с другой — обещая им за это самую широкую рекламу. Уступка эта, или скидка, уплачивается покупателям не деньгами, а купонами или квитанциями, которые купцы обязаны приобретать у компании по номинальной цене, так что покупатель уплачивает полностью цену приобретенных предметов, но получает при этом от купца квитанции на такую сумму, которая равняется 5% от суммы покупки. Когда у покупателя накопится таких квитанций примерно на 5 рублей, что, разумеется, возможно только в том случае, когда он сделает покупок на 100 рублей, тогда он может обменять их на сторублевую акцию, которая непременно должна быть погашена по нарицательной цене в течение 75 лет посредством ежегодно производимого тиража.

Следовательно, во всяком случае в течение 75 лет покупателю возвращается полностью весь расход, произведенный им на покупки за наличные деньги, а не в долг, причем такой возврат может произойти даже через год, в зависимости от того, когда акция попадет в тираж. Кроме того, если владелец акции не желает ждать погашения ее посредством тиража, он может продать ее, однако не раньше как по прошествии трех лет со дня выдачи акции, причем в продаже эти акции, конечно, имеют значение как бы лотерейных билетов, ибо выгода покупателя находится в прямой зависимости от случайной очереди поступления акции в тираж, вследствие чего рыночная (биржевая) цена таких акций, разумеется, всегда ниже номинальной цены их, и притом она тем выше, чем короче срок до окончания всей операции погашения.

Каким же образом общество страхования расходов совершает такой, по-видимому, невозможный фокус? Очень просто. Здесь все основано на расчете возрастания капитала посредством сложных процентов. Общество продает купцам квитанции по нарицательной цене их. Из суммы денег, которая выручается от такой продажи, вычитаются 10% на покрытие расходов по управлению и пр., остальные же 90% помещаются как процентный вклад так, что проценты ежегодно присоединяются к капиталу и по ним, в свою очередь, уплачиваются 5%. Результат получается примерно следующий: общество продало купцам квитанций на сумму 50 тыс. рублей, причем квитанции эти были обменены покупателями на 10 тыс. сторублевых акций, т. е. на сумму в 1 миллион рублей. Из вырученных от продажи квитанций 50 тыс. вычтено было 10%, т. е. 5 тыс., на расходы по управлению, остальные же 45 тыс. помещены были как 5-процентный вклад, после чего начинается операция погашения акций.

По прошествии 75 лет, после погашения 10 тыс. штук акций, на сумму 1 млн руб., у общества остается еще, в качестве чистой выручки, 455 121 р. 50 к. Но оно не ограничилось одним лишь страхованием расходов, а пошло далее, соединив эту операцию с операцией страхования жизни и доходов таким образом, что владельцам квитанций предоставляется обменять их не на акции, а на страховые полисы, по коим премии оплачиваются также квитанциями. Количество акций или квитанций, уплачиваемых в качестве премии, зависит от возраста страхователя и высоты страховой суммы; так, например, при страховке в 100 руб. ежегодной ренты нужно уплачивать ежегодно в возрасте: до 25, 30, 35, 40, 45, 50, 55, 60 лет 100 руб. акций до 12, 14, 16, 20, 22, 26, 32, 40 штук. Точно так же, например, человек в 25-летнем возрасте, расходующий ежегодно по 300 руб., может застраховать свою жизнь в 500 р. с тем, что все расходы по этой страховке возьмет на себя компания, он же откажется от акций, которые должен был бы получить в обмен на квитанции. Для правильной оценки всей этой операции с хозяйствен-

**ИВАН
ТРОФИМОВИЧ ТАРАСОВ**
(1849–1929)

Российский правовед, экономист, заслуженный профессор и декан юридического факультета Московского университета. Выходец из дворянской семьи, окончил юридический факультет в киевском Императорском университете св. Владимира. Два года учился в Европе. Изучал финансовую систему и связанное с этим правовое устройство. С 1878 года — профессор ярославского Демидовского юридического лицея, в 1880 году в Московском университете защитил докторскую диссертацию «Учение об акционерных компаниях». С тех пор — московский профессор. Читает торговое право, полицейское право и другие дисциплины. После революции уволен. В имении под Киевом создал народное училище, ссудосберегательное товарищество, общественную лавку и народную чайную. Работал над созданием Рубежеской колонии для малолетних преступников.

ной стороны необходимо иметь пред собой таблицу возрастания капитала при сложных процентах вообще, без связи с какой-либо погасительной операцией и какими-либо вычетами на расходы по управлению. Представим себе, что кто-либо сделал разных закупок на 200 руб. и выторговал при этом 10 руб., т.е. 5%, которые и положил как 5-процентный вклад, на 75 лет.

То есть к концу 75 года 10 руб. возрастут до суммы в 384 руб, превышающей на 184 руб. ту сумму, которую получил бы этот же самый покупатель от общества страхования расходов. Отсюда ясно, что общество это заставляет слишком дорого оплачивать свои услуги, которые в конечном результате, если отбросить элемент лотерейный, никогда и нигде не желательный, и порвать спекулятивную связь со страховой операцией, сводятся к облегчению сбережений.

Поэтому представляется более целесообразным, не учреждая таких обществ, с их погашаемыми и продаваемыми на бирже акциями, обратить серьезное внимание на организацию сберегательных касс так, чтобы всеми мерами облегчить приток к ним сбережений. В этом отношении, независимо от более или менее общеизвестных данных о деятельности английских сберегательных касс, весьма поучителен опыт Майнцского народного банка, заключающийся в том, что обязательные сбережения собираются периодически на дому посредством агентов банка, причем размер обязательных сбережений определяется, разумеется, самим сберегателем. Опыт этот увенчался полнейшим успехом, увеличив сумму сбережений и число сберегателей; в то же время сократились операции ссудных касс.

Alexander Andreevich Tsyganov
 Head of the Social Sphere Insurance and Economics
 Department of the Finance University under the Government
 of the Russian Federation, Doctor of Economics

Igor Borisovich Kotlobovsky,
 Head of the Insurance Risk Management Department of the
 Faculty of Economics of the Moscow State University

Sergey Dmitrievich Bodrunov
 President of the FES of Russia,
 Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

Yulia Yurievna Finogenova,
 Professor of the Insurance and Securities Risk Management
 Department of the Plekhanov Russian University of Economics

Nadezhda Kirillova,
 Deputy Head of the Social Sphere Insurance and Economics
 Department of the Finance University under the Government
 of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

Roman Sergeevich Golov
 Member of the Board of the FES of Russia,
 Dean of the V.B. Rodinov Engineering and Economics Faculty
 of the K.E. Tsiolkovsky Russian State Technological
 University, Doctor of Economics, Professor

Margarita Gerutisovna Zhigas
 Head of the Banking and Securities Department of the
 Baikal State University, Doctor of Economics, Professor

Yakov Petrovich Silin
 Rector of the Ural State University of Economics

DEVELOPMENT OF INSURANCE MARKET IN RUSSIA

The insurance industry is not as young as Russia's many other financial markets that emerged only after the new Russian state was born. While many people have forgotten that the insurance sector thrived during the tsarist times, most Russians cannot help remembering the Soviet-era Rosgosstrakh posters. As for Ingosstrakh, it operated in a free market environment on the international marketplace. But creating a new insurance industry led to problems that should be addressed finally and irrevocably, if we want to develop this market. This matter was discussed at one of the expert panel sessions at the FES of Russia Coordination Club:

По материалам 5 экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России, 21.03.2017

INSURANCE INDUSTRY OVERVIEW

Russia's insurance market is quite similar to a number of foreign markets, but not to those of the developed countries of Europe or the US, but to those of the BRICS economies, which is only logical; but there is even more similarity to the markets of those oil producing countries that are dependent on their mineral extraction industries. This is obvious given that the number of insured enterprises and corporate clients is much larger than the number of individual clients. If you can make a profit with less effort, you are allowed to do it, but the government's task is to make sure that insurance services are available to everyone who needs them. Now if we ask any audience about policies, people will mostly recall the mandatory third-party liability insurance for motor vehicles or obligatory medical insurance, but it would probably be an exaggeration to say that even in this audience everybody has a life insurance policy or a property insurance policy, although this audience is clearly different from the

average Russian audience. The problem with the Russian Federation is that most of its insurance businesses are concentrated in Moscow and St. Petersburg.

Currently, the insurance market infrastructure is underdeveloped. In part, the mandatory third-party liability insurance for motor vehicles (MTPL) helps to develop the infrastructure related to insurance surveyors; however the existing infrastructure is incomplete. And again, appealing to the audience, I can remind you how long it took the actuaries to find their place on the insurance market. Currently, no insurance company will manage without an actuary, yet twenty years had to pass before everybody saw the need for them. There are problems associated with the government agencies dictating their rules. There's nothing wrong that the government wishing to protect the electorate, but making an insurer pay for a drowned car under an MTPL policy is too much. He can do it only as a charity. The MTPL policy is a liability insurance, not a property insurance.

It is important to make sure that insurance services are available in every region of Russia, in every locality. We must make sure that these services are both available and of high quality.

Obviously, an MTPL reform is required. It is not just about the compensation in kind that has been recently announced and is being discussed. It is about tariff liberalization, and much more. Some individuals, despite the fact that there is a bonus-malus system, feel absolutely relaxed about the multiplication factor, they crash their cars in sham accidents, there are so-called "cash cows" that are used in some cases by auto lawyers and other entities to receive payments from sham accidents. We must fight all this, including the liberal tariffs, to prevent those individuals from getting cheap insurance. It should be costly for them.

If we are talking about home insurance, or about other mandatory, or imputed, insurance programs, we should try to combine them with voluntary types of insurance. Combine them with services that are in demand. It's no secret that currently most medical services are provided for payment: if we'll get an opportunity to sell them, or at least some of them, in a more comfortable way as part of an insurance policy, it will be good too.

As for life insurance, at present savings of individuals are not covered by life insurance policies in Russia, although they are in most

countries of the world. Moreover, additional deposits are being made by individuals who are covered by the Deposit Insurance Agency. For life insurance, a discriminatory regime has been imposed, when the same types of savings that are even more socially important because life itself is being covered too, are not subject to such coverage. Obviously, there is a need to establish an appropriate agency, a foundation, whatever you might call it. But the main thing is that the individual should have his savings insured or covered.

We need to move on to the next phase - promoting insurance relations, seeking those insurance interests and those needs of the population that can really be addressed by the insurers, and at the government level what we need to develop is exactly what the population needs and what will reduce the burden on the budget by shifting it onto commercial insurers. All this is doable. The world practice shows such an opportunity exists, and it should be used. There a good chance it all will take root in Russia.

МИФ О ТАРГЕТИРОВАНИИ ИНФЛЯЦИИ

КАК ПРОЦЕНТЫ ВЛИЯЮТ НА ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Экономические мифы появляются не случайно, их рождает сама жизнь. Сама жизнь делает из денег универсальный эквивалент и ценность, которой можно измерить все, что угодно, зачастую даже любовь, дружбу, человеческие качества. В нашей экономике сложилась парадоксальная ситуация, когда кажется, что кроме рынка ничего другого нет, тотальность рынка подчиняет себе все сегодня, но так было не всегда, и сегодня есть те сферы, где нет рынка. И вот два мифа, о которых мы сегодня поговорим: о таргетировании инфляции как универсальном средстве решения всех проблем и о том, что удвоение ВВП сделает ситуацию в нашей стране прекрасной.

СОБЕСЕДНИКИ

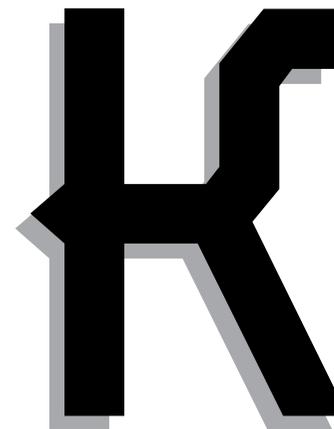

*Александр Владимирович Бузгалин,
директор Института социэкономки Московского
финансово-юридического университета,
член Правления ВЭО России, д. э. н., профессор*

*Руслан Семёнович Гринберг,
научный руководитель Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН,
вице-президент ВЭО России*

По материалам программы «Мифы об экономике» на радио «Говорит Москва», 11.03.2017

Какие очки надевать?

Бузгалин: Почему увеличение ВВП и низкая инфляция не есть панацея от всех бед? Или я что-то путаю?

Гринберг: В современной экономике и экономическом знании есть, действительно, свои мифы, устоявшиеся клише, и надо сказать, что это вредит самой экономике. Я тут вспомнил невольню такую шутку: «Почему надо изучать экономику? — Чтобы не попадаться на удочку экономистам». Вообще-то экономика — такая наука, в которой присутствуют страсти. Изучая экономическую жизнь общества, мы должны вообще дистанцироваться от собственных идеалов. Если у вас есть идеал, значит, вы уже на жизнь смотрите предвзято.

Бузгалин: Руслан Семенович, в этом есть правда и неправда. Я сразу вспомнил для радиослушателей, чтобы не уходить в слишком ученые глубокие дебри, «Волшебника Изумрудного города». Этот волшебник сделал всем жителям зеленые очки, чтобы все видели город изумрудным, и обычные стекляшки казались изумрудами. Так вот каждый надевает свои очки в экономике, но есть же еще у всех и интересы, которые диктуют, какие очки надевать. И когда говорят, что надо таргетировать инфляцию и больше ничего не делать, то это, видимо, тоже в чьих-то интересах?

Гринберг: Конечно. У Кейнса есть очень хорошее изречение о том, что политики, которые думают, что они проводят какую-то линию из-за того, что они с Богом разговаривали, на самом деле лишь повторяют те тезисы, которые усвоили во время обучения в каком-нибудь университете.

Бузгалин: А может быть, то, что им выгодно?

Гринберг: Вы все клоните к этому. Я думаю, интересы — это вообще самое главное, и здесь, конечно же, сталкиваются различные интересы: у работодателей одна теория, у получателей другая теория.

Бузгалин: Да, особенно если их назвать классом собственников средств производства и наемными рабочими или капиталистами и трудящимися.

Гринберг: Мы с вами учились на экономическом факультете МГУ, там политэкономия была у нас главным предметом. Мое личное восприятие того времени: никогда не поймешь, кто больше нужен для экономики, человек, который дает работу, инвестирует, или человек, который работает и предьявляет спрос. И вот это столкновение длится уже лет 300...

Бузгалин: И называется капитализмом!

Не фетишизировать рост

Гринберг: И называется капитализмом. Но если постараться ответить коротко на ваш вопрос, то, действительно, есть фетишизация и идеализация ускорения темпов роста.

Бузгалин: Даже не ускорения, а просто роста. Какого ускорения! Сейчас 2% — уже счастье.

Гринберг: Да, вот у нас 2%, а многие считают, что надо 5%. А почему надо 5%? И на самом деле, что нужно человеку? Человеку нужно иметь кров, иметь питание, хорошее образование, лечиться хорошо, воспитывать детей.

Бузгалин: Возможность вести здоровый образ жизни и интересно работать.

Гринберг: Именно так. Как вы думаете, сколько человек в мире зарабатывают на своем увлечении?

Бузгалин: К сожалению, очень мало.

Гринберг: Я разные цифры видел, но в некоторых странах выходит до 25–30%.

Бузгалин: С одной стороны, мало, с другой стороны — много, ведь даже у нас в России, не самой богатой, мягко говоря, стране, творческие люди массовых профессий — врачи, учителя, инженеры, конструкторы, библиотекари, работники музеев — по-настоящему культурные люди хоть и получают мало, но очень часто, когда им предлагают пойти в бизнес, начинают злиться, раздражаться, потому что они не идут туда не из-за неумения, а из-за того, что хотят делать то, что им интересно. По-моему, мы тем самым подходим к постановке проблемы, и я ее сформулирую жестко. Само по себе увеличение объемов производства может идти разными путями: это может быть увеличение производства предметов роскоши, это может быть увеличение продаж выкачанной из недр нашей страны нефти, газа и всего остального плюс какая-то минимальная переработка, транспортировка, офисный планктон, который вокруг этого кормится, и те, кто кормит офисный планктон чем-нибудь вкусненьким. Это один вариант роста ВВП. Можно еще насобирать побольше автомобилей и, может быть, в Иваново настроить побольше костюмов Hugo Boss, прикрепив к ним правильную этикетку, чтобы они продавались за 5 тысяч долларов или за 10, не знаю — не покупал.

Гринберг: Почему не покупали? Всего-то за 10!

Бузгалин: Ну вот, Руслан Семенович, тут не всем такое дано.

Гринберг: Извините, теперь я вас перебью. Я хочу сказать, почему нельзя фетишизировать темпы роста: у нас были тучные годы, когда цены на нефть начали расти и рост был 6,7%.

Бузгалин: Напомню, это с 2000-го по 2007-й.

Гринберг: До 2008–2009-го, до кризиса. Но как делятся плоды роста? Сегодня мы наблюдаем ужасающую картину в мире с точки зрения неравенства. Несмотря на то что уже все понимают — самые правые либералы, даже в Давосе говорят о том, что восемь человек в мире, восемь человек — не процентов — имеют 50% всех богатств мира! И что нам с этого роста, если все плоды пошли этим восьми людям.

«Есть фетишизация и идеализация ускорения темпов роста»

Бузгалин: Я как профессор, вы все-таки — больше ученый, зафиксирую: первое — надо понять, кому достаются плоды роста, и чем выше неравенство, тем меньше результаты роста достаются подавляющему большинству или просто большинству граждан той или другой страны, мы говорим прежде всего о России.

Гринберг: Именно так.

Бузгалин: А я задам еще вопрос: а что именно растет? Это для нас важно или не важно? Растить может и то, что никому не нужно.

Гринберг: Растить может многое. Например, финансовый сектор, что, собственно, и происходит. Финансовый сектор за последние 30 лет из служанки для реальной экономики превратился в господина реальной экономики. С этим что-то надо делать, но не очень хорошо пока получается. То, что финансиализация ведет к неравенству, — признанный факт. Мой аспирант пришел к выводу о том, что вытеснение ВВП в долю финансов одновременно ведет к очень серьезному неравенству. Практически мы это и в Америке видим: сегодня белые американцы впервые в жизни живут хуже своих родителей в материальном отношении. И с этим связаны все события: от «оккупируй Уолл-стрит» до победы Трампа, хотя смешно выглядит, когда миллиардера выбирают для защиты рабочих, — им просто надоел истеблишмент, который допустил такие сумасшедшие разрывы.

«8 человек в мире, 8 человек — не процентов — имеют 50% всех богатств мира»

Бузгалин: Руслан Семенович, я позволю себе еще два акцента. Первый: совершенно справедливо сказано о том, что если финансовый сектор растет быстрее, чем реальный — производство, образование и все остальное, — то увеличивается неравенство, потому что финансовый сектор дает плоды очень маленькому кругу спекулянтов, посредников и собственников.

Гринберг: Но это увеличивает ВВП и внешне выглядит как экономическое чудо, но почему-то люди недовольны.

Бузгалин: Еще один вопрос о том, что же растет на самом деле. Сегодня создается огромное количество псевдополезных благ, того, что можно на умном языке назвать симулякрами, и что более привычно называется брендами.

Гринберг: Здесь есть проблема. Я когда в первый раз увидел благосостояние людей на Западе, обалдел, как и все советские люди, от этих прилавков, от их наполненности. А у нас как раз не было утюгов в стране — такой был момент...

Бузгалин: В Советском Союзе все время что-нибудь пропадало.

Гринберг: Не было утюгов, а здесь я насчитал 50 видов. 50! И я спросил у одного профессора, это что такое? Это же безобразия! Зачем им нужно 50? Это же израсходование ресурсов! Он говорит: «Да, наверное, вы правы, но в рыночной экономике мы не можем поставить квоту — сколько утюгов должно быть».

Бузгалин: Руслан Семенович, так Вы правы или не правы в этом были, на его взгляд?

Гринберг: А как здесь определить?

Миф рыночной экономики

Бузгалин: Рыночная экономика — это хорошая абстракция, но реальная сегодняшняя экономика, и Вы мне когда-то это рассказывали, даже больше, чем я вам, — это система, где крупные корпорации заставляют покупать то, что им выгодно, и чем дальше, тем больше. Придумываются искусственные потребности, которые навязываются человеку, да еще объясняют, что нужна правильная этикетка, да еще в правильном магазине, чтобы ты сам себя за это уважал.

Гринберг: С одной стороны, Вы правы, а с другой стороны — нет. Вы правы в том, что мы живем в мире, где нет недостатка товаров и услуг. Для нас, кстати, плохую роль сыграло то обстоятельство, что все оказалось заполнено, — мы слишком быстро открылись миру, и экономика не смогла приспособиться к этому суровому соревнованию. Мы должны продать свой продукт, а его трудно продать. Значит, мы должны изощренно сделать его популярным.

Бузгалин: Это закон рынка, но это закон рынка, который позволяет социально ограничивать. Вообще рынок сейчас социально ограничен очень сильно.

Гринберг: Что Вы имеете в виду?

Бузгалин: Я имею в виду, что, когда мы создадим общественную систему, при которой то, что называется престижным потреблением, будет ограничиваться через систему налогообложения, создадим систему, при которой, как в Скандинавских странах, приехать в парламент на огромном драндулете — это позор, а нормальный член парламента приезжает на работу на велосипеде.

Гринберг: Я бы сказал, что есть некие особенности ментальности людей. Как бы Михаил Сергеевич Горбачев сказал, это не наш путь.

Бузгалин: Руслан Семенович, насчет ментальности я с Вами категорически не согласен. Вспомним, какой была ментальность российского человека: в 1930-х годах на стройках коммунизма — соседа посадить, чтобы отнять его квартиру, отгепель — наукограды, тысячи людей слушают стихи, быть физиком

престижно, быть финансистом стыдно, более близкий период — бегаем за модным кафелем, 1980-е годы — все хотим больше демократии, больше социализма, страны, которая больше бы любила права человека, в мире не найти. 1990-е годы — доллар и Америка — символ всего цивилизованного, сейчас американцы — это просто кошмар. Я к тому, что ментальность очень-очень разная. И если мы создаем общественную систему, в которой все — от высочайшего министра и члена парламента ездят на велосипеде и общественном транспорте, и это условия работы в этом кругу, то и все остальные...

Гринберг: Александр Владимирович, я хочу сказать одну вещь важную. Дело в том, что система директивного планирования, как вы знаете не хуже меня, постоянно порождает дефицит нужного и изобилие ненужного, и поэтому, особенно когда было указание партии и правительства повышать постоянно жизненный уровень, колхозники получили паспорта, ринулись в города, с прилавков стали пропадать вещи. Мы все — выпускники сиротского приюта.

Бузгалин: Нет!

Гринберг: Как — нет? Я думаю, что надо дать перебеситься немножко людям, особенно самым предприимчивым, особенно заработавшим своим трудом. Я, например, против богатства людей, которые работают в топливно-сырьевом секторе, потому что ЦК КПСС оставило им эти качалки, но, если вы своим трудом, как Google или Bosch, сотворили что-то такое, имеете право. Хотите яхту — ну купите яхту, что здесь такого. Дело не в яхте, дело в том, что если у вас средний класс — сытый, образованный, обеспеченный безопасностью, то, когда вы имеете миллиардеров, которые покупают яхты и дворцы, острова, это немножко как спорт выглядит: вот, мол, молодцы наши! А когда у вас нет среднего класса, очень неприлично быть богатыми.

«Крупные корпорации заставляют покупать то, что им выгодно, и чем дальше, тем больше»

Бузгалин: Я Вам прочту СМС: «Пока мы перебесимся, половина народу повымрет».

Гринберг: Я думаю, здесь есть правота. Кстати, существует миф, очень мощный, который является руководством к действию в последние 25 лет. Миф этот такой, что не нужно особенно никакой социализации, не нужно перераспределения, плоская шкала налогообложения — это очень хорошо, и каждый должен иметь свою ответственность. Сегодня даже реформы проводятся, хотя образование, науку, здравоохранение коммерциализировать.

Бузгалин: Все на продажу.

Гринберг: Так вот это миф, потому что в нормальном обществе — мы с Вами знаем Европу, например — понимают, что

средний класс — это перераспределительная экономика, перераспределение первичных доходов, и вообще сейчас разговоры идут о безусловном доходе, когда люди получают деньги просто так, не за работу — это ведь типично социалистическая история. У нас, к сожалению, экономическая политика продиктована фальшивой идеологией, связанной с тем, что человек должен нести ответственность за свою жизнь и платить с детства и до могилы за все. Нормальные общества это давно пережили, они к этому никогда не вернуться.

Бузгалин: Вот на этой хорошей ноте я Вас прерву и попробую подвести итог. Итак, мы сегодня говорили о том, что экономический рост чисто экономический, ВВП — это миф, поскольку он может достигаться самыми разными путями и приводить к совершенно не позитивным результатам, потому что, во-первых, в условиях растущего неравенства большинство населения от этого роста может не выигрывать, а может даже проигрывать. Во-вторых, создаются условия, когда растет производство товаров часто симулятивных, не необходимых для развития человеческих качеств, что выгодно для тех, кто при помощи пиара, маркетинга навязывает потребление таких товаров. В-третьих, финансовализация, приоритетное развитие финансового сектора создает видимый блок якобы благ...

Гринберг: Пирог.

Бузгалин: А на самом деле никакого пирога нет, а это — раздутый пузырь, который в любой момент может лопнуть, как лопнул в 2008 году, и большая часть этого пирога почти всегда достается тем, кто играет на финансовом рынке, будучи инсайдером и забирая контроль над этим рынком.

Гринберг: Поэтому для мира это самая большая проблема сейчас — ликвидация такого неприемлемого неравенства.

Что должно расти?

Бузгалин: А что же должно увеличиваться? Что должно прогрессировать?

Гринберг: Мой ответ простой: если мы говорим об экономическом росте, если его плоды должны распределяться более-менее равномерно, то, конечно, речь идет о тех вещах, которые нужны человеку. А человеку нужно что? Питание, во-первых, во-вторых, жилище, в-третьих, безопасность. Я придумал для этого аббревиатуру СССР — сытость, спокойствие, свобода и развитие.

Бузгалин: Насчет сытости я поспорю, но потом.

Гринберг: Ну, когда вы голодные, вы не думаете ни о свободе, ни о развитии.

Бузгалин: Я с этим категорически не согласен, я вырос на Стругацких, которые писали, что думать о развитии и свободе надо на любом уровне благосостояния. Это миф — что сначала надо накормить, а потом...

Гринберг: Ну это же не буквально, это — метафора.

Бузгалин: Нет, если вы говорите о проблеме голода, безусловно, я не буду спорить.

Гринберг: Я как-то спорил с одним очень важным человеком в горбачевском окружении. Он сказал, что русские люди свободу не любят, у них даже поговорка есть: «свободу на хлеб не намажешь». А я ему возразил: а если нет хлеба и нечем мазать, то при чем здесь свобода?

Бузгалин: Это правда. Давайте еще раз повторим: итак, нам нужно качество жизни.

Гринберг: Я думаю, и качество, и количество. Здесь ведь важно иметь в виду, что если пирог наш растет, вы ходите на работу с удовольствием, вы зарабатываете больше денег, то вы, конечно, чувствуете себя более-менее спокойно, а если вам работа нравится, то вы уже не думаете о дальнейшем повышении вашего жизненного уровня. Посмотрим на теперешнюю Россию, которая находится в стагнации, и увидим, что половину населения не волнуют наши с вашими разговоры, они живут от зарплаты до зарплаты, они тратят деньги на три позиции всего: еда, ЖКХ и немножко лекарств.

Бузгалин: Лекарства и минимум одежды. Руслан Семенович, я прочту несколько писем, и у нас много звонков уже в эфире. Итак, «Извращенная модель потребления сегодня». «Велик — это хорошее сердце и настроение, ура», «На ваш вопрос есть один ответ — лучшая организация экономики: от каждого — по способностям, каждому — по труду, эту систему может и должно организовать государство».

Гринберг: Что-то мы с Вами проходили такое.

Бузгалин: Еще: «Через четыре года здесь будет город-сад». Помните, про энтузиазм? «Я согласен с вами, коммунизма не будет, потому что черной икры на всех не хватит». Видите, сколько сразу вопросов и писем. Давайте примем один звонок, а потом сразу на все ответим.

Радиослушатель: Я как врач, взрослый человек, состоявшийся. Вы говорите, что для человека важна свобода — не свобода, черная икра и все такое. По моим наблюдениям, когда профессор получает авансом с зарплаты 3850 рублей, мне кажется, обществу нашему надо пересмотреть вопросы управления государством и самих правителей. Я далеко не имею в виду Путина — честь и хвала нашему президенту — но, наверное, ему надо это все пересмотреть.

Бузгалин: Руслан Семенович, что скажете?

Гринберг: У меня комментарий простой: наше общество, как записано в Конституции, — это социальное государство, а на самом деле оно — асоциальное государство. Вот и все. И уровень неравенства здесь сумасшедший, и половина населения живет от зарплаты до зарплаты — речь идет о чистом выживании. Наши руководители должны в ноги упасть такому народу, который уже приспособился к этой жизни и думает, что может быть еще хуже. А на самом деле, конечно, нам необходима прогрессивная шкала налогообложения, и вообще, если вы хотите иметь цивилизованное государство, то нужно вспомнить, что с середины прошлого века существует лозунг, который был реализован в СССР и западных странах: «Разные стандарты, разные уровни жизни — благосостояние для всех». Хочу подчеркнуть: для всех! Этого не было раньше, но Октябрьская революция к этому подвигла.

Бузгалин: Вот видите, как интересно!

Гринберг: Для всех, понимаете? А когда это не для всех, то это общество не имеет будущего.

Бузгалин: Руслан Семенович, перебью, прочту письмо: «Скажите, уважаемые профессора, а с какой целью на загнивающем Западе устанавливают минимальную сумму, которую выдают бесплатно всех для жизни? Это же идет вразрез с желаниями мирового финансового олигархата». Это такая подколка, я бы сказал.

Гринберг: Во-первых, этого еще нигде нет, но к тому идет. Мне лично кажется, что это очень и очень правильный ход. Мы знаем, что система социального обеспечения очень запутанна стала, она порождает много бюрократизма в последнее время, и я полагаю, что вот в богатых обществах это будет следующий шаг, очень цивилизованный — платить каждому человеку, который родился, столько-то денег в месяц. Допустим 1,5 тысячи евро, условно говоря, а дальше он выбирает себе жизнь. Есть люди, которые не приветствуют это, они считают, что люди будут паразитировать на этом, не будут учиться, не будут развиваться, а мне кажется, что это ерунда. Всегда будут 5–15%,

«У нас экономическая политика продиктована фальшивой идеологией, что человек должен платить с детства и до могилы за все»

которые привыкнут к паразитической жизни.

Бузгалин: Я думаю, что все-таки 5%.

Гринберг: Остальные всегда будут искать нормальное применение своим талантам.

Бузгалин: До того как ответить на звонок, я напому только две цифры: в России более половины населения живет на заработную плату меньше 23 тысяч рублей в месяц.

Гринберг: А есть еще так называемая модульная зарплата, то есть чаще всего встречающаяся, так там вообще — 17 тысяч.

Бузгалин: В стране очень велика бедность, и про это нельзя забывать, кроме того, у нас очень велик уровень социального неравенства — в 16 раз разрыв между 10% самых бедных и 10% самых богатых. Это официально, но реально, по оценкам экспертов, в том числе Академии наук, это порядка 25 раз — один из самых высоких уровней в мире.

«Нам необходима прогрессивная шкала налогообложения»

Шопинг или театр?

Радиослушатель: У нас 70 лет почти была чисто плановая экономика, теперь уже 30 лет почти — чисто рыночная экономика. Удалось ли экономистам проанализировать результаты применения этих моделей в экономике России и сделать вывод?

Бузгалин: Спасибо, сейчас попробуем сделать вывод.

Гринберг: Я думаю, вывод здесь очевиден. У нас страна крайностей, мы в свое время выбрали директивное планирование, через 70 лет решили, что оно противоречит человеческой натуре. Потом мы увлеклись другой крайностью — рынком, и получили абсолютно асоциальное плутократическое государство. И сегодня речь идет о том, как найти баланс справедливости и свободы — и это очень важно. Поэтому в нашем институте знаменитый директор — мой предшественник Леонид Абалкин — говорил о смешанной экономике, об экономике, где нужно сочетать рыночное саморегулирование и активное государственное регулирование. Трудно найти сочетание, трудно найти баланс, трудно найти равновесие, но единственный выход — это его искать.

Бузгалин: Как раз в одном из писем нам говорят, что «справедливость — это не когда всем поровну, а когда обоснованно не поровну». С этим можно согласиться.

Гринберг: Это правда.

Бузгалин: Об этом мы сейчас поговорим, но есть красивые строчки — о том, что насчет спокойствия точно можно поспорить: «И вечный бой, покой нам только снится. Сквозь кровь и пыль летит степная кобылица и мнет ковыль».

Гринберг: Она не только ковыль гнет. Она гнет и людей, а этого не хотелось бы.

Бузгалин: А когда покой — тогда болото.

Гринберг: Это правда. Когда у вас стабильность слишком долго — это касается и политики, и экономики, — она неизбежно превращается в стагнацию.

Бузгалин: И вот это одна из проблем, как мне кажется, современной социал-демократической модели, в том числе Скандинавских стран, где, действительно, 50 лет назад была создана весьма прогрессивная система, но никаких изменений, и даже медленный регресс привели к тому, что там стало не просто скучно, а настоящее болото.

Гринберг: Это очень серьезная проблема. У нас часто говорят, когда не растет экономика: мы как в Японии, вот Япония уже 25 лет не растет. А надо ли расти? Япония — социалистическая страна, там 3 тысячи долларов зарплата.

Бузгалин: Не скажу, что социалистическая, но качество жизни там высокое.

Гринберг: А какая? Может, и не надо расти?

Бузгалин: Экстенсивно расти не надо, а вот развиваться людям...

Гринберг: Так они и там имеют право развиваться. Безработицы там нет.

Бузгалин: Или хотя бы вести вечный бой с незнанием, социальной грязью, с нерешенными проблемами мира — тут я романтик. Давайте примем еще один звонок.

Радиослушатель: Руслан Семенович, Вы наверняка лично знаете многих олигархов. А почему среди них нет таких людей, ну, как Морозов в свое время, — взяли, построили там жилищный комплекс, больницу, дороги...

Гринберг: Нет, это не верно. Я знаю некоторых олигархов, которые строят и дороги, и больницы.

Радиослушатель: А почему мы их не знаем? Почему это не рекламируется? Все говорят, что они вывозят, грабят народ, а среди них есть, наверное, нормальные люди.

Гринберг: Есть люди, которые занимаются благотворительностью, богатые люди, и надо сказать им спасибо за это, но почему-то у нас считается, что вот такие сферы жизни, как образование, наука, культура, здравоохранение, вполне могут быть переданы на откуп коммерческой сфере. А это очень неправильно. Образование, наука, здравоохранение, культура — это те сферы, где рынок не справляется. Рынок может обеспечить процветание совсем не многих. Яркий пример — футбол. Я очень люблю футбол и знаю, как плохо мы выглядим на мировой арене. Но если у вас тренеры не получают никакой зарплаты, а я знаю родителей, которые водят своих мальчиков в футбольные секции и платят за тренировку по 1,5 тыс. рублей, то это о чем говорит? Только о том, что только барчуки будут заниматься в футбольной секции, а 50–60% мальчиков из бедных семей, как правило, более талантливых, останутся за бортом. В Китае 40 млн мальчиков и девочек скрипкой занимаются. Ясно, что через несколько лет там будут выдающиеся люди. Это все должно быть бесплатно для всех.

Бузгалин: Я подчеркну: мы сегодня обсуждаем гораздо более сложный вопрос — а надо ли нам вообще создавать общество, в котором главной целью будет сверхпотребление? Или нам нужно общество велосипедов, где можно и должно ставить во главе угла здоровый образ жизни, качественное питание, а не пожирание икры, которой, говорят, на всех не хватит.

Гринберг: А что, икра — не качественное питание?

Бузгалин: Руслан Семенович, можно есть и паштет из перепелиных печенок, или что там ели в Древнем Риме. Вопрос в том, является ли это ценностью и целью. Икра является символом снобизма. Как вы думаете, может быть, стоит поставить общественную систему так, чтобы были высокие налоги и общественное мнение против паразитического потребления?

Гринберг: Я со всем согласен, кроме одного. Здесь очень большой соблазн пойти по пути декретов, указов и ограничений сверху. Это ни к чему не ведет, поэтому я думаю, что наше государство повело бы себя очень правильно, если бы не брало налогов у богатых людей с тех денег, которые идут на производство. Если он инвестирует в производство, то можно как-то освободить от налогов, но если часть прибыли идет на яхты, то можно и налог повысить, и ввести налог на роскошь, как у нас говорят. Но наше государство, к сожалению, не в состоянии отличить одно от другого: постоянно почему-то повторяют, что не могут отличить те деньги, которые идут на производство, от тех денег, которые не идут на производство.

Бузгалин: Хорошо, Руслан Семенович, подведу небольшой итог. Мы говорили о мифе, который гласит, что экономический рост, экстенсивный рост ВВП решит все проблемы. Во-первых, мы заключили, что, если есть социальное неравенство, проблема решена не будет, во-вторых — если растет не качество жизни человека, большинства людей, а чисто формальные показатели, то это может отражать что угодно — рост финансового посредничества, вывоз сырья из страны, рост спекулятивного капитала. Ну, и самый главный спорный вопрос, который мы сегодня обсуждали с радиослушателями, нужно ли нам пытаться создать через систему косвенных и прямых регуляторов приоритеты, которые зададут человеку другой тренд развития, чтобы мы не повторяли парадоксы и не упирались в тупики общества сверхпотребления, а пытались создать альтернативу. Не дефицит, не поиск в магазине какого-нибудь кусочка еды, но и не два дня шопинга в качестве высшего развлечения человека по субботам и воскресеньям. Можем ли мы создать общество, в котором человеку будет престижно ехать на работу в комфортабельном бесшумном трамвае или на велосипеде — так, как это отчасти уже происходит в Скандинавии и Китае?

Гринберг: А что делать любителям шопинга?

Бузгалин: Полюбить театр, музыку, спорт, науку, воспитание, решение экологических проблем.

Гринберг: А мне вот хочется и в театр пойти, и рубашечку купить.

Бузгалин: Руслан Семенович, давайте мы оставим на театр пять часов, а на рубашечку один. Это мое предложение.

Гринберг: Буду мерить долго!

«Половина населения России живет от зарплаты до зарплаты и тратит деньги только на еду, ЖКХ и лекарства»

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, 1883 г., том 1

**КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ
КАВЕЛИН**
(1818–1885, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Кавелин родился в семье интеллектуалов, его отец, директор Главного педагогического института, в 1818 году ставшего Санкт-Петербургским университетом, проработал с Жуковским, Тургеневым, Уваровым, был членом знаменитого литературного кружка «Арзамас». В 1835 году Константин поступает в Московский университет, учится на историко-филологическом, затем на юридическом факультетах. В 1840-е был западником, сотрудничал с Некрасовым, Панаевым, Тургеневым. Кавелин остается работать в университете, близко сотрудничает с Герценом. Учениками Константина Дмитриевича стали многие видные ученые: А.Н. Егунов — статистик, А.Н. Афанасьев — собиратель фольклора, Б.Н. Чичерин — историк и публицист. В 1848-м Кавелин возвращается в Петербург, где долго не может найти достойного места, в 1857-м — приглашен на кафедру гражданского права в Петербургский университет, одновременно преподавал старшему сыну Александру II, цесаревичу Николаю, историю, но из-за работы об освобождении крестьян его удалили из дворца. В опале до 1877 года, Кавелин занимается развитием хозяйства в своем имении Иваново в Тульской области, применял там разные передовые методы. В 1878 возглавил кафедру права Военно-юридической академии. в 1882–1884 — президент Императорского Вольного экономического общества.

О мерах к оживлению деятельности общества и улучшению экономических условий сельского хозяйства в России. Константин Кавелин

Во все эпохи своей деятельности Вольное экономическое общество служило трибуной для самых передовых людей России. Известный прогрессивный ученый-правовед, знаменитый петербургский профессор Константин Кавелин занимал пост президента Общества в 1882–1884 годах, и многие идеи, которые он заложил в свою программу развития Императорского ВЭО, перекликаются со взглядами сегодняшних ярких представителей Общества.

По званию президента Императорского Вольного экономического общества, я тотчас же по вступлении в должность старался ознакомиться с положением его дел и ходом его занятий. Как ни коротко время, протекшее с тех пор, но относительно общего направления деятельности Общества во мне успели сложиться довольно определенные мысли и взгляды, которыми считаю обязанностью поделиться с гг. членами Совета. Для меня лично было бы гораздо выгоднее не спешить с моими сообщениями и дать им вполне вызреть и окрепнуть; но многие веские соображения побуждают меня отложить в сторону расчеты личного самолюбия. В Обществе, между его членами, замечается некоторая неудовлетворенность теперешним его положением, потребность оживить его деятельность и направить ее несколько иначе. Само избрание на высокий пост президента меня, человека без всяких прав и заслуг перед Обществом, несущего с собою только любовь к делу и родине, добросовестность и полное беспристрастие, я не мог объяснить иначе, как желанием выслушать мнение о задачах Общества стороннего лица, способного и готового откровенно высказать, что он о них думает.

Понимая так обращенное ко мне требование, я спешу исполнить перед Обществом свой долг, как я его разумею, тем более что время дорого и нужды нашего сельского хозяйства настоятельно требуют удовлетворения. Прежде всего останавливает на себе внимание некоторая несоразмерность между различными сторонами деятельности нашего Общества. С просвещенной

заботливостью и полным знанием дела следит оно за научно-техническими успехами сельского хозяйства, у нас и за границей, не оставляя ни одного из крупных и мелких явлений по этой части без внимательного рассмотрения и оценки; что же касается экономических условий, в которые у нас поставлено сельское хозяйство, то для выяснения и улучшения их делается сравнительно мало. Отчасти это объясняется случайными обстоятельствами, теперь уже устраненными; но главная причина лежит, мне кажется, гораздо глубже — именно в самом взгляде на призвание и задачи Общества.

Позволю себе остановиться на этом предмете несколько подробнее. Сельские хозяева, внимательно следящие за деятельностью Общества или обращающиеся к нему за советами и указаниями, имеют полную возможность знать все лучшее, что сделано или делается по научно-технической части интересующих их предметов. Удовлетворяя их с этой стороны, мы думаем, что достигаем цели, для которой Общество существует, и разрешаем более или менее удовлетворительно поставленные ему задачи. Так ли это? Мне кажется, что круг нашей деятельности шире, что мы призваны, не ограничиваясь одной научно-технической стороной сельского хозяйства, исследовать причины, мешающие ему развиваться в России, придумать и, сколько от нас зависит, провести меры, которые бы устранили эти помехи. Положим, сельские хозяева благодаря нам будут знать, что именно им нужно для поднятия их хозяйства; но между таким знанием и возможностью им воспользоваться, осуществить его на деле — огромная разница, весьма часто — непреодолимая бездна. При тех тяжелых условиях, в какие у нас поставлены сельские хозяева, средние и мелкие, снабдить их нужными сведениями значит сделать только половину дела. Им нужно, сверх того, помочь выбраться из крайне затруднительного положения, в каком они находятся, — положения, посреди которого улучшение хозяйства, при всей доброй воле и усилиях, оказывается невозможным. Оказать им в этом отношении возможную помощь есть наша прямая обязанность, и только выполняя её, мы станем в уровень с предстоящими нам задачами и с нашим призванием.

Говоря о сельском хозяйстве, я разумею не одно лишь земледелие и разведение полезных животных, но и те отрасли обрабатывающей промышленности, которые непосредственно тесно связаны с тем и другим и составляют необходимый их придаток, без которого они у нас существовать не могут. Всем известно, что слабое развитие этой стороны хозяйства есть одно из наших больных мест, замедляющих успешное развитие и земледелия, и торговли, как внешней, так и внутренней.

Возвращаясь к своей теме — к видимому несоответствию наших трудов с запросами и насущными потребностями сельских хозяев в России. Чтоб в этом убедиться, перенесемся мыслью из наших собраний, где сходятся и беседуют столько знающих и опытных хозяев и ученых из разных концов государства, излагая результаты своих наблюдений и выводов из наших выставок земледельческих орудий, машин, семян и других продуктов сельскохозяйственной производительности, — в наши русские хозяйства, не только мелкие и крестьянские, но и более

значительные средние, приближающиеся размерами к крупным. Что мы увидим в огромном их большинстве? Скудость, разорение, полное отсутствие первых зачатков правильного ведения дела! Те немногие из хозяев, которые понимают пользу того, что мы им предлагаем как образец, похожи на голодных, видящих во сне вкусные яства; аппетит их только раздражается напрасно, ввиду невозможности воспользоваться теми сельскохозяйственными улучшениями, с которыми мы их знакомим. Большинство столичных жителей, не давая себе труда вникнуть в действительное положение наших хозяйств в провинции, обыкновенно ищет объяснения их печального состояния в упорной закоснелости, невежестве, небрежности или бессмысленной расточительности и безобразии владельцев и крестьян. В известной мере и степени такие упреки, может быть, и справедливы; но они далеко не объясняют и малой доли причин наших сельскохозяйственных неурядиц.

Причины эти лежат гораздо глубже, именно в крайне неблагоприятных экономических условиях русского сельского хозяйства. Укажу на некоторые из них, всего более бросающиеся в глаза. Почти у всех наших хозяев, за исключением весьма немногих, владения разбросаны клочками в разных местах или находятся в чересполосице. Во всем западном краю имения обременены сервитутами. В целой Империи до сих пор существуют местами общие толоки, въезжие леса. В землях общинного владения повсеместно существует обязательный выгон скота на паровом поле, и вследствие того обязательное трехпольное хозяйство. Представим теперь себе хозяина, который понимает невозможность вести хозяйство прадедовским образом, который хотел бы завести в своей пашне многопольную систему, усилить скотоводство, ввести травосеяние, правильную эксплуатацию лесов. Может ли он мечтать об этом при описанном, неблагоприятном для культуры, устройстве его владения? Чтоб округлить свои земли, освободить их от посторонних хозяев, устроить свою пашню и свой лес сколько-нибудь удобно для правильного хозяйства, ему предстоит или войти в соглашение с участниками в его владении или требовать его выдела, если не к одному, то хоть к нескольким местам. Кто знает по опыту, как почти недостижимо округление владений тем и другим способом, сколько времени и хлопот на это потрачивается, как чрезмерно дорого обходятся такие попытки, даже в случае их удачи, тот и не подумает бросать в наших хозяев камнями за их мнимую беспечность и приверженность к прадедовскому хозяйству. А между тем устройство землевладения возможным и удобным для ведения на нем хозяйства образом есть первое, необходимое условие всякого правильного хозяйства, среднего и мелкого.

Пойдем далее. Мы, жители столиц и больших центров, указываем нашим хозяевам на лучшие семена, лучшие земледельческие орудия и машины, на лучших производителей и тому подобное. Но чтобы воспользоваться нашими указаниями, надо иметь возможность хотя бы взглянуть на все эти предметы, узнать, как ими пользоваться, как за ними ходить, как приспособить их к условиям данной местности. Всего этого из книг нельзя вычитать: нужен живой обмен мыслей с теми, кто

близко знает дело. А этой-то возможности и не существует для тех хозяев, которые живут вдали от столиц и больших центров, едва сводя концы с концами.

Читая обо всем том хорошем и полезном, что мы им предлагаем, они, т. е. огромное их большинство, должны примириться с горестным сознанием, что все это хорошее и полезное не про них писано и для них недостижимо. По этому поводу позволю себе следующее замечание. Нельзя сказать, чтобы мы, рекомендуя что-либо сельским хозяевам, не старались по мере возможности сократить их издержки на приобретение того или другого, что им необходимо иметь. Но представление о дорогом и дешевом так коренно различно в больших центрах и в провинциальных захолустьях, что цены, по нашему умеренные, далеко еще превосходят средства большинства наших хозяев, и то, что легко приобрести крупному владельцу, оказывается недоступным по цене не только маленькому хозяину, но даже и значительному числу средних. Прибавим к этому издержки упаковки и провоза, небрежность, а нередко недобросовестность продавцов, отправителей и комиссионеров, неисправность, невнимательность и хищения на железных дорогах, и окажется, что за все про все приходится хозяевам платить гораздо более того, что значится в каталогах и прейскурантах.

Недостаток денежных средств, почти поголовный между средними владельцами, и крайняя бедность огромного большинства крестьян, представляют одно из существеннейших препятствий к развитию у нас сельского хозяйства. Кто виноват в этом, сами они, деды ли их и прадеды, или посторонние тяжелые обстоятельства — этого мы здесь разбирать не станем. На кого и на что бы ни падала вина, факт несомненен, и расследованием вины горю не помочь, а надо подумать, как ему пособить.

У большей части средних владельцев имения заложены на крайне обременительных условиях. Наши поземельные кредитные учреждения взимают по 7,5–8,5%. Такого дорогого кредита не в состоянии выдержать в настоящее время ни одно имение, как бы оно хорошо устроено ни было. Что касается мелких владельцев и крестьян, то они не пользуются никаким поземельным кредитом, кроме частного, еще более обременительного, чем из кредитных учреждений. Ко всем этим горестным условиям, мешающим нашему сельскому хозяйству подняться на ноги, надо еще прибавить крайне тяжелые условия сбыта сельских продуктов. Местная их торговля находится почти исключительно в руках мелких барышников и скупщиков-кулаков, которые, пользуясь крайней нуждой производителей, ставят при покупке и продаже какие хотят цены, покупают у них безбожно дешево, продают им непомерно дорого. Что делать хозяевам? Не имея средств, вследствие крайне стесненного положения или бедности и нищеты и отсутствия кредита, бороться с местными монополистами-торговцами, они вынуждены, скрепя сердце, подчиниться условиям, которых изменить не могут.

Все «Труды Императорского Вольного экономического общества» размещены на сайте ВЭО России — veo.org.ru

INFLATION TARGETING MYTH

Economic myths are not created by chance, they are born of reality. Reality itself has turned money into a universal equivalent and a value with which you can measure anything, even love, friendship or human traits. There is a paradoxical situation in our economy: it seems that only the market exists and nothing else; the totality of the market controls everything today. But it hasn't always been like this, and today there are certain areas where no market is present. And here are the two myths that we will discuss today: inflation targeting as a universal key to solving all problems, and the premise that doubling GDP will make the situation in our country just fine.

Panelists:

Alexander Buzgalin
 Director of the Institute of Socio-Economics of the Moscow
 University of Finance and Law,
 Member of the Board of the FES of Russia, Source,
 Doctor of Economics, Professor

Ruslan Grinberg
 Chief of Research at the Institute of Economics of the Russian
 Academy of Sciences, Corresponding Member of the
 Russian Academy of Sciences,
 Vice President of the FES of Russia

Buzgalin: Why isn't the increase in GDP and low inflation a panacea for all ills? Or am I confused?

Grinberg: There are indeed certain myths in today's economics and economic knowledge, established clichés, and they can be said to harm the economy itself. I remember this joke: "Why study economics? – In order not to fall for the economists' bait." In general, economics is a science in which passions run high. When studying the economic life of a society we should generally distance ourselves from our own ideals. If you have an ideal, then you already have a prejudiced outlook.

Buzgalin: Ruslan Semyonovich, this is both true and not true. I immediately recalled The Wizard of Oz, so that our radio listeners would not be too intimidated by "science-speak". The Wizard made all citizens wear green glasses, so that everyone could see the city was truly an emerald city where ordinary glass beads looked like emeralds. In the same way everyone wears their glasses in economics, but at the same time everyone has their own interests dictating them what glasses to wear. And when someone says targeting inflation is enough and nothing else needs to be done, isn't that someone probably acting in someone else's interests?

Greenberg: Of course. Keynes has a very good

saying to the effect that politicians who think they are following a certain policy because God told them to do so, are in reality just doing what they learned in university.

Buzgalin: And, maybe, they say what they think is best for them?

Grinberg: I see where you're going with this. I think interests are important, and here, of course, different interests come into conflict: employers have one theory, wage earners have another theory.

Buzgalin: Yes, especially if we call them the class of proprietors of the means of production and wage-workers, or capitalists and toilers.

Grinberg: We studied at the Economics Faculty of the Moscow State University, where political economy was our main subject. My personal view of that time: you never understood who was more important to the economy – the employer who creates jobs or invests, or the worker who creates demand. And this conflict had been going on for 300 years...

Buzgalin: And it's called capitalism!

Greenberg: And it's called capitalism. But to give a brief answer to your question, there is indeed a fetishization and idealization of the acceleration of growth.

Buzgalin: Not even acceleration, just growth. What acceleration are you taking about! Currently we are happy with a mere 2%.

Greenberg: Yes, we have 2%, and many believe we need as much as 5%. And why 5%? Really, what does a person need? A person needs a shelter, food, good education, medicine, he needs education for his children.

Buzgalin: The ability to lead a healthy life and have interesting work.

Greenberg: That's true. How many people in the world make money on their hobbies?

Buzgalin: Unfortunately, very few.

Greenberg: I saw different numbers, but in some countries the percentage is as high as 25-30%.

Buzgalin: Few from one perspective, and many from another, because even in Russia, which is not the richest country in the world, to put it mildly, creative people in mass professions, doctors, teachers, engineers, designers, librarians, museum workers, those truly cultured people, even though they don't earn much, they often become offended when they are told they should become businessmen to earn more, because they don't want it, and not because they can't, but because they are happy with what they do. In my opinion, at this point we can formulate the problem, and I will do so in a straight manner. In itself, the increase in production can go different ways: it can be an increase in the production of luxury goods, it can be an increase in the sales of oil, gas and any other mineral extracted from the earth, plus some minimal processing, transportation, with office plankton feeding on those minerals and those people who throw them tasty morsels. This is option number one for GDP growth. You can also assemble more cars or, perhaps, sew more Hugo Boss suits in Ivanovo, attaching the correct label, so they could be sold \$5,000 or \$10,000 apiece, I don't know, I haven't bought any of them.

Greenberg: Excuse me, let me interrupt you. I want to say why we shouldn't fetishize growth: we had fat years when oil prices started to rise, and the growth was 6.7%.

Buzgalin: A quick reminder, it was between 2000 and 2007.

Greenberg: Until 2008-2009, until the crisis. But how were the fruits of the growth divided? Today, the world is a horrific place in terms of inequality. Despite the fact that everyone has already understood – even the ultra-right-wing liberals, even in Davos, they say that 8 people in the world – people, not percent – control 50% of all the world's riches! And what do we have to gain from this growth, when all its fruits went to these 8 people.

СОБЕСЕДНИКИ

Анастасия Олеговна Алехнович,
глава Экспертного центра при Уполномоченном при
Президенте Российской Федерации по защите прав
предпринимателей, директор Института экономики
роста им. П.А. Столыпина

Кирилл Михайлович Никитин,
председатель Комитета по налоговой и бюджетной
политике «Деловой России»,
директор Центра налоговой политики экономического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Руслан Семёнович Гринберг,
научный руководитель Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН, вице-президент ВЭО России

Игорь Алексеевич Николаев,
директор Института стратегического анализа,
компания ФБК

Сергей Юрьевич Глазьев,
академик РАН, советник Президента РФ

Михаил Владимирович Ершов,
главный директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов,
профессор Финансового университета при
Правительстве РФ,
член Президиума ВЭО России, д. э. н.

Абел Гезевич Аганбегян,
заведующий кафедрой экономической теории
и политики РАНХиГС, академик РАН

УМНАЯ НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА

ПРОЕКТ НАЛОГОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ В КООРДИНАЦИОННОМ КЛУБЕ ВЭО РОССИИ

Представители ведущих экономических институтов, экономисты и юристы-практики начали на площадке ВЭО России предметный разговор об изменении структуры налогообложения и приглашают присоединиться к дискуссии все заинтересованные стороны, планируя провести цикл встреч для обсуждения концепции налоговой реформы.

Надежда Петровна Мельникова,
профессор Департамента налоговой политики и
таможенно-тарифного регулирования Финансового
университета при Правительстве РФ

Михаил Давыдович Абрамов,
президент АНО Экспертно-аналитический центр по
модернизации
и технологическому развитию экономики

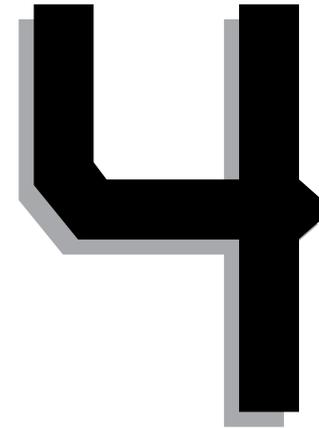

Кирилл Семёнович Тетерятников,
генеральный директор Группы независимых
консультантов

Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
научный руководитель Финансового университета при
Правительстве РФ, вице-президент ВЭО России,
член-корреспондент РАН

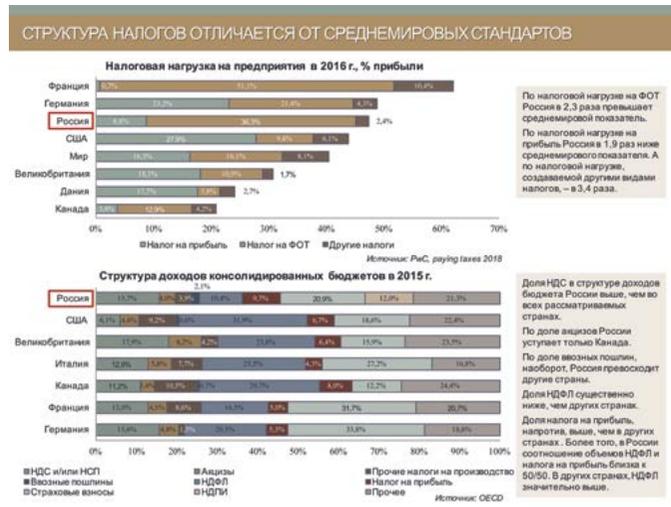
По материалам экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России от 30.11.2017 г.

Что у нас с налогами

Алехнович: Мы рассчитываем, что это будет цикл экспертных обсуждений, встреч, споров, я думаю, достаточно острых, концепции налоговой реформы, которую разработала команда Института экономики и роста им. Столыпина вместе с экспертами Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Кирилл Михайлович внес огромный вклад как общественный деятель и как ученый — его налоговый центр в МГУ сейчас один из лучших в стране. Итак, по итогам Послания Президента в декабре прошлого года было дано поручение Правительству Российской Федерации разработать основные направления налоговой политики на 2019 и последующие годы. Судьба этого поручения дальше нам неизвестна. Мы знаем только о некоторых попытках Министерства финансов и Министерства экономического развития обсуждать какие-то отдельные решения, выдернутые из контекста, на наш взгляд.

К сожалению, мы видим, насколько усложнилась ситуация с выполнением обещания Президента не увеличивать налоговую нагрузку на бизнес. Мы видим, как усложнилась ситуация у региональных бюджетов, связанная как раз с дисбалансом в части налоговой системы. Мы видели и анализировали бюджет и понимаем катастрофичность некоторых решений, которые в него заложены. На наш взгляд, часть этих решений происходит из-за того, что у нас до сих пор не принята единая стратегия социально-экономического развития России, которая не просто является каким-то методическим, научным документом, а руководством к действию. У нас до сих пор не сформирована современная налоговая политика хотя бы на уровне концепции. Мы все видим последствия точечных, выдернутых из контекста решений.

Позволю себе коротко пробежаться по проекту. Концепцию налоговой политики Российской Федерации мы разрабатывали и нацеливали принципиально на два этапа: 2017–2019 и 2020–2025 годы. Это является частью и продолжением большой работы по Стратегии роста, которую мы внесли ранее и с которой вы все знакомились. Мы не смогли не отразить в этом документе основные параметры нашей текущей налоговой системы, то есть некоторые исходные данные в сравнении с миром.

Структура налогов России отличается от среднемировых стандартов. Налоговая нагрузка на предприятия — на одном из самых высоких уровней, на уровне развитых стран. По общему объему налогов на корпоративный сектор нагрузка в 2,3 раза превышает среднемировой показатель.

Текущая налоговая политика, к сожалению, усугубляет социальное неравенство, то есть не исполняет одну из функций налоговой системы. Неравенство — в секторах, в регионах и между слоями населения.

Налоговая нагрузка на физических лиц и на труд у нас не является льготной в сравнении с другими странами, это надо признать. Мы взяли модельную семью в Германии и в России —

семейная пара с двумя детьми, когда один супруг не работает или оба работают. Если сравнить, какая в процентном отношении часть дохода остается в семье — в Германии несравненно больше. Налоговая нагрузка на фонд оплаты труда у нас в 2,3 раза выше среднемирового показателя. На наш взгляд, это как раз дестимулирует создание высокопроизводительных рабочих мест.

Мы также понимаем, что у нас, к сожалению, налоговая нагрузка — в пользу богатых. Мы видим, что обеспеченное население, та небольшая часть, которая относится к этой категории, фактически выходит из-под налогообложения, так как получает доходы в виде дивидендов от соб-

ственных предприятий. Также им до сих пор доступны офшорные схемы, что бы мы ни делали с вами, именно как физическим лицам.

Уровень налоговой нагрузки в корпоративном секторе у нас выше среднемирового. К сожалению, и общая налоговая нагрузка, и нагрузка на фонд оплаты труда растут.

Уровень изъятия денег из экономики у нас крайне высок и не оставляет предприятиям ресурсов для развития.

Никитин: В основных направлениях налоговой политики, затем в основных направлениях консолидированных налоговой и таможенно-тарифной бюджетной политики Министерство финансов регулярно публикует выкладки о сравнении уровня изъятия в консолидированную бюджетную систему Российской Федерации со многими странами.

Нам представляется, что логика Министерства финансов, заложенная в этом сравнении, является порочной по одной очень важной причине. Давайте представим себе, что мы с вами на бытовом уровне в семье имеем один и тот же уровень доходов в Москве и в Вашингтоне. Один и тот же уровень доходов, одну и ту же зарплату, один и тот же уровень цен на недвижимость и так далее и тому подобное. Мы с вами прекрасно

понимаем, что при той же зарплате и при совершенно иной доступности кредитных ресурсов я в Вашингтоне куплю себе дом в два раза больше или квартиру куплю себе в два раза больше, потому что доступность более дешевого кредита позволяет при том же уровне доходов обеспечить совершенно другую доступность того же самого жилья.

Теперь давайте перенесем ту же самую логику на промышленные предприятия, на производственные предприятия, на бизнес. Предположим, что мы все свои налоговые платежи посчитали,

НЕРАВЕНСТВО ДОХОД НАСЕЛЕНИЯ – НА СТАБИЛЬНО ВЫСОКОМ УРОВНЕ

Коэффициент фондов – отношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных граждан.

Источник: Росстат

Коэффициент Джини – мера экономического неравенства населения (неравенства в доходах), где 0 – ситуация идеального равенства (доходы всех социальных групп одинаковы), 100 – все доходы приходится на 10% самых богатых граждан. Представлены данные из базы human development report

Источник: Human Development Report

сравнили с американскими, германскими, индийскими, китайскими. При этом одинаковый уровень изъятия при совершенно разной доступности кредитных ресурсов ставит предприятия в совершенно разные условия. И с этой точки зрения при недоступности кредитных ресурсов и при дороговизне кредитных ресурсов, к сожалению, основным источником развития становятся собственные средства предприятия, а это означает, что нагрузку на прибыль и нагрузку на оборотные фонды за счет НДС нужно снижать и обеспечивать на уровне гораздо более низком, чем в сопоставимых странах. Вот это наша ключевая вводная.

И когда мы видим, что у нас уровень изъятия колеблется в пределах от 30 до 35%, какая, собственно, разница, как он обе-

спечивается? Структура налоговой нагрузки тоже важна, потому что, начиная бизнес, вы в первую очередь беспокоитесь по поводу налогов на имущество, на землю, налогов на отвлечение оборотного капитала, то есть НДС, нагрузка на прибыль вас вообще не интересует — она может быть 20, 10 или 70%. Дайте мне сначала заработать эту прибыль. Когда эта прибыль появилась, то давайте говорить о том, что мы делаем с этой прибылью? Реинвестируем или распределяем, отправляем на потребление и так далее. Если мы ее реинвестируем, то тогда инвестируемая прибыль должна освобождаться от налога или налоговая нагрузка на нее должна так или иначе уменьшаться.

Важный момент, о котором говорила Анастасия Олеговна, — это нагрузка на факторы производства, нагрузка на основной капитал. Мы только что получили дополнительный скачок налоговой нагрузки за счет разрешения с 2018 года субъектам Федерации облагать движимое имущество по ставке 1,1%, а с 2019 года — по ставке 2,2%. Хотим мы заниматься переоборудованием или не хотим? Мы увидели в федеральном бюджете на 2018 год также и предложение по утилизационному сбору на

производственное оборудование. Мы еще ни разу не видели никакой отчетности по поводу использования других утилизационных сборов. Мы утилизацию за счет предприятий производили или просто пока собирали эти взносы?

В общем, мы видим увеличение нагрузки, и, конечно, структура налогов нас, наверное, не удовлетворяет.

Алехнович: У нас налоговая нагрузка на уровне стран с высокой производительностью труда — США, Германией, Францией. На наш взгляд, вводя эти новые налоги на модернизацию, на обновление, мы сами перекрываем возможность к модернизации даже на уровне отдельных предприятий, дестимулируем их. И все это на фоне дорогих кредитов, растущих административных издержек и растущих тарифов. Мы, на наш взгляд, еще идем и по пути усугубления ситуации и проблем, которые у нас есть.

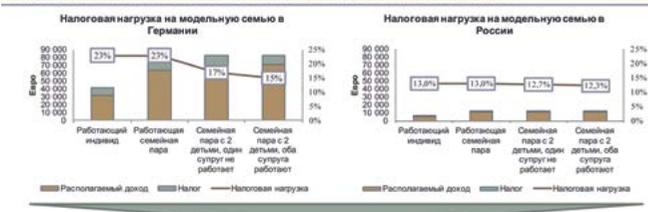
Все это не может не сказываться на рентабельности активов организаций. Мы видим то, что она падает. Малый и средний бизнес производственный просто выживает сейчас.

Хочется остановиться и на огромном теневом секторе, который у нас не платит налоги. Это — еще один фактор, который усугубляет текущую ситуацию и ограничивает маневры. И те решения, которые мы проводим, особенно в последнее время, которые де-факто увеличивают налоговый нагрузку на бизнес, этот теневой сектор, к сожалению, только наращивает.

Никитин: На протяжении нескольких лет премьер-министр, Правительство акцентируют один и тот же принцип, говоря о том, что налоговая нагрузка на добросовестных налогоплательщиков остается статичной, не увеличивается.

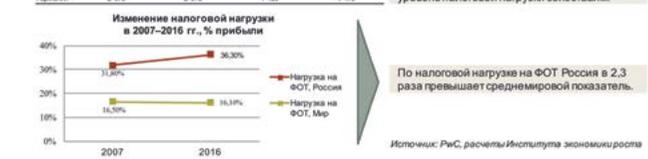
Это — своего рода интерпретация обещания президента, данного в 2014 году, на четыре года зафиксировать налоговую нагруз-

НАЛОГОВАЯ НАГРУЗКА НА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И НА ТРУД НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЛЬГОТНОЙ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ

Страна	Работающий индивид	Работающая семейная пара	Семейная пара с 2 детьми, один работает	Семейная пара с 2 детьми, оба работают
Россия	407	407	239	239
Германия	2 673	2 673	1 430	1 475

В России уровень доходов, с которых взимается налог, по сравнению с развитыми странами чрезвычайно низок. При этом уровень налоговой нагрузки сопоставим.

По налоговой нагрузке на ФОТ Россия в 2,3 раза превышает среднемировой показатель.

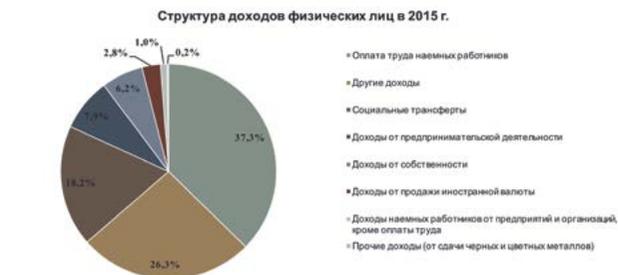
Источник: РИС, расчеты Института экономики роста

ку. Но при этом давайте углубимся в интерпретацию этого тезиса и посмотрим, что происходит. Руководитель Федеральной налоговой службы на регулярной основе раз в полгода докладывает президенту об успехах в росте сбора. Последний раз мы услышали цифру 30% по сравнению с аналогичным периодом 2016 года.

Давайте теперь подумаем: у нас раньше было предприятие белое и предприятие черное, одно не платило налоги, другое платило налоги за себя и за черное предприятие. Теперь у нас оба предприятия белые. Вопрос: почему мы платим их по-прежнему по той же самой ставке? Почему вдруг при росте собираемости мы фиксируем неизменность налоговой нагрузки? На мой взгляд, каждый процентный пункт увеличения собираемости за счет вывода экономики из тени в свет должен сопровождаться процентным пунктом снижения налоговой нагрузки на белый сектор экономики. Мы видим по Федеральному фонду социального страхования, как его руководитель регулярно докладывает о профицитности как о большом успехе. Но если вы собираете больше, чем вам нужно, то это не

ЧАСТЬ ДОХОДОВ НАИБОЛЕЕ ОБЕСПЕЧЕННОЙ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ НЕ ПОДЛЕЖИТ СУЩЕСТВЕННОМУ НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ

Существенная часть доходов не облагается страховыми платежами. В частности, доходы от собственности, куда входят дивиденды и доходы от продажи недвижимости. При этом доля малоимущих¹, занятых в экономике, достигла в 2016 г. 12,1 млн человек².

¹Граждане с доходами ниже МРОТ
²По данным Аналитического центра при Правительстве РФ

повод для вас изъять эти деньги в федеральный бюджет, это повод пересмотреть ставку.

В общем случае тезис, который мы формулируем в рамках программы умной налоговой политики, очень простой: улучшаем собираемость, возвращаем налогоплательщикам, бизнесу дополнительные сборы за вычетом инфляционного компонента. Улучшили собираемость НДС — двигаемся к 12-процентной ставке НДС, которая есть в Казахстане. Весь бизнес стонет в первую очередь по поводу крайне завышенной нагрузки на фонд оплаты труда. Снижайте эту нагрузку, потому что задача дополнительных сборов — не найти способ их потратить, а вернуть наконец бюджетной системе логику того, что дополнительные сборы могут казаться просто лишними.

Идеи изменений в Бюджетный кодекс

Алехнович: Идея изменений в бюджетное право, которое мы предлагаем ввести, — простая и понятная. У нас есть огромный потенциал за счет детеневизации и снижения ставки увеличить собираемость без ущерба для рентабельности и работы бизнеса.

Самая большая доля налоговых поступлений приходится на сырьевой сектор, мы это признаем безусловно. При этом, по данным ФНС, самая высокая налоговая нагрузка ложится не на сырьевой сектор, а на прочие коммунальные и социальные услуги, сельское хозяйство и обрабатывающее производство. Налоговая нагрузка на прибыль у нас самая низкая в операциях с недвижимым имуществом, торговле, финансовой деятельности.

Если из общего объема налогов вычесть ДПИ, то налоговая нагрузка на предприятия сектора добычи вообще де-факто оказывается минимальной. Я призываю науку, наши университеты, наши вузы обратить внимание на эти данные. Это очень интересная исследовательская задача.

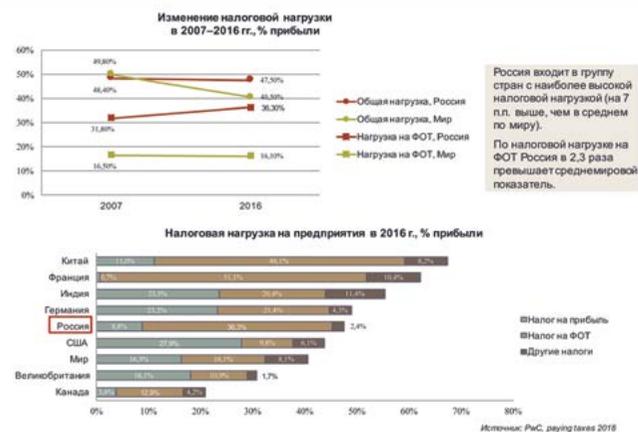
Далее — налоговая нагрузка на крупные предприятия. У нас максимальные поступления, естественно, от крупных предприятий, однако самая высокая налоговая нагрузка, то есть прямое дестимулирование, — на малые и средние предприятия, обрабатывающего сектора в том числе. С учетом того, что крупные предприятия у нас возмещают НДС, это еще усиливает дисбаланс.

Избыточная централизация налоговой системы — этот факт уже все признают. После реформы 2004 года муниципальные бюджеты и их доля доходов ВВП стремительно падает. Это проблема, которую регионы ощущают особенно остро. Фактически местные власти не мотивированы к созданию условий для бизнеса, инвесторов, развития. При этом от них зависит очень много. Более 500 полномочий — это муниципальный уровень. Подключение, налоги, тарифы на местном уровне — это их прерогатива. И мы видим, как любое поручение самого высокого уровня от Президента по улучшению инвестиционного климата сталкивается на местном уровне в лучшем случае с непониманием, а в худшем, к сожалению, с сопротивлением.

Доля консолидированного бюджета Москвы в консолидированном бюджете субъектов РФ — 19%. Понимаете, насколько сильна диспропорция у нас между доходами в бюджет?

Мы, понимая всю серьезность ситуации, то, что это затрагивает огромное количество интересов, все уровни госуправления, считаем, что сейчас необходимо перейти к созданию умной налоговой системы. Сейчас налоговая система играет

ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ

исключительно фискальную роль и не обеспечивает другие функции, которые может и должна обеспечить.

Нужно отметить, что у нас есть большие проблемы с анализом данных, информационный голод при принятии управленческих решений, а цена ошибки очень высока.

Конечно же, мы говорим о том, что нужно эшелонировать принятие налоговых мер: в соответствии с этапами активизации экономического роста проводить и налоговую политику. На первом этапе, конечно же, нам нужно сделать акцент на тех налоговых мерах, которые позволят привлечь инвестиции в высокотехнологичные инвестиции прежде всего, обеспечат развитие предпринимательской активности и выход бизнеса из тени, диверсификацию экономики и снижение сырьевой зависимости.

Главные направления реформы на первом этапе: общее снижение налоговой нагрузки минимум до 35% от прибыли, детеневизация МСП, деофшоризация, стимулирование модернизации, повышение производительности труда и, как следствие, рост налогооблагаемой базы, отраслевая региональная диверсификация, ликвидация излишней нагрузки и неравенство в доходах населения, налоговое бюджетное стимулирование властей различного уровня к привлечению инвестиций и перераспределение доходов между различными уровнями бюджета.

Мы выделяем пока два этапа. На первом — без серьезного изменения структуры налоговой системы внедрить инструменты перехода налоговой политики от исключительно краткосрочных фискальных целей к целям стимулирования стабильного экономического роста. И второй этап — это уже тонкая настрой-

ка налоговой системы, но об этом можно будет говорить только при достижении показателей экономического роста.

Мы делим все меры на группы решений: это микро- и малый бизнес; повышение конкурентоспособности и рост производственных предприятий; социальное выравнивание разницы между доходами богатых, богатейших граждан и групп с низкими доходами; изменение системы распределения доходов между уровнями бюджета; стабильность налогового законодательства.

На первом этапе необходимо создание информационно-аналитической системы «Электронная экономика 1.0». Пора объединить базы Казначейства, ФНС, ФТС, пенсионных фондов. У нас катастрофический перекоп в данных по развитию экономики регионов. Не устранив это, ни о каких серьезных решениях мы не можем сказать.

УРОВЕНЬ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ РАЗВИВАТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНУЮ ЭКОНОМИКУ

В России невыгодно производить: общие издержки компаний растут – рентабельность падает

Return on assets, ROA = (Чистая прибыль/Средняя стоимость активов)*100%, характеризует прибыль, получаемую предприятием с каждого рубля, потраченного на формирование активов. В 2011–2014 гг. рентабельность активов крупных предприятий значительно снижалась (с 6,5% до 2,5%), в 2015–2016 гг. произошло восстановление, но показатель все равно находится ниже значений 2011 года.

По итогам II квартала 2017 г. число банкротств в экономике вновь увеличилось: на 2,8% относительно предыдущего квартала и на 5,4% – относительно II кв. 2016 г. Интенсивность банкротств за квартал увеличилась практически во всех отраслях. Число банкротств юридических лиц в I и II квартала 2017 г. составило 3080 и 3326 соответственно.

*Итоговая численность официально ликвидированных организаций за отчетный период в среднем по количеству организаций, участвовавших в формировании активов и статистическое соотношение по данным государственного реестра субъектов малого и среднего предпринимательства за отчетный период, рассчитанное на 1000 организаций

Нет спроса — нет изменений

Гринберг: Мне кажется, есть упрощенное представление о том, что бизнес в России готов на разные революционные изменения, на очень активную предпринимательскую деятельность, и ему мешает налоговая система...

Я смотрю на это по-другому. Мне кажется, что одна из самых главных проблем России и российской экономики в том, что у нас нет предпринимательской активности, предпринимательского аппетита, жадности, если хотите, какая должна быть у предпринимателей, потому что неизвестно, что производить. Мой опыт общения с малым и средним бизнесом говорит о том, что когда вы живете в этой среде и вы видите, что ваши товары и услуги продаются, то вы не особенно обращаете внимание на налоговую нагрузку...

У нас нет малого бизнеса, потому что нет и большого, а если

есть большой бизнес, он не нуждается в малом бизнесе. В той же Германии или Италии малый бизнес борется за заказы большого бизнеса, и это создает серьезную величину ВВП. В России МСП, я считаю, абсолютно эффективный и вполне нормальный. Другое дело, что у него ниша есть только такая — торговля, строительство и услуги.

Мне кажется, что это обстоятельство надо учитывать. Если у вас нет стратегии облагораживания индустриального ландшафта страны, то вы тогда не можете думать о налоговой системе, она может быть только вторичной после того, когда у вас есть более-менее серьезное целеполагание. А наше Правительство не хочет этим заниматься. Оно идет нам навстречу, когда мы говорим о том, что нам нужно индустриальную политику, — пожалуйста. Долго-долго мы их уговаривали, что индустриальная политика — это не плохое, не архаическое сочетание слов. Теперь пожалуйста. Закон хотите — пожалуйста, стратегическое планирование хотите — пожалуйста. Но это не меняет сути дела.

ОСНОВНУЮ ДОЛГУ НАЛОГОВ ПЛАТЯТ КРУПНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ, МЕНЬШЕ ВСЕГО — СРЕДНИЕ

Более ¾ налогов юридических лиц поступает от крупных предприятий

Во-первых, крупным предприятиям сложнее уходить в тень. Во-вторых, в России число средних предприятий — являющихся основными налогоплательщиками в других странах — составляет лишь 20 235 единиц¹. Налоговая нагрузка стимулирует средние предприятия не к росту, а к дроблению.

¹Согласно реестру МСП от 10.09.2017 ²Поступления, администрируемые ФНС. Источник: ФНС России

Прибыль минус убытки

Николаев: Сейчас некоторые макропоказатели у нас хорошие, но есть важный финансовый показатель — сальдируемый финансовый результат — и он демонстрирует очень нехорошую тенденцию. Январь, сентябрь 2017 года — минус 8,8% к январю — сентябрю 2016 года. Финансовое состояние предприятий, если сравнивать с прошлым годом, становится хуже, а в некоторых видах экономической деятельности совсем плохо. В строительстве — минус 66,4%, в оптовой и розничной торговле — минус 22,3 по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. В целом по экономике сальдированный финансовый результат, то есть прибыль минус убытки, существенно хуже, чем в прошлом году.

То есть у нас происходит повышение налоговой нагрузки в условиях, когда финансовое состояние ухудшается. Вот это еще очень важно иметь в виду и, я считаю, делать акцент на том, что ставки основных налогов не равны налоговой нагрузке.

По данным Росстата количество занятых в неформальном секторе (в возрасте 15 лет и старше) на июнь 2017 г. составило 14 678 тыс. человек (или 20,3% от общей численности занятого населения). В 2017 г. доля россиян, которые за последний год хотя бы иногда работали неофициально или за зарплату в конверте, выросла с 40,3% до 44,8% от общего числа занятых — это почти 33 млн человек (опрос РАНХиГС). Рост в абсолютных цифрах составил 3 млн человек за год. По данным национального бюро экономических исследований США объем российских активов, хранящихся в офшорах, достигает 60% ВВП. Богатство, выведенное россиянами в офшоры с 1990 г., к 2015 г. составило около 75% национального дохода страны.

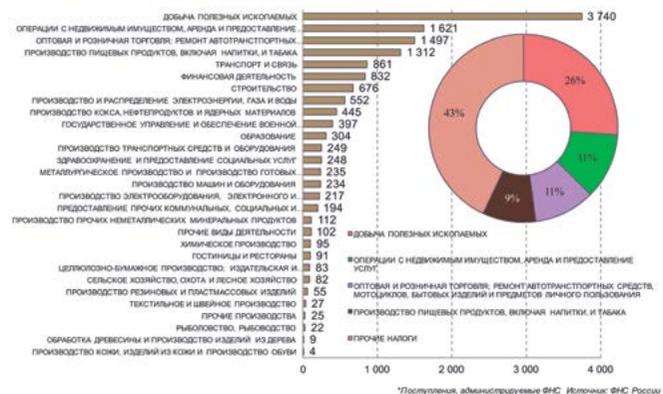
Диспропорции системы

Глазьев: Я кратко хотел бы обратить внимание на диспропорции налоговой системы и сразу скажу о рекомендациях. Первая диспропорция, на которую постоянно обращал внимание академик Львов, — в том, что у нас самым недооцененным фактором производства является труд, который, замечу, по объему заработной платы, доле заработной платы в выпуске продукции у нас — один из самых низких. То есть степень эксплуатации труда, если брать на единицу заработной платы, в России в три раза выше, чем, скажем, в Европейском союзе. И труд, самый недооцененный фактор по сравнению с природными ресурсами, в какой-то степени с капиталом, является главным фактором налогообложения. НДС, налог на прибыль, выплаты по фонду Соцстраха — это все труд. Это первая диспропорция, которая, конечно, должна быть устранена.

Две другие диспропорции были указаны: реальный сектор платит больше, чем посредники, и регионы получают меньше, чем централизованная бюрократия. Вопрос, как исправлять эти диспропорции? Исходя из оценки вклада разных факторов в национальный доход, очевидно, что главным фактором у нас на сегодняшний день является природный ресурс. Исходя из этого и была выдвинута идея про природную ренту в качестве основы, главного фундамента налоговой системы. Частично она была реализована. Сейчас экспортные пошлины постепен-

СУЩЕСТВЕННАЯ ДОЛЯ НАЛОГОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ ПРИХОДИТСЯ НА СЫРЬЕВОЙ СЕКТОР

Более четверти объема налогов юридических лиц* приходится на сектор добычи полезных ископаемых и почти треть — на сектора посреднических услуг

но убираются под давлением наших обязательств перед ВТО. Я считаю, что это абсолютно неправильная вещь. Нам нужно сохранять налогообложение природных ресурсов, природный ренты в качестве фундаментальной основы всей шкалы налоговых поступлений. Их можно, конечно, заменять. Сейчас идет дискуссия, НДС (налог на добычу полезных ископаемых) или НДС... Я считаю, что надо сохранять и усиливать экспортную пошлину либо НДС (налог на добавленный доход), вводить НДС — это не решение вопроса.

Еще одна серьезная диспропорция — потребление накопления. У нас налоговая система угнетает накопления. Об этом здесь говорилось. А я хочу обратить внимание, что введение прогрессивного подоходного налога (есть расчеты на эту тему) в обмен на ускоренную амортизацию позволяет примерно 5 триллионов рублей высвободить для инвестиций...

Еще одна диспропорция: у нас фактически не учитывается главный фактор экономического роста — научно-технический прогресс. Если в большинстве стран мира на 1 рубль (доллар) затрат на НИОКР платится премия, в разных странах от пол-единицы валюты до полутора единиц, то у нас по-прежнему все НИОКРы облагаются налогами...

В свое время мы проводили большое исследование по поводу НДС и доказали, что НДС — это самый главный враг экономического роста, и попытки просто снижать НДС — это не решение проблемы, надо его отменять. Кроме того, есть инфляционный налог, налог на труд и т. д. — налогом облагается все, что прогрессивно. Это душит экономическое развитие. Я помню дискуссию, когда НДС вводился, Гайдар тогда говорил, что, поскольку будет высокая инфляция, надо вводить НДС, потому что все страны так

делали при переходных режимах, и при высокой инфляции НДС гарантирует бюджету текущие поступления. Но раз у нас инфляции сегодня нету, значит, самое время вспомнить об отмене НДС и замене, например, налогом с продаж. Замечу, что эффективность НДС, сбор НДС составляет всего лишь одну десятую, то есть начисляется в 10 раз больше, чем реально взимается, и этим делом занимаются 2 миллиона бухгалтеров, которые могли бы заняться чем-то более полезным для развития экономики.

Снизить НДС

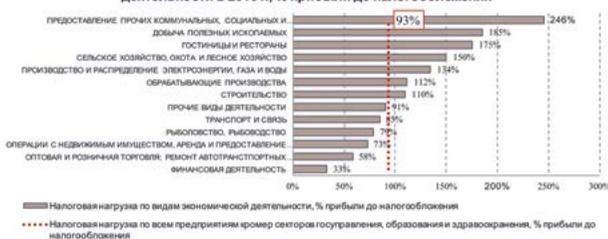
Ершов: Сейчас перед нашей экономикой ставится двойная задача среди многих других — стимулирование роста (давнишняя тема) и повышение качества этого самого роста. А это вещи довольно несовместимые, потому что вы не можете одновременно и ускорять движение, и шлифовать технику. Сначала вы тренируетесь, а потом уже более быстро бежите. Но есть исключения. И в том числе НДС, о котором сегодня много раз говорилось, и Сергей Юрьевич тоже чуть-чуть упоминал — это, в принципе, на мой взгляд, тот рычаг, который позволяет успешно совмещать эти вещи.

Ведь любое снижение налогов (НДС не НДС, все то, о чем мы сегодня много раз говорили), в принципе, высвобождает ведение бизнеса и позволяет этому бизнесу развиваться более быстро, при этом снижение налога на добавленную стоимость делает

У ПРЕДПРИЯТИЙ СЫРЬЕВОГО И РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА НАГРУЗКА ВЫШЕ (1/2)

- Налоговая нагрузка от прибыли самая высокая:**
 - прочих коммунальных и социальных услугах
 - сельском хозяйстве
 - обрабатывающих производствах
- Налоговая нагрузка от прибыли самая низкая:**
 - операциях с недвижимым имуществом
 - торговле
 - финансовой деятельности

Налоговая нагрузка¹ на предприятия² по видам экономической деятельности в 2016 г., % прибыли до налогообложения

¹Налоговая нагрузка по видам экономической деятельности, % прибыли до налогообложения
²Юридические лица на ОСН

Источники: ФНС России, расчеты Института экономики роста

главным бенефициаром от такого снижения отрасли с более высокой добавленной стоимостью, то есть более продвинутые отрасли: не сырье, а технологии. Таким образом, если мы снижаем НДС, то, по сути, достигаем двойного эффекта: мы облегчаем для бизнеса более быстрое развитие, но в этом более быстром

развитии делаем главным драйвером роста более высокотехнологические отрасли, которые начинают вытягивать за собой все остальное. Тем самым эти высокотехнологичные отрасли становятся более значимыми в экономическом росте: экономический рост в целом повышается и становится более высокого качества. Поэтому я считаю, что НДС, если его ставка будет настойчиво снижаться и если те трудности, о которых мы знаем, при реализации НДС, будут как-то преодолены, а эта тема стоит на повестке дня довольно много времени, то это — тот самый рычаг, который при правильном использовании позволит и повысить темпы роста, и одновременно увеличить его качество.

Налоги как стимул

Аганбегян: В кризис 2008–2009 года условия нашего социально-экономического развития коренным образом изменились и мы перестали развиваться в значительной мере за счет повышения цен на нефть, как развивались десятилетие до этого, когда цена на нефть выросла, как вы знаете, в восемь раз с 1998 по 2008 год. А налоговая система осталась ориентированной на старые условия, и поэтому в современных условиях она не состоятельна, с моей точки зрения, и не выполняет ни одной функции, которые должна выполнять налоговая система. Налоговая система прежде всего выполняет известную

функцию, а валовой продукт растет процента на 4 минимум до 2020 года. А что значит сокращается бюджет? Он тянет экономику вниз. Значит, налог даже не выполняет фискальную функцию. И понятно почему. Нельзя сделать эффективной налоговую систему, где 40% налогов с одного продукта — с нефти. Тогда вы полностью зависите в бюджете от того, как цена на нефть идет — валовой продукт растет, естественно, не только за счет нефти, доля нефти в валовом продукте ведь совсем другая, чем в налоговой системе.

Вторая функция налоговой системы — стимулирующая. Понятно, что если вы поручаете сделать налоговую систему фискальному ведомству, то какое может быть стимулирование? Это все равно что Уголовный кодекс попросить сделать милицию. Ни в одной стране Минфин никогда не разрабатывал налоговую систему. Налоговая система — это основа экономики страны, и ее должна разрабатывать, как разрабатывает Уголовный кодекс, общественность, разные представители разных течений, специалисты из разных вещей. И налоговая система — это очень важная вещь, и она должна разрабатываться какой-то общегосударственной комиссией.

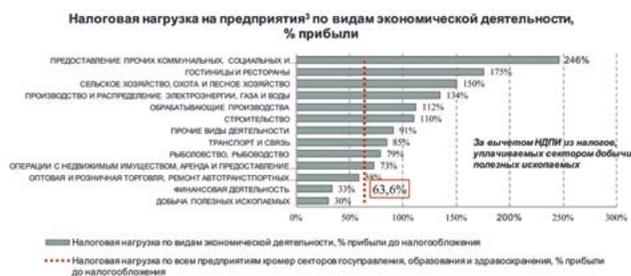
Итак, стимулирование. Вы помните, что до 2002 года включительно, если вы брали налог с прибыли, то эта прибыль не налогооблагалась. Потом мы ввели налогообложение прибыли. Какое в этом стимулирование? Как менялись инвестиции, когда сменили налог? Не освободили прибыль от налога в части инвестиций. В 2002 году инвестиции выросли до 17,4%, в 2001 году — 10%, а в 2002, когда изменились правила игры, — 2,8%! И резко сократилась, естественно, прибыль внезапно. Почему она сократилась, понятно: она ушла в тень. Инвестиции — это главный фактор экономического роста. Инвестиции невозможно увеличивать, если государство берет с сумм инвестиционный налог. Оно тем самым показывает мнение государства: «Не инвестируй». И мы довели долю инвестиций валового внутреннего продукта сейчас до самого низкого уровня в мире — 17%. Развитые страны — 20%. Как должна развиваться страна, у которой доля инвестиций 17%, а доля вложений в человеческий капитал — 13%? Ясно, что при таких параметрах, если цена на нефть не будет расти, то мы будем развиваться с нуле-

вым ростом. Если мы хотим развиваться, то два главных источника развития — это вложение в инвестиции в основной капитал и вложение средств в человеческий капитал. Это 80% всех источников развития.

Мы немножко облегчили налогообложение с информационных технологий. В годы рецессии экспорт информационных технологий из России вырос в два раза, с 3,5 триллиона до 7,6. Но что такое 7,6? Я был в городе Дальнем недавно в Китае. Это центр областного подчинения. Это даже не центр области. Там одна

НО ЕСЛИ РАЗОБРАТЬСЯ У ПРЕДПРИЯТИЙ СЫРЬЕВОГО СЕКТОРА БЕЗ ПЛАТЫ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНОЙ РЕНТЫ (НДПИ) — НАГРУЗКА НИЖЕ СРЕДНЕЙ ПО СТРАНЕ (22)

Если вычесть НДПИ, выплачиваемый сектором добычи полезных ископаемых, который в 2016 г. составил 76,4% от всех налогов¹, уплачиваемый сырьевым сектором, то налоговая нагрузка добывающей промышленности снижалась до 30%, что существенно ниже среднотраслевой налоговой нагрузки равной 63,6%².

¹Налоговая нагрузка, администрируемая ФНС

²Для расчета налоговой нагрузки сырьевого сектора и средней нагрузки по отраслям НДПИ вычитается из налогов сырьевого сектора и прибавляется к прибыли сырьевого сектора

³Юридические лица на ОСН

Источники: ФНС России, расчеты Института экономики роста

фискальную функцию, она должна обеспечивать бюджет. У нас растет валовой продукт, а сумма налогов сокращается: с 2012 года в ценах 2016 года она сокращается. В 2012 году расходы были 18,4 в ценах 2016 года, в 2016 году — 16,4. Между тем за эти годы валовой продукт не снизился. Сейчас до 2020 года бюджет в рублях не растет, а с учетом инфляции он сокра-

зона развития из трех. Построили за восемь лет. Она дает экспорт интернет-услуг и программного обеспечения в 10 миллиардов долларов! Больше, чем вся великая Россия, где математика выше. Что они хотят? Они хотят у нас учиться. Вы себе не представляете: они предлагают нам зарплату 500 000 в месяц в рублях, приезжай и получи их. Но мы не умеем коммерциализировать свои знания. А почему мы не умеем коммерциализировать? Потому что ни льгот, ни условий для этого, естественно, нет.

35% у нас налоговая нагрузка. В США — здесь упоминалось, что одинаково — к сожалению, нет. В США она — 29%. Выше нагрузка только в Италии, Германии и Франции, в трех странах. А в США, в Японии нагрузка ниже, а мы же хотим их когда-то догнать, поэтому нам нужна нагрузка, как у развивающихся стран. А в развивающихся странах она — 25–30%, и нам нужна такая.

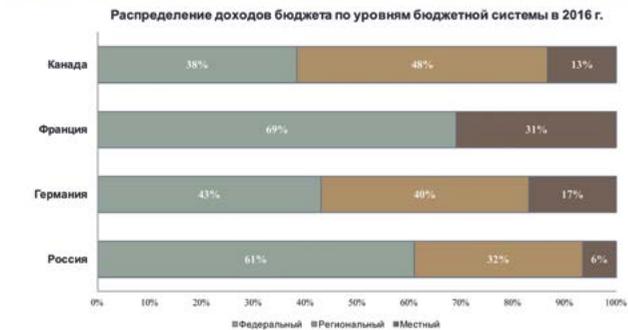
Нагрузка везде делится пополам между бизнесом и населением. Население половину платит, учитывая взносы на пенсии, страховку за здравоохранение, подоходный налог — 25–30%. Я говорю среднее по развитым странам. Налог на недвижимость — 1% от рыночной цены. А у нас 13%, фактически нет налога на недвижимость и так далее. Попытки содержать всех пенсионеров за счет денег предприятий, содержать бесплатную медицину за счет денег предприятий в принципе невозможно на достойном уровне, поэтому у нас по уровню жизни пенсионеры 98-е, а реальный доход — у нас 50-е место, уровень экономического развития — 45-е, образование — 33-е.

Нам нужно коренное изменение налоговой системы, и налоговая система должна играть распределительную роль. Она должна сокращать разрыв между бедными и богатыми. У нас этот разрыв сейчас 15,7, в Европе — от 8 до 10, в странах социал-демократической ориентации — 6, в Японии — 5. Нужно прогрессивное налогообложение, естественно. Нужно обложение дорогих товаров, организаций, которые дорого строят жилье, выпускают дорогую продукцию, торгуют с высокими ценами, пятизвездочные отели — они все должны платить налоги больше.

Перенос нагрузки на население

Мельникова: Мы считаем, что, действительно, перенос сегодня налоговой нагрузки с бизнеса на население необходим, нужен, и, возможно, это решение в том числе через переход к прогрессивному подоходному налогу. Но то, что вчера отмечалось всеми, когда будем рассматривать вопрос перехода к прогрессивному налогу, нужно подходить очень аккуратно, взвешенно и системно. Потому что просто ввести прогрессивный подоходный налог, не введя контроля за расходами физических лиц, за доказательством того, откуда взяты доходы, без введения налога на капитал и, возможно, без возвращения такого рыночного налога, как

ПО СРАВНЕНИЮ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ БЮДЖЕТНАЯ СИСТЕМА РОССИИ ОТЛИЧАЕТСЯ ВЫСОКОЙ СТЕПЕНЬЮ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

- Во Франции двухуровневая бюджетная система, поэтому доля регионального бюджета 0%.
- Региональные и местные бюджеты Канады и Германии имеют большую долю в структуре доходов консолидированного бюджета, чем те же бюджеты в России. Доля федерального бюджета в России значительно выше, чем в других странах.

Источник: OECD, Минфин РФ, Качество России

налог на наследство и дарение, прогрессивный подоходный налог не сыграет свою роль. Богатые найдут способы уйти от этого налога, бедные и среднее население будут нести на себе эту нагрузку. То есть это обязательно системный подход вместе с контролем за расходами физических лиц.

И при переходе на прогрессивный подоходный налог есть еще одна очень большая опасность. Прогрессивный подоходный налог обязательно вводится с введением облагаемого минимума, иначе у нас просто будут разорены все бедные и средние слои населения. Но введение необлагаемого минимума приведет к дальнейшим диспропорциям по регионам. Регионы бедные, они вообще ничего не получают, у них большинству населения, которое получит необлагаемый минимум, платить будет уже не с чего, а богатые люди получают дополнительные доходы, и произойдет дальнейшее расслоение по регионам.

Проблемы собираемости

Абрамов: Собираемость налогов в России не превышает 50%. Как мы это определили? Например, подоходный налог в 2015 году был собран с налоговой базы 22 триллиона рублей, а доходы населения составили около 50 — это то, что удалось подсчитать, то, что потратили, на самом деле цифра больше. Другой пример: НДС был собран с налоговой базы 12 триллионов рублей, а добавленная стоимость, подлежащая обложению НДС, составляла 58 триллионов рублей. Одни уклоняются от налогов, чтобы выжить, а другие — из принципа: зачем платить, если можно не платить. И поэтому, если сейчас применить эффективные методы сбора налогов, у нас производство закроется.

Чтобы этого не произошло, надо сделать налоговую систему умной. Что надо делать?

Мы предлагаем прогрессивную шкалу. Не облагается 20 тыс.

руб. в месяц. Максимальная ставка — 50. До 250 тыс. руб. в месяц — 13%. Под это попадает почти три четверти населения.

По НДС — ставку сделать 8%, сократить число операций, не облагаемых НДС, считать НДС прямым способом. Ведь у нас сегодня налоговая база налога на добавленную стоимость является не добавленной стоимостью, как думают некоторые, а реализацией. Сделайте налоговую базу на добавленную стоимость, и все будет в порядке. 50% оставлять в регионах, отменить возмещение НДС при экспорте сырья. Мы предлагаем и ряд других мер, в том числе упрощение отчетности.

Проблема неравенства

Тетерятников: Я занимался исследованиями проблемы неравенства и влияния неравенства на экономическое развитие и могу сказать вам так, что, наверно, нам надо гордиться, что у нас есть такая плоская система налогообложения, которая пока дает возможность выживать людям, которые живут в нашей стране.

В частности, такую систему Трамп пытается ввести в США. Он пытается снизить уровень налогообложения в части прибыли корпораций и в части налога на физические лица, но пока получается, что в США выигрывают самые богатые люди. В самом конце октября 2017 года вышло интересное исследование Фредрезерва — анализ проблемы неравенства. Так вот, в последние 40 лет в США стабильно снижалась доля среднего класса, стабильно снижались уровни доходов, соответственно налогооблагаемая база США, поэтому все шло к замедлению темпов экономического роста.

Доля крупных корпораций в общих налогах в США составляет всего 6%. А почему? А потому, что ни одна крупная американ-

ская корпорация не платит налоги в стране. Все четыре технологических гиганта платят в Ирландии по ставке в целых пять тысячных процента. Поэтому можно как угодно говорить о необходимости расширения этой базы, но как заставить ее работать? Это загадка, как же заставить вкладываться в развитие страны эти самые крупные и богатые компании и самых крупных физических лиц, налогоплательщиков, которые на самом деле все числятся за рубежом.

У нас в стране — 94 долларовых миллиардера. Мы занимаем почетное, по-моему, шестое место в мире, при этом у нас 123 тысячи миллионеров. Не так много, как хотелось бы.

Теперь что касается распределения этих миллиардеров и миллионеров. Примерно 20% этих людей за прошедший год поменяли гражданство. Примерно половина этих миллионеров и миллиардеров являются налоговыми резидентами других государств, включая миллиардеров. Рыболовлев намекнул, что за 450 миллионов евро продал работу якобы да Винчи, а купил за 120 миллионов. Налоги он заплатил? Нет. Почему? А он не резидент Российской Федерации, и уже очень давно. Так вот, вопрос: с кого мы будем? У нас к среднему классу даже по самым скромным параметрам — с доходом 64 тысячи рублей, относится всего от 10 до 15% людей. Остальные живут на 20–30 тысяч в месяц, а то и меньше. Дело не в налоговой как таковой. Это лишь одна составная часть того, что на самом деле происходит.

Вечная проблема

Сорокин: Я все время думал о том, что то, что мы говорим, по крайней мере, для российской школы экономической мысли, как в книге Экклезиаста: «И как говорят тебе: «Смотри, вот это новое, не верь, ибо это уже было в прошедших веках». Вот сегодня звучала главная мысль о том, что казна должна быть богатой, но она будет богатой, если будет экономический рост, если будет богатый предприниматель, если будет богатое население и т.д. Философ, богослов и политик своего времени отправлял книгу по адресу «Москва, Кремль» в 1663 году! И он писал то же самое в терминах того времени. «Ни от чего так не зависит достоинство государево, как от богатства подданных... А где одна лишь казна богата, а вся страна убога, там скоро не станет силь», — писал он из города Тобольска, сосланный туда по обвинению в том, что он западноевропейский шпион.

А вот как говорил российский министр финансов Егор Францевич Канкрин, как он видел задачу налоговой системы: «Коренное условие доброго финансового управления — содействовать благосостоянию народа разными финансовыми учреждениями, облегчениями и проч.; богатый народ может давать и большие доходы; а вымогать оный у бедного — значит срубать дерево для получения плодов».

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, 1886 г., том 1

Своевременно ли у нас введение подоходного налога?

Автор: Власий Судейкин

В настоящее время во всех государствах, не исключая и нашего отечества, обсуждаются вопросы об устройстве системы налогов, о преобладании тех или других и их экономическом влиянии. Характерно то обстоятельство, что при обсуждении финансовых вопросов обращают внимание не на способы получения большей доходности от налогов, но главным образом на равномерное распределение их среди плательщиков. Подобный интерес к вопросу о налогах и подобное направление в области финансовой науки и практики явилось сравнительно недавно, благодаря укреплению и развитию в государстве начал политической и гражданской равноправности, а также благодаря развитию нравственности и лучшему уяснению важности экономических принципов и в частности выяснению важного влияния финансовой системы на рост производительных сил страны. Действительно, важно знать, кто является плательщиком налога, с чего он платит, т. е. объект налога, и наконец, в какой форме взимаются налоги, достаточно ли эта форма удобна для населения и как отражаются эти налоги на экономическом благосостоянии народа и росте народного хозяйства.

Странно было бы задавать вопросы о необходимости налогов при современной организации государств. Необходимость их вытекает из самого существа современного нам государства. Современное государство преследует не только политические цели, как прежде, для чего содержит армии, но и культурные. Оно взяло в свои руки народное образование, заведует путями сообщения, имеющими государственное значение, поддерживает культ, народное здравие и тому подобное. Помимо государства, в пределах его существуют другие союзы, более мелкие, как то земства, общины, волости: каждое из этих местных учреждений преследует известные хозяйственные цели, а равно и охранение внутреннего порядка в небольших районах, что требует особых, довольно, впрочем, значительных расходов...

В этих исторически сложившихся союзах индивидуум создает свое благосостояние; в них охраняется его имущество. Наконец, в этих союзах человек развивается, совершенствуется

умственно. Ввиду этого обстоятельства каждый член подобных союзов обязан, в силу своих отношений к ним, вносить часть своих средств для достижения целей, преследуемых этими союзами. Что каждый, в силу принадлежности своей к обществу, обязан жертвовать — это вне сомнения. Можно задать вопрос об одном — что положить в основание этих жертв? Следует ли, чтобы особо оплачивалась каждая услуга, оказываемая государством, как на этом настаивают некоторые финансисты, приравнивая налоги к пошлинам, или, чтобы налоги были распределены на основные виды по своему происхождению, как классифицирует их фон Гокк (совр. — фон Хок. — Прим. ред.).

Барон Карл фон Хок (1808–1869) — австрийский экономист, автор трудов по политической экономике. В Министерстве финансов разрабатывал современные реформы для модернизации экономики Австро-Венгрии.

Когда мы обратимся к установленным системам налогов, то увидим, что они образовались чисто историческим путем и носят характер тех эпох, когда они возникли. Они изменялись с развитием жизни экономической и государственной, и это изменение совершалось крайне медленно. Так, если мы посмотрим на наши прямые или так называемые окладные налоги, то увидим, что в существенных чертах они остались такими же, какими были при возникновении; хотя в настоящее время всюду имущественные налоги отживают свое время, тем не менее у нас все прямые налоги носят чисто имущественный характер. Чем же объясняется подобный консерватизм в области налогов? Чего смотрели министры финансов и как они допустили подобное положение дел, видя, что оно вредно отражается на экономическом строе государства? По очень простой причине: регулятором развития налогов является не сознание вреда от той или другой организации их, а государственная потребность. Ей в жертву приносится все. Таким образом, система налогов служит в известной степени мерилем политического и культурного состояния страны. Поэтому систему налогов, сложившуюся чисто историческим путем, изменить очень трудно. Как бы она дурна ни была, она вкоренилась, к ней привыкли, а привычка — великое дело. Но кроме этой причины, коренящейся в психических мотивах, трудно изменить и потому, что вместо уничтоженных или измененных налогов приходится искать новые, а новый налог, как справедливо говорит граф Сперанский, всегда дурен.

Граф Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) — один из наиболее прогрессивных государственных деятелей России своей эпохи, выходец из семьи сельского дьякона. Показал блестящие успехи в обучении, заработал доверие Александра I и возглавил его реформы. При Николае I руководил работой по кодификации законов империи,

заложив основы теоретического правоведения. Был одним из учителей цесаревича Александра Николаевича, который возобновил реформы во многом на основании полученных знаний. Член Императорского Вольного экономического общества.

Наконец, всякая перемена требует перемен в финансовой администрации; иногда подобные изменения кажутся дорогими, а поэтому всякая финансовая реформа, несмотря на всю ее необходимость, откладывается на много лет в ущерб развитию народного благосостояния. Когда мы обратимся к экономической и финансовой литературе, а равно и практике европейских государств, то увидим, что современная наука финансов путем долгой работы установила несколько общих принципов обложения, которые понемногу применяются к существующим налогам. Это принципы справедливости, финансовой и экономической. Первый принцип всякой правильной системы налогов — принцип справедливости. Следовательно, это тот нравственный принцип, который лежит в основании каждого государственного и общественного строя. В силу этого принципа, налоги должны быть всеобщие, т. е. их должен нести каждый гражданин страны. Поэтому нелепыми кажутся такие ходатайства, как ходатайство харьковского дворянства об освобождении его от налога с наследств.

Возникновение подобных ходатайств было понятно в Средние века, когда налог считался чем-то позорным, лежащим на рабах, почему целые сословия освобождались от несения налога. Но теперь это не так. Теперь каждый гражданин — плательщик прямых налогов. Впрочем, есть страна, а именно наше отечество, где целая масса лиц изъята от несения прямых налогов — это лица так называемых либеральных профессий. Получая огромные заработки, они ничего не платят. Во вторых, налог должен быть равномерен, т. е. пропорционален получаемому плательщиком доходу. С точки зрения финансового принципа необходимо выбирать налоги не только доходные, но и достаточно подвижные, чтобы, в случаях необходимости, можно было бы, не прибегая к установлению новых налогов, увеличить доход путем повышения размера процентов. Из массы налогов более удовлетворяет этому требованию подоходный налог. Наконец, принцип экономической заключается в правильном выборе источников обложения.

Соблюдение этого принципа имеет важное экономическое значение. В самом деле, отнимая у граждан известную долю их средств, государство сознательно лишает внутренний рынок покупательной силы. Поясню это примером. Наши крестьяне до последнего времени платили подушную подать, в общем количестве 59 млн рублей. Если бы эти деньги оставались в руках крестьян, то они пошли бы на поддержание производства предметов не роскоши, а необходимости для крестьянского хозяйства, а через это выиграли бы наши производительные силы. Совсем не надо быть социалистом, чтобы ратовать в пользу крестьян, а надо иметь просто понимание вещей как они есть.

Франсуа Кенэ (1664–1774) — французский экономист, основоположник школы физиократов. В начале карьеры был придворным врачом. Физиократы считали природу, землю единственным реальным производителем материальных благ, и считали, что в экономических отношениях между людьми должен действовать естественный порядок. Предоставление свободы действию естественных законов приведет к всеобщему благу, поэтому нужно уничтожить законы и учреждения, которые препятствуют естественному порядку, а государство не должно вмешиваться в экономические отношения.

Известный физиократ Кенэ не был совсем социалистом, а между тем он выставил эпиграфом к своему сочинению: «Беден народ, бедно государство и беден король». Отсюда следует, что уже в XVIII веке правильному выбору источников обложения придавали важное экономическое значение. Вот общие начала финансовой науки. Если мы обратимся к финансовой практике передовых европейских государств, то увидим, что эти принципы не только существуют в книгах и в воображении ученых, а находят широкое применение в законодательствах о налогах. От этого общего изложения начал финансовой науки и применения их к законодательству о налогах обратимся к русской действительности. Удовлетворяют ли наши прямые налоги тем требованиям, которые к ним предъявляет наука? Наше отечество в настоящее время втянуто вполне в жизнь европейских народов, оно связано с ними общим развитием. Но это участие в жизни европейских народов сильно влияет на рост налогов, которые за последние 20 лет поднялись с 416 млн на 872 млн, следовательно, более чем удвоились. Вряд ли подобному быстрому росту государственных расходов соответствовал рост производительных сил России...

Мы только затрагиваем вопрос о поступлении и распределении налогов. Вопрос о производительности сделанных из них затрат мы оставим в стороне. Из данных, нами сгруппированных, сразу бросается в глаза, что вся тяжесть налогов лежала на

крестьянах разных наименований во весь приведенный период нашей финансовой истории, достаточные же классы подвергались налогам очень мало. Притом лица либеральных профессий совсем не платили, чего нигде не водится. Правда, эта система соответствовала тому политическому строю, в период которого она сложилась. Затем, так как в то время еще не поднималось вопроса о правомерности налогов (а если у нас и раздавались голоса, что платить должны все пропорционально доходу, то эти отзывы вскоре замолкли), то и налогом облагался не доход, а крестьянская душа или земля, как имущество...

Panelists:

Anastasia O. Alekhovich
Head of the Expert Center under the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs under the President of the Russian Federation; Director of Stolypin Growth Economics Institute;

Kirill Mikhailovich Nikitin
*Chairman of the Tax and Budget Policy Committee of Business Russia
 Director of the Center for Tax Policy, Faculty of Economics, M.V. Lomonosov Moscow State University.*

Ruslan Grinberg
Chief of Research at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the FES of Russia

Igor Nikolaev,
Director of the Institute for Strategic Analysis, FBK

Sergey Glazyev
Academician of the Russian Academy of Sciences, Advisor to the President of Russia

Mikhail Ershov
Chief Director for Financial Research of the Institute of Energy and Finance, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Member of the Presidium of the FES of Russia, Doctor of Economics

Abel Aganbegyan
Chief of Department of Economic Theory and Policy, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Academician of the Russian Academy of Sciences

STREAMLINED TAX SYSTEM

Representatives of leading economic institutions, economists and legal practitioners have met at a venue provided by the FES of Russia to hold a panel discussion on changing the tax structure and invite everybody concerned to join it. They plan to hold a series of meetings to discuss the concept of tax reform.

Nadezhda Melnikova
Professor at the Department of Tax Policy and Customs and Tariff Regulation of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Mikhail Abramov
President of ANO Expert-Analytical Center for Modernization and Technological Development of the Economy

Cyril Teteratnikov
Director General of the Group of Independent Consultants

Dmitry Sorokin
Chief of Research at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Vice-President of the FES of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Unfortunately, we see how complicated the situation is with the fulfillment of the President's promise not to increase the tax burden on businesses. We see how the situation with the regional budgets has become more complicated, due to the partial imbalance of the tax system. We have seen and analyzed the budget and we understand the catastrophic nature of some decisions that stood behind it. In our view, some of these decisions are due to the fact that we have not yet adopted a unified strategy for Russia's social and economic development, and not just some methodical or scientific document, but one that can serve as a guide to action. We still have not shaped a modern tax policy, at least at the conceptual level. We all see the consequences of narrow out-of-context solutions.

Let me briefly go over the draft. We have been developing the concept of the Russian Federation tax policy and orienting it, on principle, to the following two stages: 2017-2019 and 2020-2025. This is a part and continuation of the bigger work on the Growth Strategy, which we performed earlier and which all of you have seen. We could not help reflecting in this document the main parameters of our current tax system, i.e. some baseline data in comparison with the rest of the world.

The tax structure of Russia differs from the world's average standards. In Russia, the tax burden on enterprises is one of the highest, on par with developed countries. The total volume of taxes imposed on the corporate sector is 2.3 times greater than the world average.

Unfortunately, the current tax policy has deepened social inequality, it has failed to fulfill one of the functions of the tax system. The inequality among

sectors, among regions and among different segments of the population.

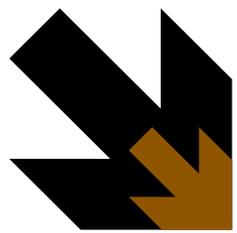
We must admit that the burden of tax on individuals and payroll tax is quite heavy as compared to other countries. We took a model family in Germany and in Russia - a married couple with two children, with one spouse not working or both of them working. If we compare what percentage of the income remains in the family, we see that in Germany it is incomparably greater. The tax burden on the payroll fund is 2.3 times greater than the world average. In our opinion, that is the reason for the unwillingness of employers to create high-performance jobs.

We also understand that unfortunately our tax system operates in favor of the rich. We see that the affluent part of the country, a small part of the population that belongs to this category, has actually been avoiding taxation as it receives income in the form of dividends from

their own enterprises. Offshore schemes are also still available to them as individuals, no matter what the government does.

The level of tax burden in the corporate sector is above the world average. Unfortunately, both the overall tax burden and the burden on payroll fund are increasing.

The volume of money being siphoned away from the economy is extremely high, and enterprises are left with no resources for development.

ЧАСТЬ 3

РОССИЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

БУДУЩАЯ АРХИТЕКТУРА МИРОВОГО ПОРЯДКА
РАЗВОРОТ НА ВОСТОК
РОССИЯ И КИТАЙ: ПАРТНЁРЫ ИЛИ КОНКУРЕНТЫ
ЧТО ПРОТИВОПОСТАВИТЬ САНКЦИЯМ?
КОГДА БУДЕТ «СДЕЛАНО В РОССИИ»?
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В МИРЕ
РОССИЯ: ВЫХОД С ПЕРИФЕРИИ КАПИТАЛИЗМА

СОБЕСЕДНИКИ

Александр Александрович Дынкин,
президент Национального исследовательского
института мировой экономики и международных
отношений им. Е.М. Примакова РАН, академик РАН,
председатель Международного комитета ВЭО России

Сергей Юрьевич Глазьев,
советник Президента Российской Федерации,
академик РАН,
вице-президент ВЭО России

Алексей Анатольевич Громыко,
директор Института Европы РАН,
член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России

Михаил Владимирович Ершов,
главный директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов,
член Президиума ВЭО России, д. э. н., профессор

Георгий Львович Мурадов,
заместитель председателя Совета министров
Республики Крым — постоянный представитель
Республики Крым при Президенте Российской Федерации,
член Правления ВЭО России

Виктория Вадимовна Перская,
директор Института исследований Международных
экономических отношений Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
д. э. н., профессор

Андрей Николаевич Спартак,
директор Всероссийского научно-исследовательского
конъюнктурного института,
член-корреспондент РАН

БУДУЩАЯ АРХИТЕКТУРА МИРОВОГО ПОРЯДКА

«МНОГОПОЛЯРНОСТЬ: ИНСТИТУТЫ И МЕХАНИЗМЫ СОГЛАСОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ»

По мнению многих экспертов, сейчас мы являемся свидетелями важных событий, которые в итоге должны привести к образованию новой архитектуры мирового порядка. В новейшей истории мир достаточно динамично отошел от биполярной модели с очевидным противостоянием двух систем, потом был однополярный период, после чего начался процесс формирования полицентричного мира. Ему противостоят попытки вернуть однополярную систему.

Петр Иванович Толмачев,
профессор кафедры мировой экономики
и международных экономических отношений
Дипломатической академии МИД России, д. э. н.

Александр Александрович Широ,
заместитель директора, заведующий лабораторией
Института народнохозяйственного прогнозирования
РАН, д. э. н., профессор

По материалам форума Международного комитета ВЭО России — презентации книги М.А. Эскиндарова,
В.В. Перской «Многополярность: институты и механизмы согласования национальных интересов», 9.02.2018

Мир — на переходной стадии

Перская: Современное мировое устройство находится в стадии перехода, сегодня нам предлагается рассматривать Китай как один из полюсов биполярности. Си Цзиньпин — уже классик национальной китайской идеологии, его теория и имя были внесены в устав Коммунистической партии Китая, где одновременно идет очень сильное ужесточение административно-правовых регулирующих норм, кроме того, достаточно жестко повышается роль идеологической компоненты для работающих на территории Китая...

При биполярном мировом порядке страны вынуждены будут признавать идеологию или одной стороны, или второй. США настаивают, что они несут в мир демократические ценности, ориентиры, равноправие, свободу, в том числе экономическую. Китай со своей стороны — достаточно закрытая страна. Мы пришли к выводу, что если мир придет к биполярности, то это будет неизбежная гонка вооружений, подчинение идеологической детерминанте того, к кому примыкаешь. Если страна делает выбор в пользу того или иного полюса, значит, она неизбежно должна будет принимать те или иные ценности...

Одна из сложнейших проблем биполярности — усиление диспропорциональности развития территорий и доходов граждан. И этот процесс будет увеличиваться...

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«МНОГОПОЛЯРНОСТЬ:
ИНСТИТУТЫ
И МЕХАНИЗМЫ
СОГЛАСОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ИНТЕРЕСОВ»
М.А. Эскиндаров,
В.В. Перская

Для полицентризма будет характерна реализация национальных интересов, хотя раньше как мы, так и западные ученые полагали, что многополярность, или полицентризм, будет базироваться на регионализме. Сегодня мы видим трампизм, брекзит, Индию и Китай, в меньшей степени — Бразилию, Южную Африку, которые ставят в основу свои национальные интересы, а если ставятся в основу национальные интересы и задача ликвидации социальной диспропорциональности, то государство должно повышать свою способность регулировать социально-экономическое развитие. В этих условиях именно государства должны стать субъектами многополярности, или полицентризма.

Сейчас в ООН входит более 190 стран, некоторые из них очень мелкие. Способны ли они обеспечить свою обороноспособность самостоятельно? Мы пришли к выводу, что малые страны имеют возможность на основе свободного волеизъявления вступать в союзы со странами, которые имеют потенциал обеспечения обороноспособности, независимости и целостности своей территории. Это требует некоторого совершенствования в современных материалах ООН. И то, что произошло с Крымом, — это логичный этап.

Во многих странах сегодня политологи акцентируют внимание на восстановлении России как державы, восстановление державности Китая. Центры в многополярности должны уравновешивать друг друга.

Итак, выводы такие: национальные интересы в современных условиях приобретают определяющее значение. Теория национальных интересов, провозглашенная Соединенными Штатами, базируется на давлении — это у них исторически сложившаяся стратегия. И только многополярность, или полицентризм, в данном случае является фактором обеспечения устойчивого развития.

Теория и имя Си Цзиньпина были внесены в устав Коммунистической партии Китая

Биполярная тенденция

Спартак: Хочу начать с того, что национально-государственный акцент, идентичность, определенная ферментация, на мой взгляд, имеет биполярную тенденцию. Американцы сейчас предпочитают говорить с конкретными партнерами, а не договариваться со многими, потому что так проще дожать свои условия. Китай делает то же самое в рамках «Шелкового пути». А сама полярность сохраняется.

По поводу национальных интересов, исторических корней нужно действовать очень аккуратно, потому что у многих стран исторические корни не просто воспринимаются другими странами.

На мой взгляд, сейчас есть ряд аргументов в пользу того, что мир нелинейно движется все-таки к биполярности. Китай и США — два мировых полюса. За этим стоит целый ряд экономических аргументов.

Во-первых, мы видим, что Китай и Штаты, несмотря на все сложности, даже с приходом Трампа, отрываются в экономике. В прогнозе к 2050 году в числе лидеров появляется Индия, но пока нам не очень понятно, какие рычаги Индия будет использовать для подтверждения своей будущей мировой роли. А Китай и США такие рычаги сейчас имеют. Во-первых, Китай сегодня — мировая фабрика. Китай производит практически все. И то, что у нас сейчас сокращается интенсивность торговли внутри цепочек добавленной стоимости, — тоже одна из актуальных тем. Снижается интенсивность этой торговли. Китай предлагает все. Скажем так, наша интеграция испытывает из-за этого колоссальный прессинг: нам не нужно поставлять части — все поставит Китай. Китай — также главный кошелек для Соединенных Штатов в виде акцептора государственных ценных бумаг. Совершенно очевидно, что Соединенные Штаты удерживают критическое технологическое лидерство. Хочу подчеркнуть: сейчас, когда мы вступаем в цифровую трансформацию, мы наблюдаем, как это влияет на международную торговлю. Все меньше торговли между странами, все больше торговли с участием компаний и граждан через облачные технологии, когда нет географической привязки.

С другой стороны, мы видим, что усиливается борьба за ключевых партнеров. Американцы сейчас, при всей расплывчатости их внешнеэкономических и внешнеполитических ориентиров, борются за Индию, причем очень серьезно. Предлагают ей соглашение о свободной торговле. То же делает и Китай. США и Китай воспринимают друг друга как серьезных конкурентов.

Кто успел посмотреть последний доклад Мюнхенской конференции по безопасности, там тоже говорят о том, что формируется биполярность. При серьезной роли России и Европейского союза. Если это биполярность, то какая биполярность?

Мы ожидали, что Европа забуксует — будет испытывать больше сложностей. А что мы видим? По крайней мере, по внешней повестке Евросоюза — сильная активизация в последний год. Все внешнеэкономические повестки с санкционными решениями, усилением соответствующих инструментов Европейской комиссии и с конкретными приложениями. Сейчас Европа, воспользовавшись паузой, фактиче-

ски замещает США как лидера, определяющего эталоны и форматы регулирования международной торговли.

На постсоветском пространстве тоже активизация. Для нас несколько неожидан прессинг в плане заключения всеобъемлющих соглашений с Арменией, Азербайджаном, Белоруссией. Это реакция европейцев на тенденцию биполярности — они ищут свое место и пытаются укрепить свою роль третьей силы в этой конструкции. По поводу активизации на постсоветском пространстве: всеобъемлющее соглашение уже подписано на последнем совете восточного партнерства. Они заходят на пространство нашей будущей Евразийской интеграции. Мы, получается, уже встречаем определенный рубеж.

Я хочу подчеркнуть, что это очень своевременная книга и дискуссия о том, куда движется мир. Она, с моей точки зрения, носит не абстрактно научный характер. И очень нужна нам для выработки конкретной стратегии действий по продвижению наших интересов. У нас сейчас происходит колоссальное изменение в структуре конечного глобального спроса. Интенсивность по импорту, производству промышленных товаров длительного пользования резко падает, но мы сейчас часто не анализируем меняющуюся парадигму.

Роль национального государства

Громыко: Рассуждая о глобальном мире, мы в большинстве случаев приходим к вопросу о механизмах управления этим миром. Рассуждать о механизмах управления мы не можем без рассуждения о роли государства в XXI веке. Многие обращают внимание на то, что противоречие налицо...

Перестройка системы глобального регулирования, безусловно, нужна. Но многое говорит о том, что это по силам сделать именно национальным государствам и межгосударственным организациям.

Мне кажется, что уже в 90-е годы стало общим местом рассуждать о том, что государства находятся в стадии своего заката, происходит размывание института государства наций. Судя по всему, эти предположения или прогнозы не оправдались. По крайней мере, на 2017 год. Крупнейшее событие последних 30 лет — это распад советского пространства. К чему он привел? К резкому умножению количества национальных государств в мире. Надо сказать, что с тех пор количество членов Организации Объединенных Наций только росло, а не снижалось... С другой стороны, есть убедительные примеры, кроме ведущих межгосударственных объединений. Это и ООН, Большая двадцатка и другие. Что конкретно предлагается взамен?

Вариант однополярного мира, на который столь многие уповали в 90-е годы, — история развеяла эти надежды, они оказались иллюзиями, и сейчас выражение «милосердный гегемон» мало кто вспоминает.

Вариант полуторного мира во главе с теми же Соединенными Штатами, опирающимися на Евросоюз? Очевидно, что Вашингтон бесповоротно взял курс на пересмотр своих внешнеполитических приоритетов в пользу Азии.

Что касается Брюсселя, то многие в нем хотят добиваться стратегической автономии. Это записано в концепции глобальной стратегии Евросоюза, которая была принята в июне 2016 года. На это указывает и развитие событий в сфере общей внешней политики и политики безопасности ЕС, особенно в связи с проектом так называемого «Постоянного структурированного сотрудничества».

В КИТАЕ
600
МЛН ЧЕЛОВЕК
ЖИВЁТ НА
1 ДОЛЛАР
В ДЕНЬ

Все другие широко обсуждаемые варианты упорядочения трансрегионального и мирового регулирования представляют собой различные комбинации в основном из национальных государств. Это либо вариант обновленной биполярности, о которой уже сегодня было сказано, либо различные геометрические фигуры. Например, треугольники: Китай — Россия — США, ЕС — Россия — Китай, США — Китай — ЕС, Россия — Индия — Китай, или пятиугольник БРИКС, и так далее.

Критика института государства чаще всего основана на двух аргументах. В основе первого лежит национализм, который принес столько бед Европе, в первую очередь, в XX веке. Второй: отдельные государства или даже группы неспособны решать глобальные проблемы. Ответим: национализм национализму рознь. Он может быть и агрессивным, и просвещенным. В последнем случае его, как правило, называют национальным самосознанием.

Что касается института государства с точки зрения способности к управлению, то здесь вернемся к вопросу об альтернативе. На сегодня в мире Евросоюз — единственный претендент на эту роль, если бы не стало национального государства в классическом виде. Но проблема в том, что Евросоюз находится, мягко скажем, в затруднительном положении. Ни одна страна — член ЕС на уровне политического руководства никогда не предлагала упразднить институт государства. Кроме того, нигде в мире пока нет другой группы стран, которые бы проявили желание следовать примеру Евросоюза сверх того, что до 1993 года называлось Европейским экономическим сообществом. То есть максимум — это создание единого рынка с точки зрения других региональных интеграционных объединений на планете.

Высказывается опасение, что расщепление экономической мощи на различные составляющие неизбежно осложнит выработку согласованных решений, и поэтому государства, нации в перспективе XXI века — это не самый лучший строительный блок в системе глобального управления. Но опять-таки вопрос: обязательно ли выравнивание экономических и управленческих потенциалов должно вести к усугублению проблемы? Конечно, чем больше субъектов принятия решений, тем, как правило, труднее это решение достичь. Однако такое затруднение нежелательно, если существует лучшая альтернатива. В данном случае это означало бы консервацию механизмов глобального регулирования во главе с США, а значит, предполагало бы возможность остановить развитие полицентризма. Я в последние два-три года не встречал серьезных работ, где утверждалось бы, что полицентризм можно остановить как глобальный процесс.

Поэтому мне представляется, что слишком неравномерное распределение факторов силы и ограниченность круга субъектов принятия решений необязательно являются залогом эффективности и успеха. Более того, современная история показала,

что сокращение количества субъектов-лидеров может привести к крайне неблагоприятным последствиям для тех, кто формально оказывается в выигрыше.

Так, после развала СССР мы предоставили США беспрецедентные возможности закрепиться в качестве единственной сверхдержавы. Но этого не произошло, напротив, исчезновение основного соперника, своего рода контрфорса Вашингтона в мировой политике, соизмеримого центра принятия решений, постепенно привело к деградации качества американского лидерства и лишь ускорило процесс ослабления мощи Соединенных Штатов.

Поэтому мне представляется, что национальные государства, именно этот институт, и в XXI веке будут задавать тон и регионального, и глобального развития. Все рассуждения о том, что модель, похожая на Евросоюз, может где-то быть на планете и впоследствии привести к строительству достаточно сильных наднациональных структур, — история не поддерживает такую точку зрения.

Национальные государства и в XXI веке будут задавать тон и регионального, и глобального развития

Устойчивость полицентричной системы

Ершов: Многоцентризм, который отчетливо начал формироваться некоторое время назад, совсем еще недавно сопровождался размыванием понятия национальных интересов. Предполагалось, как свидетельствуют наблюдения извне, что принципиальных различий в этих интересах быть не должно. У всех стран они в той или иной мере должны совпадать. И между собой, и, в первую очередь, с интересами основного центра силы. Кого? Мы прекрасно понимаем. Формировалась такая единая, однородная система, которая чем-то напоминала те принципы, которые описывались в известной социальной утопии с критериями «общность, однородность, стабильность».

России и другим странам в той системе координат, видимо, отводилась роль некоей экономической территории, своего рода трансграничного пространства, которая поставляет необходимые товары и ресурсы для основного мира, для центров силы. Несколько лет назад мюнхенская речь Владимира Владимировича Путина показала, что это не так, что многие страны, включая Россию, видят свое участие не в качестве объекта, который используют другие страны для своих целей, а в качестве системообразующего участника, от действия которого зависит и баланс мира, и формирование новых источников его развития, и в целом устойчивость этой новой полицентричной системы...

В книге говорится: «Задачей реализации национальных интересов России является возможность самостоятельно решать внутренние политические, экономические и социальные задачи, независимо от намерений и позиции иностранных государств». Все правильно. Кто же с этим будет

спорить? Другое дело, от представлений о том, как должно быть, до реализации есть некая дистанция. И чтобы ее преодолеть, нужны соответствующие рычаги и механизмы, которые бы позволили достичь этих целей. В этой связи те геоэкономические механизмы, которые позволят достичь поставленных целей, заслуживают более пристального внимания. Факт того, что такая проблематика ставится, предполагает, что на эти вопросы рано или поздно будут даны практические ответы, и это, конечно, заставляет ее всячески поддерживать.

Разрушение миропорядка

Муратов: Нового миропорядка на сегодняшний день нет. Нет и старого. Он разрушается. Основные игроки, которые действуют на международной арене, сегодня дезорганизованы. Это касается и Соединенных Штатов Америки, и в Европе очень много сомнений, расколов, разделительных линий. В этой ситуации игроки, к сожалению, ищут выход в конфронтации, кризисе или в той самой гибридной войне, о которой сегодня часто говорится. На мой взгляд, то, что происходит сегодня в мире, уже далеко за гранью холодной войны. Все пороговые системы безопасности максимально снижены, мир стоит на грани неконтролируемого конфликта.

На мой взгляд, пока действует этот механизм дезорганизации, весы мировой политики сегодня полностью разбалансированы. На одной их чаше — тяжелейшая гиря негатива. И я, работая на Крымском направлении, должен сказать, что среди них одна из самых тяжелых — это непризнание Западом и его сателлитами территориальной целостности России, ее суверенитета над своими территориями. Прежде всего я имею в виду Крым в виде двух субъектов Федерации. Все чаще вспоминают Курилы, Калининград и другие регионы нашей страны. Эта ситуация, конечно, неприемлема. На Генассамблее сегодня большинство государств голосует по антироссийским резолюциям, которые вносятся группой западных стран и их сателлитов. Эту ситуацию наши соперники считают некоей политиче-

ской основой для дальнейшей агрессии против России. Конечно, во главе угла стоит надежда, что нашу страну удастся в итоге дезорганизовать. Может быть, по советскому сценарию привести к расчленению, использовать ее мощные природные ресурсы и ресурсную базу, которая сегодня у нас пока еще имеется. Эта система носит экономический, политический и дипломатический характер...

Все эти меры дополняются тотальной информационной идеологической войной. Думаю, раскрывать это не нужно. Это касается и изобретенной сейчас разбалансировки, разногласия в системе ценностей, которая появилась в течение последних двух-трех лет. Стали говорить о том, что у нас в России разные

ценности. Это касается и семьи, и морали, и традиций, и спорта, и культуры, и многих других направлений.

На мой взгляд, то, что мы видим в практической и политической плоскости, — это ситуативное реагирование. Очевидно необходим многовекторный, проработанный, глубокий курс действий, выработка стратегии по формированию мирового порядка. Пока ее у нас, как мне кажется, нет. Закончу тем, что новый мировой порядок, скорее всего, будет зависеть от исхода этой многовекторной войны против России. И решающим сражением, нашим Сталинградом станет украинской плацдарм.

Смена технологического уклада

Толмачев: Смена технологического уклада закладывает совершенно новые подходы, которые мы не можем игнорировать. И мы должны это учесть. Тезис первый касается того, что нам нужно немедленно и как можно быстрее, в самой короткой исторической перспективе изменить территориально-национальное устройство страны на административное, иначе мы получим феномен «права наций на самоопределение», который был реализован советской моделью. В принципе, нации его получили. Эти процессы есть и в Каталонии, и в Шотландии, и даже некоторые наши субъекты считали себя ближе к Финляндии, чем к Российской Федерации. По всему миру существует регионализация.

Что касается индикаторов. Даже в российской экономической науке не существует такого однозначного понимания, что такое ВВП. Римский клуб нам пояснил, что такое ВВП. Но это никуда не годится. Не может занимать обочину в рейтингах агентств страна, которая располагает 40% ресурсной базы мировой экономики. Это — вообще нонсенс и парадокс. Можно напечатать сколько угодно производных финансовых инструментов, разместить их на балансах и считать это в контексте рейтинга со всеми вытекающими последствиями.

Китай для нас становится стратегическим цивилизационным центром. В этом отношении нельзя забывать того, что в этой стране сотни миллионов живут на один доллар в день. Это непростая тема. Восторженные отклики относительно оценки этой экономики, они бесспорны и их нельзя не замечать. Но 600 миллионов на один доллар в день — это многовато.

Что касается Японии, мы помним, когда ее пузырь был сдут, и японская ловушка сработала безукоризненно — 20 лет экономика находилась в состоянии рецессии.

**В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ
9 ЛЕТ РОССИЙСКАЯ
ЭКОНОМИКА
ВЫРОСЛА НА
4%,
МИРОВАЯ — НА
20%,
КИТАЙ — ПОЧТИ
В
2 РАЗА**

Как должна расти Россия

Широв: Сам по себе термин «многополярность», он хорошо подходит нашей власти, нашему экспертному сообществу, интуитивно понятен, потому что предполагает увеличение роли России в мировой экономике и политике, мы в этом видим возможность для развития нашей страны и повышения ее роли.

Хорошо бы, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями. И здесь, конечно, мы смотрим на ту экономическую базу, которая у нас сейчас есть, и видим, что в течение последних девяти лет российская экономика выросла на 4%, а мировая — на 20%, Китай почти удвоился. Для того чтобы вернуть нашу долю в мировой экономике, которую мы имели хотя бы на 2013 год, нам требуется в течение следующих 10 лет расти среднегодовыми темпами около 5%. Это практически невыполнимая задача. Но это говорит о том, как жестко формируется сейчас эта экономическая повестка для нас. Или мы сможем это сделать, или, к сожалению, наша страна не в состоянии будет защитить весь тот комплекс национальных интересов, которые она с большим трудом сформулировала в течение последних 10–15 лет... Как это выглядит с точки зрения той модели экономического развития, в которой мы живем? Я бы назвал это

ловушкой низких темпов экономического роста. Наша экономика функционирует таким образом, что, как только мы попали в этот коридор с темпами роста до 1,5%, мы столкнулись с тем, что сформировался своеобразный цикл.

Если наша экономика начинает расти — увеличиваются наши доходы. Увеличиваются наши доходы — увеличиваются

наши требования к качеству продукции. Технологический уровень нашей экономики не позволяет эти требования удовлетворить. Увеличивается импорт. Увеличивается импорт — происходит разбалансировка наших внешнеэкономических показателей. Для того чтобы их сбалансировать, требуется девальвация курса рубля. Очередной круг, спад и опять рост экономики. Мы не сможем вырваться из этого круга до тех пор, пока не изменим структуру нашей экономики, пока не изменим уровень эффективности и ее технологическое развитие.

Как это сделать? Есть разные варианты. Я скажу сейчас крамольную вещь: нашей экономике придется пройти еще один круг развития, при котором главным движущим элементом этого развития станет наш сырьевой комплекс. Только оттуда мы можем получить быстрые доходы, которые можно трансформировать в усложнение нашей экономики. Усложнение нашей экономики — это задача на ближайшие 10–15 лет, которую мы должны решить.

Что касается наших интеграционных усилий на постсоветском пространстве, то здесь, конечно, опять же стоит вопрос,

есть ли у нас ресурсы? Сейчас, к сожалению, создается впечатление, что таких ресурсов у нас нет. И второй момент. За образец той модели, которую мы реализуем, мы взяли Европейский союз. И, на мой взгляд, эта модель себя уже полностью исчерпала. Мы должны постепенно менять модель интеграционных процессов на постсоветском пространстве на структурно-технологическую. То есть мы должны использовать потенциал менее развитых стран. Мы должны развивать технологии. Это не сотрудничество по пути создания институтов, это сотрудничество по пути создания производственных коопераций.

Еще раз, главная задача для нас — обеспечить тот объем доходов, который позволит решать всю систему задач экономики.

Новый мирохозяйственный уклад

Глазьев: Турбулентное состояние современной переходной эпохи скрывает за собой некоторые глубинные процессы, о которых я хотел бы сказать два слова.

Речь идет о смене технологических и мирохозяйственных укладов. Это процесс, который идет через технологическую революцию, когда меняется структура мировой экономики, меняется состав мировых лидеров, меняется практически весь спектр международной конкуренции. Формируется новая экономика — экономика знаний, которая ведет себя совершенно иначе, чем привычная для нас экономика...

Меняются многие представления об экономике, знания становятся ведущей производительной силой. Сегодня интереснее поговорить о новом мирохозяйственном укладе. Здесь мы тоже видим революцию. На наших глазах сформировался новый, по сути, строй, который мы называем интегральным строем. По этому пути гораздо раньше Китая шла Индия, формируя свою модель, сочетающую социалистическую идею с рыночной экономикой и демократией. По этому пути движутся Индокитай, Африка. Эфиопия сейчас демонстрирует резкое повышение темпов экономического роста.

В основе китайской модели лежат три составляющие: признаки социалистической идеологии, которая реализуется в стратегическом планировании; рыночная экономика, где поощряется конкуренция, но не всякое частное предпринимательство, а то, которое работает на подъем общенародного благосостояния; патриотизм.

Китай сумел из трех главных болезней XX века, с которыми мы тоже сталкивались — это капиталистический империализм, советская сверхдирективная централизованная административная система и жесткий национализм, — получив прививки по всем этим направлениям, построить некую модель, в которой социализм, рыночная экономика и патриотизм составляют общность, которая действительно работает, и представляет из себя

уже вполне состоявшийся экономический строй.

Мы называем его мирохозяйственным укладом. Какие его основные черты? Прежде всего, это разнообразие. В отличие от либеральной глобализации, которая всех под одну гребенку стрижет, и в отличие от нашей модели советского социализма, который тоже всех пытался построить по одной модели, новый мирохозяйственный уклад предполагает большое разнообразие форм с культурно-национальной спецификой, он предполагает уважение национальных суверенитетов. В этом смысле реанимация национальных интересов и национальных государств — это одно из проявлений нового мирохозяйственного уклада. Интеграция строится по принципу взаимной выгоды, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела. При этом главным является не устранение барьеров на пути движения товара, услуг, капитала и труда, как нам пытались внушить последние 30 лет, а концентрация. Интеграция идет по пути совместных инвестиций. Создание новых возможностей для экономического роста в сочетании конкурентных преимуществ и, конечно, взаимовыгодность.

Надо сказать, что наша модель Евразийского экономического союза вполне соответствует принципам этого нового мирохозяйственного уклада — это и добровольность, и взаимовыгодность, и невмешательство, и разнообразие, и ограниченность интеграции определенной экономической сферой формирования общего рынка, и жесткая граница. То есть мы не ставим перед собой задач, как Европейский союз, интегрировать всех в один котел с унифицированной системой регулирования. В этом смысле наша модель интеграции — она как раз интегральная, извиняюсь за тавтологию. Европейский союз я бы назвал бюрократической империей, которая пытается все национальные государства раздавить. И мы видим, как это происходит на Украине, в Молдавии. Везде, где ассоциация с Евросоюзом начала работать, везде хаос и практически прекращена всякая национальная идентичность.

Я думаю, что сборка нового мирохозяйственного уклада,

новой архитектуры идет на наших глазах через сопряжение Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь». Пока это не очень заметно, особенно с нашей стороны, мы достаточно вяло сопрягаемся. Но в то же время движение по этому направлению ставит под сомнение некоторые фундаментальные основы существующего миропорядка. Например, либерализацию валютного регулирования. Модель Китая, как и других стран, которые движутся по пути интеграции социализма и рыночной экономики, не предполагает либерализации валютного регулирования по счету капитала, например. И никому это не навязывает. Также Китай не стал полноправным членом ВТО. Он на это не претендует, потому что сохраняет множество ограничений в своей экономической модели, которая не вписывается в унифицированную простую модель ВТО.

Усложнение нашей экономики — это задача на ближайшие 10–15 лет, которую мы должны решить

Трудно подобрать на замену доллару международный эквивалент. Тем не менее движение по этому пути неизбежно происходит, потому что американская агрессия, стремление сохранить свою гегемонию и понимание всех участников, что мощь Америки основана на эмиссии мировой валюты, подталкивает нас к созданию антивоенной коалиции с тем, чтобы не допустить мировой войны. Не буду на эту тему распространяться, но скажу, что при смене мирохозяйственных укладов, к сожалению, всегда проходили мировые войны, потому что прежний гегемон никогда не хотел уступать свое доминирование новым лидерам. И наша задача — попытаться сконструировать такую сборку нового мирохозяйственного уклада, которая бы исключила перерастание сегодняшней гибридной войны в глобальный серьезный конфликт с применением современных видов оружия. Иными словами, мы придем к поливалютной системе, и современная цифровая революция в денежном обращении дает нам возможность построить мировую валютную систему на совершенно новых условиях. Я не говорю про частные криптовалюты, я говорю про применение цифровых технологий для национальных денег. Они по-прежнему остаются фиатными, то есть не обеспечены ни золотом, ни какими-то ценностями, но государство контролирует их движение. И при этом исчезает необходимость традиционных механизмов банковского валютного контроля, потому что Центральный банк видит движение каждой денежной единицы и может оперативно в онлайн-режиме реагировать в случае, если эта денежная единица выходит за установленные контуры денежного обращения. Это все длительный процесс.

Сейчас весь мир вступил в переходную экономику. Мы, к сожалению, оказались в арьергарде, могли бы оказаться в числе лидеров, вместе с Китаем и Индией. Но надо понимать, что либеральная утопия, о которой нам говорили 20 лет назад, уже развеялась как миф. И сегодня нам нужно стремиться к тому, чтобы не оказаться разорванными между двумя центрами — старым, во главе с Соединенными Штатами, и долларовой эмиссией, и новым центром, где Китай и другие страны Юго-Восточной Азии перетягивают на себя экономическую активность. Нам нужно стремиться оказаться в ядре нового технологического мирохозяйственного уклада. Здесь я с Александром Шировым хочу поспорить: 5% — это далеко не предел, и нам нужно думать не об этой спирали, когда рост доходов ведет к росту импорта, нам нужно думать о другой спирали — рост инвестиций, рост разнообразия собственных товаров, повышение конкурентоспособности, рост доходов, расширение внутреннего рынка.

**РОССИЯ
КОНТРОЛИРУЕТ
60–65%
ИНДИЙСКОГО
РЫНКА
ВООРУЖЕНИЙ**

Возможности и вызовы для России

Дынкин: В 2014 году мы опубликовали несколько сценариев развития динамики мирового порядка, и один из сценариев мы назвали «новый мировой порядок с элементами холодной войны». Это как раз то, о чем сегодня многие говорили, то есть формирование некоей группой государств одного полюса — условно говоря, Соединенные Штаты, страны НАТО и Япония, и формирование другого полюса — это Россия, Китай, Иран, видимо, Северная Корея. Вот такой сценарий мы нарисовали, и наш вывод был такой — реализация этого сценария не очень соответствует жизненным интересам России. В какой-то обозримый период времени, благодаря достаточно высокому профессионализму наших внешнеполитических служб, сильной модернизации армии, скорости принятия решений, мы можем лидировать в этом тандеме, но за горизонтом 10–15 лет очевидно, что и экономическая, и демографическая, и технологическая асимметрия с Китаем приведут к тому, что мы станем младшим партнером и вынуждены будем обслуживать чужие национальные интересы. Такова реальность.

Второй сценарий: это новый глобальный концерт наций, то есть достижение какого-то компромисса между ведущими глобальными и региональными державами относительно модели глобального управления и распределение сфер влияния — достижения некоего баланса сил. Жизнь показывает, что, увы, все больше и больше заметно движение в сторону новой bipolarности. И это та тема, которая пока не получает ответа. Китаю, конечно, интересно, чтобы Россия целиком включилась в обслуживание его внешнеполитических интересов. Я вам могу сказать, что сегодня выдвигается идея формирования совместных групп внешнеполитического планирования по стратегии на европейском, американском и африканском направлениях. Мы пока это слушаем, не реагируем, понимаем, кто будет играть первую скрипку в этом концерте.

Безусловно, Китай — очень важный партнер, и нам надо всячески углублять это сотрудничество, особенно в высокотехнологических секторах. Группу китайских генералов свозили в Сирию, показали, как это все устроено, и китайские заказы на вооружение в прошлом году автоматически выросли. До этого крупнейшим покупателем нашего оружия была Индия. Действительно, за Индию сегодня идет серьезная борьба. Мы контролируем примерно 60–65% индийского рынка вооружений, но американцы очень агрессивно действуют на этом рынке. Им помогает то, что индусы, как ни странно, очень опасаются Китая. То есть в их политологических кругах, кругах тех, кто занимается внешнеполитической стратегией, существует просто панический страх перед Китаем — они это объясняют строительством Каракорумского шоссе с выходом в порт Гвадар, который является портом двойного назначения, и воен-

но-морским, и торговым. Этот порт находится в устье Персидского залива, и, конечно, стратегически он индусов очень беспокоит, но я считаю, что нам надо всячески продолжать бороться за Индию. Индусы сделали несколько шагов навстречу, предвосхищая санкции. Так что если раньше по поставкам вооружения и военной техники нужно было две гарантии — российского банка и индийского, — то сейчас, чтобы не подставлять индийский банк, они недавно приняли новый закон, теперь гарантия индийского банка не требуется...

Вторая тема — это тема идентичности, национализма, и это абсолютно справедливое наблюдение, потому что этот тренд — универсальный. Очевидно, что брекзит — попытка самоидентичности Британии, Японии. В Иране тоже слышны заявления о великой Персии. Эрдоган вспоминает великий Туран. Нарендра Моди — лидер националистической партии в Индии — тоже все время употребляет термин «индийская гордость». Этот тренд, на мой взгляд, возник как некая реакция на глобализацию.

Еще одна проблема, о которой я хочу сказать, Сергей Юрьевич отчасти ее коснулся. То, что происходит сегодня в развитой

части мира, во многом связано с тем, что исчерпан тот социальный контракт, который действовал в Западной Европе и Соединенных Штатах в последние 50 лет. Если сильно упростить, то суть этого контракта заключалась в том, что каждое следующее поколение людей жило лучше предыдущего. То есть дети жили лучше родителей. Сегодня эта динамика сломалась. В Соединенных Штатах ВВП на одно домашнее хозяйство не растет последние 20 лет.

Ситуация в Европе еще тяжелее. И отсюда — поиски выхода. Кто-то их видит в протекционизме. Выборы 2017 года показали, что правые националистические партии потерпели поражение на выборах, поэтому появился Макрон, поэтому, видимо, Меркель удастся договориться с социал-демократами. Кто-то говорил о том, что ожидания, будто Европе конец, они, конечно, не оправдались... Экономическая динамика в странах Европейского союза — на подъеме, хотя там масса других структурных проблем...

Я согласен с Сергеем Юрьевичем, что «четвертая промышленная революция» — это, конечно, колоссальный сдвиг не только производительных сил, это сдвиг в образе жизни. Увеличивающийся разрыв очевидно с этим связан. Конечно, здесь много угроз и вызовов, в частности, достаточно серьезные люди пишут о появлении избыточной рабочей силы.

Еще надо сказать о тренде поиска общественной модели. Если раньше говорили об обществе благосостояния, о социально-рыночной модели, сегодня этих разговоров не слышно, боль-

ше говорят об обществе ответственности, когда на индивидуума с юности будут возлагать ответственность за выбор и решения. И социальная поддержка, социальное государство в современном мире, наверное, будет проблематично. Поэтому вопросов больше, чем ответов.

OPPORTUNITIES AND CHALLENGES FOR RUSSIA

Alexander Aleksandrovich Dynkin
*President of the E.M. Primakov National Research
 Institute of World Economy and International
 Relations of the Russian Academy of Sciences,
 Academician of the Russian Academy of Sciences,
 Chairman of the International Committee
 of the FES of Russia*

In 2014, we published several scenarios for the development of the world order dynamics, and we called one of the scenarios “a new world order with elements of the Cold War.” It follows exactly what many people have said today, i.e. the formation of a certain group of states of one pole – let’s say the United States, the NATO countries and Japan, and the formation of the opposite pole, Russia, China, Iran, and apparently North Korea. We drew such a scenario, and our conclusion was this: the implementation of this scenario does not correspond to the vital interests of Russia. For some foreseeable period of time, thanks to the high professionalism of our foreign affairs agencies, army modernization, and the speed of decision-making, we may lead this tandem, but beyond the 10 or 15 year horizon, it is obvious that the economic, demographic, and technological asymmetry with China will result in Russia

becoming a junior partner and being forced to cater to the national interests of a foreign state. This is a reality.

The second scenario is a new global concern of nations, that is, the achievement of some kind of compromise between the leading global and regional powers regarding the model of global governance and the distribution of spheres of influence - achieving a certain balance of power. Alas, we see that movement towards a new bipolarity is becoming more and more noticeable. And this is the question that has not yet received an answer. To China, of course, is interested in Russia’s full involvement in serving its foreign policy interests. I can tell you that today much though is being given to the idea of establishing joint foreign policy planning groups for European, American and African affairs. We are listening to such ideas, we do not react, we understand who will play first violin in this concert.

Of course, China is a very important partner, and we need to intensify this cooperation in every way, especially in the high-tech sectors. A group of Chinese generals was taken to Syria, shown how everything was organized there, and the Chinese automatically ordered more weapons last year. Prior to this, India was the largest buyer of our weapons. Indeed, there is a serious struggle for India today. We control about 60-65% of India’s arms market, but Americans are very aggressive in this market. Their task is made easier by the fact that the Hindus, strange as it may seem, are very afraid of China. Their political scientists, those who are engaged in planning foreign policy strategy, are simply in panic because of the fear of China - they explain this by the construction of the Karakorum highway with access to Gwadar Port, which is a dual-use seaport, naval and commercial. This port is located at the mouth of the Persian Gulf, and, of course, it worries the Hindus a lot, strategically, but I believe we should continue to struggle for India in every possible way. Hindus took several steps in our direction, in anticipation of the sanctions. So, if previously a shipment of weapons and military equipment required two guarantees, one from a Russian bank and another from an Indian bank, now, in order not to expose the Indian bank, they have passed a new law stating that no Indian bank guarantee is required...

The second topic is one of identity, nationalism, and this is an absolutely fair observation, because this trend is universal. Obviously, Brexit is Britain’s attempt at regaining its identity; in Japan, Prime Minister Abe began visiting the Yasukuni temple where war criminals of the Second World War are buried, on quite a regular basis. Previously, Japanese premieres refrained from doing so. In Iran, too, there have been statements about the Great Persia. Erdogan recalls the great Turan. Narendra Modi, leader of the nationalist party in India, has also used the term “Indian pride” on many occasions. This trend, in my opinion, arose as a kind of reaction to globalization.

There’s another problem that I wish to speak

about, Sergei Yurievich has mentioned a part of it. What is happening today in the developed part of the world is largely due to the fact that the social contract that was in place in Western Europe and the United States during the last 50 years has been exhausted. If greatly simplified, the essence of this contract was that every next generation should live better than the previous one. That is, children lived better than their parents. Today, this dynamics has broken down. In the United States, GDP per household has not been growing for the past twenty years. The situation in Europe is even worse. And, hence, the search for a way out. Some see it in protectionism. In 2017, the right-wing nationalist parties were defeated in the elections, and Macron was elected instead, and Merkel will probably be able to reach an agreement with the Social Democrats. Someone said that the expectations of the end of Europe certainly did not materialize ... The economies of the countries of the European Union are on the rise, although there are a lot of other structural problems ...

I agree with Sergei Yurievich that the “fourth industrial revolution” is, of course, a colossal shift not only in the productive forces, but also in the way of life. The increasing generation gap is obviously connected with this. Of course, there are many threats and challenges, in particular, some serious thinkers have written about excessive labor.

Still it is necessary to speak about the trend associated with searching for a social model. If previously we talked about a welfare society, a socio-market model, today these terms are neglected, there’s more talk about the society of responsibility where individuals, from their youth, will be responsible for the choices and decisions they make. Social support or the social state will probably be problematic in the modern world. Therefore, there are more questions than answers.

РАЗВОРОТ НА ВОСТОК

ПОМОЖЕТ ЛИ СМЕНА ОРИЕНТАЦИИ ПОДТОЛКНУТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ?

В постперестроечные годы экономика России была ориентирована на Запад. Сейчас активно обсуждается тема поворота нашей экономики на Восток. Как говорил Киплинг, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Возможно ли сойтись в новой экономической реальности России Западу и Востоку?

СОБЕСЕДНИКИ

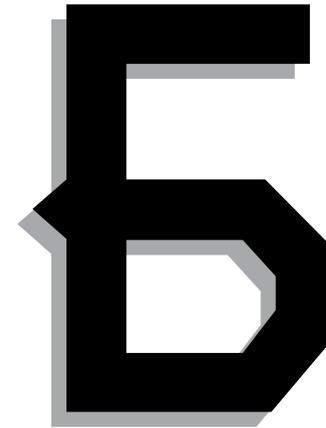
*Алексей Владимирович Кузнецов,
заместитель директора, руководитель Центра
европейских исследований
Института мировой экономики и международных
отношений РАН,
член-корреспондент РАН*

*Андрей Павлович Бунич,
президент Союза предпринимателей и арендаторов
России, генеральный директор Международного фонда
содействия предпринимательству,
член Правления ВЭО России*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Алексей Владимирович, давайте напомним, с чем связана тема расширения экономических связей с Востоком?

Кузнецов: Есть объективная долгосрочная тенденция, которая связана с подъемом роли Китая, Индии и других стран Востока в мировой экономике. Весь развитый мир потихоньку разворачивается на Восток. Но есть и довольно конъюнктурная проблема, которая связана с тем, что мы сейчас испытываем период резкого охлаждения отношений с ЕС и США, по сути, это война санкций. И, естественно, возник вопрос, не стоит ли попытаться поискать партнеров где-то еще, а где-то еще — прежде всего, это страны Азии. Эти два фактора сейчас совместились, поэтому, конечно, есть определенный сдвиг на Восток и в торговых связях, и в инвестиционных связях, но я бы не стал его преувеличивать.

Бунич: В 2014 году, когда возник кризис, появились какие-то эйфорические настроения, связанные с идеей о том, что мы быстро переориентируемся на Восток, заменив всех старых партнеров, но экономически это не всегда было обосновано. Как часто бывает в России, какая-то неистовость в этом процессе присутствовала: вдруг сразу быстрее и только на Восток, и никуда больше. А на этом пути есть определенные ограничители: нельзя не учитывать то, что наши компании многие набрали кредитов у того же Китая — «Роснефть», «Газпром», «Транснефть», «Новатэк» должны вместе 70 млрд долларов. А китайцы централизованно действуют — там общий контроль партии над экономическими процессами, они смотрят, сколько уже взяли денег, и не хотят просто так дальше кредитовать, и это мы заметили по проекту «Сила Сибири» — ожидали, что они дадут какой-то аванс, но не получилось, а теперь цены упали, и проект оказался на грани рентабельности, поскольку слишком большие затраты на новую инфраструктуру, а с Европой при всех противоречиях у нас есть готовая инфраструктура, и экономически это всегда будет играть определенную роль.

Отвернуться от Европы не получится

Кузнецов: Безотносительно того, будем ли мы разворачиваться на Восток или нет, есть определенный предел сохранения наших связей с Западом. То есть, например, сейчас, когда мы говорим о внешнем торговом обороте с Европейским союзом, да, доля упала почти с половины до 43–44%. Существуют самые радикальные прогнозы, что к 2030–2035 году, если все будет развиваться негативно в отношениях, цифра может снизиться до 30–35%, но ниже это ни в каком варианте не будет. Так же, как и наоборот: разворот на Восток, если мы даже будем его понимать очень широко — брать не только Китай, а всю Азию, может быть, даже Африку, будет ограничен тем, что технологические связи на Востоке возможны только с несколькими более или менее развитыми странами типа Южной Кореи, Японии и еще нескольких государств.

Если говорить о сырьевом экспорте, то в Европе больше платят, инфраструктура развернута у нас на Запад, если даже посмотреть на сельскохозяйственный российский импорт после введения ответных мер против Европейского союза, замещение там идет в основном не за счет восточных стран. По молоку — это Белоруссия, Сербия и Армения. По рыбе — Гренландия, Фареры, есть немного Вьетнама и Китая, но в целом эти все общества западные. Все-таки мы ближе к западному обществу и по ментальности, и по технологии бизнес-процессов. И для нашего бизнеса, что бы кто ни говорил, комфортной средой является Европа, а не Азия.

Бодрунов: Мне довелось много общаться с индийскими и китайскими деловыми партнерами в годы работы в оборонном комплексе — мы поставляли оборонную технику этим странам, и вопрос всегда стоял так, что вы нам даете не просто технику, а технологии. На одной из научных конференций на нашем Дальнем Востоке лет 10 назад выступал китайский бизнесмен, он сказал так: мы очень заинтересованы в развитии отношений с Россией и видим наше партнерство очень далеко и перспективно, Россия — страна огромных залежей нефти, газа, леса, Китай — страна людских ресурсов, интеллекта, промышленного потенциала, поэтому наш путь интеграции таков, что Россия нам дает сырье, а мы даем российским предприятиям готовую продукцию. Вы понимаете, какой тренд?

Кузнецов: Действительно, ситуация довольно сложная, особенно с азиатскими партнерами. Мы в Институте мировой экономики и международных отношений по заказу Евразийского банка уже пять лет ведем мониторинг реальных взаимных инвестиционных потоков как внутри СНГ, так и с азиатскими странами. И конечно, видно, что китайцы пытаются контролировать

«ДОЛЯ
ВНЕШНЕТОРГОВОГО
ОБОРОТА
С ЕС УПАЛА
ПОЧТИ С
50%
ДО
43–44%.
ЕСТЬ РАДИКАЛЬНЫЕ
ПРОГНОЗЫ, ЧТО К 2030–
2035 ГОДУ ЦИФРА
МОЖЕТ СНИЗИТЬСЯ ДО
30–35%,
НО НИЖЕ — НЕ БУДЕТ»

сырьевые и инфраструктурные активы. Скорее всего, у нас две беды: во-первых, очень мало специалистов по восточным обществам, и если у нас готовят востоковедов, то, как правило, с крепким в филологию, историю, а востоковедов-экономистов у нас мало, их очень тяжело найти. И действительно, получается так, что у нас эти переговоры вести достаточно сложно.

Во-вторых, мы зацикливаемся на Китае, а большие перспективы если где и могут быть, то в отношениях с Юго-Восточной Азией, с Индией. Но эти рынки мы, к сожалению, скорее потеряли за последние 20–30 лет, чем приобрели. Конечно, мы периодически слышим громкие заявления и о том, как РЖД будет строить железные дороги на Калимантане, в Пакистане у нас будут трубы класть наши специалисты чуть ли не с нашими инвестициями. Опять же, это еще одна специфика азиатского рынка: они очень много рассказывают о планах. Сейчас, например, анонсирован приток прямых иностранных инвестиций из ОАЭ в Россию. Все время говорят о миллиардах, то они пытались купить кусочек «Вертолеты России», то в нефтяные месторождения войти, то еще куда-то. А когда мы стали смотреть конкретные сделки, где деньги реально дошли, то выяснилось, что это буквально несколько проектов в АПК, портовых комплексах...

Бунич: В принципе, у нас на гербе орел смотрит в две стороны — мы не можем полностью развернуться в одну сторону. А с Китаем, действительно, есть сложности: я даже добавлю, что ВПК они часто копируют, и потом уже не нуждаются в нас дальше, и начинают конкурировать.

Бодрунов: И не просто конкурировать, а просто выбрасывают с рынка.

Бунич: И получается так, что мы отдаем целые сегменты рынка через 10 лет.

Реиндустриализация Запада и китайский путь

Бодрунов: По этому поводу приведу интересное наблюдение одного нашего специалиста Вольного экономического общества по поводу победы Трампа: он сказал, что история Америки последних 20 лет — это история изгнания собственной промышленности и передача технологий в Азию. Спекулятивный капитал правил бал, и ему это было выгодно, но Америке настолько стало худо от этого, что избрали технократа Трампа.

Есть объективная долгосрочная тенденция, которая связана с подъемом роли Китая, Индии и других стран Востока в мировой экономике

Кузнецов: Тема реиндустриализации развитых стран сейчас очень активна. Вопрос в США очень актуален, но решение можно понимать по-разному: требования развития современных отраслей промышленности таковы, что мы не во всем можем копировать опыт, потому что нам чаще выгоднее развивать какие-то средние по своей технологичности отрасли, достраивать свои цепочки, в том числе и сырьевые, там, где это выгодно. Что-то у нас реальный бизнес и делает, но просто медленнее, чем хотелось бы населению. И, конечно, в данном случае азиаты — это большие конкуренты.

Опять же, мы в ИМЭМО проводили исследования — сравнивали транснациональные компании стран БРИКС, и выяснилось, что мы там куда большие конкуренты, чем с ТНК тех же западноевропейских стран, поскольку конкурентные преимущества экономики России и западных стран, как правило, различаются. И в принципе, если бы была более благоприятная политическая среда и если бы был более активен бизнес, может быть, с информационной поддержкой экспертного сообщества получалось бы выстраивать трансграничные цепочки, как любят сейчас говорить, создания добавленной стоимости с участием как западноевропейских ТНК, так и российских, по захвату восточных рынков. А вот идея, например, сопряжения Шелкового пути и ЕАЭС... По сути это инвесторы из России и Китая. Как они будут делить Центральную Азию? На мой взгляд, это пока лишь подстраховка, чтобы не оказаться с носом и не потерять регион.

Бунич: Я думаю, что там совсем перспектив нет: зачем Китаю сопрягаться в этом вопросе с Россией, если у них уже все готово для того, чтобы сделать такой путь.

Бодрунов: Я вижу эту ситуацию с прагматичной точки зрения. Представим себе, что китайские руководители сформировали себе примерно экономически наиболее целесообразный путь в Европу через Среднюю Азию, Центральную Азию. И тут приходим мы и говорим: мы же Россия, через нас ближе, лучше и так далее? Они взвешивают на своих китайских весах со своими гирьками все наши риски, проблемы и говорят, что, да, хорошо бы с Россией, потому что тут и нефть, и газ. Как бы нам так сделать, чтобы и мимо России пройти, и с Россией подружиться?

Кузнецов: Китайский Шелковый путь — все-таки это еще не готовая концепция.

Бодрунов: Говорят, что под него уже строить начали что-то.

Кузнецов: Строить — да, но они же мыслят немного по-другому, нежели европейцы, — более длинными перспективами.

Бодрунов: То есть мы «пролетим» тут?

Кузнецов: Это зависит от того, что мы будем делать, потому что, конечно, у них есть определенные намеки на то, что они хотят делать, но концепция довольно-таки гибкая, соответственно, они именно поэтому готовы включать новых участников. Более того, рыночная среда меняется, и тот маршрут, который сегодня преподносится как приоритетный, через 10 лет может пойти параллельно.

Бодрунов: Зная способы торга восточных бизнесменов, никто сегодня не говорит о том, что этот маршрут будет железно проведен через Центральную Азию. Мне кажется, мы с ЕАЭС пытаемся войти с заднего крыльца, успеть на этот поезд, который называется Шелковый путь, и он уже тронулся в путь. И это просто запасной вариант для наших партнеров в Центральной Азии, Средней Азии.

Кузнецов: Центральная Азия — это не просто путь из Китая в Европу и обратно. В принципе, при нормализации, например, ситуации с Ираном, это перпендикулярные маршруты в направлении север — юг. И китайцы не только пытаются использовать Среднюю Азию как транзит, но они хотят там размещать производства. При этом, конечно, элиты среднеазиатских стран и Казахстана немного побаиваются китайцев. Что бы они ни говорили по поводу российских имперских амбиций, некоторые из них прекрасно понимают, что Россия в какой-то степени — козырь в переговорах.

Бунич: Это щит.

Бодрунов: Поворот на Восток — тема в любом случае интересная и живая. Как вы полагаете, мы можем диверсифицировать российскую экономику в двух парах направлений: сырье — технологии и Запад — Восток?

Бунич: Естественно, это насущная необходимость, это и происходит уже, хотя есть сложности в связи с освоением Дальнего Востока, Восточной Сибири. Там очень мало населения: если брать огромную территорию Забайкалья и дальше — всего 6 млн человек. А у Китая перепись населения делается силами 10–15 млн человек — только переписчиков. Поэтому мы находимся сегодня в очень сложной ситуации, и разговор об этом ведется долго. Еще с 1970–1980-х годов говорится о том, что нужно Дальний Восток сделать приоритетом, но почему-то он приоритетом не становится. Мы не можем потерять инициативу, а китайцы — опытные переговорщики, и то, что они говорят на все «да», не нужно обольщаться этим, потому что, как специалисты ведения переговоров с Китаем утверждают, у них есть сто вариантов ответа «да».

Бодрунов: Получается, когда русских обвиняют в том, что у нас «нет» значит «да», это ерунда по сравнению с китайским «да»?

Бунич: Да, а тут совсем непонятно, сто степеней.

Кузнецов: Они пытаются совсем не говорить «нет».

Бунич: И нельзя им не отдать должное в стратегии, то есть они умеют строить надолго, смотрят на ситуацию, видят, в каком положении находится Россия, и будут исходить из этого. Конечно, у нас уже произошла частичная переориентация, но она недостаточна, то есть Дальний Восток мы должны развивать гораздо больше для того, чтобы он стал центром притяжения инвестиций.

Не Китаем единым

Бодрунов: Тема Востока и России не ограничивается Китаем, сюда входят и наши отношения с республиками Центральной Азии, сюда входят Индия и другие страны. Недавно меня в Лондоне вез таксист-пакистанец, он рассказывал, что теперь Россия и Пакистан — очень дружные страны, потому что начали торговлю оружием. Он выразился мягче — сказал, что технологиями обмениваться будем. Если таксист из Пакистана в Лондоне говорит об этом, значит, наверно, в Пакистане это где-то рассматривается.

Кузнецов: Да, но при этом важно не ухудшить отношения с Индией.

Бодрунов: Само собой, мы это прекрасно понимаем. Более того, я думаю, что Россия стала очень важным элементом налаживания межгосударственных отношений между Индией и Китаем, потому что, если мы хотим в рамках ШОС или БРИКС делать единые проекты, которые могут позволить потенциал России, Индии и Китая в каких-то вещах объединить и противопоставить попыткам западного капитала сохранить гегемонию в мировой экономике, эти проекты охватят половину населения земли, половину территории, более половины мировых запасов разнообразных ресурсов. Это ресурсы и человеческие, и материальные, и природные, и так далее — вплоть до того, что это ресурсы питьевой воды. Все это тут есть, и если добавить сюда республики Центральной Азии как связующее звено, тут хватит всем зажить.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«ПУТЬ К СЧАСТЛИВОЙ
ЖИЗНИ»
Г.Н. Цаголов, д. э. н.

Профессор
Международного универси-
тета в Москве Георгий
Цаголов, как специалист
в экономиках Китая,
Вьетнама и ряда других
стран Юго-Восточной Азии,
очень подробно и тщатель-
но описывает их представ-
ление о пути к счастливой
жизни.

«О ЕВРОПЕЙСКОМ
СОЮЗЕ
И ЕВРАЗИЙСКОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ
СООБЩЕСТВЕ»
С.Ю. Глазьев,
В.И. Чушкин, С.П. Ткачук

Детальный анализ соотно-
шения и взаимоотношений
двух организаций.

Кузнецов: Чем вообще интересна Азия для России? Мы же знаем, что у нас экономически довольно слабая переговорная позиция, потому что мы за 25 лет потеряли свое место в мировой экономике, но, поскольку в Азии очень много проблем увязано с международными отношениями, с безопасностью, с политикой, а тут все-таки великая держава — обладательница ядерного оружия, у нас остается ресурс. Поэтому, конечно, мы интересны, поэтому есть ШОС, корейские переговоры, Иран, — а дальше будет еще очень много других противоречий в Азиатском регионе. И России нужно капитализировать свой политический вес через развитие в том числе экономических контактов. Это тяжелая работа, я бы не сказал, что мы к ней так уже готовы, но у нас вариантов нет.

Бунич: Мне кажется, мы не готовы структурно, с инфраструктурной точки зрения и т. д., может быть, наши министерства и ведомства еще не осознали этого до конца, но глобально политически мы уже это понимаем.

Бодрунов: И вот наши западные партнеры, которые санкции вводят, могут глубоко заблуждаться в том, что Россию можно так воспитать. В этом плане, как я думаю, поворот на Восток, возможно, это какая-то ключевая точка в развитии нашего понимания того, что необходимо диверсифицироваться и жить со всеми в дружбе и в нормальных отношениях.

Бунич: Я хочу добавить, что, если мы политические союзники, это еще не является основанием развития экономического сотрудничества. Да, мы вместе противостоим западному миру, его интегрированной позиции, но экономика — чуть-чуть отдельно. У нас же была теория, что если мы сейчас становимся союзниками Китая, тогда Китай бросится в нас инвестировать, деньги давать. И эта теория неверна.

В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

А ЧТО НА ЗАПАДЕ?

Что будет с ЕС: прогнозы

Германия как лидер ЕС

*Алексей Анатольевич
Громько,
директор Института
Европы РАН,
член-корреспондент РАН*

Громько: На фоне процедуры выхода Великобритании из Евросоюза ясно, что в Евросоюзе вскоре останется единственный явно выраженный лидер — Германия.

Современное драматическое состояние дел в Евросоюзе, в том числе Brexit, избрание Трампа, безусловно, ставит вопросы о будущем этого регионального интеграционного проекта, в частности об усилении различных диспропорций и диспаритетов внутри Евросоюза. Для Германии эти и другие драматические события ставят существенные вопросы о своей тактике и стратегии: как внутри объединения, так и на международной арене...

Большим испытанием для политических амбиций Германии стал долговой кризис целого ряда стран (Ирландии, Португалии, Италии, Испании), а затем, конечно же, в последние два года, — миграционный кризис. В первом случае, в случае кризиса долговых обязательств, репутация Берлина пошатнулась в глазах Южной Европы, включая Францию и Италию. Во втором, в случае миграционного кризиса, репутации Берлина был нанесен удар в глазах Центральной Европы, особенно «Вышеградской четверки» (Польша, Словакия, Чехия и Венгрия).

Все больше стран в последние два-три года подозревают Германию в том, что она действует, исходя не только и даже не столько из общего блага, сколько из собственных интересов, тем самым в очередной раз стимулируется дискурс о так называемых национальных эгоизмах в Евросоюзе.

Но все-таки светлая сторона Brexit для Германии состоит в том, что продолжение дрейфа Лондона от континентальной Европы вновь стимулирует рассуждения о лидерстве Берлина в Европе. Здесь, конечно, много «но». Может ли быть лидерство, предположим, без жесткой силы? Что нам говорят данные? Численность бундесвера составляет (данные за прошлый год) 185 000 человек. До объединения эта численность была — 600 000. Расходы на оборону в ВВП страны с 2009 по 2014 год снизились с 1,44 до 1,29%...

В новой глобальной стратегии ЕС так и написано, что в современном хрупком мире мягкой силы недостаточно. Одновременно Берлин проявляет антипатию к наращиванию собственной жест-

кой силы, хотя и со все меньшей степенью убежденности и интенсивности. То есть я считаю, что речь все-таки еще продолжает идти о феномене сомневающегося лидера, который во многом тяготится выпавшей на его долю ответственностью. В то же самое время культура военной сдержанности, традиционная для Германии, начала давать первые трещины. Если германский пацифизм все же будет доминировать и дальше, вместо усиления роли Германии Brexit может привести и к новому эффекту: к высвобождению политического пространства для продвижения амбиций уже не Германии, а других государств, например, Франции, Италии, Испании, Польши. Для Германии нет альтернативы, как усилить свои позиции, если она собирается консолидировать и сохранить Евросоюз. Важен также тот факт, что на сегодня Германия сохраняет свое место в категории наиболее еврооптимистически настроенных стран Евросоюза. Так, 23 марта был проведен социологический опрос в стране, который показал: 45% немцев считают, что членство в ЕС выгодно для Германии, а 75% проголосовало бы за сохранение членства Германии в Евросоюзе, если бы такой референдум в стране был проведен.

Если центры силы захотят

Ершов: Говоря сейчас о прогнозах, надо, конечно, рассматривать весь набор аргументов, которые при этом могут сыграть свою решающую роль...

Напомню нам всем историю возникновения ЕС, когда главным фактором была не экономическая ситуация, не экономический аргумент, а политический: страны отличались между собой настолько, что они, по идее, не подлежали объединению в единую организацию.

С одной стороны, мы имели Германию, Францию, может быть, Италию, а с другой — ту же самую Португалию, ту же самую Грецию, то есть совершенно разного уровня развития. По классическим экономическим канонам эти страны не должны были входить под единый зонтик, по крайней мере, сразу, одномоментно, но вошли. Потому что было принято политическое в первую очередь решение, и уже потом был вброшен весь оставшийся ресурс, который позволил каким-то образом это все упаковать в некий единый структурный механизм...

Если по каким-то причинам те центры силы, которые принимают основополагающие решения в регионе, сочтут целесообразным механизм демонтировать, вновь по чисто политическим, в первую очередь, соображениям, значит, он будет демонтирован. Если, напротив, нет, то и тут будут созданы максимально комфортные условия, потому что опять, как и при создании, будет вброшен весь имеющийся набор ресурсов, который позволит системе так или иначе все проблемы, которые у них возникнут, перешагнуть и перемолоть...

Вроде как здравый смысл — специально говорю «вроде как» — говорит: «Ну кто же в здравом уме будет пытаться подерживать систему демонтажа более или менее, худо-бедно, сложившегося механизма, который уже действует 20 с лишним лет. Да, со скрипом, да, со сбоями, но что бывает идеально, осо-

*Михаил Владимирович
Ершов,
главный директор по
финансовым исследованиям
Института энергетики
и финансов,
профессор Финансового
университета*

бенно на начальных этапах?» Вроде как, вернусь к этому слову. Но с учетом того, что копят мощные системные проблемы в целом, которые так или иначе надо решать — долговые, геэкономического плана и так далее, — то как раз, где, как ни в условиях, когда будет такая повышенная турбулентность, такие проблемы комфортно решить? Почему нет?

То есть мы должны иметь в виду, что есть, при кажущемся противоречии здравому смыслу, определенные центры интересов и определенная мотивировка, говорящие о том, что и у такого варианта есть наверняка свои союзники.

Хоронить Евросоюз не надо...

Гринберг: 60 лет назад родилась интеграционная группировка, совершенно уникальная, абсолютно беспрецедентная. И она уже 60 лет работает. Сколько я себя помню, говорят, что у них кризис и они скоро распадутся, — я это все время слышу, с детства. Пресса всегда пишет о плохом, потому что о хорошем никто читать не любит. На самом деле Европейский союз сделал три шага вперед и два шага назад, пресса пишет об этих двух шагах, а реальность такова, что они на шаг впереди.

За последние 60 лет это единственное место в мире, которое может считаться идеальным, где, почти как в учебнике, все работает — я имею в виду плюралистическую демократию, социально-рыночное хозяйство и гражданское общество...

В общем, я думаю, что пока нам хоронить Европейский союз не надо, что все там плохо, но, на самом деле, надо завидовать, потому что это остров изобилия. Их всего 7% населения в мире, и никто так не живет, как они. И не случайно все хотят там жить, несмотря на то что мы серьезно обсуждаем, какие у них там проблемы тяжелые.

Я думаю теперь о России все-таки, в связи с тем, что происходит. Похоже, что наши отношения на нуле находятся. Мне кажется, если Германия не окажет мощного влияния на Киев, а мы не окажем мощного влияния на начальников самопровозглашенных и независимых в Луганске и Донецке, мы никогда не сможем подружиться. А у России нет альтернативы, кроме как вместе с Европой жить в этом мире, в котором будут править две нации, без всяких разговоров: уходящая Америка и восходящий Китай.

Так что мне кажется, что Россия должна занять свое место в историческом плане. То есть не только иметь друзей в формате армии и флота, а все-таки иметь настоящее соседство, которое бы делало ее цивилизованной.

Руслан Семенович Гринберг,
научный руководитель
Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН

Лидерство Германии под вопросом

Митрофанова: Вся послевоенная история отучила немцев от претензий на лидерство, и тени прошлого дают о себе знать сразу же, как только Германия пытается что-то сделать. Мне кажется, лакмусовой бумагой на это все был греческий кризис 2015 года, когда Ципрас заявил о референдуме. Берлин тогда поступил весьма непolitкорректно, довольно грубо, отойдя от свойственного Германии политеса. После этого Германия оказалась в некоем моральном вакууме, потому что Германию стали обвинять в жестокости, в меркантилизме и так далее. Фактически в тот момент зашатался фундамент вот этого германского лидерства, хотя можно с уверенностью сказать, что Греция не удержалась бы на плаву без немецких денег.

Дальше Меркель взяла на себя инициативу в отношении беженцев, которые многих в Европе откровенно раздражают. И ее правительство при этом несет необходимые расходы. В прошлом году в Германию поступили 440 тысяч ходатайств о предоставлении убежища. По сравнению с 40 тысячами, которые, например, приняла Великобритания. А Франция и того меньше. Можно сказать, что Германии как самой крупной нации в ЕС разрешено лидировать и иметь решающий голос в достаточно спорных переговорах при условии, что она платит за это за все много денег, больше, чем остальные.

Полагаю, что после выхода Великобритании Германия выходит на лидерские позиции. И этот выход Великобритании может в какой-то мере отразиться и на ее экономических позициях, и на позиции внутри Евросоюза, поскольку в рамках брюссельской политики они были главными союзниками в валютно-финансовых и торгово-экономических вопросах.

Полагаю, что в условиях все увеличивающейся финансово-экономической нагрузки на экономику Германии в рамках Еврозоны будет усиливаться ее политическое влияние, и этого влияния будут бояться, вспоминая опять же 1930-е годы. И полагаю, что такой фактор не останется без внимания США. С возможными последствиями в плане возвращения в том или ином виде к идее трансатлантического партнерства...

Несмотря на кризис во многих сферах, по всей видимости, в ближайшее время мы будем наблюдать со стороны ЕС исключительно ситуативную реакцию на те или иные раздражители, а не глубокое переосмысление задачи функционирования ЕС. Об углублении интеграции, я полагаю, говорить вообще не приходится, от евро, думаю, никто не откажется, а тянуть эту лодку, в которой по политическим причинам были посажены страны, которые не отвечали практически ни одному критерию, будет Германия. Поэтому Германия в любом случае на долгие годы будет этим локомотивом.

Элеонора Валентиновна Митрофанова,
чрезвычайный
и полномочный посол,
постоянный представитель
РФ при ЮНЕСКО до 2016 года,
д. э. н.

России и Европе нужно сотрудничество

— Для России Евросоюз — это и источник капитала, и источник технологий, и рынок сбыта. Сохранится Европейский союз или нет, но европейские страны были и всегда останутся нашими соседями, с которыми мы будем вести диалог и работать в этих странах. Почему это важно? Потому что даже в условиях санкций сейчас, по крайней мере, по тем проектам, в которых я принимаю участие, партнеры из Евросоюза идут на то, чтобы заменить инвестиции в Россию поставками оборудования в качестве инвестиций. Даже в этих условиях санкций находят-ся возможности для реализации проектов на уровне B2B, на уровне негосударственных, частных компаний среднего и малого бизнеса.

Это расширение контактов будет продолжаться, несмотря ни на какие санкции. Существуют и новые возможности для экспорта российских услуг. Мы говорили об экспорте товаров, сейчас речь идет о том, чтобы расширить сферу экспорта услуг. У нас имеются совместные проекты и в области инновационных технологий, например, обеспечения информационной безопасности беспилотных автомобильных средств. Россия является мировым экспертом, лидером в этой отрасли.

Понятно, что России следует стремиться к установлению каких-то льгот для тех регионов, отдельных регионов Евросоюза, типа Баварии, которые готовы идти на сотрудничество с Россией, несмотря ни на какие санкции.

И последний такой интересный момент, с которым я столкнулся, — это диверсификация состава членов совета директоров международных компаний. Российские директора, как ни странно, очень востребованы в странах Евросоюза. Почему? Потому что наши люди, которые выживают в нелегких условиях российского бизнеса, могут принести те знания, которые отсутствуют в той стройной структуре логики развития бизнеса, которая существует в Евросоюзе.

Жёсткость Германии к «младшим» партнёрам

Джеймс Гэлбрейт,
профессор Техасского
университета,
член Международного
комитета ВЭО России

Гэлбрейт: Я хотел бы коснуться нескольких очень сфокусированных позиций по той весьма интересной дискуссии, которая у нас сегодня проходит, и сделать комментарии, исходя из собственного опыта консультирования правительства Греции, в частности, министерства финансов Греции в 2015 году. Это весьма острый год для судьбы Греции. В это время мне приходилось курсировать между Афинами, Парижем, Брюсселем и Берлином. Безусловно, я согласен с профессором Громыко в том, что Германия — локомотив Евросоюза, но одновременно Германия является и причиной таких стрессов, которые испытывает Евросоюз, и, в частности, греческая экономика.

Германия аккумулировала большие валютные потоки с большим излишком, что привело к высокой задолженности других стран Евросоюза. Эти дисбалансы особенно ярко проявились во время кризиса 2009 года. И они были связаны во многом с той жесткой политикой, финансовой и денежно-кредитной, которую Германия навязывала остальным членам Евросоюза. Я полагаю, что основа этой политики — идеологическая. Но ее смысл, скажем, в 2015 году был связан просто с примитивной целью возврата долгов и приобретения активов на территории этой страны. Похожие тенденции сегодня разворачиваются

в экономике Кипра. В Греции, например, был введен жесткий валютный контроль в греческих банках, что, конечно, не помогает их восстановлению. Греция уже является банкротом в течение семи лет.

Похожая ситуация в Италии, несмотря на то что экономика этой страны в 10 раз больше греческой, она находится в рецессии уже семь лет. Итальянские банки неустойчивы, и один из банков, у которого был очень приличный капитал в начале рецессии, несколько миллиардов долларов, окончил свою жизнь, обанкротился, имея на балансе несколько центов. Если такой же жесткий контроль за капиталом будет внедрен в Италии, я полагаю, это будет концом Евросоюза.

Но есть опять же идеологический компонент, поскольку руководство в Берлине, правительство Германии сегодня абсолютно нетолерантно к левым правительствам, которые избирают на юге Европы. Похожая политика, эта идеологическая нетолерантность к левым правительствам проявлялась не только в Греции, но и в Португалии, и она является той проблемой для Евросоюза, на которую надо обратить внимание.

Я считаю, что наиболее сложные проблемы сегодня не во Франции, а в Италии, потому что в соответствии с опросами итальянская партия «Пять звезд» сегодня занимает ведущие позиции. Жесткая позиция министерства финансов Германии во главе с господином Шойбле может привести к кризису и в Италии, и в Греции. Я думаю, что цель господина Шойбле — это выход Греции и Италии из Евросоюза, и ради этого он готов обречь эти страны на достаточно жестокий кризис.

Комментируя выступление Руслана Гринберга, я хочу сказать, что существует достаточно жесткое давление стран Евросоюза на другие европейские страны, еще не вступившие в эту зону. И во многом в этой игре участвует нынешняя администрация Соединенных Штатов.

Я полагаю, что судьба Европейского союза целиком в руках Германии, судьба Европейского союза будет зависеть от степени жесткости ее финансовой политики.

Евросоюз — не модель для России

Александр Александрович Дынкин,
президент Национального
исследовательского
института мировой
экономики и международных
отношений им. Е.М.
Примакова РАН,
академик РАН,
председатель Международного
комитета ВЭО России

Дынкин: Интересная была история вступления Великобритании в Европейский союз, потому что очевидна англо-саксонская связка этой страны с Вашингтоном. В Вашингтоне была достаточно острая, не всегда публичная, дискуссия о том, что ближайший союзник вступает в объединение с недавним противником — Германией. Эта дискуссия закончилась тем, что лучше пусть Великобритания будет in, чем out. И это очень важно иметь в виду.

Сегодня Великобритания надеется на то, что теснейшие связи с Соединенными Штатами восстановятся. Недавно на конференции в Нью-Дели Борис Джонсон, министр иностранных дел Великобритании, сказал о том, что Великобритания намеревается строить зону свободной торговли в рамках содружества — того, что раньше называлось «Британское Содружество наций». В целом ответ от членов этого содружества не был отрицательным.

По поводу Германии — тут очень верно было подмечено то, что сегодня мир захватила волна поиска национальной идентичности, неонационализма, мы это видим и в Великобритании, и в Соединенных Штатах, это просматривается и в политике премьер-министра Японии, Абэ, который посещает храм Ясукуни, являющийся символом японского милитаризма. Такие же ноты звучат у Эрдогана (президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана. — Прим. ред.), даже у Виктора Орбана (премьер-министра Венгрии. — Прим. ред.), и так далее. И, наверное, но мы это обсудим на другом круглом столе, единственная страна, которая не может вернуться к этой теме, — это Германия. И это ее самая серьезная уязвимость.

Кроме того, из тех стран, которые остались в Европейском союзе после выхода Великобритании, только одна страна обладает полноформатными вооруженными силами, это Франция. У нее есть серьезный военно-морской флот и есть ядерное оружие, и при всех наших калькуляциях этой темы эту вещь, на мой взгляд, надо учитывать.

Касательно наших отношений с Европой. Я поддерживаю все те хорошие слова, которые были сказаны о неизбежности, и необратимости, и невозможности разорвать эти связи. Но не надо закрывать глаза на тот факт, что сегодня Европа не является для России моделью развития. Европейский тренд, на мой взгляд, на обозримую перспективу у нас отсутствует. К Европе относятся как к соседу, важному соседу, но только как к соседу, а не как к модели экономического и социального устройства жизни у нас в стране.

TURNING EAST

In post-perestroika years the Russian economy was oriented to the West. Now the question of turning our economy around to face the East is being actively discussed. As Kipling wrote, "East is East, and West is West, and never the twain shall meet." Is it possible for the East and the West to converge on the new economic reality of Russia?

Panelists:

Alexey Vladimirovich Kuznetsov
Deputy Director, Head of the Center for European Studies,
Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the
Russian Academy of Sciences

Andrei Pavlovich Bunich
President of the Union of Entrepreneurs and Leaseholders of
Russia, Director General of the International Foundation for
Entrepreneurship,
Member of the Board of the FES of Russia

Sergey Dmitrievich Bodrunov
President of the FES of Russia,
Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

There exists an objective long-term trend connected with the strengthening of the role played by China, India and other countries of the East in the global economy. The entire developed world is slowly turning east. But there is also a more immediate factor at play connected with the rapid worsening of Russia's relations with the EU and the US. Actually, it is a war of sanctions. And, naturally, the question has arisen whether Russian should look for partners elsewhere, and "elsewhere" means Asian countries first and foremost. These two factors have now aligned, so, of course, there has been a certain shift to the East in both trade links and investment ties, but I would not exaggerate it.

In 2014, when the crisis broke out, there was a certain euphoria related to the idea that we would quickly reorient ourselves to the East, replacing the old partners. But such ideas were not always justified economically. As is often the case in Russia, everybody seemed to be in some kind of frenzy: quick, let's do it now, turn East and nowhere else! But there are certain limitations to this process: one cannot ignore the fact that our companies borrowed heavily from China - Rosneft, Gazprom, Transneft, Novatek together owe 70 billion dollars. The Chinese are centralized. The Communist party has firm control over economic processes, it sees how much money has been borrowed and simply doesn't want to lend any more. It was noticeable with the Power of Siberia project. We expected them to advance some money to us, but it did not work out, and now the prices have dropped and the project is only profitable by a narrow margin because the costs of the new infrastructure are too high. In Europe, all the conflicts

notwithstanding, we have a ready infrastructure, and it will always play a certain role economically.

Regardless of whether or not we are turning East, there is a certain limit beyond which our ties with the West will be maintained. For example, now as regards foreign trade with the European Union, its share fell from almost 50% to 43-44%. According to some radical forecasts by 2030-2035, if everything goes wrong in our relations, the percentage may drop to 30-35%, but under no circumstances will it be lower. And vice versa: out turn to the East, even if we understand it very broadly, meaning not only China, but all of Asia, maybe even Africa, will be limited by the fact that technological ties are only possible with the few Eastern countries that are more or less developed, such as South Korea, Japan and several other states.

As regards raw materials exports, Europe pays more, and Russia's infrastructure is oriented to the West. Even after the introduction of retaliatory sanctions against the European Union Russia's agricultural substitution imports haven't been coming from countries of the East. Milk comes from Belarus, Serbia and Armenia. Fish imports simply plunged, with some of them coming from Greenland, the Faroe Islands, there is a bit of Vietnam and China thrown in for good measure, but, generally speaking, all of them are coming from Western societies. In the end, we are closer to Western society in terms of both mentality and business practices. Our businesses, no matter who says what, feel more comfortable in Europe than in Asia.

РОССИЯ И КИТАЙ

ПАРТНЁРЫ ИЛИ КОНКУРЕНТЫ?

Россия и Китай — великие страны-соседи. Так распорядилась судьба. В разные времена у нас были разные отношения, от враждебности до дружбы навек: в экономике, в политике, между людьми. А что сейчас, партнерство у нас или конкуренция?

СОБЕСЕДНИКИ

*Сергей Александрович Луконин,
заведующий сектором экономики и политики Китая
Института мировой экономики и международных
отношений им. Е.М. Примакова*

*Андрей Владимирович Островский,
заместитель директора Института
Дальнего Востока РАН,
руководитель Центра социально-экономических
исследований Китая, д. э. н.*

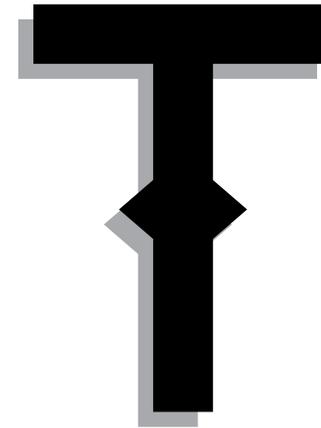

*Сергей Юрьевич Глазьев,
советник Президента РФ, академик РАН*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Программа «Дом “Э”», ОТР, Дом экономиста, 14.01.2017

Товарооборот и его качество

Бодрунов: Уважаемые коллеги, сейчас оценки отношений наших стран обычно основаны на товарообороте. Но является ли это преобладающей составляющей для нас? Ограничивается ли взаимовлияние и партнерство одним товарооборотом? Скажите, Андрей Владимирович, как Вы полагаете, что для нас реально важно в Китае?

Островский: Если сегодня говорить об объеме товарооборота, товарооборот маленький на фоне других стран — 69 млрд долларов за прошлый год. Наше место и наша доля от общего объема товарооборота в Китае — 1,7% за прошлый год. Менее 2%. Вот наше место...

Бодрунов: То есть, если смотреть с точки зрения товарооборота, можно говорить о заинтересованности Китая в России в пределах одного-полутора процентов.

Островский: Да, на сегодняшний день именно так. В лучшие годы было 2,2–2,3%. В 2014 году был пик — где-то 95 млрд. Казалось, что в 2015 году вот-вот мы достигнем этих 100 млрд долларов, как было запланировано лет 7–8 назад (100 млрд долларов в 2015 году, 200 млрд долларов в 2020 году). Но вот 2016 год прошел, 2017-й, и, судя по всему, 100 млрд долларов в ближайшие два года мы вряд ли увидим.

Почему так? Тут есть много разных причин, но я, прежде всего, хотел сказать, что не только торговлей, не только экономикой определяется сотрудничество между двумя странами. Есть еще такая сфера, как военно-политическое сотрудничество. Вот в этой сфере у нас очень высокий уровень взаимоотношений. Каждый год по 2–3 раза встречаются лидеры на разных уровнях. У нас огромное количество комиссий...

Бодрунов: Военные учения проводятся совместные. Раньше о таком даже помыслить было нельзя. Как бывший работник авиапромышленного комплекса России, могу сказать, что Китай был первым, кому мы давали возможность получать российские оборонные технологии — самолеты «Сухого» и так далее, передавали производство. Это очень глубокий уровень сотрудничества и доверия.

Островский: Это было ключевым элементом в 1990-е годы — самолеты с завода в Комсомольске-на-Амуре, а на сегодняшний день главный товар, который Россия экспортирует в Китай, — это нефть. По Транссибу (это как раз «Восточная Сибирь — Тихий океан») за прошлый год более 50 млн тонн нефти мы экспортировали. Это принципиальный момент. Сейчас у нас очень низкая доля продукции обрабатывающей промышленности, машинотехнической продукции. В основном это нефть, сельское хозяйство, рыба, лес.

Островский: Где-то они имеют, где-то чего-то не имеют. Космическая отрасль — как раз та, где они кое-что еще не имеют. То же самое — в сфере военной промышленности: что-то имеют, а что-то не имеют. И вот здесь у нас есть наша лагуна, в которой мы могли бы организовать сотрудничество. Прежде всего Китай заинтересован в развитии научно-технического сотрудничества. Это принципиальный момент, но пока у нас в основном идет простая торговля: продаем, как я уже сказал, нефть, лес, рыбу, продукцию сельского хозяйства, в последний год — зерно, шоколад, мороженое, а из Китая все-таки большая часть поставок — это машиностроительная продукция (56%).

Бодрунов: Сергей Александрович, а потенциал российской экономики все-таки не в рыбе и, наверное, не нефти только лишь, правда? Есть ли здесь какая-то перспектива?

Лукоцин: Увы. Я думаю, что потенциал для расширения российско-китайской торговли именно со стороны России уже исчерпан.

Бодрунов: Вы полагаете, что ту нишу, которую можно занять, мы уже заняли?

Лукоцин: Мы ее заняли. Сохранились отдельные экспортные позиции, которые до сих пор пользуются спросом в Китае. Это высокотехнологичная продукция. Но, к сожалению, за счет этой продукции нельзя будет расширять наш товарооборот и дальше. Это копейки, по крайней мере, в китайском обороте. Это все зависит от развития нашей собственной российской экономики. Если бы наш валовой внутренний продукт по своему качеству и по составу вышел бы на новые уровни, тогда бы и торговля росла.

56%
ПОСТАВОК ИЗ КИТАЯ
В РОССИЮ — ЭТО
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНАЯ
ПРОДУКЦИЯ

Ниши России

Бодрунов: В свое время мы, российские промышленники, лет 15–20 назад, выезжая в Китай, поражались низкому уровню китайской промышленности. Многие наши эксперты в то время говорили: «Китаю никогда нас не догнать — даже при всех наших проблемах». Доходило до того, что когда мы туда привозили свои готовые изделия, то всего лишь при их включении из-за низкого уровня оборудования и персонала иногда сгорало продукция на многие сотни тысяч долларов. Мы давали людей, которые на месте тренировали, обучали, включали и так далее. Кстати, китайцы сами требовали у нас технологии, обучение, очень въедливо и настойчиво учились, перенимали этот опыт. Сегодня говорить о том, что они отказываются от наших технологий, — общее место. Они уже имеют собственные технологии, получив базовые разработки и обучение не только от России, но и от многих других стран.

Что впереди?

Бодрунов: Итак, вернемся к главному вопросу: что у нас впереди — конкуренция, партнерство?

Лукоцин: Я боюсь, что даже конкуренция может не получиться, не говоря уже о партнерстве, потому что, на мой взгляд, пространство для российско-китайского диалога сокращается. Да, конечно, мы остаемся крупнейшими соседями. Да, конечно, мы остаемся страной, которая ответственна в области безопасности, но, к сожалению, кроме этого, дальше ничего не идет.

Бодрунов: Сейчас очень популярны такие принципиальные установки, как «поворот на Восток», «сотрудничество в рамках Шелкового пути», сопряжение с Транстихоокеанским партнер-

ством и так далее. На Ваш взгляд, эти программы позволят нам иметь какую-то перспективу отношений, более прагматичную, что ли?

Островский: Я считаю, что, безусловно, надо сотрудничать с Китаем. И у нас все-таки больше партнерства. Если мы вспомним, в 2001 году, 16 июля был подписан Договор о мире и дружбе. Его надо реализовывать.

Ситуация сегодня сложилась такая, что уровень военно-политических отношений на порядок выше, чем уровень экономических. И неслучайно в китайской прессе говорят: «В политике горячо, в экономике — холодно».

Что это означает? Я согласен с моим коллегой, который сказал, что наш потенциал сегодня не позволяет нам говорить о масштабном сотрудничестве. И показатели, которые были намечены семь или восемь лет назад во время встречи в верхах — обеспечить объем товарооборота внешней торговли к 2015 году на 100 млрд долларов, — мы так и не смогли достичь, там была цель и 200 млрд к 2020 году. Для сравнения скажу, что мы отстаем и от Австралии, и от Сингапура, и от Малайзии.

Бодрунов: И от Вьетнама, и даже от Сингапура.

Островский: Да, и от Голландии. Я про Германию уже не говорю. США и ЕС — это отдельная статья. Там с США объем внешней торговли 415 млрд долларов. С Европейским союзом — 437 млрд долларов. Понимаете, и наши 69 млрд долларов на этом фоне не смотрятся. Самое главное — эта цифра исходит не от проблем экономических отношений, а от потенциала нашей экономике. Что говорить, если, например, в Китае одна провинция Гуандун (это южная провинция) с городами Шэньчжэнь и Гуанчжоу (это дельта реки Чжуцзян) за прошлый год произвели валового регионального продукта на сумму, сопоставимую с нашим ВВП? А теперь о программах координации России с Китаем. Возьмем наши соседние регионы — северо-восток Китая и российский Дальний Восток. Там в трех провинциях (Цзилинь, Ляонин и Хэйлунцзян) проживает примерно 120 млн человек. На территории всего российского Дальнего Востока, включая Якутию, добавим туда, допустим, еще Забайкальский край и Иркутскую область, — там не наберется и 6 млн человек. Для китайского бизнеса 6 млн человек — это не рынок. Один город Харбин по населению больше, чем наша огромная территория от Чукотки до Байкала.

Бодрунов: То есть на самом деле речь не идет о том, что нас кто-то не любит, а кто-то любит. Они готовы с нами дружить: это подтверждает наше военно-техническое, военно-стратегическое сотрудничество. Но вот наш рынок, который был бы интересен средней европейской стране, совершенно неинтересен уже такому гиганту, как Китай.

ТОВАРООБОРОТ КИТАЯ
В 2016 ГОДУ
РОССИЯ —
69 МЛРД
ДОЛЛАРОВ
США —
415 МЛРД
ДОЛЛАРОВ
ЕС —
437 МЛРД
ДОЛЛАРОВ

Островский: Подождите. Китаю кое-что интересно. Европейская часть России пока интересна.

Бодрунов: А что им здесь интересно?

Луконин: Я думаю, что, учитывая стратегию китайского правительства на изменение уклада китайской экономики, прежде всего, Китаю сейчас интересны рынки сбыта для продажи товара с высокой ценовой добавленной стоимостью. Соответственно, Китай все-таки, что бы мы ни говорили, ориентируется на крупные рынки. И с ними нельзя, как некоторые думают, дружить против США.

Бодрунов: Я бы сказал, что в их программе стратегического развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе на первом месте стоят Соединенные Штаты, отношения с ними, и уже на втором — Россия, не надо это забывать.

Луконин: Да я думаю, что и глобально для Китая первое место — это всегда Соединенные Штаты Америки, потому что для Китая наиболее интересные рынки сбыта — это Соединенные Штаты Америки и Европейский союз. Мы, конечно, интересны, но постольку-поскольку: какую-то часть производимого Китая мы потребим, но мало, а нужно учитывать, что масштаб производимого Китаем товара настолько велик, что Россия его не сможет потребить. Именно поэтому, в том числе поэтому, китайцы и задумали стратегию «Один пояс — один путь» — для того чтобы стимулировать спрос на высокотехнологичную продукцию китайской экономики. Китайская продукция выросла по сравнению с тем временем, когда «китайское» было символом некачественного, но все-таки еще не достигла уровня Соединенных Штатов Америки или Европейского союза, поэтому они прекрасно понимают, что спрос на рынках ЕС и США ограничен, и начинают создавать дополнительный спрос на свою продукцию в странах, где снижена конкуренция.

Новый мирохозяйственный уклад

Глазьев: В Китае сегодня формируется новый мирохозяйственный уклад. Уже сформировалась новая система производственных отношений, которая обеспечивает этой стране лидерство по темпам экономического роста уже 30 лет подряд.

И это связано не с тем, что в Китае лучше нас переходят к рынку. Там просто построили современный рынок. Рынок, в котором сочетаются централизованное планирование и рыночная самоорганизация, сочетаются государственная собственность на инфраструктуру и частная предприниматель-

ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКИХ ЭКОНОМИСТОВ

Представители ВЭО России и Администрации Президента РФ — президент Общества, директор ИНИР им. С.Ю. Витте профессор Сергей Бодрунов и вице-президент, советник Президента России, академик РАН Сергей Глазьев приняли участие в представительном Российско-Китайском экономическом форуме в Пекине, в рамках которого провели ряд встреч, интервью и лекций. Сергей Бодрунов сделал доклад о российских территориях опережающего развития, обратив внимание на то, что китайский бизнес должен рассматривать как зону своих интересов для инвестиций и совместной работы с российскими предприятиями не только дальневосточные ТОР, но и западные территории, которые со многих точек зрения на текущий момент более перспективны.

ская активность во всех экономических сферах, где государство выступает в роли гармонизатора экономических интересов и создает такие условия для работы рыночных механизмов, которые обеспечивают максимально возможные темпы экономического роста, полностью используя имеющийся производственный потенциал. То есть китайская экономическая модель ориентирована на рост производства с использованием рыночных механизмов в интересах всего общества.

Аналогичная модель, только на базе частной собственности, еще раньше сложилась в Японии, в Корее, во Вьетнаме. В Индии элементы такой же модели мы видим, которая обеспечивает сегодня переход Индии на первое место по темпам экономического роста.

Мы сегодня по собственной глупости оказались в тупиковом направлении, в то время как Китай, который раньше был меньше нас по экономической мощи, сегодня десятикратно уже нас превосходит — не только по объемам выпуска высокотехнологической продукции, но и даже по уровню заработной платы.

Поэтому нужно уметь извлекать уроки. Уж ладно, на чужих ошибках мы не научились, но хотя бы из своих ошибок извлекать уроки. И тогда у нас будет с Китаем нормальное стратегическое партнерство. У нас есть шанс войти в состав ядра нового центра экономического роста, воспользоваться преимуществами этого нового мирохозяйственного уклада, перейти на новый технологический уклад благодаря этим механизмам и вернуться на траекторию успешного, устойчивого и быстрого экономического роста.

Если мы ничего не будем менять, то мы станем периферией китайской экономики, как мы сейчас периферия американско-европейской экономики. И как бы нам еще удержать целостность, когда эти два центра, старый и новый, будут нас испытывать на разрыв.

Бодрунов: Сергей Юрьевич — стратегически мыслящий специалист, и мне кажется, что то, что сейчас обозначено как некая развилка, что ли («делаем — не делаем», «идем — не идем»), — это важно. Важно также и то, каким образом эту развилку преодолеть, если мы хотим не остаться на периферии и тем более не допустить ситуации, когда российская экономика и российская территория, собственно говоря, будут испытывать вот эти растяжения, испытания на разрыв, как он говорит. Думаю, что, может быть, с этим связано также и вот это развитие наших отношений с Китаем в экономической сфере. Если мы говорим о том, что пока это сырье, нельзя его сбрасывать со счетов. Это у нас — серьезнейшая экспортная позиция. Это, по-моему, чуть ли не единственная крупная нитка, которая сегодня связывает нас.

Островский: Все же сырьем — это не слишком перспективное дело. Надо торговать по всему спектру.

Бодрунов: Но мы уже в этот спектр не входим, Китай перешел дальше.

Островский: Сергей Юрьевич правильно сказал, что нам надо переосмыслить экономическую модель, потому что на сегодняшний день в рамках той модели, где мы существуем, мы отстаем где-то в 10 раз от Китая, а будем отставать еще больше. Мы все время бежим за поездом, который от нас убегает. Что нам надо делать? Я в свое время писал ряд статей (еще лет 20 назад) о том, что Россия должна, в общем-то, использовать китайскую модель реформ. Самое-самое главное — это развитие различных форм собственности. И государство должно регулировать нашу экономику. На самом деле у нас что получилось? Государство практически ушло из экономики. В формах собственности преобладают монополии. Мелкий бизнес у нас куда-то плавно исчез, и сейчас у нас единственный путь есть — китайская модель. Экономический пояс Шелкового пути, который Китай начал реализовывать, — это маршруты в Европу, маршруты через Южную Азию, маршруты в Африку, Морской Шелковый путь. Всего шесть наиболее крупных маршрутов.

Но что я хочу сказать. Я регулярно знакомлюсь с китайскими работами. Так вот, во всех этих работах есть принцип опорных городов — «чжидянь чэнши». «ти самые «чжидянь чэнши» в России, к сожалению, ни в одном плане не предусмотрены. Есть опорные города в Китае — три категории — крупные города, города, которые могут стать стратегическими пунктами, и приграничные города, которые должны стать таковыми, и Китай должен делать все возможное для этого, используя даже инвестиции из госбюджета. Что касается других стран — там выделены уже серьезные реальные города, в том числе Лондон, Сингапур, Гамбург, Роттердам, которые для них наиболее важны. Во вторую категорию они включают Алма-Ату, допустим, Берлин, в третью — например, Ташкент, Самарканд, Кабул. И что меня поразило, там нет ни одного российского города — ни Москвы, ни Санкт-Петербурга. И когда я начинаю смотреть, а по каким критериям отбираются города, критериев много — 12 категорий плюс 38 позиций. И по большинству этих позиций Россия, к сожалению, не проходит. Главная позиция — это объем внешней торговли на душу населения.

Лукониц: Совершенно правильно. И я все-таки хотел вернуться чуть-чуть назад. Не будем забывать, что теоретическая возможность усиления сотрудничества с Китаем есть, потому что в Китае сейчас очень быстро происходят изменения. Прежде всего, это демографический фактор. Во-вторых, это стоимость рабочей силы. Не будем забывать, что сейчас средняя зарплата в Китае выше, чем в Российской Федерации, а при этом стоимость первичных ресурсов для производства тоже растет, поэтому какие-то предприятия переходят в Россию. Когда будут отменять постепенно регулирование на первичный ресурс, цена на ресурсы будет еще выше, поэтому что-то вполне можно переносить на территорию Российской Федерации и делать совместные предприятия, в том числе и в рамках «Экономического пояса Шелкового пути».

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«ДИСБАЛАНСЫ
ТРАНСТИХООКЕАНСКОГО
ПАРТНЕРСТВА»

Под редакцией члена-корреспондента РАН В.В. Михеева и В.Г. Швыдко, к. э. н.

Монография посвящена анализу основных тенденций, противоречий, а также угроз и вызовов международной безопасности в Тихоокеанском регионе. Существующие здесь проблемы и конфликты рассмотрены как неизбежные следствия социальных, политических и экономических дисбалансов, наблюдаемых в этом регионе. Существенное и устойчивое укрепление безопасности стран региона возможно при уменьшении остроты существующих в регионе международных и внутренних дисбалансов. Отражением такого подхода должна стать новая транстихоокеанская система многосторонней безопасности и совместного развития, построенная на принципах иерархической полицентричности.

могли работать на совместных рынках. В этом плане я думаю, наше и китайское правительства пытаются реализовать единые экономические проекты, крупные проекты, иногда критикуемые у нас. Говорят, что мы будем продавать газ чуть ли не по цене добычи этого газа, но я думаю, что, даже если это и так, с точки зрения привязки экономик, с точки зрения развития потенциального партнерства — это важно. Наконец, кроме газа, который по трубе бежит, там и поселки возникают, появляется инфраструктура, поставляются комплектующие, запчасти, еда и прочее. И, в конце концов, это — жизнь этих районов. Я много раз бывал в Комсомольске-на-Амуре и понимаю, что там — благодатная территория Дальнего Востока, где можно успешно что-то развивать, но нет инвестиций, нет интереса, а если будут все возможности предоставлены — люди поедут. Если даже говорить о «дальневосточном гектаре», я, может быть, не разделяю столь широкий энтузиазм многих людей, которые рванули за этим бесплатным гектаром, но, мне кажется, даже если 30% тех людей, которые приедут туда и начнут работать, останутся, это уже потенциально миллионы. Вот такие программы туда привлекут и китайские инвестиции, и южно-корейские, японские и все остальные.

Бодрунов: Я, Сергей Александрович, поддерживаю Вашу точку зрения немного с другой стороны: на мой взгляд, в Китае зреет понимание, что Россия — великий партнер, территория, ресурсы, возможности перенести на эту территорию развивающееся производство. И в этом плане, учитывая геостратегическое партнерство России, она для Китая остается важным регионом. И им стоило бы подумать о том, чтобы направить централизованные усилия на развитие сотрудничества с Россией. Очевидно, что лучше иметь не слабого, а приличного вполне и равноправного партнера.

Лукин: Да, тем более что, если у этого соседа есть ядерное оружие, вдвойне Китай должен быть заинтересован в том, чтобы у нас с экономикой все было хорошо. Под совместными предприятиями я имею в виду не просто совместные предприятия с китайской стороной и продажу продукции на территории России, а создание подлинно международных консорциумов. Вот этот исключительно экономический эгоизм является препятствием для продвижения этого проекта дальше. Поэтому здесь нужно думать, что на территории стран Центральной Азии, на территории стран Восточной Европы должны присутствовать интересы в том числе российского бизнеса.

Бодрунов: Вот здесь и есть возможность для сопряжения интересов России и Китая. Мы заинтересованы в том, чтобы Китай (независимо от нас развивающийся, и думаю, что он продолжит развиваться очень интенсивно) был дружелюбен нам, чтобы китайские рынки были открыты для нас, чтобы китайские предприниматели приходили к нам, а китайский капитал и российский капитал

В развитие темы РОССИЯ И КИТАЙ

Из доклада на Всероссийском
экономическом собрании
11.11.2017 г.

**Александр Александрович
ДЫНКИН,**
президент Национального
исследовательского
института мировой
экономики
и международных
отношений им. Е.М.
Примакова РАН,
член Президиума Совета
при Президенте РФ по науке
и образованию,
член Президиума РАН,
академик РАН,
председатель
Международного комитета
ВЭО России

Несколько слов о Китае. Конечно, замедление китайской экономики способно оказать влияние на наше развитие в предстоящие годы. Официальные данные по темпам экономического роста в Китае за 2015 год — это 6,9%. И это год, наверно, переломный. Потому что, с одной стороны, это самые низкие темпы роста за последнюю четверть века, а с другой стороны — самые высокие для предстоящих 10 лет. То есть темпы роста в Китае будут снижаться. Это вполне оправданно, потому что, скажем, 1% китайского ВВП сегодня — это 1,5% в 2010 году и 2,5% — в 2000 году.

Я полагаю, что в сотрудничестве с Китаем нам нужен реализм, настойчивость, а не избыточные иллюзии. Был период, когда некоторые чиновники и эксперты сильно опасались китайской экспансии на Дальний Восток. Этого не произошло. Точно так же не сбываются пророчества о том, что Китай нам поможет. Объем прямых китайских инвестиций в 2016 году в Соединенные Штаты во много раз превышал объем этих инвестиций в Россию. Сравните: 350 млн долларов китайцы разместили у нас и 55,6 млрд — в Соединенных Штатах. Это лишний раз подтверждает, что и шанхайские, и лондонские банкиры пользуются примерно одними и теми же финансовыми моделями, одинаково учитывающими страновые риски. И не видеть этого было бы весьма наивно. Я думаю, что Китай пока не может полностью заменить сотрудничество с Европой в технологической, энергетической и инвестиционной сферах.

В текущем году Франция обогнала Германию по количеству рабочих мест, созданных в России. Но переговоры о высокоскоростных магистралях мы ведем с китайцами, китайский вектор — это важнейшее и растущее стратегическое направление, исходя из планов китайского руководства превратить страну в мирового технологического лидера. По нашим прогнозам, к 2020 году доля Китая в структуре мировых расходов на НИОКР превысит долю всех стран Европейского союза. Конечно, новые возможности в плане привлечения китайских инвестиций открывает стратегия «Экономический пояс Шелкового пути» и его финансовая база — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Однако эту возможность надо реализовать. Нужна наступательная политика в сопряжении «Шелкового пути» и планов развития Евразийского экономического союза.

Почему я говорю об этом? Потому что российский направление — далеко не единственное в планах «Шелкового пути». Сегодня приоритет отдается Казахстану, Пакистану и Восточной Европе. Китай инвестирует уже 40 млн долларов вот в эти два коридора — в пакистанский и казахстанский. Китай также заявил о том, что он будет инновационным лидером, и в 2020 году планирует выделять на НИОКР 2,5% ВВП, что с учетом размера китайского ВВП достаточно много.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

«Труды Императорского Вольного экономического общества», 1904 г., том I

Из библиографии ИВЭО. «Китай и мы», Курск

В городе Курске с дозволения московской цензуры, помеченного 16 февраля, появилась недавно зеленая книжонка в 23 страницы, заглавие которой выписано выше. Предлагаемая в ней не более не менее как завоевать Китай, анонимный автор построил по пунктам какой-то совершенно безумный проект «китаевладения» в интересах отечественного сельского хозяйства. Вот вкратце этот бред. «Всякий русский православный крестьянин, владеющий сверх наделной, своей собственной земле в количестве до сорока десятин, имеет право купить у казны (через особые, устроенные в каждом уездном городе конторы) одно китайское семейство, а владеющий сверх 40 дес. — на каждые 50 дес. может покупать еще по одному семейству». Далее следует уверение, что русские крестьяне, более тысячелетия бывшие землепашцами и земледельцами, заслужили право китаевладения. Никакого уже сомнения не может быть относительно: «всякого русского князя, графа, а также потомственного дворянина православного вероисповедания, род которого записан в дворянских родословных книгах не менее, как в трех предыдущих поколениях его предков». Каждый из них, владея до 21 дес. земли, имеет право купить у казны одно китайское семейство, а владеющий сверх 21 дес. на каждые 36 может покупать еще по одному семейству».

Только дворянам сравнительно нового происхождения и дворянам с баронским титулом, «ничего общего с коренной Россией не имеющим», не следует, по мнению автора, давать права на китаевладение. Имеющим же это право «русским православным» крестьянам и дворянам он находит возможным позволить приобретать китайцев и при владении менее 40 дес. и менее 21 дес., но в таком случае — «неполное семейство», в которое входило бы «обязательство равное количеству как мужского, так и женского пола». Эта оговорка делается автором в интересах правильного «приплода» рабочих китайцев, который, согласно ст. 8-й проекта «поступает в полную и неотъемлемую собственность хозяев». Нормальный, «обязательный» состав китайского семейства «должен состоять из трех мужчин в возрасте от 10 до 15 лет, от 16 до 40 л. и от 40 до 55 л., и трех женщин в возрасте от 10 до 15 л., от 16 до 35 лет и от 35 до 50 лет». «Если, — рассуждает автор, — допустить покупать китайцев в ином составе, то может явиться исключительный спрос на какой-либо возраст или пол, который бы весь был раскуплен, и тогда с оставшимся безспросом казна не знала бы куда деваться». Цена, устанавливает-

ся проектом для мужчин — от 100 до 400 р. за китайца, смотря по возрасту, а для женщин — 50–200 р. Для купивших китайцев ставится обязательное условие, в случае отдачи их в наем на сторон, отдавать их только на сельскохозяйственные работы. Интересны мотивы; это необходимо установить как для того, чтобы китайцы были употребляемы для самого тяжелого, дающего менее всего комфорта, труда земледельческого и чтобы высокая цена рабочего труда фабрично заводского доставалась всецело в руки нашим русским рабочим, так и для того, чтобы, насколько возможно, суживать круг всяких знаний китайцев, чтобы они по своему интеллектуальному развитию стояли гораздо ниже коренного населения и были бы в полном смысле слова на положении илотов.

Так, рассуждает автор, не останавливаясь ни перед какой пришедшей в голову гнусностью; он прекрасно понимал, что люди, хотя бы они были и китайцами, не могут не чувствовать ужаса того положения, в какое их ставит проект, и что держать их в покорности сможет только сила; но иметь армию, необходимую для усмирения бунтов, будет стоить дорого, поэтому, читаем дальше, следует, чтобы «всякий, владеющий китайцами, имел право над ними жизни и смерти». Вообще автор все понимает и ни перед чем не останавливается. Кончив изложение своего проекта, он пишет: «На всю такую программу, конечно, многие скажут, что это будет восстановление у нас в чистейшем виде уничтоженного всем миром рабства». И совершенно прямой ответ у него готов: «да, это будет рабство, но не пора ли нам перестать смотреть на это слово как на жупел»...

Мы пересказали только первую часть курского «законопроекта»; во второй части излагается, как должно быть организовано переселение из России в опустевший вследствие вывоза китайцев Китай. Для России такое переселение обещает множество выгод; во-первых «к её исправлению и оздоровлению» послужит насильственное переселение в Китай «продукта нашего современного положения — хулиганов»; во-вторых, государство получит большие доходы с Сибирской дороги, которая будет усиленно работать не только в одну, но и в другую сторону; в-третьих, переселенческие конторы дадут массу мест, «куда свободно поместится весь наш интеллигентный пролетариат, который теперь с голода и от безделья занимается преимущественно только политическими авантюрами»; в-четвертых, вследствие выселения некоторой части крестьян, дворяне-помещики получают возможность округлить свои владения за счет крестьянских земель; в-пятых, переселенцы будут охранять границы только что завоеванной страны; для этого их следует организовать в виде казачьих станиц с военной дисциплиной, вследствие которой «все распущенные элементы подтянутся, и, если не захотят для своей же пользы работать, то их заставят».

Трудно представить себе, как эта мерзость могла быть сочинена, написана со всеми ее пунктами, затем корректируема, изда-

ваема. Но неужели автор имеет свою аудиторию, неужели в наше время среди сельских хозяев есть еще люди, у которых откровенно циничные рабовладельческие вождения автора находили бы отклик? Хотелось бы думать, что автор представляет из себя, в том виде, в каком он обрисовался в своем проекте, некоторый уникум, анахронизм какой-то. Недаром ведь он не решился поставить фамилию на обложке своей книжонки — значит, в наше время нельзя уже говорить безнаказанно то, что он говорит.

Но тем не менее бесспорно, это не оторванное от русской жизни явление: курский проект китаевладения только в концентрированном виде представил собой крепостничество; оно еще очень живо в нашей стране, а защитников его можно найти еще много по разным медвежьим русским углам. В этом смысле он характерен и имеет общее значение. За подтверждениями недалеко ходить. Стоит перелистать Труды комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, послушать, что говорилось в них о рабочих, чтобы увидеть, как слабо правосознание еще многих из наших землевладельцев, как много еще осталось у нас крепостников. Мы не будем долго останавливаться на этой теме и приводить то множество ярких примеров, которые имели место в значительной части комитетов. Только два из них, по теме близкие к проекту китаевладения, изложим здесь. Помещик Фатежского уезда, некий Батезатул, в записке, представленной местному комитету, и приглашал правительство: 1) поручить сначала каким-либо агентам, а затем особым правительственным конторам, за известное со стороны нанимателя вознаграждение, наем на местах китайских рабочих, заключение с ними долгосрочных контрактов (т. к. перевозка китайцев в центр России может окупиться только при многолетнем их труде), высылку их по требованиям в места назначения и объявление во всеобщее сведение, к кому по этому делу можно обращаться и на какой срок и по какой цене могут быть наняты китайские рабочие, 2) возможно удешевить тариф по перевозке китайских рабочих в Центральную Россию, 3) установить особую уголовно-гражданскую ответственность за неисполнение китайским рабочим своего договора.

«Мера эта, — пишет г. Батезатул, — крайне необходима ввиду строгих карательных мер, существующих в китайском государстве, и полной de facto безнаказанности у нас по несоблюдению условий договора о найме. Если ответственность китайских рабочих по несоблюдению договоров оставить по существующему законодательству, то отличающийся в настоящее время своею добросовестностью китайский рабочий, сразу попав под наши законы, при которых самая тяжелая кара — месячный арест в безделье нашей роскошной тюрьмы, — покажется ему настолько соблазнительной, что он всячески будет стараться этой кары достигнуть, и тогда китайские рабочие станут еще большими мошенниками (sic!), чем наши»...

Это великолепное произведение, недалеко ушедшее от проекта, изложенного нами, сводящееся тоже к рабовладельческим замыслам, не было принято Фатежским комитетом, который все же не высказался отрицательно по существу, а постановил лишь, что «привлечение китайских рабочих должно быть предоставлено частной инициативе». Но в другом комитете — Галичском, Костромской губернии — по аналогичному поводу проявилось полное единомыслие. Речь шла там о помощи обнищавшему местному населению — не для него самого даже, а в целях отвлечь его от отхожих промыслов, лишаящих помещиков рабочих. Вопрос не прошел: Галичский комитет находил, что помощь населению «не может служить ручательством за достаток в дешевых руках, так как крестьянин с улучшением своего быта и с приобретением книг не пойдет в сельские рабочие».

Другая мера казалась спасительной галичским землевладельцам: комитет признал желательным вызов рабочих из густонаселенных государств, «как, например, Китай», «чтобы показать местному рабочему, что у правительства имеется возможность достать рабочие руки для обрабатываемой владельцем земли и тем установить взаимность отношений у местного рабочего класса с частными землевладельцами». Это рассуждение взято почти целиком из записки г. Полозова, который путем призвания китайцев, ищущих себе кусок хлеба «по необходимости», надеется застрашать деревенское население: «оно осознает необходимость взаимных отношений (?) с владельцами по обработке земли и будет бояться, чтобы рабочие других государств не отняли у них местного заработка».

Все это так выпукло и так само за себя говорит, что комментариями нам не хочется разбавлять впечатления.

Все «Труды Императорского Вольного экономического общества» размещены на сайте ВЭО России — veorus.ru

RUSSIA AND CHINA: PARTNERS OR COMPETITORS?

Russia and China are two great nations destined to live side by side. At different times we had different relations, from hostility to friendship forever: in economy, in politics, between our peoples. What about today: are we partners or competitors?

Sergey Aleksandrovich Lukonin
Head of the Chinese Economics and Politics Section of the E.M. Primakov Institute of World Economy and International Relations.

Andrei Vladimirovich Ostrovsky
Deputy Director of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Social and Economic Research of China, Doctor of Economics.

Sergey Yuryevich Glazyev,
Adviser to the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences

Sergey Dmitrievich Bodrunov
President of the FES of Russia, Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

The volume of trade between Russia and China, which is quite low compared to other countries, was 69 billion dollars in the past year.

Last year our country accounted for 1.7% of China's total trade volume, less than 2%. At the very best, it had reached 2.2 – 2.3%. It peaked in 2014 with approximately \$95 billion. It seemed that in 2015 we were on the verge of reaching the 100 billion dollar mark, as it was planned 7-8 years ago (\$100 billion in 2015, \$200 billion in 2020). But the year 2016 passed, then 2017, and, by all appearances, we are not likely to reach \$100 billion within the next two years.

Why is that? There are many different reasons, but first of all I wanted to say that cooperation between countries is not based solely on trade, or economy. There is also military-political cooperation. In this sphere, relations between our countries are on a very high level.

At one point, about 15-20 years ago, Russian industrialists traveling to China were stricken by the low level of Chinese industry. Many of our experts said at the time, “China will never catch up with us – even with all our problems.” Today, they are leaving our technologies behind. They have their own technologies now, having received basic models and training. Not only from Russia, but also from many other countries.

According to some experts, the potential for expanding Russian-Chinese trade has been already exhausted on the Russian part. The Russian Federation has occupied its niche. Some of Russian exports are still in demand in China, mostly high-tech products. But, unfortunately, we won't be able to increase the trade volume any further based on those products. If only our gross domestic reached new heights in terms of quality and composition, trade would also grow.

ЧТО ПРОТИВОПОСТАВИТЬ САНКЦИЯМ? ВНУТРЕННИЙ ОТВЕТ НА ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ

В последние годы в связи с введением санкций, затем контрсанкций, на фоне падения, затем некоторого роста цен на нефть, девальвацией и волатильностью рубля и другими, как у нас принято сейчас говорить, внешними шоками мы почувствовали угрозу нашей национальной безопасности. Но действительно ли эти внешние шоки так сильны? И что если их сравнить с внутренними проблемами, для решения которых не нужны разрешения из-за рубежа?

СОБЕСЕДНИКИ

*Борис Николаевич Порфирьев,
заместитель директора Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН,
академик РАН*

*Сергей Николаевич Рябухин,
председатель Комитета по бюджету и финансовым
рынкам Совета Федерации ФС РФ, д. э. н.*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
председатель ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Цели устойчивого развития

Бодрунов: Я хотел бы задать такой вопрос Борису Николаевичу Порфирьеву. Экономическая безопасность, очевидно, определяется условиями, факторами внутри самой хозяйственной системы, а также внешними по отношению к этой системе шоками, экономическими обстоятельствами и так далее. Сегодня все эти вещи сильно влияют на обеспечение устойчивости в экономике нашей страны?

Порфирьев: Я бы брал даже и шире: целый ряд внеэкономических обстоятельств, таких как и экологическая проблема, и климатическая проблема, также очень серьезно влияет на состояние и мировой экономики, и нашей как ее части. Я бы привлек внимание к комплексу так называемых целей устойчивого развития — их всего 17 было сформулировано, и 163 задачи в их рамках, и они нацелены как раз на обеспечение национальной экономической безопасности. Там три параметра устойчивости — экономическая, социальная и экологическая. Поскольку вы задали вопрос о внешнеэкономических аспектах, я бы хотел как раз подчеркнуть роль социально-политических факторов, необходимость устойчивой социально-политической обстановки в стране и, конечно, то, что связано с природно-экологическими факторами, где у нас постоянно возникают вызовы и риски. Наша экономика и в этом отношении испытывает разнообразные влияния.

Бодрунов: Сергей Николаевич, с Вашей точки зрения, как ситуацию сегодня можно оценить и что в этом плане может сказать нам законодательная власть?

Рябухин: Если говорить о палате регионов (Совет Федерации является все-таки палатой регионов), то нас, конечно, больше всего волнует и интересует тема, связанная с устойчивым развитием на региональном срезе, на уровне регионов Российской Федерации. И здесь тоже мы видим очень много факторов риска, которые могут себя проявить, особенно сейчас, когда есть санкционное давление, когда, по сути, болевой прием Запад применил и с точки зрения ограничения доступа к мировым капиталам, и с точки зрения ограничения доступа к высоким технологиям.

И если еще несколько лет назад словосочетание «экономическая безопасность» в разрезе регионов немного абстрактно воспринималось как тема федерального уровня, то теперь и руководители регионов, и сенаторы начинают уже понимать, что эти факторы очень серьезно бьют не только по федеральной экономике, не только в целом по экономическим параметрам государства и финансовым рынкам, но и по регионам. Это отражается и в растущих долгах субъектов Российской Федерации, сейчас закредитованность субъектов Российской Федерации составляет приблизительно 2,4 трлн рублей. Это очень существенно.

Если иметь в виду, что совокупные доходы субъектов Российской Федерации, 85 субъектов, составляют приблизительно 9 трлн, наличие 2,5 трлн долгов — это очень существенно.

Бодрунов: Конечно, это большой процент.

Рябухин: Это очень серьезный фактор риска. Регионы больше интересуют внутренние факторы риска. Это уровень инфляции, это кредиты, это дефицит регионального бюджета и закредитованность.

Экологическое давление

Бодрунов: Вы знаете, я тоже смотрел многие материалы до того, как мы сегодня собрались в нашей гостиной. Представление о том, что национальная безопасность и экономическая безопасность очень тесно связаны и что она далеко не ограничивается оборонной безопасностью, естественно. Первоочередной параметр здесь — это устойчивость и нормальное развитие экономики. Это, знаете, как велосипед. Если на двух колесах едешь и скорость небольшая — устойчивость падает и велосипед может упасть. И здесь нам надо понимать, что все большинство проблем коренится в состоянии нашей экономики. Не менее важна и тема экологической, климатической безопасности, в частности, требований, которые предъявляют к экономике

Санкции — это удар и по финансовому рынку, и по технологиям, и поэтому не надо закрывать глаза на эти очевидные вещи

международные соглашения, в том числе Парижское, от которого сейчас отказались США. Что же такое там, Борис Николаевич?

Порфирьев: Трампом на самом деле это было сделано прежде всего вследствие того, что внутреннее законодательство Соединенных Штатов, как на этом настаивали и конгресс, и сенат США, не совпадало с требованием международного законодательства, то есть не могло обеспечить в случае ратификации Киотского протокола необходимых процедур. То есть они не были к этому времени готовы. Кстати, за это время Америка предприняла довольно-таки эффективные шаги в этом плане. Так что тот факт, что и мы пока не ратифицировали этот документ, никого не должен, на мой взгляд, смущать. Необходимо до этого предпринять целый ряд шагов, чтобы наши внутренние условия полностью этому соответствовали.

С другой стороны, сейчас уже высказывается озабоченность нашим бизнесом: и через РСПП мы это слышим от наших коллег, и — в меньшей степени — через Торгово-промышленную палату. Озабоченность понятна, потому что есть факторы, которые могут, вообще говоря, оказывать влияние на деятельность бизнеса, но тем не менее, если внимательно вчитаться в Парижское соглашение, рамочные формулировки этого международного документа не ставят никаких серьезных препон в этом плане. Дело в том, что страны, в том числе Российская Федерация, взяли на себя так называемые национально-приемлемые обязательства не превышать в нашем случае 75% от уровня 1990 года. Мы это обязательство на самом деле совершенно точно выполняем в любые обозримые сроки...

Рябухин: Россия является мировым экологическим донором. Мы в этом отношении способствуем выполнению всех обязательств всего мира, будучи «легкими планеты». И в этом отношении нашему бизнесу как раз, я считаю, открываются очень интересные возможности возрождения нашего лесного хозяйства. И мы можем здесь решать и экологические, и климатические проблемы, и развивать наше национальное хозяйство, в данном случае лесное, давая рабочие места и увеличивая тот самый ВВП.

Реальная опасность санкций

Бодрунов: Сергей Николаевич, ситуация с экономическими санкциями против России насколько опасна для нас?

Рябухин: Я здесь не могу полностью согласиться с теми экспертами, которые говорят о том, что надо поставить памятник президенту Соединенных Штатов Америки Бараку Обаме за то, что он ввел санкции, потому что это будет стимулировать внутренние резервы. Конечно, это встряхнуло, это мобилизовало и руководство страны, и регионы.

Бодрунов: Потому что то, что мы много раз говорили и писали годами, никак не доходило до реальной практики.

Рябухин: Без всякого сомнения. И поэтому здесь отчасти эксперты правы, которые оптимистично относятся к этим санкциям. Они, по сути, стимулировали развитие, отраслевое развитие. Экономика адаптировалась к этим санкциям и к ограничениям. Но тем не менее все-таки это удар. Удар в том числе и по финансовому рынку, и по технологиям, и поэтому не надо просто закрывать глаза на эти очевидные вещи. С другой стороны, я хочу сказать о том, что расчет на этот удар, которым, видимо, западные стратегии рассчитывали порвать в клочья экономику России...

Бодрунов: Как заявлял тот же самый Обама.

Рябухин: Этого не получилось, потому что был хороший резерв, резервный фонд приличный был, но, к сожалению, он не бесконечен. И поэтому сбалансировать и сделать устойчивой нашу экономику можно только растущей экономикой. Надо создавать точки роста, надо определять приоритеты в развитии нашей экономики там, где мы занимаем лидирующие роли. Это и космонавтика, и ядерная энергетика, и медицина, кстати говоря, ядерная, и так далее и так далее.

Бодрунов: Лазерная техника.

Рябухин: И лазерная техника. В тех отраслях, где мы подотстали, потому что посчитали, что в условиях международного разделения труда мы зайдем свою нишу как энергетическая сырьевая страна, а высокими технологиями пусть занимаются другие. Поэтому сейчас надо реструктурировать экономику, перезагрузить экономику в России. Я думаю, здесь надо сконцентрировать усилия и науки, и практиков, и законодателей.

Внесанкционные угрозы

Рябухин: Еще одна угроза состоит в том, что большой сектор экономики находится в тени, контрафакта очень много. Мы совсем недавно по поручению Валентины Ивановны Матвиенко смотрели ситуацию на алкогольном рынке. Более 40% производства — контрафакт, а это сотни миллиардов, я хочу вам сказать, потерянных денег для консолидированного бюджета, а самое главное — огромная угроза для здоровья людей.

Бодрунов: Не считая напрямую потерянных денег, на лечение людей, которые контрафакт употребляют и травятся, уходят колоссальные деньги.

БОЛЕЕ
40%
ПРОИЗВОДСТВА
АЛКОГОЛЯ В РОССИИ
— КОНТРАФАКТ

Рябухин: Многие либо уходят в мир иной, либо становятся инвалидами. Это катастрофа. И таких проблем очень много. Те же налоги в сфере недвижимости. Я готовил доклад на эту тему, и мы сформулировали предложения в адрес Правительства. Главная проблема здесь в том, что, переходя на пилотное применение кадастрового учета и оценки собственности, 28 регионов из 85 перешли на этот эксперимент, но, к сожалению, Минэкономразвития не выработало единой методики оценки.

Бодрунов: Об этом и речь: принимается умное решение, но вот чего-то не хватает в механизмах.

Рябухин: И мы потребовали от Правительства, чтобы была разработана единая методика. Вторая главная причина, на мой взгляд (на совете законодателей поддержали эту точку зрения), — Правительство необоснованно передало в управление частному сектору функцию оценки имущества.

Бодрунов: Это огромная проблема — кадастровая оценка.

Рябухин: Нельзя было этого делать.

Бодрунов: Суды завалены спорами.

Рябухин: Нельзя. Частная фирма, вот она оценивает, причем в одном районе Московской области, соседние дома с разницей в 10–15 раз. Правоприменительная практика показала, что надо немедленно дорабатывать этот закон.

Бодрунов: Вы знаете, мы обсуждаем это в контексте общей безопасности страны. И дьявол здесь в деталях может скрывать. Мы принимаем умные решения, думаем о глобальных проблемах, но на каком-то уровне где-то у нас появляется документ, который сводит на нет все инициативы, все решения. Необходимо, чтобы все эти инициативы, аккумулированные и грамотно проверенные специалистами-экспертами, выведенные в законодательную плоскость, имели механизм реализации и контроля. Это одна из внутренних национальных проблем, которая сильно влияет и на экономическую компоненту.

Экономическая достаточность

Бодрунов: Я еще на один момент хочу обратить внимание. Иногда мы говорим, что нам не хватает одного или другого. И критерий, чего не хватает и сколько, — это тоже очень важная вещь. Я сам вышел из оборонного комплекса, и даже не совсем вышел и являюсь акционером некоторых оборонных предприятий. Так вот, у нас в оборонке есть термин «достаточный уровень оборонного потенциала». Условно говоря, если надо 10 тысяч солдат, чтобы обеспечить какую-то операцию, то зачем нам иметь 30? В экономике есть такое понятие «экономической достаточности»

для обеспечения экономической безопасности?

Порфирьев: Такой категории, как оборонная достаточность, наверное, нет. Но, конечно, есть критерии, которые позволяют оценить и необходимый потенциал, и реализацию этого потенциала. Приведу один яркий пример. Составная часть экономической безопасности — это продовольственная безопасность. Там есть четкие, в том числе и количественные критерии. Как правило, это 85% самообеспеченности важнейшими продуктами. Есть такие же критерии по нашей фармацевтической безопасности в обеспечении ключевыми лекарствами и так далее.

Я бы здесь обратил внимание на то, что отличает постановку этого вопроса от оборонной достаточности, о которой Вы говорили. Важно не только иметь какой-то необходимый потенциал и обеспеченность, но не менее существенно с точки зрения экономической безопасности не перейти нижние пороги, критические уровни.

Бодрунов: И тогда надо понимать, где эти пороги.

Порфирьев: В свое время нашими учеными в Академии наук, прежде всего профессором Сенчаговым, академиком Глазьевым, профессором Селиверстовым и рядом других коллег, были разработаны такие пороговые величины. Они периодически немножко корректируются, но они исключительно важны. Они включают и вопросы расходов на оборону, кстати, не менее, скажем, 3% ВВП.

Бодрунов: Да, это не просто взята с потолка цифра, она подсчитана.

Порфирьев: Совершенно верно. Это научно обоснованные вещи, которые охватывают и расходы на гражданскую науку, и уровень безработицы, и так далее. Вот эти пороги — исключительно важные показатели, по которым мы определяем сегодня экономическую безопасность.

В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

ЭКОНОМИКА РОССИИ УСТОЙЧИВА, НЕСМОТРЯ НА САНКЦИИ

«Мы сейчас — весь мир, и Россия вместе с ним, — переходим к новому технологическому укладу. Новые технологии влекут за собой изменение общественных устоев и изменение структуры общества, и сейчас эти изменения настолько радикальны, что мы, пожалуй, можем за ними и не успеть, если не будем на этом сосредотачиваться».

Интервью президента ВЭО России, директора ИНИР им. С.Ю. Витте Сергея Бодрунова телеканалу «Россия-24» (www.vesti.ru)

Мария Бондарева: Вы как президент Вольного экономического общества, экономист со стажем, как могли бы подытожить 2017 год с экономической точки зрения?

Сергей Бодрунов: Мы наблюдаем завершение цикла в экономическом развитии нашей страны, потому что мы несколько лет наблюдали сложности в нашей экономике. И на фоне санкций, и на фоне решений, может быть, не совсем эффективных, принятых в предыдущий период, мы наблюдали длительный спад российской экономики, рецессию, но этот год знаменателен тем, что он стал годом завершения определённого цикла, не скажу, что очень негативного, но не слишком позитивного цикла, и начала нового роста нашей экономики. В этом году наша экономика, наверное, действительно, как говорил наш президент, приобрела другое качество. Она с одной стороны показала, что устойчива, несмотря на санкции, несмотря не все проблемы, о которых мы знаем, несмотря на внешнее давление. Нам мешают, но мы не сдаемся, и наша экономика не просто жива и не порвана в клочья, как в свое время говорили, а выглядит вполне прилично. И то, что мы наблюдаем в некоторых отраслях экономический рост, — это тоже хороший сигнал. Осторожно начавшийся рост в промышленности, снижение инфляции, снижение ключевой ставки центробанка — это все признаки выздоровления нашей экономики.

Бондарева: 11 ноября Вы в Кремле проводили Всероссийское экономическое собрание и там подводили итоги экономического развития страны.

Бодрунов: Я думаю, что здесь нужно сказать, что я — президент Вольного экономического общества России — общественной организации, которой в этом году исполнилось уже 252 года. Она была учреждена в свое время Екатериной Великой по инициативе Ломоносова, и все более 250 лет организация занималась просветительской деятельностью, анализом ситуации в хозяйственном развитии государства, давала предложения тех или иных отраслей и так далее. Собственно, этим Вольное экономическое общество занимается и сейчас, это — некоммерческая организация, у нас более 300 000 членов. Это институт гражданского общества, у нас в каждом регионе есть свои отделения, региональные организации, и когда нам исполнилось 250 лет, Правительство России, отметив заслуги ВЭО

России перед обществом российским, учредило для всех экономистов страны День экономиста России — 11 ноября.

Бондарева: Как раз по этому поводу и собрание.

Бодрунов: Да-да. В этот день у нас теперь каждый год проходит Всероссийское экономическое собрание, мы проводим его под патронажем Совета Федерации. В этом году мы в Кремлевском дворце обсудили с нашим экономическим сообществом экономическую ситуацию в России, подвели некоторые итоги, и как раз обсуждение подтвердило мои заявления о том, что экономика приобретает новые качества — роста и определенной устойчивости. Этот как раз один из итогов обсуждения на Всероссийском экономическом собрании.

Бондарева: На Ваш взгляд и на взгляд всех, входящих в ваше общество экспертов, какие реформы надо провести в нашем государстве, учитывая то, что у нас сейчас начинается еще важный, помимо экономический, и политический период?

Бодрунов: В составе и сотрудничестве с ВЭО России работают и секция экономики РАН, и академические экономические институты, и вузы, и аналитические центры, и отдельные крупные экономисты, так что наши еженедельные практически обсуждения тех или иных проблем экономики России проходят на серьезной исследовательской базе. В этом плане можно говорить о том, что те рекомендации или те идеи, которые там высказываются, заслуживают как минимум внимания со стороны властей и т. д.

Бондарева: И какие идеи высказываются?

Бодрунов: Недавно на одном таком мероприятии, которое мы проводили вместе с Плехановским университетом, мы говорили о модернизации российской экономики.

Бондарева: Как раз о тех самых реформах.

Бодрунов: Что на мой взгляд, было важным: несколько моментов, которые стоит упомянуть. Первое — что сегодня разрабатывается новая модель экономического развития. Я намеренно не говорю — роста, а именно развития, потому что мы должны мыслить не в парадигме численного роста показателей, а в парадигме качества жизни людей. И вот это довольно новое понимание экономического развития.

Бондарева: Я так понимаю, что с этим как раз связан и термин «цифровая экономика»...

Бодрунов: В этом смысле, конечно, но начнем с того, что важным приоритетом модернизации эксперты называют, и я это поддерживаю как специалист, реиндустриализацию российской экономики, потому что именно индустриальное развитие, по мнению экспертов наших, дает то самое качество экономике — устойчивость ее институтов, воз-

можность быстро развиваться и т. д. А ситуация в этой области понятна: мы сейчас — весь мир, и Россия вместе с ним, — переходим к новому технологическому укладу. Этот уклад характеризуется тем, что новые технологии влекут за собой изменение общественных устоев и изменение структуры общества. Это происходит всегда, но сейчас эти изменения настолько радикальны, что мы, пожалуй, можем за ними и не успеть, если не будем на этом сосредотачиваться. Россия должна на этом сосредоточиться. Такими технологиями являются инфокоммуникационные технологии, которые чаще называют цифровыми. Собственно, поэтому цифровая экономика — это то, чем нужно сегодня заниматься и к чему призвал на экономическом форуме в Санкт-Петербурге летом Владимир Путин.

Бондарева: Как вам кажется, при разработке планов цифровой экономики стоит туда закладывать санкционный фактор? Насколько сильно он будет влиять?

Бодрунов: Что касается санкций, моя позиция здесь такова: мы всегда — и Россия, и Советский Союз — находились в состоянии, которое я бы назвал санкционным состоянием. Если вспомнить советское время, то один из ярких примеров — Олимпиада 1980-го года, помните?

Бондарева: Периодические санкции...

Бодрунов: Да. Периодически к этому явно возвращались, но на самом деле... До ВЭО России я некоторое время — лет 10 — работал директором одной из крупнейших российских корпораций в области авиационного приборостроения. 40 000 работников, 30 заводов, необходима модернизация, обновление, технологии, но купить эти технологии мы, как правило, не могли, приходилось разрабатывать свои. А почему? А потому что нам не позволяли, несмотря на отсутствие санкций. Вы помните известную ситуацию с Opel, когда Сбербанк хотел его купить, но ему не позволили? Как это называть по-другому? Недопуск к передовым технологиям — к тому самому передовому, самому главному...

Бондарева: То есть Ваша идея заключается в том, что нужно основываться на своих технологиях, разрабатывать свои технологии, не ориентируясь на наличие или отсутствие санкций?

Бодрунов: Конечно! Те технологии, которые мы разрабатываем, сегодня в состоянии выполнять свои функции, и сегодня наши ВКС работают на нашем оборудовании, совершенно уникальном, и работают очень хорошо. То, что мы что-то не сможем сами сделать, — неправда.

Бондарева: Тут вопрос времени, и в этой связи интересен Ваш прогноз по поводу санкций.

Бодрунов: Санкции — это всегда волнообразное движение: ввели — сняли, но основной фон остается один и тот же всегда.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ

САНКЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Из доклада на Всероссийском экономическом собрании,
11.11.2017

Александр Александрович ДЫНКИН,
президент Национального
исследовательского
института мировой
экономики и международных
отношений им. Е.М.
Примакова РАН,
член Президиума РАН,
академик РАН,
председатель Международного
комитета ВЭО России

С точки зрения концепции мироустройства сегодня в мире царит определенная стратегическая растерянность. Скорость эволюции мирового порядка резко возросла. Это связано и с Трампом, и с «брекзитом», и с приближающимся завершением вооруженной борьбы с ИГИЛ, с кризисами вокруг Северной Кореи и Украины; конечно, с санкциями, со стремлением к независимости регионов, будь то Каталония, Курдистан или Север Италии. К сожалению, похоже, мир движется в направлении первого сценария — «новой биполярности». Об этом свидетельствует не только закон, подписанный 45-м президентом США 2 августа, который поставил нас в один ряд с такими странами, как Северная Корея и Иран. Эта линия продолжается. Недавно, 7 ноября 2017 г. глава тихоокеанского командования на слушаниях в конгрессе заявил, что у США четыре главных противника: ИГИЛ, Северная Корея, Россия и Китай. Одновременно он призвал Соединенные Штаты выйти из договора по ракетам средней и малой дальности, который был заключен в 1987 году. А уже 8 ноября, буквально на следующий день, конгресс выделил 57 млн долларов на разработку новой ракетной системы средней дальности. Конечно, 57 млн долларов — это маленькая сумма по сравнению с гигантским американским военным бюджетом, но жест — совершенно очевидный. И вот если произойдет развал договора по РСМД, то возможен эффект домино, когда вся система договоров по стратегическим вооружениям, включая такой важный договор, как Договор о нераспространении ядерного оружия, может разрушиться...

к 2030 году мы можем опуститься на седьмое место в мире по паритету, пропустив вперед себя Бразилию, и на 15-е по текущему обменному курсу, сразу после Мексики. И я полагаю, что сегодня вот эти две страны — они наши конкуренты, они конкуренты по качеству институтов, по эффективности госрегулирования и по скорости структурных реформ. Я уже не говорю о товарных группах: Бразилия остается третьим в мире сегодня производителем магистральных самолетов, а Мексика достаточно успешно развивает газотурбинное двигателестроение.

Конечно, экономика будет расти, особенно если поддержать спрос через пенсионеров и бюджетников, но с темпами, опять же близкими к темпу роста развитых стран Европейского союза. Однако я полагаю, что экономика России с огромным отложенным спросом на здравоохранение, на жилье, на образование, спросом экономики на инфраструктуру, на модернизацию многих секторов экономики, которые еще далеки от технологического фронта, имеет гораздо больший потенциал роста, чем высокоразвитые европейские экономики.

Конечно, санкционная политика и особенно те меры, которые могут ввести США с 1 февраля следующего года, создают новые риски. Но поверьте, что экстерриториальность этих мер, она беспокоит не только нас, но и всех в мире. И в этой связи я могу сказать, что США, с моей точки зрения, подрывают долгосрочное доверие к доллару в глобальном масштабе. Тем самым повышаются, на мой взгляд, шансы у юаня как у новой мировой валюты. И я думаю, что Россия всячески будет помогать этому процессу. В частности, как вы знаете, уже достигнуты договоренности о взаимодействии национальных карточных платежных систем России и Китая.

Мировые экономические тренды

Несколько слов о долгосрочных трендах. В соответствии с инерционным прогнозом Минфина, темпы роста у нас следующие 10 лет могут быть ниже среднемировых. В мире происходит снижение прироста населения, и это говорит о том, что, несмотря на сокращение рабочей силы, все-таки мировая экономика будет продолжать развиваться относительно высокими темпами, а ее эффективность — возрастать. Уже в ближайшие годы Китай превысит по этому показателю среднемировой уровень. Россия будет продолжать приближаться по этому важному показателю к показателям Европейского союза. Это произойдет в долгосрочной динамике, если наши темпы будут где-то в районе 2%.

В 2015 году Россия была шестой экономикой мира, если считать по паритетам покупательной способности, и 13-й по текущему обменному курсу. При сохранении вот такого вялого экономического роста

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

РОССИЯ В МИРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ.

Из доклада на Всероссийском экономическом собрании,
11.11.2017

САМИР АМИН,
директор Форума
Третьего мира,
председатель Всемирного
форума альтернатив,
член Международного
комитета ВЭО России,
профессор

Что нужно сделать России

- (I)** ренационализация крупных предприятий, в первую очередь в нефтяном и энергетическом секторе (т. е. отчуждение имущества олигархии);
- (II)** выработка новых форм совместного управления (силами работников и лидеров) промышленными и коммерческими предприятиями вне зависимости от того, являются ли они формально публичными (государственными, общественными, принадлежащими рабочему коллективу) или частными;
- (III)** восстановление и укрепление государственных социальных служб, образования (которое в эпоху СССР отличалось высоким качеством) и научно-технологических исследований;
- (IV)** отмена Конституции 1993 года и выработка действительно демократической конституции большим избранным собранием представителей;
- (V)** поддержка форм общественного вмешательства в демократии прямого участия;
- (VI)** начало обширных переговоров между республиками бывшего СССР, направленных на создание регионального экономического и политического пространства, уважающего автономию партнеров и способного создать отношения взаимозависимости на благо всем;
- (VII)** восстановление военной мощи России (до момента всеобщего разоружения, на которое готовы были бы пойти США);
- (VIII)** выработка, по итогам переговоров, коммерческих, технологических и финансовых соглашений, позволивших бы инициировать создание «большой Европы» от атлантического до тихоокеанского побережья;
- (IX)** выработка внешней политики, которая была бы активной и независимой (в частности от политики США) и была бы направлена на укрепление институтов, чьей задачей является создание многополярного мира.

Роли национальных партнёров

С точки зрения представленного здесь видения альтернативной глобализации, место и роли национальных партнеров в силу обстоятельств должны оставаться конкретными и отличными друг от друга. Россия должна занимать позицию крупного поставщика и экспортера сырья (нефти и полезных ископаемых) и обновленной промышленной державы (не обязательно подвергая себя опасности, связанной со стремлением к «конкурентоспособности» на так называемом свободном мировом рынке). Для сравнения: место Китая — это место новой промышленной державы, где производство стимулируется в первую очередь увеличением внутреннего рынка и лишь во вторую очередь экспортом (что противоположно принципам, которые продвигает ВТО).

Российские лидеры сегодня, вероятно, поняли, что задача США и подчиняющихся им европейских союзников — уничтожить Россию, а не помочь ей обновиться. Для этого российскому правительству необходимо отказаться от поддержки олигархии, которая по-прежнему контролирует экономику страны. Если Европа будет придерживаться атлантической ориентации, у России на руках останется лишь один козырь. Сближение крупных евразийских держав — России и Китая — положило бы конец планам Вашингтона на мировое доминирование и открыло бы путь для обновленной полицентрической системы мироустройства.

BATTLING SANCTIONS

In recent years, as a consequence of the imposition of sanctions and then counter-sanctions (as oil prices plunged and then went up a little bit), devaluation, volatility of the ruble and other so-called external shocks, we felt a threat to our national security. But are these external shocks really strong? Especially if they are compared with the domestic problems that can be solved without getting greenlight from abroad?

Panelists:

Boris Nikolayevich Porfiriev,
Deputy Director of the Institute for Economic Forecasting
of the Russian Academy of Sciences, Academician of the
Russian Academy of Sciences

Sergey Nikolayevich Ryabukhin,
Chairman of the Committee for Budget and Financial
Markets of the Federation Council of the
Russian Federation, Doctor of Economics

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
Chairman of the FES of Russia,
Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics,
Professor

A

ccording to experts, it is impossible to fully agree with those who consider sanctions a boon, because they are supposed to stimulate internal reserves.

Of course, the sanctions shook up and mobilized the country's leadership and the regions because what economists and entrepreneurs had spoken and written of for years had never materialized in practice.

The economy has adapted to the sanctions and restrictions. Yet, it's still a blow. Particularly, a blow to the financial market and technologies. Therefore, you can't just close your eyes on such obvious things. On the other hand, this blow was not strong enough to break the Russian economy to shreds...

It did not happen because Russia had ample reserves, a reserve fund. Now only growth is needed to balance out our economy and make it sustainable. We need to create points of growth, we must determine those development priorities where Russia plays the leading role. They are space exploration, nuclear energy, nuclear medicine, as a matter of fact, and so on and so forth.

That is, I mean those industries where we lag behind just a little bit because at some point we felt we should occupy our niche as an energy

exports supplier in the conditions of international division of labor while others will be engaged in high tech. While restructuring of the economy, it is necessary to concentrate the efforts of scientists, practical workers and lawmakers.

The Russian economy faces many threats unrelated to sanctions, which have existed for a long time and which have never been dealt with. For example, the shadow sector of the economy is very large, a lot of knockoff items are being produced, ill-conceived and incomplete tax mechanisms have been put in place.

Economics has certain criteria that can be used to assess both the necessary potential and the realization of this potential. For example, food security has clear criteria, some of them quantitative. As a rule, an economy should be at least 85% self-sufficient in terms of the most important products. The same criteria apply for pharmaceutical safety in terms of supply of key medicines, and so on.

It is important to not only have necessary capabilities and supplies, as far as economic security is concerned it is equally important not to cross the lower thresholds or critical levels, which includes spending no less than 3% of GDP on defense.

СДЕЛАНО В РОССИИ КАК РОССИЙСКИМ БРЕНДАМ ЗАВОЕВАТЬ РЫНОК

Большинство россиян привыкло думать, что «бренд» — это не совсем про Россию, и у нас выдающихся товаров не было. Но даже если не считать великие разработки космической и военной сферы, легко вспомнить машину «Нива», которая до сих пор бороздит «просторы вселенной», фотоаппараты «Зенит» (недавно их производство возобновилось), оптические приборы, рижские приёмники, парфюмерию, шоколадные конфеты, часы, меха и многое-многое другое. Возможно ли восстановить наши позиции?

СОБЕСЕДНИКИ

*Василий Игоревич Богоявленский,
заместитель директора Института проблем нефти
и газа Российской академии наук,
член-корреспондент РАН*

*Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент ВЭО России,
научный руководитель Финансового университета при
Правительстве России,
член-корреспондент Российской академии наук*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Цель — конкурентоспособность

Бодрунов: В России — засилье иностранных брендов, иностранных наименований товаров, поэтому вызывает чувство особой гордости, когда ты видишь качественный российский товар хотя бы на российских полках. Не говорю уже о том, что хорошо бы видеть такой товар на полках европейских магазинов, в других регионах мира. Вы знаете, это всегда вызывает теплое чувство к своей стране, потому что это товар, произведенный руками наших людей. Могут ли российские предприниматели производить конкурентоспособные товары? Что им мешает?

Сорокин: Вы знаете, в свое время, в те самые 1990-е годы (точнее, на рубеже 1980–1990-х годов), когда говорили: «Так жить нельзя» — был такой лозунг, помните?, — мой учитель, академик Абалкин (который в то время одновременно исполнял обязанности вице-премьера правительства Рыжкова-Абалкина), выступая по телевизору, привел слова Владимира Ильича Ленина: «Мы живем плохо... Мы живем так, как мы работаем. А русский человек — это плохой работник». Не очень хорошей была реакция общественности. Так вот, я потом в разговоре с Леонидом Ивановичем сказал: «Леонид Иванович, надо же было полностью привести цитату». «А работаем плохо потому, что наш работник поставлен в такие условия, — писал Ленин, — что он не может быть хорошим работником». То есть говорить не о людях, а о тех условиях, которые созданы. Какие условия мешают у нас быть конкурентоспособными?

Бодрунов: Мой опыт предпринимательской деятельности (я многие годы был предпринимателем, и присутствовали мои компании аж в 16 странах) говорит, что русский работник, российский работник ничем не хуже, а порою намного лучше, чем работник во многих других странах. Другое дело, что экономические условия, условия ведения предпринимательской деятельности, бизнеса и прочее, условия, которые людей заставляют делать, может быть, не то, что необходимо, и не того качества, не в том количестве, не так, как нужно подавать этот самый изготовленный продукт (обед, как говорится, хорошо, умело приготовить, да неумело подать — такое тоже бывает), — это все как раз и сказывается на том, что, мне кажется, наш товар чаще всего проигрывает в конкурентной борьбе.

Сорокин: И я еще добавлю. По определению высококвалифицированный работник не может быть дешевым. То, что мы плохо оцениваем труд, снижает квалификацию наших работников.

Бодрунов: Мне кажется, Василию Игоревичу, представляющему нефтегазовый сектор, лучше всего понятна ситуация.

Богоявленский: Я начну, с Вашего позволения, не с нефтегазового сектора. Я хочу сказать, что во всем мире признано, что российские ученые — одни из лучших в мире. Я так скажу скромно все-таки — одни из лучших в мире. Идет реальная охота за нашими мозгами. И реальна, к сожалению, утечка мозгов из России — она происходила и раньше. И после революции большая утечка была. Почему? Потому что не были опять-таки созданы условия для представителей интеллектуального труда, чтобы они могли реализоваться.

Бодрунов: Я бы сказал, что наши мозги — это тоже наш бренд, да.

Богоявленский: Конечно-конечно. В советское время еще были и политические разногласия, но сейчас, в последние 20–30 лет, уехали — не берусь даже сказать сколько, но, по крайней мере, сотни тысяч высокоинтеллектуальных людей. Уехали они не потому, что у них политические разногласия, нет. Уехали многие выдающиеся ученые. К сожалению, вынужден отметить, что и мой брат с 1990 года работает в Канаде. Full professor по математике, причем признанный, всеми признанный математик в мире. Вот вам пример — не надо далеко ходить.

А российские программисты? На программах (я, кстати, в прошлом программист тоже) держится сейчас все — и спутники летают, и самолеты летают. Это все — программирование. И очень многие уехали, конечно, за рубеж. Почему? Значит, там условия для самореализации лучше, чем в России. Это вот именно о том, что Вы цитировали, полностью подтверждает эту мысль. А это когда было сказано? Уже почти 100 лет назад? То есть за 100 лет, получается, особенно ничего не изменилось.

Проблема — не создать что-то принципиально новое, а внедрить это в производство. Вот это наша проблема.

Сорокин: Вы знаете, есть тут еще проблема. Вы сейчас говорите: «Да, особенно современный технологический уклад начинается с мозгов». Это верно. Но еще и люди должны быть, которые способны вот то, что мозги придумали, воплотить в реальную вещь, которую можно пощупать.

Импортозамещение в добывающих отраслях

Бодрунов: Коллеги, мы говорим о том, что у нас утекают мозги, — значит, у нас есть проблема с развитием промышленного производства нашей экономики. Президент ставил вопрос как? Не отказываться от иностранных брендов и изделий, а создавать свои, конкурентоспособные. Если мозги утекают, если условия ныне действующей экономической модели не позволяют стимулировать решение проблем, которые необходимо решить для импортозамещения, о чем тогда можно говорить?

Богоявленский: В области хайтека в 1990-х годах, в начале 2000-х годов произошло полностью замещение отечественных изделий, например, в нефтегазовой отрасли. Если начинать с геофизики — с поискового этапа, наши геофизические суда стопроцентно оснащены зарубежным оборудованием. При этом сами суда построены тоже за рубежом в советское время — это Польша, Финляндия и так далее. Если говорить о бурении, то по состоянию на конец 1970-х годов у нас своих буровых установок в Арктике не было. Значит, пришлось создавать их, пришлось строить заводы (в Выборге и ряд других). Но достаточно быстро, где-то за 5–7 лет было налажено производство своих плавучих буровых установок для работ на шельфе. Конечно, в первое время там было закуплено несколько установок за рубежом, опыт зарубежный был изучен, но удалось его продвинуть вперед.

«Нам надо проводить не просто импортозамещение, а экспортоориентированное импортозамещение»

Вы посмотрите, что делается в Китае. Они же сейчас уже не только себя обеспечили оборудованием для нефтегазовой отрасли от поиска до добычи углеводородов. Сейчас они уже восприняли и технологии по добыче сланцевых углеводородов — то, что создавалось изначально в Америке, они смогли очень быстро перехватить и создать свои аналоги, а в чем-то даже они и лучше, чем в Америке. И у них сейчас сланцевая добыча очень активно пошла вверх, а мы сейчас, если говорить о сланцевой нефти, в основном пока дискутируем.

Если говорить о бурении на суше, все ж-таки буровые установки продолжают производиться отечественные, хотя очень

много на нашем рынке и зарубежных установок. Тем не менее вот для Арктики (непосредственно для Арктики) созданы специализированные буровые установки, которые успешно сейчас используются и работают там.

Бодрунов: Программы импортозамещения очень важны в нефтегазовой отрасли, потому что если нам перекрыть кислород по этим направлениям, то тогда вообще как дальше жить? А все-таки, Дмитрий Евгеньевич, есть же и другие важные направления?

Сорокин: У меня очень большое опасение, что мы в очередной раз можем попасть в так называемый (я его называю так) «кукурузный синдром». Старшее поколение помнит, как в свое время в Советском Союзе было сказано: «Кукурузу сажать! Эта перспективная культура обеспечит кормовую базу». Вопрос: «Надо сажать кукурузу?» Конечно надо, без вопросов, только там, где она растет, а не за полярным кругом! В результате, кстати говоря, скомпрометировано было важное и нужное дело. Сегодня мы имеем точное понимание того, где нужно быть импортонезависимым, то есть производить конкурентоспособное, а где — ничего страшного. Скажем, Америка, Соединенные Штаты — нет же понятия «американский телевизор», нет и американского ноутбука.

Бодрунов: Да, японский есть, а американского телевизора нет.

«НАШИ ПРОБЛЕМЫ НЕ В НИЗКОМ ФИНАНСИРОВАНИИ, А В ТОМ, ЧТО НАША ПРОДУКЦИЯ, ОБРАЗЦЫ КОТОРОЙ МЫ ДАЕМ, НЕ ВОСТРЕБОВАНЫ НИ ОБЩЕСТВОМ, НИ ЭКОНОМИКОЙ».

**ЖОРЕС АЛФЁРОВ,
ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ**

Сорокин: У меня вопрос. Василий Игоревич, несколько лет назад я участвовал в одном семинаре, по-моему, в Лихтенштейне. В общем, натовский такой был семинар, и там говорили много об их зависимости от России, от того, что мы можем вентиль перекрыть Европе, и прочее, и прочее. Я тогда поставил вопрос: «Ну и что, что у нас будет импортное оборудование в нефтедобыче? Они, может быть, вынуждены поставлять нам это оборудование, потому что Европа зависит от нашего газа, нефти, есть взаимозависимость. И, может быть, тут не надо делать?» Но, может быть, и надо.

Богоявленский: Когда санкции вводили, то как раз в этом отношении не ввели санкций.

Сорокин: Да. Я просто хочу сказать, что сегодня все кому не лень докладывают о том, как мы импортозамещаемся. Ну нельзя быть везде, давайте сосредоточимся. Для меня главное (это всем понятно, не обсуждается) — производство оборонной продукции, вооружений, независимо от рыночных критериев даже. По лекарствам? По каким-то — да, а по каким-то, может быть, и нет. Вот такой программы у нас нет, и я боюсь, как бы мы нужное дело опять не заболтали.

Как получить качество?

Сорокин: Еще в 1720 году английский экономист нам пишет о том, что погоня за тем, чтобы производить дешевле, быстрее, лучше, заставляет предпринимателей вводить новые технологии, давать новый продукт.

Академик Алферов, нобелевский лауреат, сопредседатель Научного совета нашего Сколково. Цитирую дословно, что он сказал: «Наши проблемы не в низком финансировании, а в том, что наша продукция, образцы которой мы даем, не востребованы ни обществом, ни экономикой». В государственной программе инновационного развития экономики до 2020 года написано: «Ни частный, ни государственный сектор не проявляют интереса к инновациям». Неинтересно им это.

Бодрунов: Это одна из причин, почему наши мозги утекают на Запад.

Сорокин: Да они не нужны просто!

Бодрунов: Они утекают не потому, что там лучше условия, а потому, что тот продукт, который дает высокоинтеллектуальный труд, востребован больше в той экономике, потому что там есть где применить то, что они изобретут.

Богоявленский: Я могу тут пояснить и привести даже из собственной практики несколько примеров. Дело в том, что у нас вот в эти годы (назовем их «постсоветские времена») создавалось и новое оборудование, в частности, в геофизической отрасли. Я в какой-то степени даже и участвовал в этом процессе. Но когда появилось очень хорошее оборудование, надежное, из-за рубежа, то чиновники из нефтегазовых компаний стали справедливо рассуждать: «Если я сейчас предпочту какую-то российскую разработку и, не дай бог, что-то пойдет не так, меня всегда спросят: «Почему ты предпочел российскую разработку, а не зарубежный бренд? У тебя, может быть, даже какие-то тут уже коррупционные связи образовались с российским производителем?» И он понимает, что никто ему не задаст вопрос, почему он предпочел западного производителя, потому что это всемирно известный лидер и так далее. А если он возьмет российскую компанию и работы будут сорваны, то, без сомнения, этот чиновник будет мгновенно уволен.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, я могу отослать нас к одному из заседаний наших Абалкинских чтений в Вольном экономическом обществе, где мы обсуждали проблемы импортозамещения и российских брендов, создание российских брендов (потому что без этого в общем-то никак). И, вы знаете, мне хотелось бы акцентировать внимание на одном моменте: когда мы говорим об импортозамещении, чтобы просто произвести что-то свое у себя — это одна сторона дела, и, может быть, даже не самая важная. Если мы хотим быть конкурентоспособными, если мы хотим, чтобы эти иностранные бренды, иностранные товары, иностранные услуги были успешно замещены у нас (я подчеркиваю — успешно), мы должны создавать их на таком уровне, чтобы они были успешными и за рубежом. То есть нам надо проводить не просто импортозамещение, а экспортоориентированное импортозамещение.

В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В СУДОСТРОЕНИИ

Долго ли будем замещать?

Алексей Сергеевич Зюзин,
заместитель генерального
директора ООО «НПК
Морсвязьавтоматика»

Бодрунов: Я бы хотел начать с места в карьер: сейчас доля импорта по вашему направлению какова?

Зюзин: Доля импорта — это некая математическая задача, и ее можно посчитать по-одному, можно по-другому, в граммах, в долларах, в рублях, поэтому кто как хочет, тот так и считает, надо сказать. Поэтому в среднем я бы сказал, что в заказах для государственного заказчика у нас доля российского оборудования может достигать 80–90%. Если мы говорим о гражданском судостроении, то там, конечно, доля меньше и требования другие, и условия на рынке другие, там эта доля — порядка 50–60%. Но это, если говорить о неких крупных узлах, крупных системах. Если мы будем снижаться на более низкий уровень, там, конечно, картина другая.

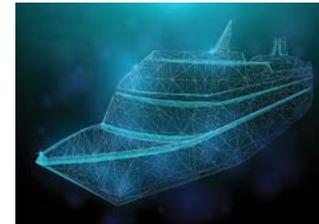
Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю.
Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: И опять же большой вопрос, когда российское оборудование с импортными комплектующими становится из импортного российским.

Зюзин: Да, то есть это некое иногда лукавство. Когда мы говорим о конкретных системах, мониторах, каких-то компьютерных вещах, конечно, там доля импорта может быть и больше.

Бодрунов: Я тоже не думаю, что нужно все подряд резко замещать начинать. Все-таки мы живем не в XIX, а в XXI веке, но, когда уровень технологической зависимости — большой, ты лишаешься и экономической самостоятельности, и попадаешь в зависимость уже и в другую — политическую. Для России совершенно неприемлемо развитие такого варианта, и, конечно, для нас и задача импортозамещения важна. И если наш потребитель готов принимать российскую продукцию с российскими комплектующими, российскими материалами и так далее, тогда импортозамещаться, собственно, легче. Готовы наши потребители мигрировать на отечественную продукцию?

Зюзин: В целом готовы, конечно, бывают заказчики, которые привыкли к импортному оборудованию, и их очень трудно перевести даже, скажем так, ментально на отечественное оборудование, но мы предпринимаем ряд шагов — показываем свое производство, от листа металла до целиком сборки на печатных платах, и испытания производим — весь комплекс операций. Предоставляем тестовую эксплуатацию бесплатно,

По программе импортозамещения Правительство Российской Федерации планирует к 2020 году снизить импортозависимость в судостроении с 55 до 30%, в приборостроении — с 85 до 50%. На импорт машин и оборудования сегодня, по данным Федеральной таможенной службы, приходится чуть менее 50% от всего ввозимого в страну.

чтобы заказчик убедился — да, это действительно то, что нужно, это не хуже, чем импортные аналоги, и на это стоит обратить внимание. Участвуем в выставках, различных семинарах, то есть используем различные каналы, чтобы донести информацию о том, что наше оборудование и российское оборудование, оно не уступает ни по цене, ни по качеству импортному. И в целом это удается.

Бодрунов: Это нужно делать постепенно, и, с другой стороны, надо не только убеждать, но иногда, когда субъективное решение принимается, где-то, наверное, предоставлять и конкурсное преимущество.

Зюзин: Это не всегда работает, потому что декоративно, да, объявлено, что если импортная цена на устройство на какой-то процент различается, то предпочтение отдается в сторону отечественного. Но проблема в том, что это — большие системы, куда входят уже комплектующие. Надо постепенно спускаться ниже, чтобы целиком блок был российский.

Бодрунов: Вы сказали очень важную вещь. Импортозамещение представляет собой многоуровневый процесс. Невозможно заместить сразу весь корабль, необходимо это делать поэтапно. Если в данном узле есть какие-то детали импортные, ничего плохого в этом нет, но если это критично, тогда необходимо спускаться на следующий уровень импортозамещения и замещать уже эти субузлы, блоки.

Зюзин: Да, это взаимосвязанный процесс, потому что, как только мы спускаемся ниже, появляется интерес у тех компаний, которые не выпускали до этого эту продукцию или выпускали в ограниченном количестве.

Бодрунов: В связи с этим я как раз хотел вопрос такой задать: где у нас в судостроении слабые звенья, которые мешают импортозамещению?

Зюзин: Я бы не сказал, что что-то глобально мешает, просто невозможно за 2–3 года резко импортозамещение ввести.

Бодрунов: Почему невозможно?

Зюзин: Судостроение — длительный процесс, потому что проект начинается сегодня, а построено судно будет только через пять лет, и те суда, которые сейчас выходят, проектировались еще несколько лет назад.

Бодрунов: И в них заложены были в том числе импортные комплектующие.

Зюзин: Другое дело, что требования к судам, кораблям, к системам, которые сейчас закладываются, должны быть сформулированы госзаказчиком

с учетом российских разработок. Как только компания разовьет для госзаказчика, для Минобороны, например, технологии, системы, она сама пойдет на гражданский рынок. Другое дело, что там придется перестраивать процесс внутри компании для того, чтобы оптимизировать и накладные расходы, и другие вещи.

Миграция военного в гражданское

Бодрунов: Конечно, то есть второй важный элемент — это оптимизация компании, адаптация к применению собственных технологий.

Зюзин: Абсолютно верно, потому что у многих компаний, которые годами работали на военный рынок, на Минобороны, на других заказчиков, — огромный штат экономистов, огромный штат номеровщиков, огромный штат технологов, которые не добавляют ценности продукту, а по сути описывают просто сам процесс, а для гражданского рынка нет в этом необходимости. И что с ними делать? И поэтому накладные расходы, конечно, там больше, и что с этим делать — задача, которую предприятию надо решать, — оптимизация, но и задача государства — минимизировать требования, которые предъявляются к производству. Например, сейчас для того, чтобы как-то легализовать импортные комплектующие внутри, надо заплатить в сотни раз больше, чем стоит сама комплектующая, на сертификацию. И подчас системы стоят миллион рублей, а некая бумажная работа — 5 млн. Зачем это нужно на гражданском рынке?

Бодрунов: Знаете, вот это смешение военной и гражданской продукции на одном предприятии характерно было для советского производства и сохраняется в тех отраслях, которые стали наследниками этого советского производства, в том числе и в судостроении. Но в мире, если говорить о специализации, эти вещи разделены, как правило. Например, в Соединенных Штатах есть законы, которые требуют передачи военных технологий в гражданский сектор.

Зюзин: Тут есть еще и обратный ход технологий. Когда мы разрабатываем хорошую систему для гражданского рынка, к нам приезжают военные и спрашивают, а почему на военном такого нет? То есть это и обратная миграция.

Бодрунов: Если раньше мы считали всегда, что в военном секторе технологии — более продвинутые, то сейчас гражданский сектор выпускает такие продукты, которые требуют, может быть, иногда гораздо больше подкладки интеллектуальной, чем в военном секторе, потому что требования рынка изменяются. И этот процесс мы впервые за, может быть, последние 10–20 лет индустриального развития стали наблюдать.

СПРАВКА

В конце 1970-х Америка переживала экономический кризис и не выдерживала конкуренцию с японскими производителями. Ситуация кардинально изменилась после того, как в 1980 году вступил в действие закон Бэя — Доула (его разработали сенатор Берч Бэй и Боб Доул). Он позволил университетам и научным организациям, а также предприятиям малого бизнеса, иметь в собственности федеральные изобретения, получать доход от патентов и лицензий и делить прибыль с изобретателями. Это был прорыв мирового масштаба, с 1980 года число патентов, получаемых на базе разработок американских университетов, выросло на порядок, было создано порядка 7000 компаний, из которых 72% занимают или занимали ведущие места на рынке своего штата. Ежегодно они приносят от 40 млрд долларов в американскую экономику.

«Напряжёнка» на рынке труда

Бодрунов: Я хотел бы еще один вопрос затронуть, который часто возникает, когда мы обсуждаем проблемы той или иной отрасли. Сейчас происходят очень большие изменения на рынке труда, требования возрастают, технологии изменяются, требуются специалисты с определенным набором знаний по конкретным технологиям. А таких знаний нет и не может быть, потому что технологии так быстро внедряются и появляются, что подготовить специалиста, успеть сделать — задача, практически не решаемая. Как у вас с кадрами?

Зюзин: Напряженно, наверное, как у всех, но я был бы рад, если бы пришел специалист, который бы сказал: «Покажите мне ваши задачи, я все решу». К сожалению, нет такого и не будет, вряд ли где-то есть, поэтому нам приходится на всех участках обучать специалистов. Причем я понимаю, когда приходят схемотехник или программист, который незнаком с нашей спецификой, и его приходится обучать. Но, к сожалению, среднее образование тоже сейчас в очень большом упадке, потому что сварщиков, слесарей, операторов типовых нет на рынке нормальных, и приходится слесаря брать на сварщика, на оператора и так далее.

Мы приходим в среднее училище, предлагаем начать практику, начать некий обмен требованиями и учебным планом, но не всегда это находит отклик, потому что задачи разные. У нас задача — получить специалиста, у учреждения образования — по сути, выпустить человека, пусть и без набора компетенций.

Бодрунов: Вы важную вещь заметили. Казалось бы, очень хорошо выпускать специалиста, которого тут же возьмут на работу, но образовательный процесс идет по пути упрощения — кого выпустил, того выпустил, не хотите — не берите. Но за специалиста общество платит, так что такой подход в этой системе, когда разделены образование и реальный сектор экономики, чреват тем, что наша продукция — гораздо дороже, мы медленнее работаем. Все эти издержки так или иначе ложатся рано или поздно в производственное русло, потому что надо потратить деньги на образование дополнительное, а из-за этого — задержка с выпуском продукции, а это значит, что мощности работают впустую. Все это входит в цену, а потом мы говорим, что у нас продукция дорогая, неконкурентоспособная. Скажите, а вы пытаетесь как-то у себя специалистов сами готовить, какие-то образовательные центры сделать или что-то еще, в судостроении?

Зюзин: У нас есть собственная программа обучения. С вузами начинаем работать, там другая система — вуз готов принять наши требования, чтобы учитывать их в своей программе, но возникает проблема студентов, потому что, когда на третьем

СПРАВКА

Петербургская промышленность демонстрирует устойчивый рост в первую очередь благодаря автопрому, прирост производства которого на 1 декабря 2017 года стал более 23%. Хороший задел сделали судостроители, медицинская промышленность и производство пищевых продуктов. Вклад промышленного комплекса в формирование доходной части бюджета всех уровней составил 47,9%.

курсе студент приходит — он уже дома с мамой, папой, ему хорошо — он говорит: «Да, я готов попробовать поработать, но вы мне платите условно 150 000 рублей, и я время от времени буду у вас появляться». А при таком подходе мы подумаем, иметь дальше с такими дело или нет. Но когда он заканчивает пятый курс, он попадает в реальный мир и понимает, что не все так хорошо и сладко.

Бодрунов: Не везде есть папа.

Зюзин: И амбиции, и требования меняются у него самого, но он потерял время, и получается опять, вместо того чтобы с третьего курса приходиться стать на пятом человеком, который готов решать задачи уже завтра, он будет сидеть учиться, а деваться некуда — мы учим. Для этого нужно поменять отношение студента. А на самом деле ребята работают хорошо, ребята работают много, просто их надо вовлечь.

Цифровизация в судостроении

Бодрунов: В завершение я бы хотел попросить Вас рассказать еще об одной вещи. Цифровые технологии — это, наверное, будущее, потому что у них потенциал проникновения в другие технологии, в другие сектора предельно высокий. С другой стороны, если мы говорим о цифровых технологиях как об инструменте, понятно, что должен быть реципиент этого инструмента. Судостроительная промышленность — достаточно инерционная, консервативная. Внедряются ли цифровые технологии сейчас, как Вы на это смотрите?

Зюзин: Начиная с рабочего времени поминутного и заканчивая общением с заказчиком. Путь до заказчика мы стараемся минимизировать. Заказчик, не спрашивая нас, может пользоваться онлайн-инструментами, облачными инструментами по проектированию системы, задавать готовое решение, которое экономит ему и нам время по выдаче коммерческих предложений и запуска производства. Например, на станке лазерной резки весь процесс целиком идет онлайн, тестирование станков — также онлайн. Это позволяет оперативно решать проблемы внутри предприятия, процесс от разработки чертежа до поступления его на станок — иногда минута, иногда секунда. Все это, конечно, и время производства оптимизирует, и повышает эффективность труда.

Бодрунов: А поминутный учет рабочего времени — это какой-то электронный паспорт для каждого сотрудника?

Зюзин: Электронный ключ, да. И он действует даже как дополнительная борьба с курением, потому что человек не может выйти просто так покурить.

Бодрунов: А вы что, перестали платить зарплату за прокуренное время?

Зюзин: Да.

Бодрунов: То есть это материальный стимул?

Зюзин: Это материальный стимул, да, и мало того, можно потом начальнику, мастеру посмотреть количество времени, которое по сути теряется, реально теряется. Когда человек потом говорит: «Я не успел», очень просто понять, почему он не успел.

Бодрунов: Мы мучаемся, внедряя новые технологии, позволяющие сократить рабочее время, а получается, мы освобождаем время не для того, чтобы произвести больше продукции и повысить эффективность производств, а для того, чтобы человек те же самые восемь часов занимался неизвестно чем. Это уже другие минусы, которые здесь надо убирать, так что ваша система позволяет вам этот порядок наводить.

Зюзин: По крайней мере, направить рабочее время действительно на работу.

MADE IN RUSSIA

WILL RUSSIAN BRANDS CONQUER THE MARKETPLACE?

Most Russians are used to thinking that the concept of “brand” has little to do with Russia since we’ve never produced any exceptional goods. Is it true? Is it possible to create Russian brands?

Panelists:

Vasily Igorevich Bogoyavlensky,
Deputy Director of the Institute of Oil and Gas Problems
of the Russian Academy of Sciences
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Dmitry Evgenievich Sorokin
Vice-President of the FES of Russia,
The Chief of Research at the Financial University under the
Government of Russia,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Sergey Dmitrievich Bodrunov
President of the FES of Russia,
Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

Can Russian businesses produce competitive goods? What’s stopping them? Firstly, by definition, highly skilled labor cannot be cheap. By failing to properly appreciate work we underappreciate the skills and abilities of our workers. Secondly, there has been a very strong brain drain from the Russian Federation, since intellectual workers have been unable to realize their potential under the existing conditions.

Those scientists who work in Russia are unable to translate their concepts into real things because of the country’s underdeveloped industry.

The conditions of the current economic model prevent us from intensifying our search for import substitution solutions.

In the 1990s and early 2000s domestic high tech products were fully replaced with imported ones, for instance in the oil and gas industry, particularly in geophysics, where 100% of equipment is foreign made.

At the same time, we have some experience in successfully solving such problems. Late in the 1970s, we did not have domestic drilling rigs in the Arctic. But over 5-7 years we managed to set up the production of floating drilling rigs for offshore operations.

China can serve as an example of a country which managed to fully provide itself with equipment for its oil and gas industry, from exploration to extraction of hydrocarbons, and adopted the shale oil extraction technology.

It is important that the creation of own brands should not become an end in itself, like the cultivation of corn in the USSR. You need to have a precise understanding of where you need to be import-independent, that is, to be able produce competitive products, and where you needn’t.

Today, everybody seems eager to report on successful substitution of imports in every possible area. But you can’t be successful in every area, you need to prioritize.

Back in 1720, an English economist wrote that the desire to make production cheaper, quicker and better compels businessmen to introduce new technologies and invent new products.

Let me give you the exact quote of Academician Alferov, a Nobel laureate, Co-chairman of the Scientific Council at Skolkovo: “Our problems are not in poor financing, but in the fact that our products, samples of which we have supplied, are not in demand by society or the economy. The state program for the innovative development of the economy until 2020 says: ‘Neither the private nor the public sector shows any interest in innovation.’”

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В МИРЕ

РОЛЬ РОССИИ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ МИРОВОГО БОГАТСТВА

«В мире есть сотни миллионов людей, которым не хватает денег на еду и чистую воду. Есть 8 человек, которые концентрируют богатство, равное средствам этих самых 10% беднейших людей. 8 человек и 800 миллионов человек обладают примерно одинаковыми средствами».

СОБЕСЕДНИКИ

*Джеймс Кеннет Гэлбрейт,
профессор Университета Техаса, США,
член Международного комитета ВЭО России*

*Александр Владимирович Бузгалин,
директор Института социэкономки Московского
финансово-юридического университета,
член правления ВЭО России, д. э. н., профессор*

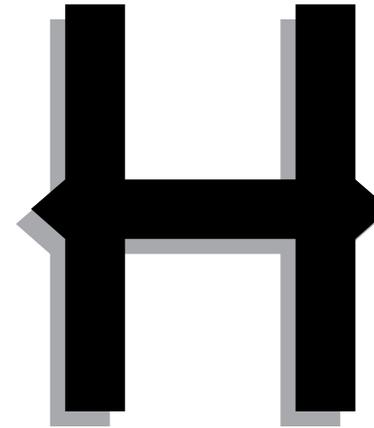

*Чен Эньфу,
профессор, директор академического отдела
марксистских исследований Китайской академии
общественных наук, председатель Всемирной
политэкономической ассоциации*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Программа «Дом “Э”», ОТР, Дом экономиста, 13.01.2018

Неравенство с точки зрения экономики

Бодрунов: Экономика существует для того, чтобы удовлетворять потребности людей, но почему-то не всегда она удовлетворяет все потребности, причем в равной степени, как бы нам хотелось. Неравенство иногда носит психологический характер, но чаще всего — характер материальный. Что означает экономика неравенства? Что означает неравенство в экономике? Как это понятие сейчас трактуется в глобальной экономике?

Гэлбрейт: Неравенство — это математическое понятие. В экономике это означает определенную метрику, измерение состояния общества. Это своего рода индекс, который показывает индустриальную и социальную структуру определенного сообщества. Какое значение этот индекс имеет, отражает ли он благосостояние общества, насколько он полезен в отражении экономических показателей общества? Он может быть слишком низким, слишком высоким, мы можем посмотреть на величину индекса, посмотреть на динамику. Если этот индекс увеличивается, это признак того, что происходят какие-то неблагоприятные процессы, возникли трудности какого-то рода, скажем, нестабильность, неустойчивость. Вот поэтому индексы неравенства и полезны.

ЧАСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА,
В ТОМ ЧИСЛЕ НАШИХ
ГРАЖДАН, ДОЖИВАЕТ
ЛИШЬ ДО
60
ЛЕТ

Бодрунов: Александр Владимирович, как Вы себе представляете неравенство?

Бузгалин: Дело в том, что за этими математическими формами стоит очень понятное каждому содержание, потому что в мире есть сотни миллионов людей, которым не хватает ресурсов для того, чтобы поесть, выпить чистую воду и дойти, извините, до нормального туалета... Есть и несколько человек, которые концентрируют богатство, равное средствам этих самых 10% беднейших людей. И таких человек всего восемь. 8 человек и 800 миллионов человек обладают примерно одинаковым богатством.

Бодрунов: Но вы имеете в виду материальное богатство.

Бузгалин: Материальное и денежное богатство, которое может быть конвертировано в реальные блага и власть. Вот это очень важно, потому что ведь экономика, она, да, призвана удовлетворять человеческие потребности, но реально очень часто она работает на то, чтобы максимизировать объем денег. И еще один важный момент — неравенство в качестве жизни. Ведь вопрос не только в объеме дохода. Часть человечества и часть наших с вами граждан живет, доживает до 60 лет, средняя продолжительность жизни для этих социальных слоев — 60 лет. Это не просто вопрос дохода, это гораздо более сложная и мучительная для многих проблема.

Бодрунов: Джеймс, как Вы считаете, можно ли согласиться с утверждениями господина Бузгалина?

Гэлбрейт: Давайте сначала вернемся к Марксу. Он ввел очень важное понятие. Это — избыточная ценность. Через нее труд определенной части общества используется для блага другой части. Это своего рода основа анализа. Маркс работал в то время, когда статистики по данным вопросам было еще мало, а сейчас, конечно, у нас очень много информации, не только по зарплате, не только по прибыли, а вообще, экономические данные сегодня представлены очень хорошо. И мне кажется, системный анализ должен начинаться с той информации, которая у нас есть. Я в основном занимаюсь вопросами дохода, заработной платы и так далее. Это довольно точно отражает состояние неравенства в обществе. Встает в связи с этим вопрос, что дальше делать? Давайте возьмем такой пример — развал Советского Союза. Посмотрим, что происходит в России, на Украине, в Чешской Республике, в Польше, в Венгрии — видим, что неравенство возрастает, соответственно задаем себе вопрос, а что это означает? Какие-то люди становятся богаче, какие-то люди стали очень бедными. У каждого может быть свое мнение по данному поводу, но та информация, которая отражает уровень неравенства, — это важный социальный фактор. Она позволяет нам увидеть, какие процессы происходят в обществе.

Бодрунов: У нас с господином Гэлбрейтом есть общий курс лекций в Плехановском университете, который, собственно говоря, посвящен проблеме неравенства и методов снижения неравенства.

Бузгалин: Это очень важно, что такой курс читается. И на самом деле, я бы советовал всем университетам его ввести в качестве обязательного...

Бодрунов: Когда мы с Джеймсом встречаемся с молодежью, мы слышим очень много вопросов от молодых людей и их мнение по поводу того, что такое неравенство в их понимании сегодня. Наши студенты говорят о международной, глобальной проблеме неравенства — неравенстве в доступе к разным благам современных цивилизаций, разных стран. Глобальный мир больше интересует сегодня всех, потому что, на самом деле, мы живем уже в глобальном мире. Скажите, пожалуйста, есть какие-то методы качественного анализа экономического неравенства в мире?

Неравенство в глобальном масштабе

Бузгалин: Да, безусловно, используются все те же методы, которые используются и для национальной экономики: коэффициент Джини, разрыв между 10% самых бедных и самых богатых. Но есть очень простые понятия, которые очевидны для каждого, когда в Бангладеш или еще где-то работница получает несколько долларов в день и при этом работа фактически ненормированная, а детей можно привлекать с 15 лет, и при этом никто не контролирует, сколько им на самом деле, — это один образ жизни.

Потом эта же одежда, которая пошита в этой стране, попадает на прилавок лондонского универмага и там продается по цене, которая доступна только человеку, работающему совершенно в других условиях и за деньги, в тысячи раз отличающиеся от того, что получает эта женщина. Это то, что на самом деле касается и России, потому что у нас тоже есть районы, где люди получают 10–20 тысяч рублей в месяц...

Бодрунов: Взять Москву и взять, там, допустим, регионы — это разные России.

Бузгалин: Разные России. У нас тоже есть периферия, есть центр своего рода, и есть эксплуатация периферии центром...

Бодрунов: То же самое есть и в Соединенных Штатах Америки.

Бузгалин: Да, есть, достаточно по Манхэттену даже в Нью-Йорке пройти, Джеймс подтвердит.

Бодрунов: Я думаю, что по этому поводу у Джеймса есть свои соображения.

Гэлбрейт: Я бы сказал, глобализация — это не новое понятие, этот процесс продолжается последние 500 лет в мировой экономике, возникла система стабильного управления миром. Эта система существовала последние несколько столетий. Отчасти она была зафиксирована холодной войной и так далее, потом мы проходили процесс деколонизации, распад Британской империи, других империй. В рамках этого процесса глобального управления существовала довольно стабильная система, а потом мы от этого отказались, и начиная с 70-х годов в мире царит обстановка, когда, как некоторые люди говорят, всем управляет рынок, а если рынок — значит, никто. И вся власть сосредоточена в руках нескольких самых богатых стран...

Бодрунов: Главных игроков рынка, собственно говоря.

Гэлбрейт: Совершенно верно, главных игроков рынка. А другие при этом вынуждены реагировать или подчиняться их руководству. Вот — та проблема, которая сегодня стоит в мире с точки зрения неравенства. Таким образом, неравенство увеличивается — и не из-за того, какой политики придерживается развивающаяся страна, а из-за того, что есть силы, которые навязывают им выбор, заставляют их идти этим путем.

Бодрунов: Когда мы так говорим, мы понимаем, что, если это все рассматривать глобально, получается, что есть игроки, интересы которых иногда важнее, чем интересы страны, или сублимируются в интересы страны. Помните известный тезис: «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо для государства»?..

Недавно Тереза Мэй сказала, что некоторые страны, имея в виду Россию в первую очередь, не хотят следовать правилам, которые установлены в мире и диктуются этими глобальными интересами глобальных игроков. Если следовать этому пути, то, наверное, неравенство вряд ли мы победим.

Бузгалин: Пожалуй, я, с вашего разрешения, напомним знаменитую цитату из журнала Time: «Невидимая рука рынка никогда не могла бы действовать, если бы не было видимого кулака армии США». По-английски это особенно хорошо звучит. Но если говорить более конкретно, да, крупнейшие корпорации манипулируют сегодня не просто рынком, но людьми. Везде одна и та же система, начиная от кино и заканчивая одеждой, машинами, образом жизни, стилем и всем остальным, за этим стоит действительно огромная политическая сила. И вопрос стоит в другом — неравенство в оплате труда, в оплате ресурсов, во всем остальном приводит к тому, что огромная часть разницы просто абсорбируется в странах центра относительно небольшой частью населения.

Бодрунов: И поэтому они не хотят эти правила менять.

Бузгалин: Да, они не хотят, чтобы хоть кто-нибудь хотя бы отчасти в эти правила вмешивался.

Кто играет не по правилам?

Гэлбрейт: А это действительно правила... Необходимы какие-то правила, которые все бы выбрали для себя и следовали бы. Вот Тереза Мэй жалуется, что Россия не играет по правилам. Но что она имеет в виду? Что она не следует указаниям лондонских банков — вот о чем на самом деле идет речь. Не о чем-то другом. Она представляет правительство Великобритании, и поэтому она и хочет, чтобы вы следовали их правилам, воле этих сил. И вы говорите, это везде одинаково — нет, я бы так не сказал. У нас есть конкретные данные по некоторым странам, которые устанавливают правила. И если мы посмотрим на весь послевоенный период, на историю Японии, на Китай, когда они начали преследовать политику открытых дверей...

Но Китаю удалось пересмотреть эти правила. Россия в некоторые периоды, в том числе и сейчас тоже, а также некоторые крупные страны Южной Америки, в частности, Бразилия, в течение 15 лет этого столетия проводили политику, которая успешно боролась с неравенством. Почему? Потому что они отказывались слепо следовать правилам глобальной экономики и вместо этого преследовали собственные приоритеты. Конечно, крупным странам гораздо легче это делать. Маленьким странам, им приходится гораздо тяжелее в этом плане, потому что центр преследует политику — разделяй и властвуй.

Бодрунов: Современное состояние в мире, высокая «волатильность» международных отношений, когда принимаются то одни решения, то другие, когда многие страны пытаются изменить эти правила игры, гигантский долговой кризис, который сегодня существует в мире, — не является ли вот это следствием доминирования этих правил длительное время, Джеймс?

Гэлбрейт: Финансовый кризис, который разразился 10 лет назад, был результатом плохого управления в первую очередь американской экономикой, а потом это перекинулось и на Европу тоже из-за финансовых связей, из-за глобальных финансовых связей. В данном конкретном случае плохие долговые обязательства в США продавались европейским банкам, поэтому, когда грянул кризис, это перекинулось и на Европу. И теперь это перешло уже в хроническое состояние. Вот таким образом плохое управление развитыми экономиками отражается на всем мире.

«Финансовый кризис, который разразился 10 лет назад, был результатом плохого управления в первую очередь американской экономикой»

Что с гегемонией доллара?

Эньфу: Гегемония современного доллара США, его превалирующая сила во всем мире оказывает негативное влияние на всю мировую валютную систему. Посредством этого финансового инструмента США легко могут присовокуплять экономические богатства других стран и грубо влиять на экономическую ситуацию в целом. Гегемония доллара уже породила множество финансовых кризисов и будет продолжать вызывать экономические коллапсы в будущем. Федеральная резервная система США — это, собственно, частный банк. Он отстаивает интересы лишь узкой группы финансовых монополистов и не работает на пользу всей американской экономики, американского народа.

В свою очередь, востребованность китайского юаня как средства международной оплаты сильно выросла за последние десятилетия. И тот факт, что Всемирный валютный фонд включил юань в разряд резервных валют мира, благоприятно отразился и на китайской, и на глобальной экономике. В действительности Россия и Китай должны продвигать использование мировых национальных валют в сфере взаиморасчетов. Мы вполне можем наладить расчеты по сделкам между нашими странами без посредничества доллара США. Такое соглашение по системе СВОП, схеме взаимного обмена наборами национальных валют, мы недавно подписали с Южной Кореей. Теперь мы будем максимально стараться в нашей двусторонней торговле использовать для расчетов исключительно национальные валюты.

Бузгалин: Я очень часто задаю вопрос нашим гражданам, которые критикуют США, скажите, а в чем, в какой денежке вы держите свои накопления? Отвечают, что в значительной степени в долларе. Вот это парадокс и противоречие, которое надо разрешать. И уход от доминирования доллара, как универсального всеобщего эквивалента, подконтрольного правительству, и даже, точнее, частному финансовому капиталу США, — огромная проблема и вызов.

Но здесь есть и еще один вызов, о котором, кстати, вы, коллеги, пишете в книге «Новая индустриальная революция и проблемы неравенства». Про новую индустриальную революцию я бы хотел сказать несколько слов. Потому что технология — это то, что лежит в основе неравенства. И когда очень часто центр, страны, я не знаю, Западной Европы или США говорят о помощи третьему миру, они имеют в виду, там, одежду секонд-хенд или денежки. Причем они говорят: мы помогли на миллиард долларов. На самом деле, они взаимы дали миллиард долларов, да еще под приличный процент. Но проблема-то в том, что новые технологии как раз ни третьему миру, ни России не дают. А вот если вы хотите на самом деле помочь без кавычек создать систему отношений, которые позволят снять неравенство, то надо новые технологии внедрять по всему миру. Но это ударит по...

8
САМЫХ БОГАТЫХ
ЛЮДЕЙ В МИРЕ
КОНЦЕНТРИРУЮТ
БОГАТСТВО, РАВНОЕ
СРЕДСТВАМ
800
МИЛЛИОНОВ
БЕДНЕЙШИХ ЛЮДЕЙ

Бодрунов: Интересам финансового капитала.

Бузгалин: Да, и финансового капитала, и крупнейших корпораций.

Бодрунов: Нет-нет, я бы не сказал, что по интересам США. В моем понимании...

Бузгалин: Не США, а корпораций...

Бодрунов: У России и у США — общие глобальные интересы. Общий интерес заключается в том, чтобы люди жили хорошо. Джеймс, как Вы думаете?

Гэлбрейт: Прежде всего, я хочу сказать, безусловно, правда то, что Соединенные Штаты выигрывают от существующей на сегодняшний день в мире системы. У Соединенных Штатов есть особый статус в этой системе, и другие страны вынуждены уважать этот статус. Они вынуждены хранить свои финансовые резервы в долговых обязательствах американской федеральной резервной системы. Если бы у Китая не было нарушения торгового баланса, то тогда люди в мире хранили бы свои сбережения в юанях, возможно. Почему люди выбирают, скажем, Соединенные Штаты, именно их валюту? Можно ли как-то изменить эту систему? Мне кажется, это сделать будет очень сложно. Что для этого потребуется: потребуется восстановить международную систему, например, такую, которая существовала в послевоенный период...

Бодрунов: До Бреттон-Вудской системы?

Гэлбрейт: А современная система, она основывается на том, что доллар является основной мировой валютой. Изменится ли когда-нибудь это положение вещей? Вы знаете, есть такая поговорка, старая поговорка: «У судьбы специальные секреты всегда приготовлены для собак, детей и Соединенных Штатов Америки»...

Бодрунов: Как у нас говорил наш президент Ельцин в свое время, мы такую с утра можем сделать загогулину.

Бузгалин: Дело не только в Ельцине, дело в том, что, скажем, 100 лет назад произошло в мире, когда началась революция в нашей стране. Она изменила мир.

Технологии и культура

Бодрунов: Это была такая загогулина, которая многим показала, что можно двигаться разными путями, не только тем, который есть. Джеймс, я согласен, что обозначена очень серьезная проблема. Обозначены также и силы, которые стоят в основе этой самой проблемы в принципиальном плане. Есть механизмы, которые позволяют на каких-то локальных исторических промежутках, в каких-то рамках каких-то систем уменьшать проблему неравенства. Мне кажется, что такой путь — это путь интенсивного технологического развития совместно с развитием человеческого сознания, культуры, международных связей, отношений. Александр Владимирович, как Вы думаете?

Бузгалин: Я с вами и соглашусь, и не соглашусь. Очень часто мне говорят, люди созданы неравными и поэтому равенство невозможно. Но я всегда отвечаю, есть разное неравенство. Есть неравенство балерины, которая танцует в кордебалете, и балерины, которая является солисткой. И есть неравенство человека, который умирает от голода на одном полюсе, и человека, который не знает, как купить яхту на три метра длиннее соседа, чтобы было не 230, а 233 метра.

И здесь есть целый ряд механизмов. Равномерное развитие технологий — раз, отказ или, по крайней мере, сокращение империалистической ренты — два. Внутри стран есть целый ряд механизмов, которые обеспечивают решение этих проблем. Они могут быть и интернациональными. Это ряд благ, которые превращаются в общественные и равнодоступные, прежде всего, речь идет об образовании и медицине. Вот здесь есть существующие реальные возможности для того, чтобы решать эти проблемы при помощи известных механизмов и налоговых, и всех остальных, о которых мы уже говорили.

Гэлбрейт: Мне кажется, что наша задача состоит в том, чтобы сдерживать неравенство в пределах тех величин, когда мы можем все-таки поддерживать определенный уровень благосостояния в обществе. Каким образом достичь этой цели... Профессор Бузгалин показал один путь, очень важный, необходимо обеспечить доступ к основным благам: образование, скажем, социальное обеспечение в престарелом возрасте, здравоохранение, нужно поддерживать правильное соотношение между минимальным уровнем заработной платы и максимальным, чтобы люди могли работать в условиях справедливых, это дает людям возможность экспериментировать, рисковать, творить. Нужны какие-то финансовые рычаги, когда эти шаги будут предприняты, нужно ограничить власть маленьких олигархических клик, которые контролируют экономическую систему.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«НОВАЯ ИНДУСТРИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ НЕРАВЕНСТВА»
С.Д. Бодрунов,
Д.К. Гэлбрейт

Книга показывает, почему возникает неравенство, как его измерить и, главное, как можно двигаться в направлении снижения неравенства, чтобы оно становилось стимулом развития, а не основой для противоречий, ведущих к страшным конфликтам и подавлению огромной части населения.

В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭГОИЗМ В ЭКОНОМИКЕ

Планирование в интересах государства

В Кембриджском университете британское Кембриджское общество евразийских исследований и Санкт-Петербургский Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте при содействии Вольного экономического общества России провели конференцию «По ту сторону глобализации: потенциал Евразии», в ходе которой состоялось немало интересных бесед, в то числе с профессором Дэвидом Лэйном.

Дэвид Лэйн,
член Академии общественных наук, заслуженный лектор социологии, почетный член Колледжа Эммануэль Университета Кембриджа

Бодрунов: Вы в своем выступлении очень подробно и, на мой взгляд, очень интересно осветили проблему национального эгоизма в экономике. Я бы хотел, чтобы Вы прокомментировали, что Вы понимаете под этим понятием и как сегодня в мире развивается это направление.

Лэйн: В данный момент существует общая тенденция в сторону глобализации. В то же время тренды глобализации не так успешны, как хотелось бы, и многие страны вынуждены искать альтернативные пути. Сейчас это делают Китай и некоторые страны бывшего Советского Союза. Самое важное направление альтернативного пути — это идея экономического национализма, или экономического эгоизма. Люди все больше надеются на то, что государство поддержит незащищенные слои населения, особенно в области занятости, ведь большинство стремится к наиболее выгодным условиям работы. Это же касается свободного движения капитала и трудовых ресурсов. К сожалению, разрешение правительства на такое свободное движение все чаще критикуется, так как неконтролируемое движение капитала подрывает экономические и государственные устои некоторых стран.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Дэвид, в своем выступлении на семинаре Вы говорили о том, что многие проблемы можно преодолеть с помощью планирования. Вот сейчас очень важный момент — это сочетание несочетаемого, можно сказать — планирование внутри компаний, к которому прибегают крупные корпорации, продвигаясь на те или иные рынки, и планирование на уровне государства для решения тех или иных проблем. Какие проблемы и каким образом можно решать путем сочетания вот такого околосударственного планирования и корпоративного планирования?

Лэйн: В первую очередь необходимо определиться, что такое «национальная экономика», или «экономический эгоизм». С моей точки зрения, это действия со стороны компаний в интересах насе-

ления конкретного государства. Причем рассматриваются общие интересы всего населения, а не каких-либо отдельных классов или каких-то иностранных агентов, владеющих акциями определенного предприятия.

К примеру, Советский Союз, с точки зрения экономического национализма, был организован как блок, в котором соблюдались интересы разных стран, вне зависимости от иностранных агентов. Союз развивался без учета интересов других государств и, может быть, даже без учета интересов конкретных людей, но тем не менее были сформулированы некоторые общие интересы, которыми и руководствовалось государство.

Руководствуясь принципами экономического эгоизма, британские консерваторы говорят о том, что сотрудникам компаний нужно давать все больше возможностей для участия в управлении, позволяя им становиться акционерами компаний. Если в правлении транснациональной компании присутствуют представители местного населения, тогда их интересы будут приниматься во внимание, а не только доходы иностранных владельцев. В результате такого преобразования у местного населения появляется контроль за решениями, которые принимаются корпорацией.

Это в чем-то схоже с идеей социальной ответственности бизнеса, которая сейчас очень популярна. Однако, внедряя программы социальной ответственности, компании руководствуются в первую очередь прибылью, и когда возникает противоречие между корпоративными доходами и интересами местного населения, компания выбирает собственный кошелек.

Бодрунов: Национальные корпорации, действительно, могут работать в интересах, я бы сказал, национального эгоизма. В то же время мы слышали, что Вы поддерживаете идею национального планирования. Как эти две идеи сочетаются между собой?

Лэйн: Всегда между планами корпорации и национальным эгоизмом существуют конфликтные отношения. Для того чтобы решить такие глобальные проблемы, как безработица, бедность, большое количество бездомных, недостаточно рыночных механизмов. Рынок не предоставляет

необходимых решений. Никакая транснациональная корпорация такие большие проблемы решить не может.

Давайте рассмотрим пример Российской Федерации, где в некоторых регионах очень большое количество безработных. Сегодня в Россию идет большой поток инвестиций, но проблема заключается в том, что финансы направляются не в те регионы, где существует наибольшая потребность, а в Екатеринбург, Петербург и Москву — и без того успешные регионы. Необходимо вмешательство Правительства для того, чтобы стимулировать рост национальных компаний и диверсифицировать поток инвестиций, направляя их в разные регионы. Необходим административный план, который позволит решать такие задачи не только в крупных городах, но и в других частях страны. Для гармоничного сочетания национального и интернационального интересов необходимо вводить представителей органов местного самоуправления в советы директоров корпораций, а также административно создавать социальные цели и задачи для каждой компании, за выполнение которых она будет нести ответственность. В таком случае корпорации смогут работать и в интересах своей страны, и преследовать национальные интересы.

Питер Нолан,
профессор Кембриджского
университета,
директор Центра
исследований развития,
директор Программы
подготовки высшего
менеджмента по Китаю

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ

ВЛАСТЬ КОРПОРАЦИЙ И НЕРАВЕНСТВО

В связи с этим позвольте перейти к обсуждению концентрации глобальной корпоративной власти, ее выдающимся масштабам. Речь идет о компаниях, так как именно они, а не некая абстрактная идея, служат фундаментом глобализации. Власть корпораций основана на распространении глобальных деловых систем и глобальных инвестициях, но концентрация этой власти очень высока. Я уже приводил данные по расходам на НИОКР, поэтому сейчас ограничусь лишь двумя примерами, которые продемонстрируют уровень гегемонии компаний, чьи центральные офисы находятся в странах с высоким уровнем дохода (но необязательно с высоким уровнем производства). В списке 40 ведущих компаний в области автомобилестроения развивающиеся страны представлены всего двумя фирмами, которые не являются автомобилестроительными в полном смысле этого слова. Одна из них, «Астра», занимается сборкой японских автомобилей и принадлежит эксцентричному господину, владельцу 18 000 акров охотничьих угодий в его родной Шотландии. «Астра» не может по сути считаться представителем развивающихся стран, так как занимается сборкой японских автомобилей для крайне защищенного рынка под компетентным руководством компании Jardines. Напомню, это одна из двух компаний, якобы представляющих развивающиеся страны. Вторая — Shanghai Automotive Industry Corporation (SAIC). Она не выпускает автомобили под собственной маркой. Вы когда-нибудь видели машины их производства в продаже? Разумеется нет, потому что их нет в природе. SAIC — совместное предприятие, принадлежащее General Motors, «небольшой» американской компании, которая теперь производит большую часть машин в Китае, а не в США, и небольшой стаффордской компании Volkswagen. Таким образом, среди 40 крупнейших автомобилестроительных компаний и предприятий, осуществляющих сборку автомобилей, таких как Bosch, Harmon, Continental, Denso и пр., нет ни одного представителя развивающихся стран. Думаю, приведенный пример говорит сам за себя.

Тем временем связи между глобальной корпорацией и страной, в которой расположен ее центральный офис, становятся все слабее: пример 100 ведущих транснациональных компаний, таких как GE, Volkswagen и др., показывает, что доля их

производственных мощностей и количество сотрудников по месту расположения головного офиса неуклонно снижаются. По аналогии с Рэйчел Карсон, задававшей вопросом: «Как мы это допустили?», — Сэмюэл Хантингтон вопрошал: «Как мы могли дойти до того, что наши компании больше не могут считаться частью нашей экономики и бюджетной системы?» Ведущие британские компании больше таковыми не являются. Например, лишь около 5% доходов крайне успешной WPP приходится на Великобританию. HSBC — британская компания, но свои основные доходы получает на Дальнем Востоке. Транснациональная компания Shell также была основана в Великобритании. Такова природа глобализации.

Не буду подробно останавливаться на вопросе классовой структуры общества. Отмечу лишь, что данные по глобальному неравенству поражают воображение. Представителей Credit Suisse Group эта статистика не может не радовать, ведь, по их оценкам, 1% богатейших людей планеты контролирует 50% мировых активов. 1% — прекрасная новость. Кстати, если вы очень обеспеченный человек — чего я вам искренне желаю — и хотите, чтобы вашими активами управляли ведущие специалисты в этой области, обратите внимание на то, что Standard Chartered Bank недавно объявил, что возьмется за управление частным капиталом, если он составляет не менее 5 млн долларов США. Здесь присутствуют далеко не бедные люди, но, по определению Standard Chartered Bank, богатым может считаться тот, на чьем банковском счете более 5 млн долларов. Прекрасный пример масштабирования в экономике: 1% контролирует 50%, а 50% из этого 1%... Наше общество характеризуется очень высоким уровнем неравенства, в основе которого — мировая элита.

Что делать?

У каждой страны есть возможность выбрать свой путь по преодолению неравенства из большого количества доступных вариантов, причем этот выбор не обязательно связан с разработкой промышленной политики, которая сопряжена с большим количеством проблем. Рассуждая о промышленной политике, призываю рассматривать примеры отдельных государств и конкретных отраслей. Например, какой должна быть промышленная политика Киргизии? Нужно ли ей строить большие пассажирские самолеты вслед за «Боингом»? Стоит ли конкурировать с Bosch? Есть ли необходимость в разработке своего устройства Google Android? Нет. Это неразумно. А если будут предприняты соответствующие попытки и они не увенчаются успехом, то это выльется в пустую трату национальных ресурсов, поэтому такие решения нужно принимать обдуманно. В Китае ситуация принципиально иная: население численностью 1,3 млрд человек создает возможности, которых нет ни у одной другой страны мира. Индия также обладает высоким потенциалом, но институциональная структура, необходимая для их

полноценного использования, увы, отсутствует. Перспективы России выглядели многообещающе, но они были утрачены, и сегодняшние возможности значительно отличаются от тех, что были доступны в 1980-х.

Наконец, вопрос функционирования глобальных институтов. Следует ли упразднить Организацию Объединенных Наций? Нужно ли отказаться от выполнения условий Парижского соглашения и пойти по пути создания новых институтов? При желании многие проблемы могут быть решены на национальном уровне, как то вопросы социального обеспечения и перераспределения доходов, что послужило бы важным шагом к формированию однородного общества. Однако с точки зрения поиска ответов на глобальные вызовы альтернативы существующим глобальным институтам нет. Кроме того, они адаптируются к изменяющимся реалиям. Возьмем МВФ: права стран — членов организации распределены в крайне неравных пропорциях, но и здесь происходят перемены. Существующая процедура, предоставляющая США право вето, морально устарела. Это общепризнанный факт. Кроме того, весьма постыдно, что Кристин Лагард была переизбрана на второй срок, и члены организации это осознают. Еще один пример — очень важная структура, которая, разумеется, тоже далека от совершенства, — Совет по финансовой стабильности, образованный после наступления глобального финансового кризиса. Его основной чертой является активное участие Китая и Индии, которые работают над введением необходимых улучшений. Регулирование глобальной финансовой системы — сложная задача, требующая больших временных затрат.

Итак, на наших глазах из противоречий глобализации постепенно выступает образ нового общества, но, размышляя о том, какие изменения возможны, а какие желательны, нужно оперировать понятиями «инь» и «ян», видимой и невидимой руки рынка и баланса между конструктивными и негативными аспектами капиталистической глобализации с учетом особенностей конкретных стран: Казахстана, Киргизии, Таджикистана, России и т. д.

GLOBAL ECONOMIC INEQUALITY

What does the economy of inequality mean? What does inequality in the economy mean? How is this concept currently interpreted in the context of global economy?

Panelists:

James Kenneth Galbraith,
Professor at the University of Texas, USA,
Member of the International Committee
of the FES of Russia

Alexander Vladimirovich Buzgalin,
Director of the Institute of Socio-Economics of the Moscow
University of Finance and Law, Member of the Board of the FES
of Russia, Doctor of Economics, Professor

Cheng Enfu
Professor, Director of the Academic Division of Marxist
Studies at the Chinese Academy of Social Sciences, Chairman
of the World Political and Economic Association

Sergey Dmitrievich Bodrunov
President of the FES of Russia,
Director of S.Yu. Witte INID

Inequality is a mathematical concept. In economics, it means a certain metric, a measurement of the state of society. It is a kind of index that shows the industrial and social structure of a particular community. What is the significance of this index, does it reflect a society's well-being, how useful is it in reflecting the economic performance of a society? It can be too low, too high, we can observe its value and dynamics. If this index goes up, it means that something bad is happening, some sort of difficulty, uncertainty or instability has arisen. That is why the inequality index is important.

These mathematical formulas have a very simple expression in real life, because there are hundreds of millions of people in the world who lack sufficient resources to buy food or clean water. There is also a number of people who have amassed wealth equal to that of those 10% of the poorest. There are only eight of them. Only 8 people who own wealth equal to that owned by 800 million people.

It is very important, because after all the purpose of economy is to satisfy human needs, but in reality it often works to maximize the amount of money. And another important point: inequality in living standards. After all, the question is not

only in the amount of income. Part of humanity and some of the Russians live to age 60, the average life expectancy for that social strata is 60 years. This is not merely a question of income, it is a much more difficult and painful problem for many.

Marx introduced a very important concept of surplus value. Through it, labor of a certain part of society can be used for the benefit of the other part. It provides a sort of basis for analysis. Income, wages, etc. provide a fairly accurate description of the state of inequality in a society. Then a question arises: what shall we do next? For example, consider the collapse of the socialist system. In all the former socialist countries inequality has been on the rise, so we ask ourselves: what does it mean? Some people grow richer, some people become very poor. It creates social and economic risks that need to be addressed, both inside the country and globally.

ВЫХОД С ПЕРИФЕРИИ КАПИТАЛИЗМА

ВЗГЛЯД С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МИР-СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

О новой глобальной роли России в последние годы говорят все: у нас в основном с удовлетворением, но где-то — с опасением, а где-то — и с гневом. Каково место России в глобальном мире? В чем причины нынешнего кризисного состояния мировой экономики и сможет ли смена миропорядка помочь этот кризис преодолеть?

СОБЕСЕДНИКИ

*Самир Амин,
директор Форума Третьего мира,
член Международного комитета ВЭО России, профессор*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор*

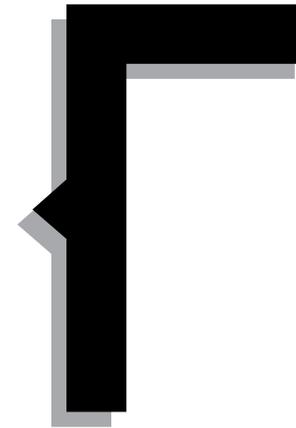
САМИР АМИН

Один из основателей мир-системного подхода в экономической науке. Родился в 1931 году в Каире, образование получил во Франции, где в 1957 году защитил диссертацию, посвященную проблемам слаборазвитых экономик. В конце 1950-х

лет сотрудничал с министерством экономики Египта, затем работал в Бамако советником при Министерстве планирования Мали. Длительное время Самир Амин возглавлял Африканский институт ООН по экономическому развитию и планированию (Дакар, Сенегал). С 1980 года

является директором Форума Третьего мира, преподает в различных французских и африканских университетах, входит в редколлегию журнала Review of International Political Economy и ряда других международных изданий. Автор более 30 книг и многочисленных научных статей.

Программа «Дом “Э”», ОТР, Дом экономиста, 25.11.2017

Глобализация и развивающиеся страны

Бодрунов: Недавно в рамках Международного комитета Вольного экономического общества России мы проводили большую конференцию «Россия — Запад — Восток: политэкономическое осмысление будущего». Господин Самир Амин был одним, можно сказать, из хедлайнеров. Господин Амин, я хотел бы задать Вам несколько вопросов как специалисту очень важного направления в мировом экономическом анализе, специалисту в сфере мир-системного подхода. Мир-системный подход, автором которого являются известные специалисты — Андре Франк, Иммануил Валлерстайн и Вы, — представляет мир, если коротко говорить, в виде некоторых сфер влияния, отношений центра и периферии в глобальном мировом экономическом развитии. Вот с этой точки зрения развития мировой экономики, на Ваш взгляд, является ли глобализация толчком для развития стран так называемого, как у нас говорят, Третьего мира?

Амин: Когда мы говорим про глобализацию, нужно всегда уточнять, что именно мы имеем в виду. Глобализация — это то, что происходило в разное время, и это слово может иметь совершенно различные смыслы. По сути, о чем мы говорим? Мы говорим о капиталистической глобализации, то есть о глобализации, которая происходит в рамках капиталистической системы, капиталистического доминирования. И очень важно отметить этот момент. Поэтому с этой точки зрения капиталистическая глобализация порождает конфликты и противоречия между центром и периферией. Глобальная капиталистическая система построена как раз на принципе доминирования со стороны тех стран, которые сформировали центр этой системы, империалистических держав, и они сохраняют свое доминирующее влияние.

Бодрунов: Это может быть Центральная Европа, Америка — такие страны, наверное.

Амин: Сначала это была Западная Европа: Лондон, Париж и Амстердам — вот этот треугольник. Затем к этому подключилась Центральная Европа, в какой-то степени Южная Европа, потом Соединенные Штаты, а потом и Япония присоединилась к этому центру. Таким образом, с этой точки зрения, если мы говорим о такой глобализации, то нужно понимать, что страны периферии никогда не смогут никого догнать, они не смогут сравняться с центром, с развитыми странами, потому что они постоянно оказываются в положении, когда они вынуждены удовлетворять потребности капиталистической глобализации.

Например, что происходило после первой индустриальной революции в начале XIX века? Были различия между объемами ВВП на душу населения в капиталистических странах и в большинстве стран периферии, которое увеличивалось: сначала было 1:30, позже — 1:60, так что мы видим, что процесс глобализации ведет только к углублению противоречий и различий между центром и периферией, поэтому периферия никогда не сможет догнать центр, это просто иллюзия. Они участвуют в этом процессе глобализации и, следуя правилам капитализма, никогда не смогут догнать центр.

«Термин delinking по-русски можно сформулировать как «попытка отгородиться от капиталистической системы»

Бодрунов: То есть страны, по вашему определению, догоняющие никогда не смогут стать догнавшими?

Амин: Да, они никогда не смогут догнать, если будут следовать логике...

Бодрунов: Если будут находиться в капиталистической логике.

Другой путь

Амин: И поэтому они вынуждены искать другой путь. Что я имею в виду? Я не могу его назвать никак иначе, как социализм. Это не то, что есть какая-то формула, можно сказать: «Вот это социализм, и это даст результат». Нет, это стратегия постепенного отхода от доминирующей логики капитализма и капиталистической глобализации и постепенный переход к другой системе. Нужно понимать, что есть внутренние противоречия между потребностью развития производительных сил, по крайней мере, в какой-то степени. Самый простой путь для этого — просто копировать более развитые страны. Да, но параллельно нужно делать что-то другое. Например, у Ленина для этого была блестящая формула, когда он сказал, что социализм — это советская власть плюс электрификация всей страны. Что это означает? Что вы развиваете производительные силы, а советская власть значит, что параллельно нужно сделать что-то другое, самостоятельное, для того чтобы система могла развиваться.

Бодрунов: С точки зрения мир-системного анализа социализм — это драйвер или это тормоз экономического развития?

Амин: Опять-таки, тут нужно быть очень осторожными, когда мы используем такие термины, как рынок, например, рыночные отношения. Рынок — это что-то, что возникло тысячи лет назад, еще задолго до капитализма, но когда мы сегодня говорим про рыночные отношения, мы говорим не просто о рынке, мы говорим о капиталистическом рынке, потому что многие люди считают, что или у вас есть рынок, или у вас нет рынка — одно из двух. Нет, у вас может быть рынок, просто вопрос в том, какой это рынок и есть ли какая-то регуляция на этом рынке, потому что капиталистический рынок, там тоже есть своего рода регуляция, но регуляция состоит в доминировании капитализма. Когда у вас есть длительный переход, длительный путь к социализму в России, там ситуация другая, там уже производительный класс может каким-то образом тоже оказывать свое воздействие на рынок.

Бодрунов: Может быть, в этом смысле вы прокомментируете тогда экономические отношения в коммунистическом Китае, где работают очень большие элементы рынка в экономических отношениях.

Амин: Да, у них неплохая ситуация, но все-таки я бы им не торопился говорить, что это рыночный социализм, потому что рыночный социализм — это, конечно, противоречие. Рынок, который на самом деле существует, это — капиталистический рынок. А социализм — это, конечно, что-то совершенно иное. Поэтому, когда мы говорим про рыночный социализм, нужно тоже говорить, что здесь заложено определенное противоречие. С одной стороны, вы используете инструменты капитализма, а параллельно пытаетесь постепенно сократить влияние капиталистической системы.

Высшая ступень развития

Амин: На самом деле нужно говорить не про социализм, а нужно говорить про цель. Цель — это коммунизм. Коммунизм — это не капитализм без капиталистов, нет, это высшая ступень развития цивилизации. То есть это цивилизация, основанная на принципах солидарности между производителями, народами на глобальном уровне. Сегодня у нас главное правило — это конкуренция, конкурентная борьба. Идет конкуренция между людьми, внутренняя конкуренция, конкуренция внутри капиталистической системы, конкуренция между различными странами, и так далее.

Я, например, египтянин, у нашего народа очень длинная история, поэтому мы научились быть терпеливыми, и мне кажется, что через 5–10 лет, через 15–20 лет достичь этой стадии невозможно, может быть, через 2–3 века удастся выйти.

Бодрунов: У Вас есть замечательная книга «Россия: долгий путь от капитализма к социализму». Судя по названию книги, Вы полагаете, что России еще, в общем-то, только предстоит идти к тому, что вы называете социализмом. Так что, Октябрьская революция не была социалистической? И, может быть, 70 лет советского строя не были периодом социализма?

«Рыночные отношения возникли тысячи лет назад, задолго до капитализма, поэтому, когда мы сегодня говорим о рынке, мы говорим именно о капиталистическом рынке»

Амин: Вы понимаете, у истории нет конца. И октябрь 1917 года — это было начало процесса, причем не только для России, но и для всего мира. Начался длительный переход от капитализма к коммунизму через социализм. И это очень долгий путь. Про российскую революцию нельзя сказать, что это была социалистическая революция в чистом виде. Эту революцию делали люди, которые рассматривали это как шаг к коммунизму через социализм. Фактически основной силой, которая сделала революцию возможной, были кто? Крестьяне. Крестьяне в массовом порядке бежали с фронта, дезертировали, возвращались в свои села и брали землю. И Ленин, что он сделал? В октябре он стоял перед свершившимся фактом: в России совершилась крестьянская революция, поэтому какой был первый декрет? Это был декрет о земле.

Бодрунов: Это было очень прагматичное решение.

Амин: Да, он просто легитимизировал тем самым революцию, которая по факту уже совершилась на тот момент. Но это была крестьянская революция, это была не буржуазно-демократическая революция, но из-за этого возникла проблема: каким образом теперь можно интегрировать этих крестьян, которые стали малыми землевладельцами, как их интегрировать в этот длительный процесс трансформации всего общества и перехода к современному индустриализированному обществу?

Вот это новая проблема, которая возникла на тот момент. Но

Мао Цзэдун извлек из этой ситуации необходимые уроки. Когда Мао Цзэдуна спросили после 50 года, сразу же ему задали такой вопрос: «Вы устроили социалистическую революцию?» Он засмеялся и сказал: «Нет, мы — коммунистическая партия, у нас была народная революция, поэтому и Китай так называется — Китайская Народная Республика». Не социалистическая, а народная, то есть он тем самым осознал этот факт, но в то же время он отдавал себе отчет в том, что тогда, да и сегодня, у них остается крупная проблема: каким образом вовлечь большинство крестьян в этот процесс социалистических преобразований?

Бодрунов: Вы — автор множества книг. Вы призываете в этих книгах и Третий мир — так называемую периферию, и Россию, которую Вы в своих трудах относите иногда к полупериферии, к тому, чтобы отказаться от тех путей сегодняшней капиталистической мировой экономики в виде неких институтов, которые навязываются другим странам. Вы это иногда называете новым колониализмом и призываете от этого отказываться. Я бы применил такой термин в русском варианте — «автономизироваться» от этого и искать свой путь. Советский Союз, если грубо говорить, отгородился железным занавесом от мировой экономики и в связи с этим получил достаточно много проблем. Не предполагает ли сегодня такой подход, который Вы предлагаете, эту большую проблему, с которой столкнулся в свое время Советский Союз?

Отгородиться от чужих правил игры

Амин: Вы совершенно точно описали ту концепцию, которую я предлагаю. То, что по-английски называется delinking, то, что можно сказать по-русски «попытки отгородиться от социалистической системы». Но многие люди не совсем точно это понимают, и когда они говорят про этот delinking, они это сводят к автаркии, фактически самоизоляции.

Бодрунов: Но это не так?

Амин: Да, конечно, я вкладываю совершенно другой смысл, и когда я говорю про delinking, про это отгораживание, про эту независимость, это — вопрос стратегии, то есть вместо того, чтобы вас заставляли подчиняться требованиям более могущественных стран, вместо того, чтобы вы приспособивались под них, вы по возможности от них дистанцируетесь и пытаетесь в какой-то степени отгородиться.

Например, Всемирный банк, когда говорит о приспособлении, он говорит о том, что фактически вы должны пойти на поводу у США.

Бодрунов: О переподчинении.

Амин: Да, совершенно верно. Так вот, когда я предлагаю отгородиться, дистанцироваться, я имею в виду следующее: у вас должно быть собственное видение, собственная стратегия, свои решения, свои институты, и тогда вы уже со своей стороны должны постараться принудить эти державы пойти навстречу вашим требованиям. Вот в чем суть моей концепции. И я считаю, что альтернативы этому не существует.

Всемирный банк заявил, что это невозможно сделать, потому что сейчас происходит глобализация, а в условиях глобализации это невозможно. Но мы же не против глобализации, мы не против универсализма. Просто нужно понимать, что глобализация в смысле универсализма должна создавать условия для перемен, для того, чтобы отойти от той системы, которая сейчас существует, когда угнетаются более слабые страны, от капиталистической глобализации, и перейти к другому формату мироустройства, когда нет гегемонов в мире, когда все страны имеют равные возможности для развития, у всех есть возможность развивать свои производительные силы. Вот о какой глобализации идет речь, а не о такой глобализации, которую навязывают капиталистические страны.

Мир в кризисе

Бодрунов: В чем сегодня кризисное состояние мира? В чем основное выражение кризиса? Может быть, капитализм — уже устаревшая форма развития общества?

Амин: Капитализм в своем развитии достиг такой точки, когда основной финансовый капитал практически держит в своих руках всю производительную систему, контролирует все производство, и использует систему производства, для того чтобы подчинить себе все.

Бодрунов: Сделать всех субконтракторами.

Амин: Субподрядчиками, совершенно верно. И в результате эта система порождает своего рода тоталитарный строй. Сегодня вся власть находится в руках олигархов: и в Соединенных Штатах всем управляют олигархи, и в Германии, и во Франции, и в Великобритании, да и везде. Вот такая централизация финансового капитала делегитимизировала старую демократическую буржуазную систему, когда были разные партии с разными программами.

Посмотрите, что происходит сегодня, например, в США или в Европе. Там есть демократическая партия, республиканская партия, есть Ангела Меркель, есть социал-демократы, но за кого бы вы ни голосовали, результат всегда будет один и тот же, поэтому люди в итоге чувствуют себя обманутыми.

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ
ИНДУСТРИАЛЬНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
В НАЧАЛЕ
XIX
ВЕКА РАЗЛИЧИЕ
В ОБЪЕМАХ ВВП НА ДУШУ
НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУ
ЦЕНТРОМ И ПЕРИФЕРИЕЙ
КАПИТАЛИЗМА
УВЕЛИЧИЛОСЬ
С 1:30
ДО 1:60

Что мы видим в результате: происходит централизация политической власти, и из-за этого политика получается выхолащенной, лишается всякого содержания. Это очень опасно. И люди теперь говорят, что разуверились в политической системе, какой смысл голосовать, какой смысл интересоваться политикой, и они живут в состоянии таких иллюзий. И это очень опасно.

Бодрунов: Книга, которая сейчас у меня в руках, — «Октябрь 1917 года. Революция и последующий век». Эти рассуждения, размышления господина Амина о сегодняшнем состоянии мировой глобальной системы, о том, что дальше может следовать за ней, мне кажется, заинтересует многих наших читателей. Поэтому мы взяли на себя смелость попытаться перевести эту книгу на русский язык. Почему я так говорю? Потому что эта книга очень богата своим содержанием и переводить ее необычайно непросто. Но тем не менее надеюсь, что результат у нас будет, по крайней мере, мы ждем Самира Амина на наших следующих мероприятиях, на конгрессах, конференциях Вольного экономического общества, Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

Амин: Большое спасибо. Я хотел бы в заключение сказать одно предложение: вторая книга является продолжением первой книги, а она предлагает более глубокий анализ, и она говорит о будущем, причем о будущем не только для России, а о будущем для всего мира, а это будущее началось в октябре 1917 года именно в России.

Бодрунов: Мне кажется, что оценка человека со стороны, специалиста такого высокого уровня, каким является господин Самир Амин, на самом деле очень важна для нас. Мы в последние годы ощущаем чувство утраты чего-то важного — того, что нас всегда поддерживало все предыдущие десятилетия. Об этом важном нам напоминает господин Самир Амин, что именно Россия, с его точки зрения, стала в 1917 году той отправной точкой в истории, вслед за которой идет другое будущее человечества. И мы сегодня должны помнить об этом, что мы стали источником этого движения.

Самир Амин,
директор Форума Третьего
мира,
член Международного
комитета ВЭО России,
профессор

В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

В КОЛЫБЕЛИ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Во время своего визита в Россию Самир Амин принял участие и в крупной конференции ИНИР им. С.Ю. Витте, и без разговора, состоявшегося в Питере, беседа с ученым была бы неполной.

Какой была русская Революция

Бодрунов: Господин Амин, мы встречаемся в те дни, когда не только наша страна, но и весь мир отмечает так или иначе — в календарях, в памяти, а где-то и за столом — столетие большого события мировой истории, которое знаменовала собой Великая революция 1917 года. Хотелось бы в связи с этим узнать Вашу точку зрения: полагаете ли Вы, уважаемый коллега, что та революционная ситуация, которая была в России, завершилась именно социалистической революцией или это было нечто другое? Каков Ваш взгляд как специалиста мир-системного подхода?

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю.
Витте, д. э. н., профессор

Амин: Мой ответ на ваш вопрос: «Нет». Я не считаю, что произошла социалистическая революция. Мне кажется, что революционные деятели, в том числе большевики, меньшевики, эсеры, думали, что они сражаются за социалистические идеалы, в том числе за идеалы, провозглашенные старым интернационалом — Каутским и другими, а они хотели, и меньшевики тоже, напротив, осуществить постепенный переход к другому социалистическому режиму, однако Ленин отошел от идеалов Второго интернационала, и в результате под знаменем социализма он осуществил революцию, которая по сути своей социалистической не являлась. Я не пытаюсь утверждать, что Ленин говорил одно, а делал — другое, я искренне верю, что Ленин на самом деле думал, что осуществляет социалистическую революцию, но фактически... Давайте рассмотрим историческую ситуацию: большинство населения России на тот момент составляли крестьяне. Крестьянам нужны были земля, право собственности на землю и возможность ею распоряжаться. Кроме того, в 1917 году солдаты массово дезертировали из армии, они возвращались в свои деревни и по сути дела захватывали землю. И Ленин в октябре 1917 года в некотором смысле опоздал, то есть он своим Декретом о земле признал постфактум то, что уже совершилось, поэтому более корректно, с моей точки зрения, использовать термин «Народная крестьянская революция» — не буржуазная революция. Февральская революция 1917 года по сути своей была буржуазной, но она не пользовалась широкой поддержкой населения, и в результате ее

слабой базы случилась Октябрьская революция, которая была в массе революцией крестьян и опиралась на широкие слои населения. К этой идее я пришел на основании опыта Китая. Когда Мао спросили, была ли та революция социалистической, он в ответ засмеялся и сказал: «Мы осуществили народную революцию, которая со временем должна привести к социализму и к социалистическим изменениям».

Бодрунов: Вы сказали, что наша революция была больше крестьянской. Наверное, с этим сложно не согласиться, потому что во главе хотя и стоял, согласно классическим представлениям, пролетариат, тем не менее основная масса населения не была пролетариатом. Но мы знаем, что до революции, за 20 лет до нее, начались серьезные реформы, связанные с индустриализацией страны, начал их Сергей Юльевич Витте. Эти реформы привели к быстрому росту индустриального сектора, и, соответственно, к быстрому росту числа пролетариев, то есть людей, занятых на фабриках и заводах. Сыграл ли, по Вашему представлению, в этой революции пролетариат серьезную роль.

Амин: Когда Вы говорите о пролетариате, скорее всего, речь идет о пролетариате Петрограда. Конечно, он сыграл решающую роль и в Февральской революции, и в Октябрьской, и в последующих событиях, но в то же время это лишь деталь, общая картина гораздо шире. Следует понимать, что реформы Столыпина, Витте и их последователей запоздали, потому как на момент проведения реформ в России капитализм в Германии, Франции и Великобритании уже развивался и дошел до стадии монополистического капитализма, так что развитые на тот момент капиталистические страны имели возможность контролировать ход индустриализации в странах, которые пришли к индустриализму позже — таких как Российская империя, Оттоманская империя и Австро-Венгерская империя, то есть в рамках осуществления этой индустриализации Россия была априори зависима и контролируема иностранным капиталом, и следует принимать это во внимание. Если бы не произошло революции и индустриализация шла бы своим логическим чередом, то я не думаю, что это привело бы к хорошим результатам — именно потому, что априори существовала зависимость от более развитых капиталистических стран.

Снять зависимость от иностранного капитала

Бодрунов: Зависимость от иностранного капитала, зависимость от иностранного промышленного капитала — это, конечно, очень важный фактор, на который стоит обращать внимание всегда, и опыт, который получила Россия в ходе революции, — наверное, не только российский, но и для многих стран, говорит о том, что такие вещи допускать нельзя — нель-

зя отставать в индустриальном развитии. Сейчас Россия находится перед той же самой задачей: мы до сегодняшнего дня все еще находимся в состоянии деиндустриализации. Как Вы думаете, сегодня России необходимо заниматься интенсивным индустриальным развитием или это уже упущено навсегда?

Амин: Я абсолютно не считаю, что уже слишком поздно, но этим надо заниматься незамедлительно, прямо сейчас, а не откладывать на завтра, потому что уже в данный момент сложилась довольно опасная ситуация. Мне кажется, надо внедрять программы по реиндустриализации, которые бы охватывали не только Российскую Федерацию, но и территорию бывшего Советского Союза. Необходимо создавать новые союзы, и с этой точки зрения видна тенденция того, что Россия осознает себя как часть Евразии, а не просто как придаток Западной или Центральной Европы — это очень важный момент. Однако реформы и реиндустриализация не смогут произойти без изменения на уровне политической системы. Государство снова должно стать важным участником экономики и экономических процессов и иметь рычаги влияния на то, что происходит в экономике, потому что поймите: частный капитал на основании любимой им либеральной политики хочет сохранять то, что ему принадлежит, и совершенно не думает о том, чтобы проводить реиндустриализацию, она не входит в сферу его интересов. Соответственно, с точки зрения

развитых стран, они тоже не заинтересованы в реиндустриализации России. Они хотят получить доступ к сырьевым ресурсам и в перспективе использовать Россию как производителя сельскохозяйственной продукции. Поэтому, с моей точки зрения, реиндустриализация невозможна без изменения баланса сил на государственном уровне в сторону уменьшения уровня крупного частного капитала.

Бодрунов: Да, нам надо все-таки увеличивать влияние государства и под патронажем государства проводить политику реиндустриализации, восстановления приоритета индустриального развития на новой технологической основе. Только если мы будем сильны в этой части, мы сможем решить те задачи, которые Вы назвали, в том числе и занять особое место в евразийском пространстве.

ДЭВИД М. КОТЦ,
доктор экономики, профессор,
Университет Массачусетса,
вице-президент Всемирной
ассоциации политической
экономики, член
Международного комитета
ВЭО России

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ

ДИВЕРСИФИЦИРОВАННАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ

Оправдание капитализма

Политическая экономия — это подход, метод, который позволяет нам понять законы экономических систем, того, как они возникают, как они функционируют, какие силы ведут к их изменениям и, наконец, как могут быть решены возникающие экономические проблемы. Неоклассическая экономика — основная сегодня экономическая теория в капиталистических странах — представляет собой в большей степени оправдание капитализма, попытку представить его идеальной системой экономики, что далеко от истины.

Открытие экономики РФ — ошибка

Позвольте мне высказаться по вопросу о развитии промышленности. В советский период в России была очень диверсифицированная, в высокой степени индустриализованная экономика. Многие отрасли промышленности были весьма эффективными и в некотором смысле находились в авангарде всего мира с технологической точки зрения. Ужасной ошибкой стало открытие российской экономики мировому рынку, отчасти совершенное под влиянием идеологов свободного рынка, которые ожидали, что это обеспечит России быстрое экономическое развитие. Когда я был в Москве в 1991 и 1992 годах, мне неоднократно приходилось слышать этот аргумент. Его продвигали в западных интересах, но эти убеждения также захватили многих российских экономистов и политических советников. Однако последствия оказались совершенно неожиданными для сторонников подхода политической экономии, и, кстати, Гэлбрейт был одним из тех, кто предвидел последствия открытия России мировому рынку.

Катастрофическая деиндустриализация

Мировому рынку нужны были российская нефть и металлы. Ему не нужна была промышленная продукция России, и такая логика создала стимулы для деиндустриализации и с невероятной скоростью привела к ней в России. Уже через год во многих секторах российской промышленности было отмечено падение на 50% и более. Известен пример передового завода, который незадолго до этих событий закупил самое современное обоору-

дование. Вскоре после переоборудования завод стал использоваться в качестве склада для хранения леса, предназначенного для экспорта, и оборудование попросту распродали. Большая часть оборудования в России была переплавлена на металл. И мотивировано это было, казалось бы, рациональными потребностями рынка.

Отказ от краткосрочных целей

Возрождение российской промышленности, которое до сих пор имело место лишь отчасти, требует отказа от краткосрочных требований рынка, которые являются главным препятствием на пути таких перемен. Начиная с 1992 года перед нами прошла череда политических лидеров, которые говорили: «Теперь начнется возрождение промышленности». Я помню, как в декабре 1992 года об этом заявлял новый премьер-министр. Этого не случилось, процесс происходил лишь в небольшом масштабе и в нескольких секторах.

Политическая проблема

Проблема имеет политический характер. В этом заключается политический аспект политической экономики. Однажды возникнув, экономика, зависящая от добычи нефти и металлов, создает мощные интересы, которые от этой добычи получают выгоду. Добыча и экспорт нефти представляет собой весьма прибыльную деятельность, ведь нефть имеет природное происхождение и может продаваться по высокой цене. Эти интересы становятся мощной преградой на пути перемен, и, несмотря на то что подавляющее большинство россиян, да и большая часть российской промышленности, только выиграют от реиндустриализации, этому противостоят мощные политические интересы.

Обратное давление

Единственный способ переломить эту ситуацию — сделать так, чтобы обратное давление исходило от тех, кому выгодно создание в России диверсифицированной экономики. Этот путь возможен при условии, что удастся мобилизовать политические силы, которые выиграют от создания более диверсифицированной экономики, отвечающей потребностям россиян.

Хотя я считаю, что в конечном счете единственный способ обеспечить существование здоровой экономики, работающей в интересах народа, а не наоборот, — это вернуться на путь социалистической экономики, ведь именно таким образом Россия в свое время и создала диверсифицированную экономику.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ — ГАРАНТ ДЕРЖАВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ»

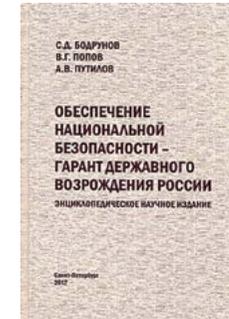
С.Д. БОДРУНОВ, В.Г. ПОПОВ, А.В. ПУТИЛОВ

О КНИГЕ:

Андрей Иванович Колганов, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем МГУ им. М.В. Ломоносова, д. э. н., профессор

— 90-е годы — это было время крайне разрушительных реформ, которые поставили под вопрос и экономику, и социальное благополучие страны, и ее внешнеполитические позиции, и ее оборонные возможности. Я в то время очень опасался катастрофического развития событий для России, но, к счастью, нашлись в нашей стране люди, которые могли противостоять этому катастрофическому развитию событий, которые предприняли усилия для того, чтобы последствия принимавшихся в начале 90-х годов решений оказались не столь разрушительными, как они могли бы быть. В нашей стране и в 1990-е годы существовало, и сейчас существует множество советов, комиссий, институтов, которые вырабатывают различные проекты, рекомендации, которые иногда даже активно обсуждаются, у всех на слуху. Подчас это даже государственные структуры, которые вырабатывают те или иные программы, но все это очень часто уходит в песок. Здесь мы имеем дело с совершенно иным примером: значительная часть тех рекомендаций, которые были выработаны этим экспертным советом, была реализована в законодательных инициативах, и, более того, многие члены этого экспертного совета в своей собственной практической деятельности реализовывали те проекты, на развитии которых они настаивали и которые они предлагали обществу. Это было не только интеллектуально эффективное, но и практически работающее собрание, и мне очень жаль, что этот опыт оказался конечным, что сейчас такой эффективно работающей группы у нас в государственных структурах нет. И мы должны отдать должное всем тем, кто в этом деле участвовал, в том числе и авторам этой книги — и Александру Валентиновичу Путилову, и Сергею Дмитриевичу Бодрунову, который на практике доказал эффективность тех подходов, которые он предлагал в рамках этого экспертного совета. Я думаю, всем будет полезно ознакомиться с этой книгой, потому что очень многое из того, что там предлагается, к сожалению, не дошло до полного практического воплощения и продолжает оставаться актуальным.

«РОССИЯ: ДОЛГИЙ ПУТЬ ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ»
САМИР АМИН, ИНИР ИМ. С.Ю. ВИТТЕ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2017 Г.

О КНИГЕ

Дзарасов Руслан Солтанович,
заведующий кафедрой политической экономии РЭУ им. Г.В. Плеханова,
член президиума ВЭО России,
д. э. н. профессор

— Во взглядах на природу советского общества Самир Амин был очень критичен, и эту позицию он сформулировал не задним числом... Реставрацию капитализма в России Самир Амин осуждал, считая, что эта революция — данный термин употребляется, конечно, условно — направлена сверху вниз, и, на его взгляд, это, скорее, контрреволюция. Самое главное, что тот общественный строй, который утвердился в результате этого перехода, — вовсе не капитализм центра, который имелся в виду и стоял за той огромной пропагандой на рубеже 1990-х годов, которую обрушили на советское население. В действительности это было возвращением к «малой периферии» современной империалистической системы, которой, по мнению Амина, была и дореволюционная Россия. Мне кажется, это всё же некоторое преувеличение, потому что Россия унаследовала от СССР ядерное оружие, значительный промышленный потенциал, образование, науку. Хотя все это усиленно разрушается, этого осталось так много, что полностью растащить за 30 лет не смогли. Книга эта анализирует и феномен украинского кризиса, и интерпретирует смену власти в Киеве в феврале 2014 года как фашистский путч, инспирированный извне этой страны. Самир Амин считает, что в условиях экономического кризиса мировая капиталистическая элита применяет фашистские методы достижения целей.

RUSSIA: EXITING WORLD PERIPHERY

Panelists:

Samir Amin
Director of the Third World Forum,
Member of the International Committee of the FES
of Russia, Professor

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
President of the FES of Russia,
Director of S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

When we talk about globalization, we must always be clear on the exact meaning of this term. Globalization is something that happened at different times, and this word can have several completely different meanings. In fact, what are we talking about today? We are talking about capitalist globalization, that is, a globalization that occurs within the framework of a capitalist system, under capitalist domination. And it is a very important point. Therefore, from this point of view, capitalist globalization generates conflicts and contradictions between the center and the periphery. The global capitalist system is built on the principle of domination of those countries that have formed the center of this system, the imperialist powers, and they retain their dominant influence. At first, the center was Western Europe – London, Paris and Amsterdam – the so-called triangle. Then Central Europe joined in, Southern Europe to some extent, then the United States, and then Japan. Thus, from this point of view, if we are talking about this type of globalization, we need to understand that countries of the periphery will never be able to catch up, they will not be able to catch up with the center, with the developed countries, because they are constantly in a position when they are forced to meet the needs of capitalist globalization.

For example, what happened after the first industrial revolution in the early 19th century? There were differences between the volumes of GDP per capita in the capitalist countries and in most of the countries of the periphery, which only increased over time: at first the proportion was 1:30, later 1:60, so it is evident that the process of globalization only deepens the contradictions and differences between the center and the periphery, so the periphery will never be able to catch up with the center, it's just an illusion. The countries of the periphery participate in this globalization process but they will never be able to catch up

with the center if they will follow the rules of capitalism.

And so they have to look for another way. What do I mean by this? I cannot call it anything other than socialism. It's not that there is any formula, or that you can say, "This is socialism, and this will bring results." No, it is a strategy of gradual departure from the dominant logic of capitalism and capitalist globalization, and a gradual transition to a different system. We must understand that there are internal contradictions regarding the need for the development of productive forces, at least to some extent.

Again, you should be very cautious when using such terms as, for example, the market or market relations. The market is something that arose thousands of years ago, long before capitalism, but when we talk today about market relations, we are not just talking about the market, we are talking about the capitalist market, because many people believe that either you have the market, or you don't. No, you can have a market, it's just a question of what kind of market it is and whether there is any regulation in this market, because there's some sort of regulation on the capitalist market but this sort of regulation implies the dominance of capitalism. When you have a long transition, a long road to socialism in Russia, the situation is different, the productive class is able to influence the market in certain ways.

In China, the situation is not so bad, but it cannot be called market socialism, because market socialism is, of course, a contradiction. The market that actually exists is a capitalist market. And socialism is, of course, something completely different. On the one hand, you use the tools of capitalism, all the while trying to gradually reduce the influence of the capitalist system. This is the way countries that want to leave the periphery of the capitalist system should follow to move forward.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ЧТО ЖДЁТ РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ В 2018 ГОДУ?

Вместо послесловия ко второму тому «Бесед» мы решили дать некоторые прогнозы экспертов, прозвучавших на одной из последних сессий Координационного клуба ВЭО России. Мы запомним и посмотрим через год, какие условия благоприятного развития были выполнены и насколько прогнозы оказались верными.

Восьмерка в конце значения года — в современной истории России плохой знак. 1998 год — дефолт, 2008-й — кризис, и, что тревожнее, все это соответствует науке — среднесрочным циклам Клемана Жюгляра, согласно которым экономические периоды повторяются каждые 7–11 лет. Так есть чего опасаться или, напротив, стоит на что-то надеяться? Вот мнения признанных экономистов — и теоретиков, и практиков, и политиков.

По материалам 12-й экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России, 31 января 2018 года

Андрей Клепач,
заместитель председателя
Внешэкономбанка,
заведующий кафедрой
макрэкономической полити-
ки и стратегического управ-
ления экономического факуль-
тета МГУ им. М.В.
Ломоносова, член правления
ВЭО России, заслуженный эко-
номист РФ, к. э. н.

— Мы исходим из того, что в этом году среднегодовая цена нефти будет порядка 60–62 долларов за баррель. Таким образом, за 2018 год экономика может вырасти на 1,8–2%, что близко к тем цифрам, которые есть в правительственном прогнозе. Я думаю, что если бы не такие высокие цены на нефть, то рост ВВП был бы около 1%.

Мы не ждем бума инвестиций: предварительно чуть больше 3%. Возможности более интенсивного роста инвестиций есть, судя по динамике остатков на счетах предприятий, но это сдерживается неопределенностью, тем, что государство сокращает свои инвестиции. Более того, в 2018 году у нас завершается целый ряд крупных государственных проектов, а новых проектов, которые бы стартовали и тянули за собой частные инвестиции, нет. Возникают пауза и вакуум в инвестиционной политике государства и неопределенность в инвестиционной политике для бизнеса. Поэтому основные риски, на мой взгляд, связаны не с 18 годом, а с 19-м. При такой динамике, если цены на нефть снизятся даже до относительно комфортного уровня около 50 долларов за баррель, мы можем получить торможение роста экономики где-то до 1,2%. Мы стоим перед серьезными рисками, и основные сюрпризы в этом плане — это конец 2018-го и 2019 год.

— На фоне сжимающейся экономической активности, особенно инвестиционной, растет налоговый пресс. В результате у нас полностью остановлен трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики, банки не занимаются финансированием, кредитованием инвестиций. Доля производственных инвестиций в активах банков составляет не более 5%, процентные ставки зашкаливают по-прежнему в 2–3 раза выше уровня рентабельности в производственной сфере, а банковская маржа — рекордная.

Победа над инфляцией, которой сегодня козыряют, оказывается пирровой, потому что в отсутствие кредитования экономического развития падение инвестиций оборачивается технологическим отставанием. Курс валюты при деградации экономики долго держать не удастся — значит, новая волна девальвации и опять всплеск инфляции.

Потенциал прироста продукции обрабатывающей промышленности между тем, по экспертным оценкам, составляет не менее 8% в год. Нужна новая парадигма управления, ориентированная на рост инвестиций.

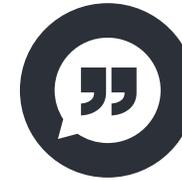

Сергей Глазев,
советник президента РФ,
академик РАН

Михаил Ершов,
член Президиума ВЭО России,
главный директор по финан-
совым исследованиям
Института энергетик
и финансов, профессор
Финансового университета
при Правительстве РФ, д. э. н.

— Мы представляем собой удивительный пример, когда средние темпы роста за 25 лет составили порядка одного процента. И все это происходит под звон о достигнутых успехах. Мне кажется, что политика управления инфляцией имела и имеет очень серьезные негативные последствия для экономического роста. И главным образом, мне кажется, мы подавили желание инвестировать, в общем-то и так неустойчивое, которое у нас было в первом десятилетии 2000-х годов. На мой взгляд, нынешняя ситуация как раз и является отражением нежелания использовать деньги банковской системой, которая больше 1,5 трлн держит в Центральном банке, потому что нет никакой уверенности, что есть эффективное направление для вложений. То же самое — и факт наличия большого количества средств на счетах у предприятий, это тоже свидетельствует о том, что, к сожалению, у бизнеса нет ожиданий, связанных с экономическим ростом.

— По России мы видим устойчивое снижение вплоть до минусов — это не прогнозы, а темпы. Я согласен с тем, что необходимы разноплановые решения по стимулированию — должны быть и ставки процентные доступнее, и налоговые стимулы, и более высокие реально располагаемые доходы населения. Есть соображение, что, если ставка ЦБ будет снижаться, значит, это будет плохо с точки зрения инфляции, но пока снижение ключевой ставки сопровождалось устойчивым снижением цен вопреки опасениям — реальная жизнь показывает прямо обратное. Ставка снижается, индекс потребительских цен тоже снижается, а ВВП устойчиво растет. Пока еще ставки, хоть и снизившиеся, по-прежнему очень высоки, и выше, чем рентабельность отраслей. Как следствие возникает профицит ликвидности, когда деньги остаются в банковской сфере. Он у нас будет до 3 трлн рублей, а весь фонд развития промышленности в десятки, сотни раз меньше.

Александр Некипелов,
директор Московской школы
экономики МГУ им. М.В.
Ломоносова, академик РАН

Роберт Низматулин,
научный руководитель
Института океанологии РАН
им. П.П. Ширшова,
член Президиума РАН,
академик РАН

— Основной инвестор экономики — это народ, получающий сбалансированную заработную плату. Прийти к этому очень сложно. Добавляя зарплату, вы сразу увеличиваете инфляционные риски, но без этого ничего не получится, нужно на это идти. Нужно менять долю оплаты труда. Нельзя жить на такие заработные платы, а для этого богатый класс должен понять, что он ведет страну к катастрофе. Давайте введем налог 20–25% с дохода выше 20 млн рублей. По моим оценкам, это дополнительные 1,7 трлн рублей в год в бюджет. Вот — один из источников повышения инвестиционной способности. Кроме того, нужно делать шаги в сторону разумных соотношений цен. Килограмм хлеба везде стоит 5 литров бензина. Литр бензина стоит четверть килограмма хлеба. А у нас пять килограммов литр бензина. И это значит, что тот, кто производит бензин, богатеет, а тот, кто производит народные товары — молоко, мясо и т. д., — беднеет. В этом направлении нужно двигаться. Конечно, это опасно. Конечно, это риски. Но без этого мы не поднимем экономику и погубим страну.

— За последний год сильно выросла зависимость нашей экономики от внешнеэкономической деятельности, от сырьевого сектора. Достаточно сказать, что вклад в добычу полезных ископаемых и нефтепереработки в динамику промышленного производства в прошлом году составил свыше 73%. Еще один риск — попадания в так называемые инфляционные качели. Если у нас инфляция в прошлом году была 2,7%, а ЦБ ожидает в текущем году 3,5–4%, то бизнес с задержкой будет реагировать на это изменение, на некоторый рост цен, и фактически мы можем увидеть снижение или торможение роста реальных доходов населения. Позитивный момент состоит в следующем: у нас инвестиции не растут несколько лет, но при этом мы отмечаем не менее трехпроцентного роста физического объема основного капитала все эти годы. Это означает, что есть потенциал экономического роста, что незагруженные конкурентоспособные производственные мощности увеличиваются. В принципе, очевидно, что главная проблема, которая сейчас сдерживает экономический рост, — это ограничение спроса. Сейчас ситуация ровно такая, что для того, чтобы запустить экономический рост, нужно снять избыточное ограничение по спросу. Если мы это сделаем, то появится возможность маневра, в том числе бюджетного.

Если мы ничего не будем делать в экономике, то наша оценка роста валового внутреннего продукта в 2018 году составляет чуть больше 1 процента — 1,1–1,3%. Понятно, что такая экономическая динамика ни в какой степени нас устроить не может.

Александр Широв,
заместитель директора,
заведующий лабораторией
Института
народнохозяйственного про-
гнозирования РАН, д. э. н.,
профессор

Елена Ленчук,
директор Института эконо-
мики РАН, д. э. н.

— Мне кажется, очень важно понимать, что остается реальная угроза зависания страны в состоянии стагнации, потому что, если брать трехгодичный бюджет и прогноз, они сверстаны и действуют в рамках сложившейся модели развития, поэтому каких-то реальных изменений в 2018 году, наверное, ожидать не придется, в 19 и 20 годах тоже. Сегодня говорилось уже, что мы прогнозируем 1,6–1,8% на следующий год — это ниже мировых темпов роста экономики. МВФ дает средний прогноз где-то 3%, среднемировая динамика будет 3,6%, для развитых стран — 2,2–2,5%. Почему важно об этом говорить? Если экономика России отстает от темпов развитых стран даже на 1%, это значит, что по уровню ВВП на душу населения мы догоним Германию только через 70 лет. Если мы хотим себя позиционировать в мировом ВВП на том же уровне, ясно, что динамика должна быть выше.

— Большую часть истории после промышленной революции нефть не была дорогим товаром: было два периода высоких цен. Первый период, я хорошо помню вторую его половину, многие сидящие за столом помнят его весь, это золотые годы Советского Союза — вторая половина 70-х — первая половина 80-х годов. Второй период — это начало 2000-х. Соответственно, если нынешняя тенденция сохранится, то следующий период высоких цен на нефть — где-нибудь в районе 2030 года. Это довольно грозный график, который говорит о том, что нынешнее соглашение «ОПЕК плюс» вряд ли продержится слишком долго.

Динамика нашей экономики будет сильно привязана к сырьевым ценам, прежде всего, ценам на нефть, а Китай — крупнейший потребитель, а мы недавно стали крупнейшим поставщиком. Поэтому хочу обратить внимание на то, как сильно растет госдолг к ВВП у Китая, и на то, как падают международные резервы Китая. Цифры говорят о том, что, скорее всего, китайская модель экономического роста тоже подходит к концу. И вот если совсем вольно линейно экстраполировать, получается, что где-то в районе 2019–2020 года международные резервы Китая подойдут к так называемому критическому значению. Это говорит о том, что примерно в то время, скорее всего, в Китае будет заметное торможение экономики. Это прекрасно совпадает с жюглярским циклом (среднесрочный экономический цикл с характерным периодом 7–11 лет. — Прим. ред.) — 1986, 1997, 2008, 2019–20. И, скорее всего, большая часть проблем, с которыми мы столкнемся, будет в 2019–2020 годах.

Сергей Хестанов,
доцент кафедры фондовых
рынков и финансового инжи-
ринга факультета финан-
сов и банковского дела
РАНХиГС, советник генераль-
ного директора по макроэко-
номике «Открытие Брокер»

Михаил Головнин,
первый заместитель дирек-
тора по научной работе
Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН

— Бюджет на 2018 год уже сверстан, и единственный позитивный момент — рост реальных доходов населения за счет того, что в избирательном цикле будет увеличение заработной платы и доходов, в том числе в части выполнения майских указов, но опять же, скорее всего, это будет некий одномоментный всплеск. И, конечно, 2019 год нас ждет гораздо более тяжелый, чем 2018-й.

Если переходить к рецептам, необходимо сочетание денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, которую мы в Институте экономики видим в создании системы институтов развития, в том числе и для финансирования крупных проектов, с основой капитала из бюджетных денег. И одновременно задействование денежно-кредитной политики через такие инструменты, как ценные бумаги ломбардного списка этих самых институтов развития, то есть привлечение ими средств на долговом рынке, и стимулирование этого процесса мерами денежно-кредитной политики, а не мерами прямого эмиссионного финансирования.

— В 2018 году будет вялотекущий рост с вероятным нарастанием рисков к концу 2018 года. Можно сказать, в 2018 году будет примерно как в этом, даже, может быть, некоторые категории работников получат чуть побольше, но риски будут нарастать, в том числе связанные с тем, что мы не уходим от сырьевой модели, от низких темпов роста. Я напомним, 31 января 2013 года, когда нынешнее Правительство принимало первую редакцию основных направлений своей деятельности до 2018 года, было сказано «обеспечить устойчивый рост минимум 5%», что 2–3% — критически мало, и мы не сможем обеспечить экономический и социальный балансы. Какой рост за эти годы? Менее одного процента.

Дмитрий Сорокин,
вице-президент ВЭО России,
научный руководитель
Финансового университета
при Правительстве РФ, член-
корреспондент РАН

УДК 33
ББК 65

«Беседы об экономике», 2018, Москва
Научно-популярное издание

Том II

Под редакцией С.Д. Бодрунова, д. э. н.

© Институт нового индустриального развития (ИНИР) им.
С.Ю. Витте,
© Сергей Дмитриевич Бодрунов

Подписано в печать: 10.03.2018, тираж 2000 экз.

ISBN 978-5-00020-049-0
ISSN 2072-2060